

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА 2024

1-2(42-43)

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1–2(42–43)

МОСКВА
2024

ISSN 2712-8121

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредитель

Институт языкознания РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Баку, Азербайджан), Ш.Х. Акалын (Анкара, Турция), А.А. Акматалиев (Бишкек, Кыргызстан), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл, Россия), И. Вашари (Будапешт, Венгрия), Дж.Н. Вашингтон (штат Пенсильвания, г. Суортмор, США), Н.Х. Гаджихамедов (Махачкала, Россия), Н.И. Егоров (Чебоксары, Россия), Л. Карой (Уппсала, Швеция), М.С. Качалин (Стамбул, Турция), А.Б. Куделин (Москва, Россия), К.М. Миннуллин (Казань, Россия), А. Нурмухаммедов (Ашхабад, Туркменистан), М. Ольмез (Стамбул, Турция), А. Рона-Таш (Будапешт, Венгрия), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург, Россия), М.З. Улаков (Нальчик, Россия), Д.А. Функ (Москва, Россия), Ф.С. Хакимзянов (Казань, Россия), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва, Россия), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)

Зам. главного редактора: А.В. Дыбо (Москва), З.Н. Эмба (Москва)

Ответственный секретарь: З.К. Алжанбекова (Москва)

Члены редколлегии: М.И. Алиева-Чынар (Бурса, Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), Л.Л. Габышева (Якутск), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), Е.М. Напольнова (Москва), И.А. Невская (Франкфурт, Германия), Ф.Ш. Нуриева (Казань), Е.А. Оганова (Москва), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), А.В. Савельев (Москва), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.С. Селендиль (Симферополь), Р.А. Тадинова (Москва), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Н.С. Уртегешев (Новосибирск), Т.М. Хаджиева (Москва), И.В. Шенцова (Новосибирск)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2024
© Российский комитет тюркологов, 2024

№ 1–2(42–43)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
THE COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS

Russian TURKOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Baku, Azerbaijan), Ş.H. Akalın (Ankara, Turkey), A.A. Akmatalliev (Bishkek, Kyrgyzstan), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl, Russia), A.A. Chechenov (Moscow, Russia), M. Erdal (Israel), D.A. Funk (Moscow, Russia), N.Kh. Gadzhiakhmedov (Makhachkala, Russia), J. Janhunen (Finland), M.S. Kaçalın (Istanbul, Turkey), L. Károly (Uppsala, Sweden), F.S. Khakimzyanov (Kazan, Russia), A.B. Kudelin (Moscow, Russia), K.M. Minnullin (Kazan, Russia), A. Nurmukhammedov / Nurmukhammedow (Ashkhabad, Turkmenistan), M. Ölmez (Istanbul, Turkey), A. Róna-Tas (Budapest, Hungary), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg, Russia), M.Z. Ulakov (Nal'chik, Russia), I. Vászary (Budapest, Hungary), J.N. Washington (Swarthmore, USA), N.I. Yegorov (Cheboksary, Russia), P. Zieme (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),

Deputy Editor-in-Chief: A.V. Dybo (Moscow), Z.N. Ekba (Moscow)

Executive Secretary: Z.K. Alzhanbekova (Moscow)

Members of the editorial board: M. Alieva-Çınar (Bursa, Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), L.L. Gabysheva (Yakutsk), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), T.M. Khadzhieva (Moscow), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), E.M. Napolnova (Moscow), I.A. Nevskaya (Frankfurt, Germany), F.Sh. Nurieva (Kazan), E.A. Oganova (Moscow), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), A.V. Savelyev (Moscow), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novosibirsk), R.A. Tadinova (Moscow), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk), N.S. Urtegeshev (Novosibirsk).

The scientific journal "Russian Turkology" is a continuation of the journal "Soviet Turkology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turkology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2024

© The Committee of Russian Turcologists, 2024

№ 1–2(42–43)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2024. № 1–2 (42–43), pp. 5–29. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.144

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-5-29

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАЙТАГСКОГО ДИАЛЕКТА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ)

*Зарема Калабзаровна Алжанбекова*¹

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук, ответственный секретарь журнала
«Российская тюркология»
ORCID: 0000-0001-8759-1592
e-mail: zarema_k@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Алжанбекова З.К., 2024

Аннотация: В статье разбираются некоторые предварительные выводы, сделанные на основе полевых данных и их последующего анализа. Подробный фонетический анализ каждого говора в отдельности представляет большую ценность для сравнительно-исторического языкознания, так как дает совершенно новый материал. Кумыкскими диалектами, в том числе их фонетикой и фонологией, занимались такие лингвисты, как Н.К. Дмитриев, И.А. Керимов, Д.М. Хангишиев, Н.Х. Ольмесов и др. Так как до недавнего времени не существовало базы аудиоданных по диалектам, то невозможно было экспериментально подтвердить имеющиеся наработки по фонетике диалектов. Чтобы восполнить пробел в этой области знания, автор настоящей статьи проводит сбор данных по различным кумыкским говорам. Особенно сильно недостаток внимания языковедов чувствуется в сфере диалектной фонетики, нет значительных публикаций по экспериментальным исследованиям. В связи с этим изучение фонетики диалектов кумыкского языка остается актуальной темой в кумыкской диалектологии. В данной статье анализируются некоторые артикуляторно-акустические характеристики гласных и согласных тумеллерского говора кайтагского диалекта кумыкского языка. Акустический анализ проводится с помощью программ Audacity и Praat. Инструментальный метод дает возможность сравнить фонетику и фонологию литературного кумыкского языка с диалектами, выявить общие и различные явления, что может помочь в изучении диахронических фонетических процессов. Результаты экспериментальной фонетики могут быть использованы в разработке технологии распознавания и синтеза речи, а также в создании систем автоматического перевода.

Ключевые слова: тюркские языки Кавказа, кумыкский язык, кайтагский диалект (кумыкский), экспериментальная фонетика, программа Praat, консонантизм, вокализм, сингармонизм.

Благодарность: Автор выражает благодарность А.В. Дыбо за консультацию по интерпретации фонетических данных и технической стороне вопроса.

Для цитирования: Алжанбекова З.К. Фонетические особенности кайтагского диалекта кумыкского языка (предварительные экспериментальные данные) // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 5–29. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-5-29.

Phonetic features of the Kaitag dialect of the Kumyk language (preliminary experimental data)

*Zarema Kalabzarovna Alzhanbekova*¹

¹ Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. in Philology, Executive Secretary of the journal “Russian Turkology”
ORCID: 0000-0001-8759-1592
e-mail: zarema_k@iling-ran.ru

© IL RAS, 2024

© Alzhanbekova Z.K., 2024

Abstract: The article discusses some observations made as a result of collecting field data and subsequent acoustic analysis on the phonetic features of the Kumyk language. A detailed analysis of each subdialect is still very useful for comparative linguistics due to its newness. Kumyk dialects were analyzed theoretically by N.K. Dmitriyev, I.A. Kerimov, D.M. Khangishiyev, N.Kh. Olmesov and other scholars. However, until recently, there was no audio database on dialects and it was impossible to verify experimentally the established data on dialectal phonology. To fill this gap the author collects information on various Kumyk dialects. The lack of attention of linguists is especially felt in the field of dialectological phonetics; there are no significant works devoted to experimental phonetics. In this regard, the study of phonetics of the dialects of the Kumyk language remains a topical issue in Kumyk dialectology. This article analyzes some articulatory and acoustic characteristics of vowels and consonants of the Tumeller subdialect of the Kaitag dialect of Kumyk. Acoustic analysis is carried out using the audio editor *Audacity* and the *Praat* program. The instrumental method makes it possible to compare the phonetics and phonology of the literary Kumyk language with dialects, to identify commonalities and differences, which can help in the study of diachronic phonetic processes. The results of experimental phonetics can be used in the development of speech recognition and synthesis technology, as well as in the creation of automatic translation systems.

Key words: Turkic languages of the Caucasus, Kumyk language, Kaitag dialect (Kumyk), experimental phonetics, Praat program, consonant system, vocal system, vowel harmony.

Acknowledgment: The author expresses gratitude to A.V. Dybo for consultation on the interpretation of phonetic data and the technical side of the issue.

For citation: Alzhanbekova Z.K. Phonetic features of the Kaitag dialect of the Kumyk language (preliminary experimental data) // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 5–29. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-5-29.

Введение

Современный кумыкский язык относится к западно-кыпчакской группе тюркских языков. Кумыкский язык распространен на территории Дагестана в основном на равнине и в предгорных районах – Хасавюртовском, Бабаюртовском, Буйнакском, Карабудахкентском, Каякентском, Маджалисском, Кизилюртовском. Также носители кумыкского языка проживают в республиках Чечня (Гудермес-

ский район) и Северная Осетия–Алания (Моздокский район). За пределами основных компактных мест расселения крупная община кумыков представлена в Ханты-Мансийском АО (по большей части это кайтагские кумыки – выходцы из Каякентского и Маджалисского районов Дагестана). За рубежом крупная община кумыков проживает в Турции. Наиболее близкородственные кумыкскому языку – карачаево-балкарский, караимский и средний диалект крымскотатарского языка.

В кумыкском языке выделяются пять диалектов: терский, хасавюртовский, кайтагский, буйнакский и подгорный. В связи с недостаточной изученностью диалектной системы кумыкского языка проблема описания диалектов, а также говором остается и на сегодняшний день весьма актуальной.

Первые научные описания кумыкского языка принадлежат Т.Н. Макарову [Макаров 1848], А. Акаеву [Акаев 1908], Ю. Немету [Németh 1911].

Н.К. Дмитриев, крупный советский языковед и тюрколог, посвятил диалектам кумыкского языка особый раздел в своей работе и на научной основе выделил три диалекта: буйнакский, хасавюртовский, кайтагский [Дмитриев 1940].

Последующим изучением диалектов кумыкского языка занимался И.А. Керимов, который выделил пять диалектов кумыкского языка: хасавюртовский, буйнакский, терский, подгорный и кайтагский [Керимов 1967].

Д.М. Хангишиев отмечал неразработанность вопроса членения кумыкского языка на наречия и на основе определенных признаков выделял два наречия: северное и южное. К южному наречию он относил кайтагский и подгорный диалекты, к северному – буйнакский, терский и хасавюртовский диалекты [Хангишиев 1989].

Работа Н.Х. Ольмесова посвящена системному описанию отдельно взятого бораганского говора, в ней лексическим особенностям посвящается самостоятельная глава [Ольмесов 1994].

Кайтагский диалект наиболее отдален от других диалектов кумыкского языка. Его носители проживают в Каякентском и Маджалисском районах Дагестана рядом с даргинцами. В связи с этим данный диалект представляет особый интерес для лингвистов.

В последнее время было опубликовано несколько исследований по различным говорам кайтагского диалекта кумыкского языка: так, янгикентский говор описан в диссертации Т.И. Гаджихамедова [Гаджихамедов 2005], изучению уллубий-аульского говора посвящена работа З.К. Кочакаевой [Кочакаева 2009], отемишский говор проанализирован в диссертации М.А. Гаджиевой [Гаджиева 2006], лексика алходжакентского говора изучена в исследовании У.А. Абдуллаевой [Абдуллаева 2006]. В данных работах собранные авторами материалы не сопровождаются аудиофайлами, соответственно, у исследователей нет возможности принять или опровергнуть приводимые в них фонетические выводы.

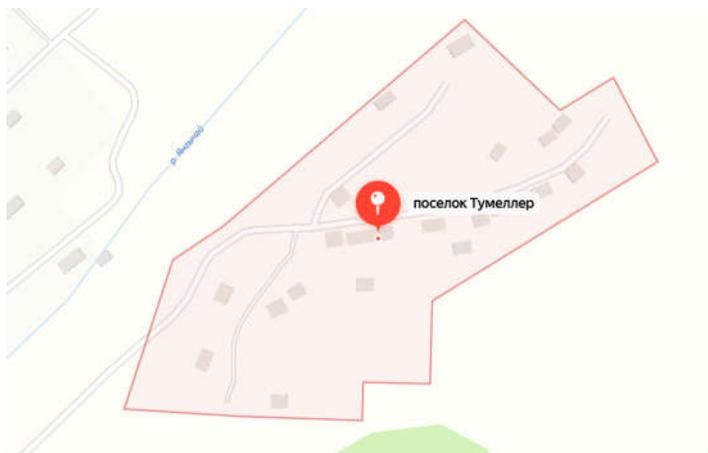
Инструментально-фонетические исследования в кумыкском языкознании только начинают развиваться.

Материалы и методы

Экспериментально-фонетический анализ проводится с помощью программы Praat.

В основу данной статьи легли материалы кумыкских экспедиций 2017–2023 гг., собранные и частично обработанные автором настоящей статьи.

Обследуемый говор

Обследуется тумеллерский говор кайтагского диалекта. Носитель – Дабаева Перзят Алиевна, 1964 г. р., поселок Тумеллер, Кайтагский район, Республика Дагестан.

В исследовании анализируется часть собранного экспедиционного материала по стандартно используемому списку базисной лексики с контекстами, основанному на 200-словном списке М. Сводеша.

Обсуждение и результаты

Предварительные результаты исследования указывают на следующие фонетические особенности.

1. Вокализм

1.1. Сингармонизм

Сингармонизм – это подчинение гласных аффиксов гласным корня по признаку ряда и огубленности [Джанмавов 1968: 28]; это гармония гласных по признаку ряда и огубленности, а также гармония согласных по признаку твердости и мягкости [Ольмесов 1987: 52; 1997: 201]. Основной фонологической функцией сингармонизма является сохранение однородного тембра в слове как обязательного элемента его фонетического облика.

В уллубийаульском говоре кайтагского диалекта сингармонизм слова нарушен ввиду отсутствия сингармонических вариантов у некоторых аффиксов, например, -ажакъ, -ежек, -макъ, -мек, что и приводит к нарушению нёбной гармонии гласных: ул. *геледжакъ* – лит. *гележек* ‘придет’, ул. *береджакъ* – лит. *бережек* ‘даст’, ул. *биладжакъ* – лит. *билежек* ‘узнает’, ул. *гирмакъ* – лит. *гирмек* ‘заходить’ [Кочакаева 2008].

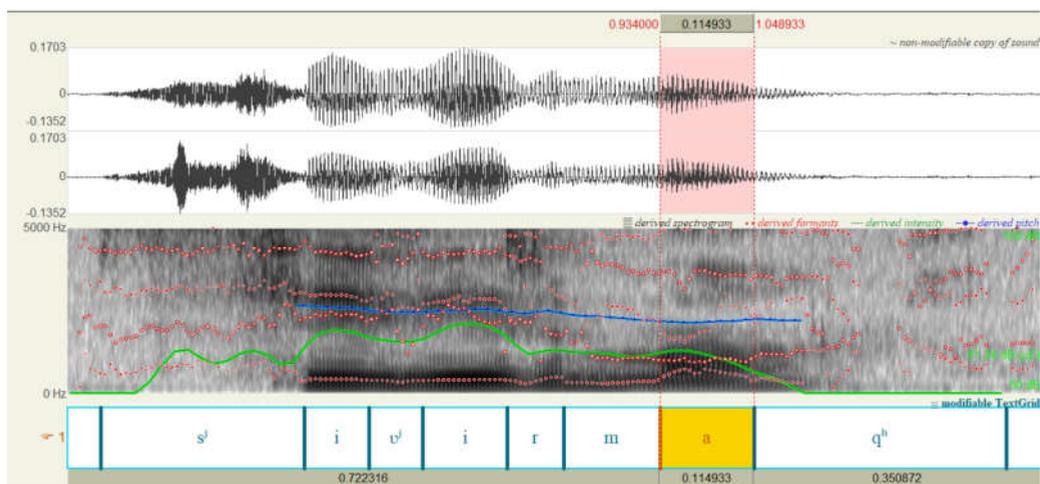
В тумеллерском говоре кайтагского диалекта, как и в уллубийаульском, сингармонизм слова не соблюдается при употреблении аффиксов -макъ, -мек, что и приводит к нарушению нёбной гармонии гласных. Это явление наблюдается в следующих случаях: вытирать [sʲivʲɪrmaq] – лит. *сибирмек*, заходить [gʲɪrmaq] –

лит. *гирмек*, знать [b'iɫmaq] – лит. *билмек*, пухнуть [ʃ'iɫmaq^h] – лит. *шишмек*, ходить [jʉɾmaq^h] – лит. *юрюмек*, грызть [g'ɛm'iɾmaχ] – лит. *гемирмек*.

Рассмотрим более подробно примеры из тумеллерского говора на предмет отличий от литературного языка.

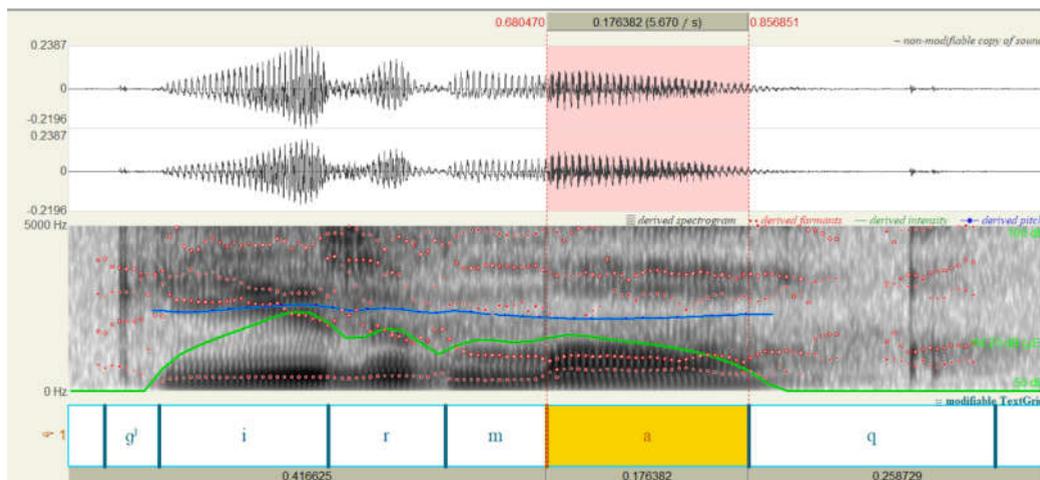
1.1.1. Вытирать [s'iʋiɾmaq] – лит. *сибирмек*

- лит. звонкий губно-губной взрывной /b/: [b] в корне – диал. звонкий губно-зубной спирант [ʋ];
- лит. гласный переднего ряда средне-верхнего подъема /e/: [e] в аффиксе -мек – диал. гласный заднего ряда нижнего подъема [a];
- лит. конечный глухой веларный взрывной /k/ представлен в виде [k] в аффиксе -мек – диал. глухой увулярный взрывной придыхательный [q^h].

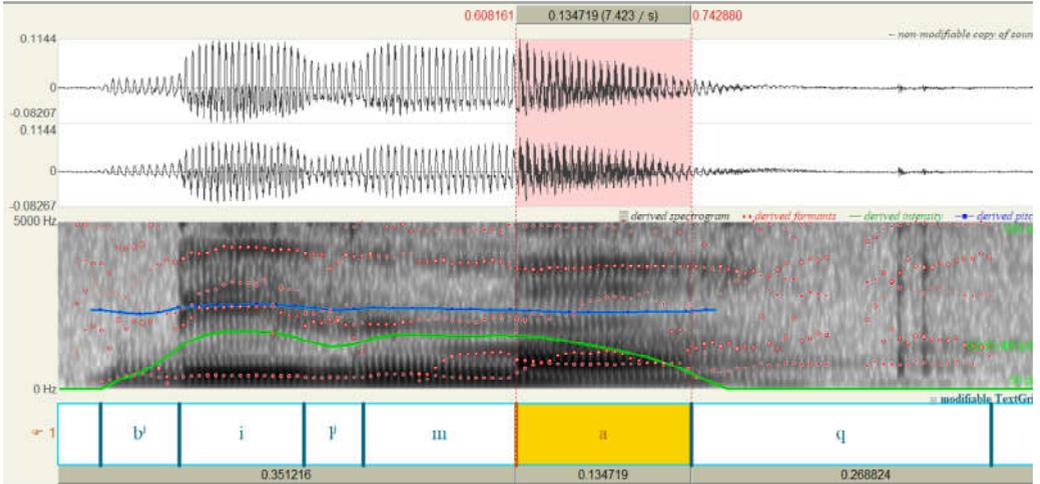
1.1.2. Заходить [g'iɾmaq] – лит. *гирмек*

- лит. /e/: [e] – тумеллерский [a];
- лит. /k/: [k] – тумеллерский [q] увулярный взрывной непридыхательный.

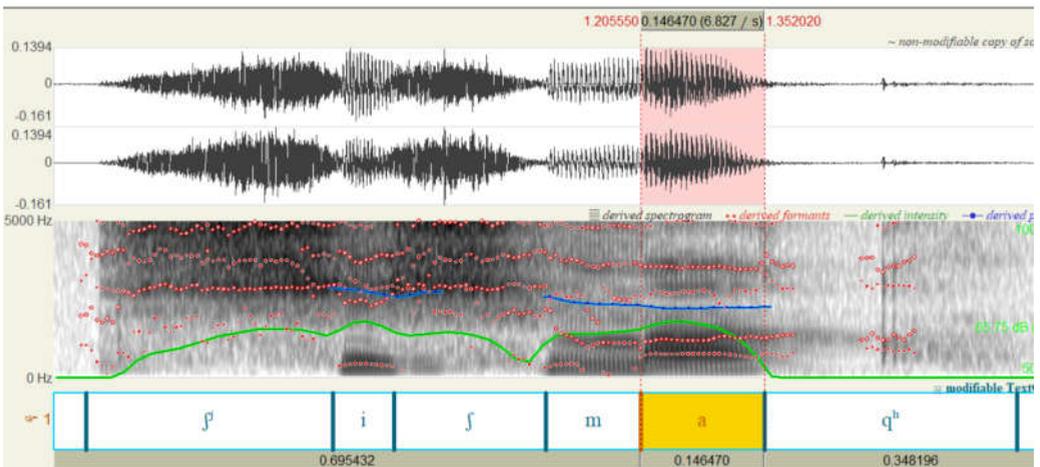

1.1.3. Знать [bʲiʲmaq] – лит. *билмек*

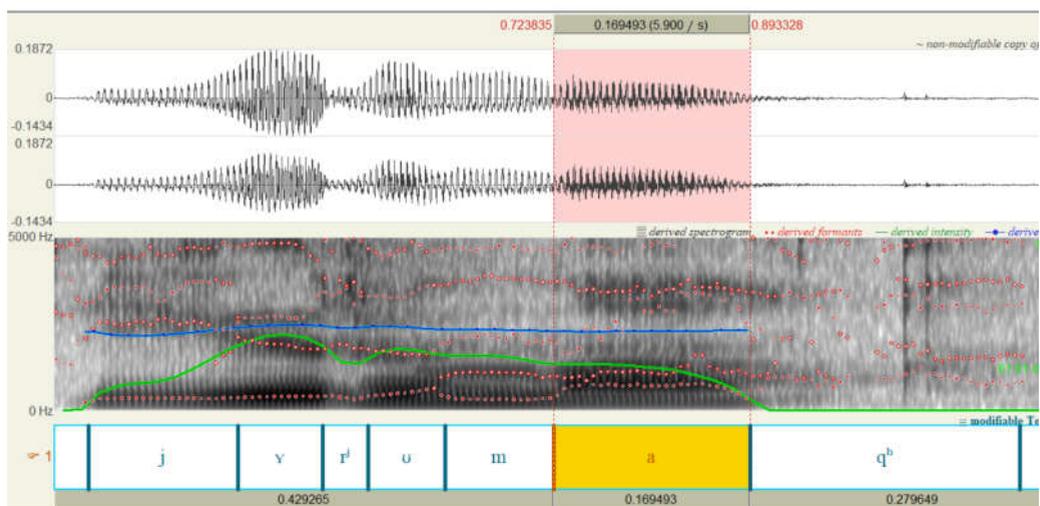
- лит. /e/: [e] – тумеллерский [a];
- лит. /k/: [k] – тумеллерский [q] увулярный взрывной непродыхательный.

1.1.4. Пухнуть [ʃiʃmaqʰ] – лит. *шишимек*

- лит. /e/: [e] – тумеллерский [a];
- лит. /k/: [k] – тумеллерский [qʰ] увулярный взрывной продыхательный.

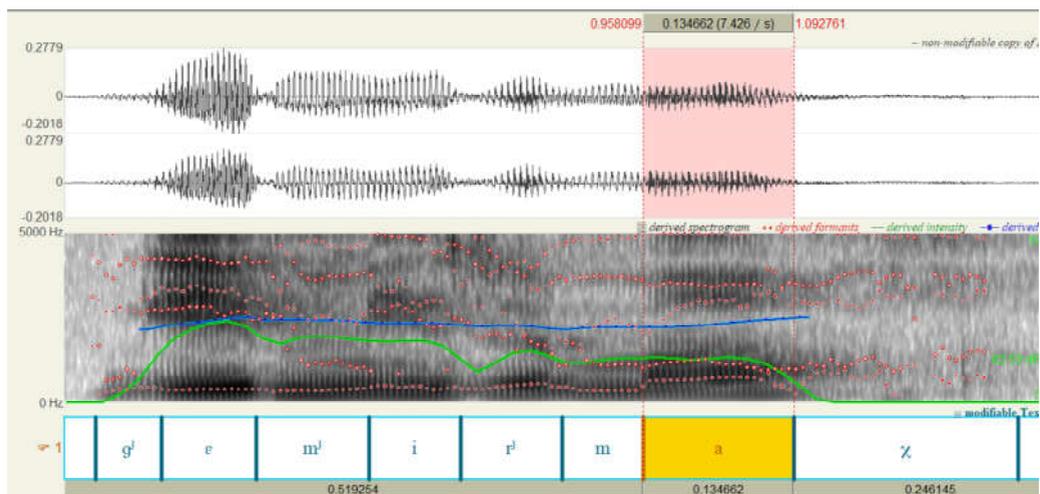
1.1.5. Ходить [jʊʊmaqʰ] – лит. *юрюмек*

- лит. /y/: [y] – тумеллерский [y];
- лит. /e/: [e] – тумеллерский [a];
- лит. /k/: [k] – тумеллерский [qʰ] увулярный взрывной продыхательный.

1.1.6. Грызть [gʲemʲirʲmaχ] – лит. *гемирмек*

- лит. /e/: [e] – тумеллерский [a];
- лит. /k/: [k] – тумеллерский увулярный спирант [χ].

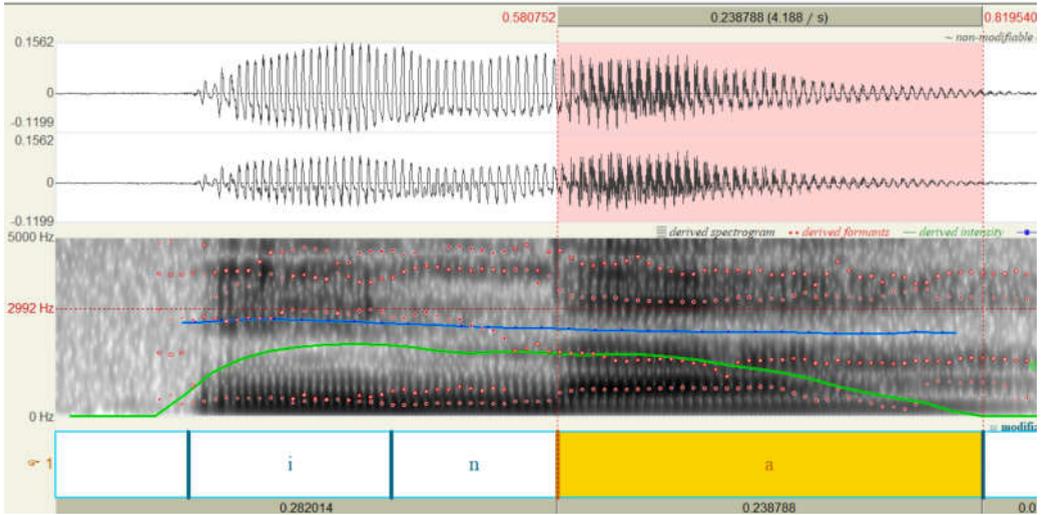

Мы видим, что при использовании заднерядного варианта аффикса в кайтагских говорах его консонантный облик аффикса соответствует его рядности, т. е. на конце, как и в форме от глагола с заднерядным вокализмом, используется увулярный согласный со свободным варьированием между непрдыхательным, прдыхательным и спирантом.

Похожее явление мы видим в примере слова «игла» (см. ниже), где также не соблюден рядный сингармонизм, но поскольку здесь не идет речь о присоединении аффикса, у нас пока нет удовлетворительного объяснения данного явления.

1.1.7. Игла [ina] – лит. *ине*

- лит. /e/: [e] – тумеллерский [a].

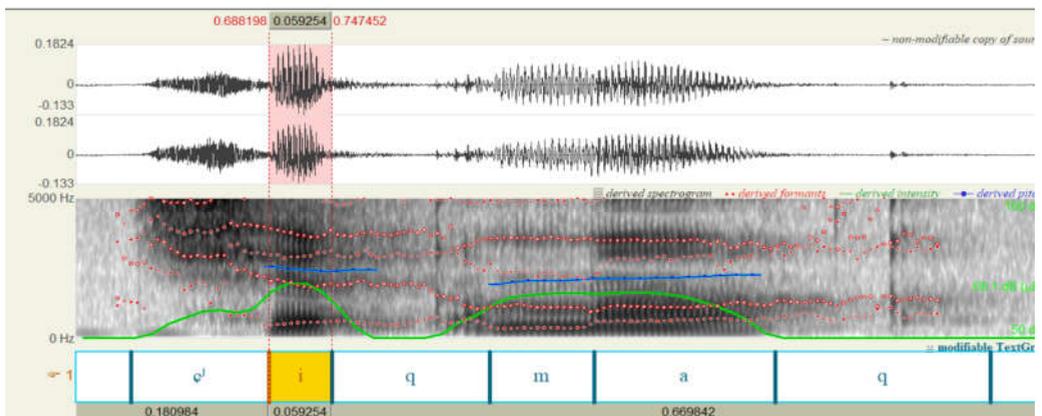
1.2. Упереднение гласной /ы/

Упереднение гласной /ы/ встречается в ряде тюркских языков, в частности, на Кавказе оно хорошо задокументировано для азербайджанского языка. В кайтагском диалекте кумыкского языка встречаются следующие примеры: *базыкъ* – лит. *базыкъ* ‘толстый’, *балыкъ* – лит. *балыкъ* ‘рыба’, *йылан* – лит. *йылан* ‘змея’, *йыл* – лит. *йыл* ‘год’ [Гаджихамедов 2006: 17].

В тумеллерском говоре отмеченному Т. Гаджихамедовым упреждению /ы/ соответствует несколько более сложное явление. Похоже, что в говоре вообще отсутствует фонологическое различие между передней и задней неогубленными гласными верхнего подъема. Вместо них выступает единая гласная [i̠], вызывающая палатализацию тех окружающих согласных, которые способны палатализироваться. Список таких согласных см. ниже, в разделе о консонантизме.

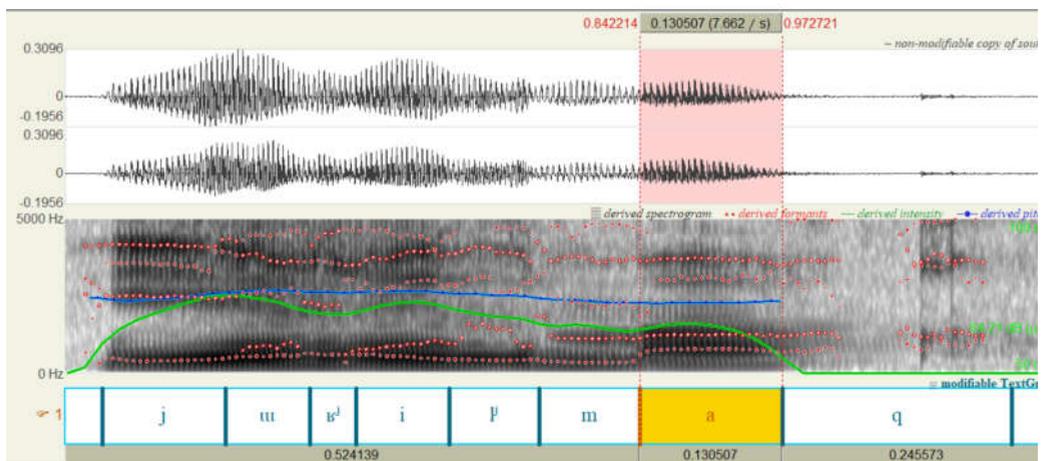
1.2.1. Выходить [e̠iqmaq] – лит. *чыкъмакъ*

– лит. /ш/: [ш] – тумеллерский [i̠].

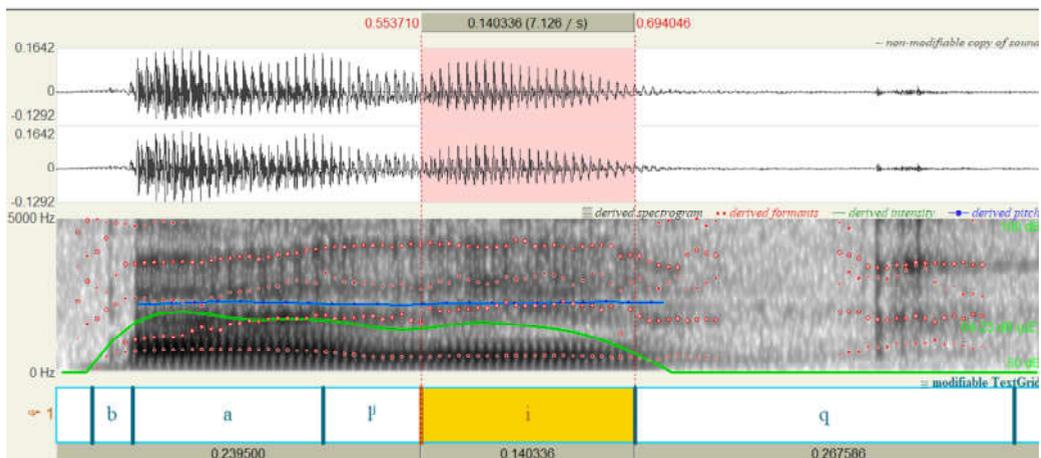

1.2.2. Падать [jʃw'iɫmaq] – лит. *йыгъылмакъ*

– лит. /ʃ/: [ʃ] – тумеллерский [i].

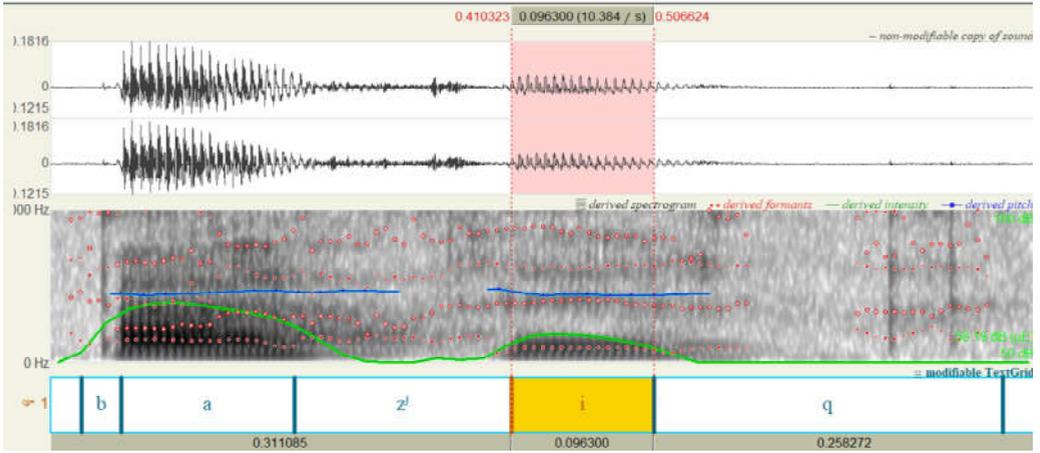
1.2.3. Рыба [bal'iq] – лит. *балыкъ*

– лит. /ʃ/: [ʃ] – тумеллерский [i].

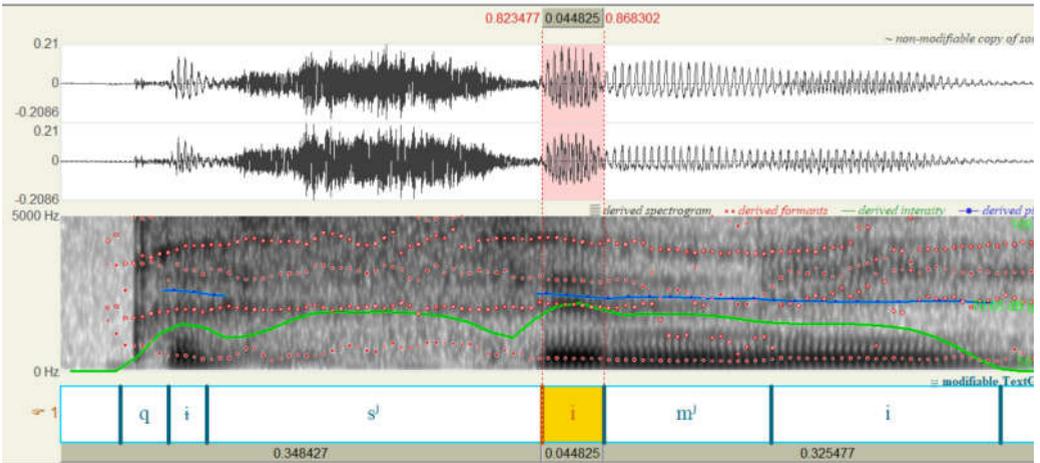

1.2.4. Толстый [baziq] – лит. *базыкь*

– лит. /ш/: [ш] – тумеллерский [i].

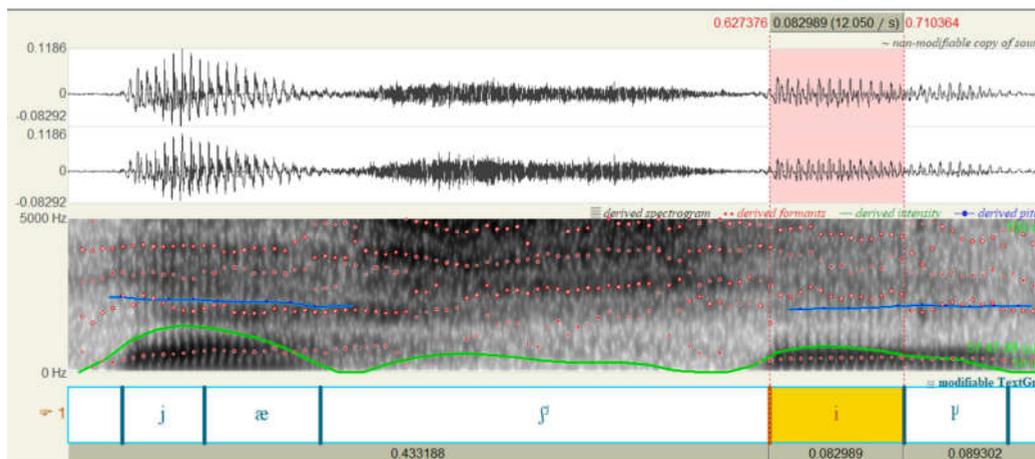
1.2.5. Горсть [qisiimi] – лит. *къысым*

– лит. /ш/: [ш] – тумеллерский [i].

1.2.6. Зеленый [jæʃilʲ] – лит. *яшыл*

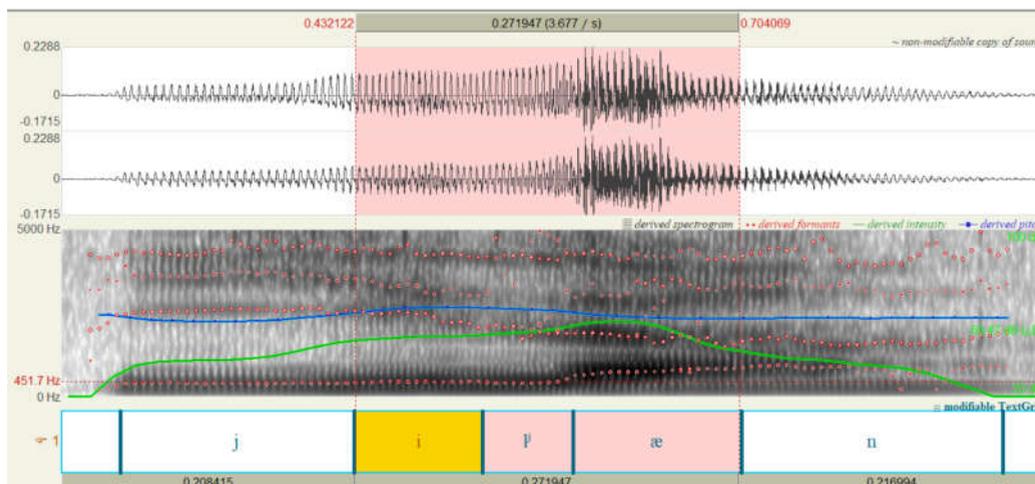
- лит. /ш/: [ʃ] – тумеллерский [i];
- лит. /а/: [a] – тумеллерский [ə] (на граф. [æ]).

Если /ы/ упреждается в первом слове, это влечет за собой упреждение гласной в следующем закрытом слове:

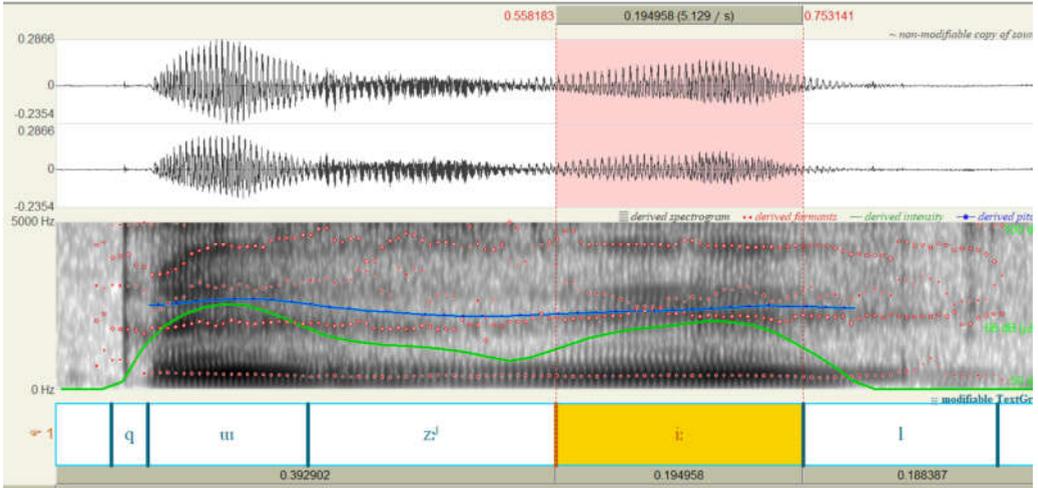
1.2.7. Змея [jiʲæɲ] – лит. *йылан*

- лит. /ш/: [ʃ] – тумеллерский [i];
- лит. /а/: [a] – тумеллерский [æ].

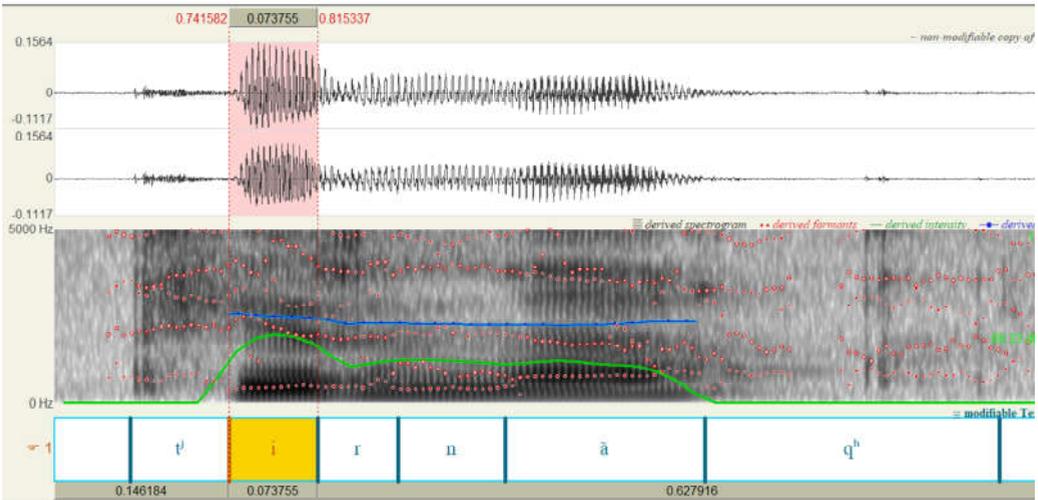

1.2.8. Красный [qʷz:ɨ:l] – лит. *кызыл*

– лит. /ш/: [ʃ] – тумеллерский [i] долгий.

1.2.9. Ноготь [tʲɪnãqʰ] – лит. *тырнакъ*

– лит. /ш/: [ʃ] – тумеллерский [i].

2. Консонантизм

О звуковых соответствиях согласных кайтагского диалекта кумыкского языка Т.И. Гаджихамедов пишет следующее: «Характеристика особенностей фонетической системы диалекта в сравнении с литературным языком, выявление характерных для янгикентского говора кайтагского диалекта звуковых соответствий в сравнении с другими диалектами и тюркскими языками вместе с тем указывает на историческую общность сопоставляемых языковых фактов. Следовательно, установление звуковых соответствий между говором и литературным языком

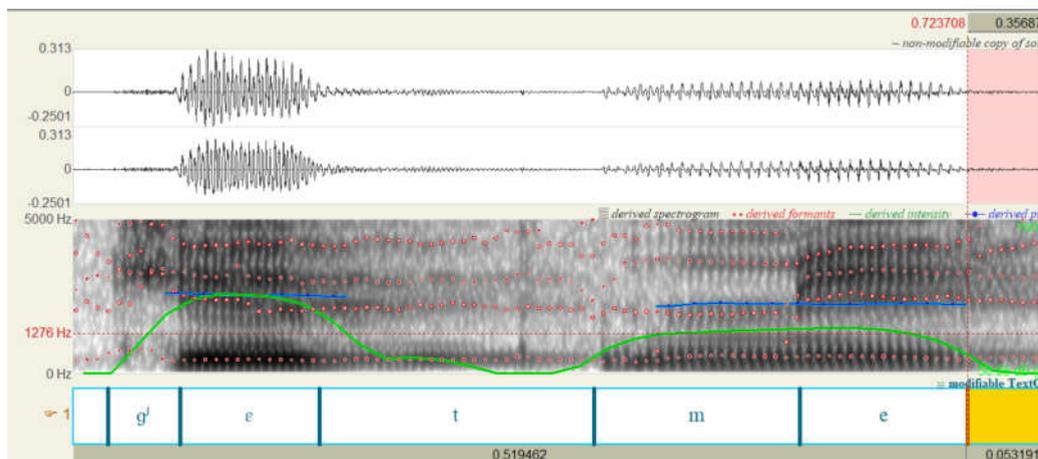
имеет большое значение для истории как кумыкского, так и тюркских языков. Примером может служить употребление в начале группы слов среднеязычного [к] вместо [г] в литературном языке. Начальный [к] характерен для кыпчакских языков, а начальный [г] – огузским. В этом отношении кумыкский язык тяготеет к огузским языкам, так как для него, в отличие от кыпчакских языков, характерен начальный [г]: *гесмек* ‘отрезать’, *гиши* ‘мужчина’, *гел* ‘приходи’, *гесек* ‘кусок’. Янгикентский говор кайтагского диалекта кумыкского языка этой особенностью близок к кыпчакским языкам: *кесмек*, *киши*, *кесек*. Эти слова имеют такое же произношение и в азербайджанском языке. Это общий фонетический признак азербайджанского языка и кайтагского диалекта кумыкского языка следует объяснить, по всей вероятности, влиянием теркемейского говора азербайджанского языка на кайтагский диалект» [Гаджихмедов 2006: 34].

Одной из важных особенностей тумеллерского консонантизма является возникновение оппозиции согласных по твердости-мягкости. Пары по твердости-мягкости наблюдаются у следующих согласных:

- l ~ lʲ: большой [ullu], друг [joldaʃ], знать [bil'maq] – лит. *билмек*, падать [jiv'il'maq] – лит. *йыгъылмакъ*, рыба [bal'iq] – лит. *балыкъ*;
 r ~ rʲ: ходить [jyromaqʰ] – лит. *юрюмек*, грызть [g'em'ir'maq] – лит. *гемирмек*;
 s ~ sʲ: блевать [qosma] – лит. *къусмакъ*, вытирать [s'iv'irmaq] – лит. *сибирмек*.

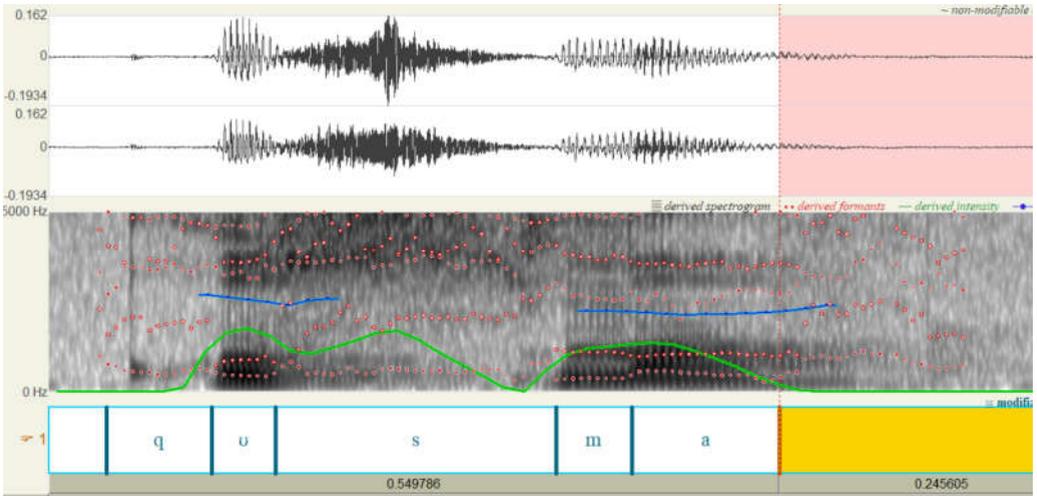
2.1. Выпадение согласных

2.1.1. Выпадение литературного глухого велярного взрывного /k/ в конечной позиции в аффиксах -макъ, -мек

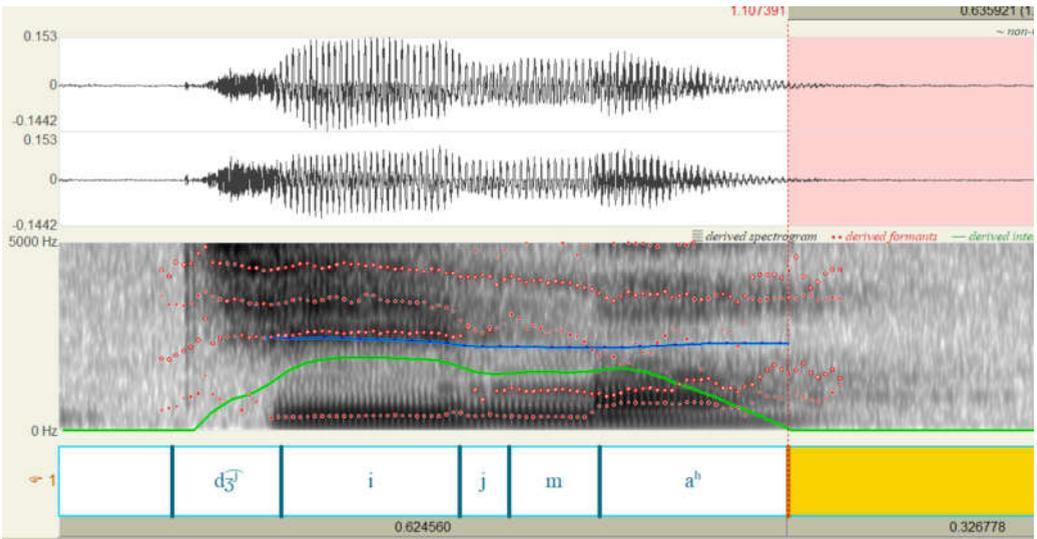

Ийти [g'etme] – лит. *гетмек*

2.1.2. Выпадение конечного глухого увулярного взрывного /q/ и глухого веллярного взрывного /k/ в аффиксах -макъ, -мек

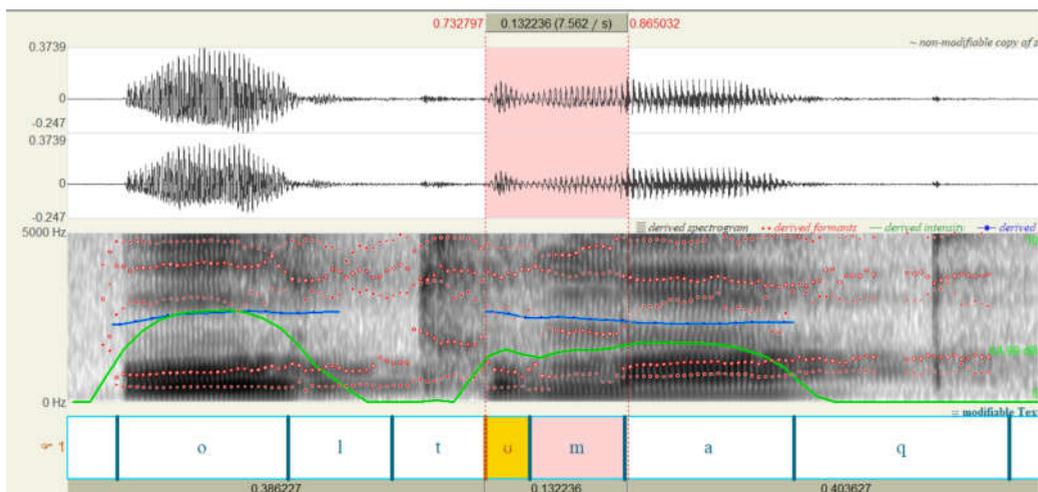
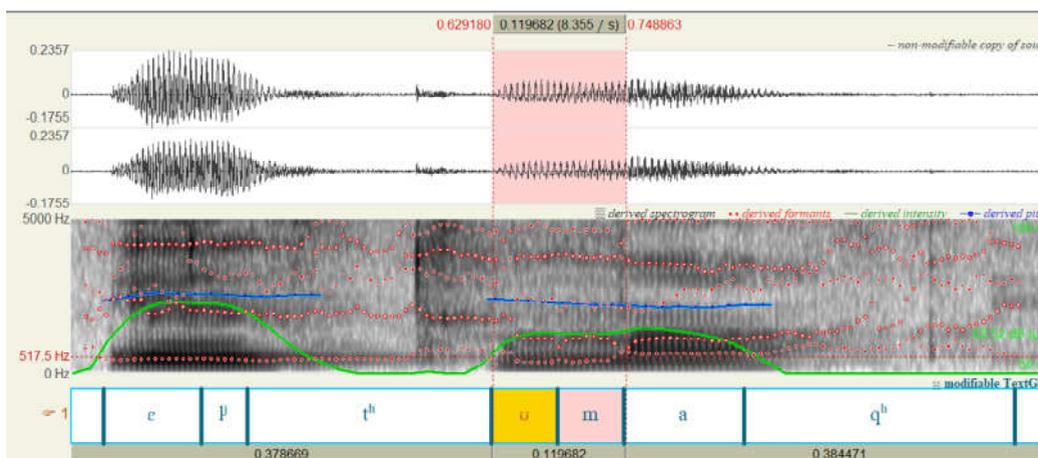

Блевать [qosma] – лит. *къусмакъ*

Собрать [dʒiːjmaʰ] – лит. *жыймакъ*

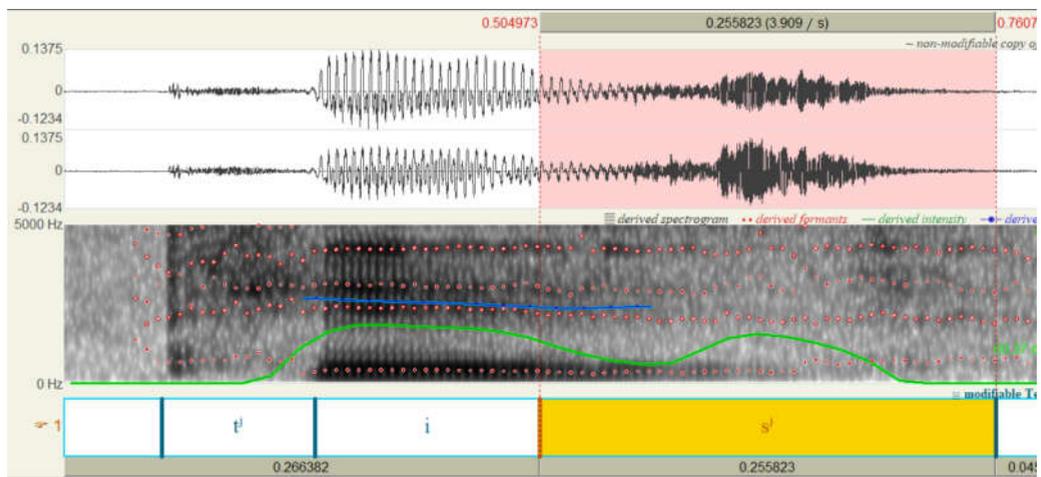
2.1.3. Выпадение альвеолярного дрожащего /r/: [r] в корне

Сеть [olt^homaq] – лит. олтурмакъУбивать [elⁱt^homaq^h] – лит. олтюрмакъ

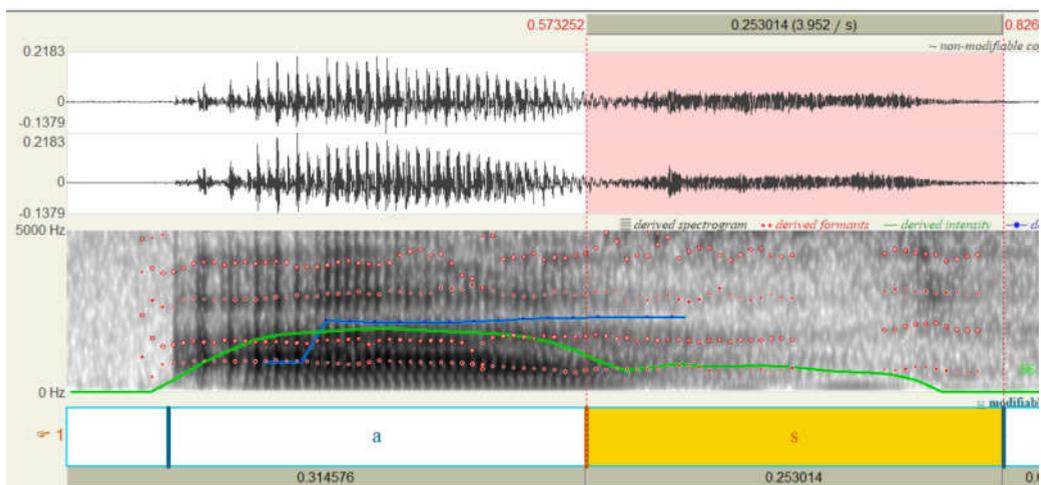
В данном примере помимо выпадения альвеолярного дрожащего /r/ в корне, наблюдается еще переход гласного средне-верхнего подъема /оь/ в переднерядный средне-нижнего подъема /ε/, т. е. есть отличие от литературного языка по двум параметрам.

2.2. Оглушение

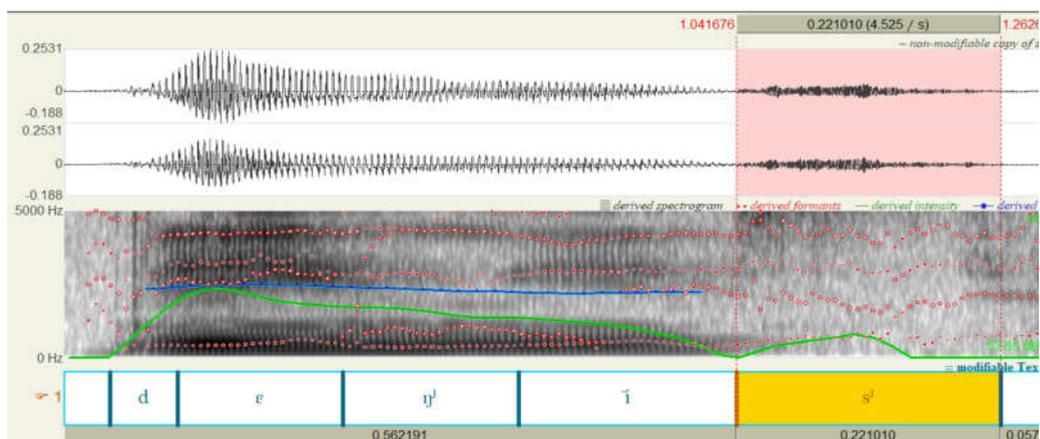
2.2.1. Оглушение сibilянтов в конечной позиции – переход звонкого альвеолярного сibilянта /z/: [z] в глухой альвеолярный сibilянт /s/: [s]:

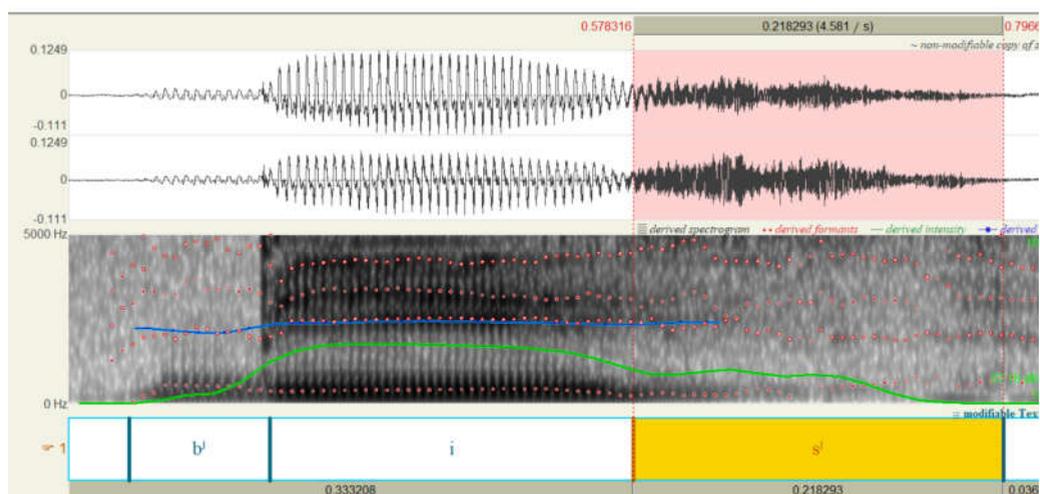
Колено [tʲis] – лит. *tuiz*

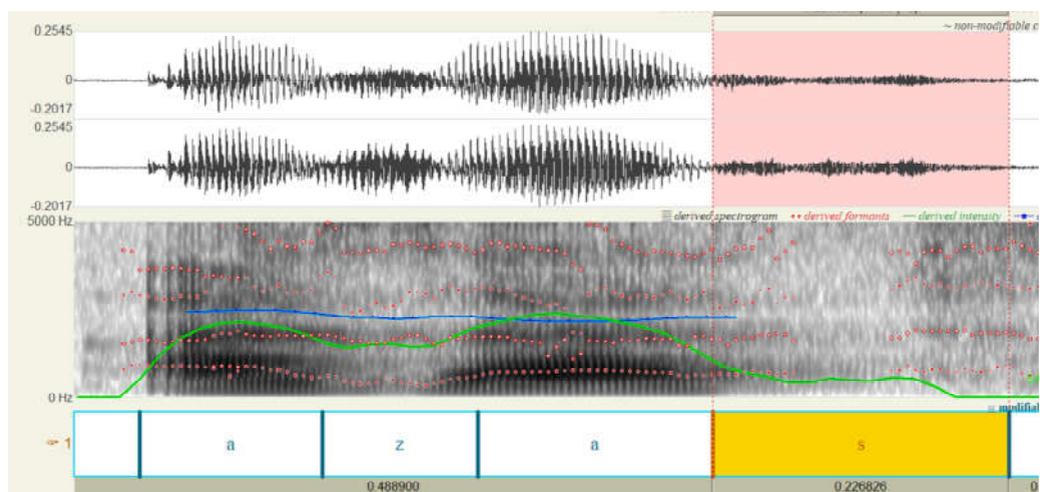
Мало [as] – лит. *az*

Море [dɛɣʲisʲ] – лит. денгиз

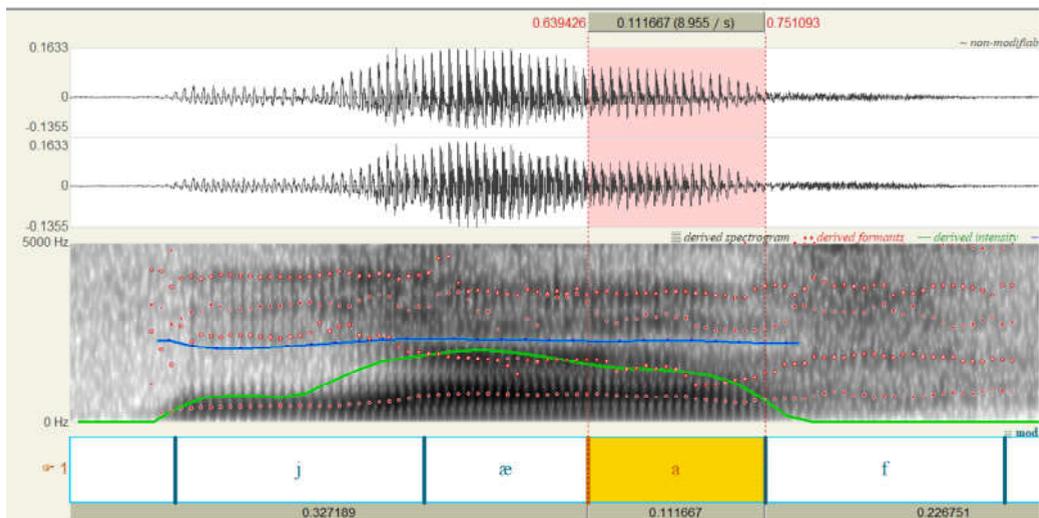

Мы [bʲisʲ] – лит. биз

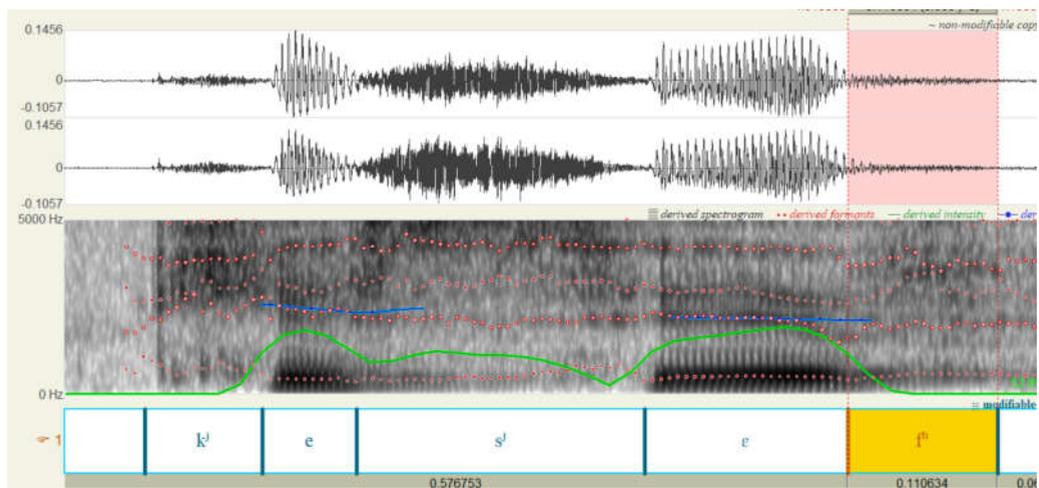

Немного [azas] – лит. аз-аз

2.2.2. Оглушение лабиовелярного апроксиманта /w/:
[w] в конечной позиции в глухой губно-зубной фриктивный /f/: [f]:

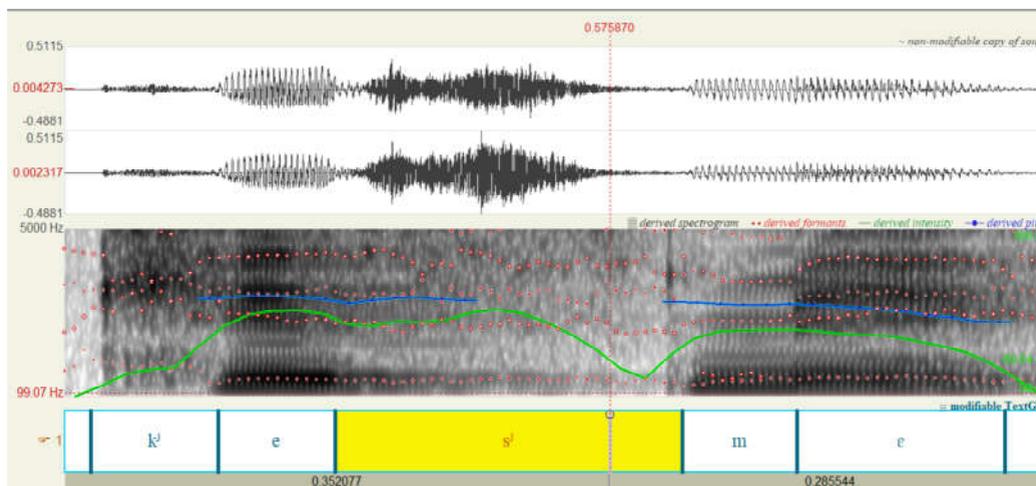
Жир [jæaf] – лит. *яв*

Уголь [kiesʲɛʲʰ] – лит. *кесев*

2.2.3. Оглушение начального веллярного взрывного /g/ в глухой веллярный взрывной /k/

Колоть, резать [kies'me] – лит. *гесмек*
– лит. /g/: [g] – тумеллерский [k].

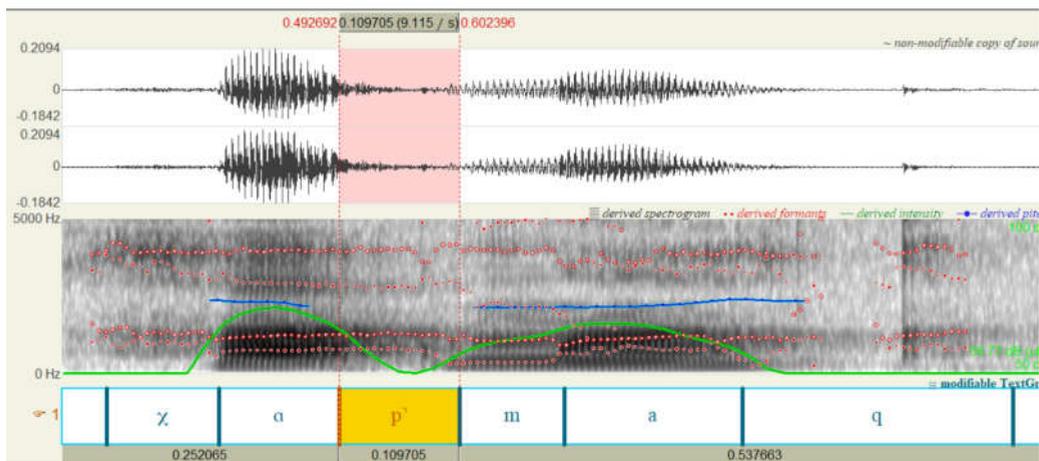
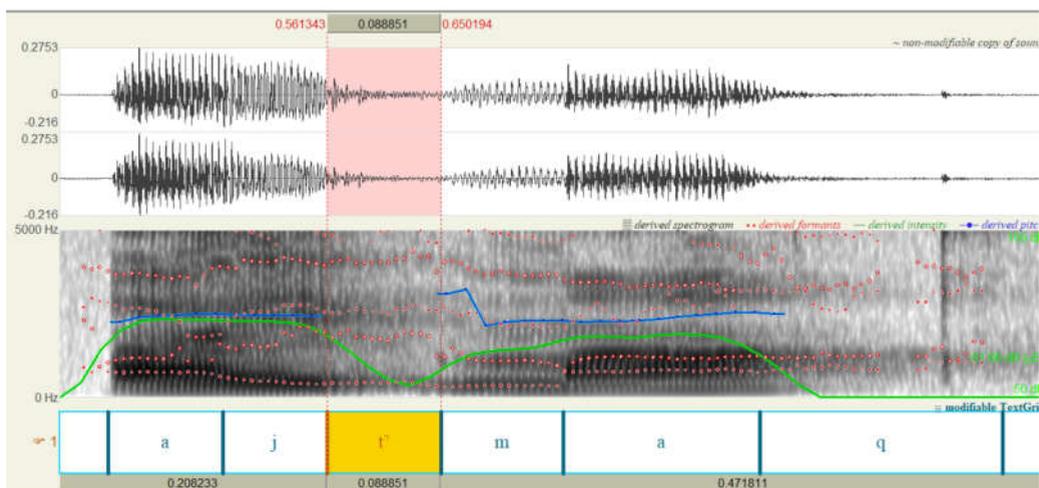
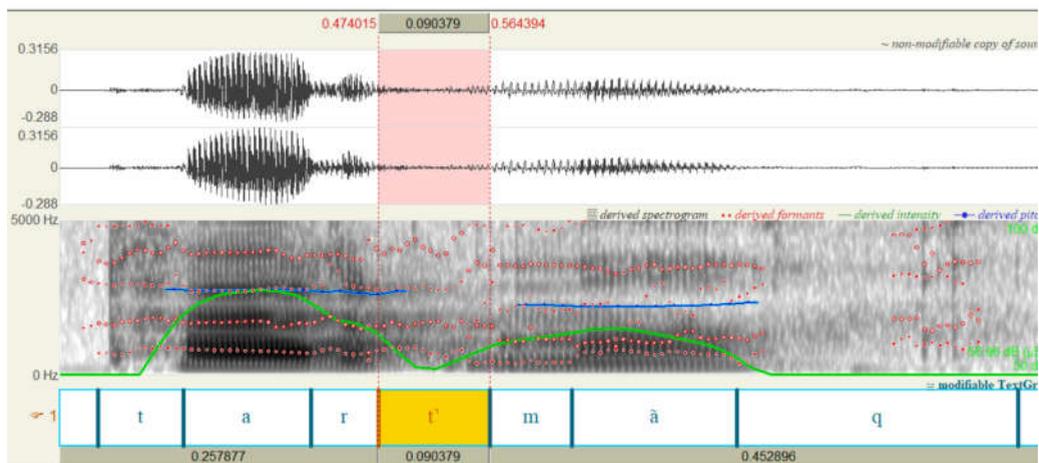
Здесь помимо оглушения начального веллярного взрывного /g/ в глухой веллярный взрывной /k/ мы видим и выпадение глухого веллярного взрывного /k/ в конечной позиции.

2.3. Апплозивные согласные в кластерах

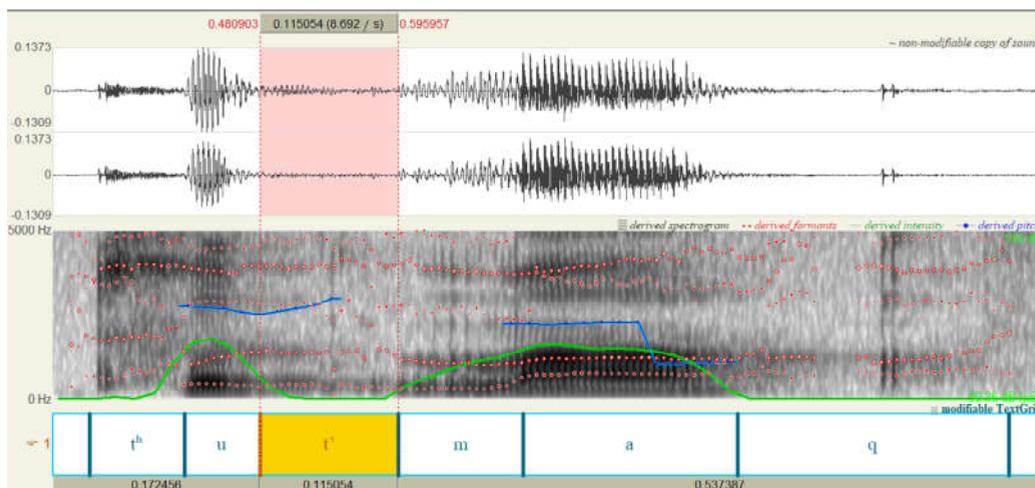
Т. Гаджихмедов упоминает при описании хамзы /Ъ/, что «в диалектах кум. яз. глухие [к, къ, п, т] перед сонорными заменяются смычным гортанным глухим [ъ]. В янгикентском говоре гортанный смычный звук [ъ] употребляется активно: *таъли* лит. *татли*, ‘вкусный’, *эъмек* лит. *экмек* ‘хлеб’, *айъмай* лит. *айтмай* ‘не скажет’» [Гаджихмедов 2006: 46].

Инструментальное обследование тумеллерского говора показало, что в кластерах типа «глухой согласный плюс сонорный» глухой согласный не переходит в гортанную смычку, а демонстрирует апплозивное произношение, что хорошо видно в спектрограммах: кусать [xap̣maq] – лит. *хапмакъ*, сказать [aj̣tmaq] – лит. *айтмакъ*, тянуть [tartmaq] – лит. *тартмакъ*, держать [ṭhutmaq] – лит. *тутмакъ*, закрывать [ḅeç̣ụjeṭmeḳ] – лит. *бегитмек*, слышать [ẹʃ̣iṭmaq] – лит. *эшитмек*, бояться [q̣oq̣ṭmaq] – лит. *къоркъмакъ*.

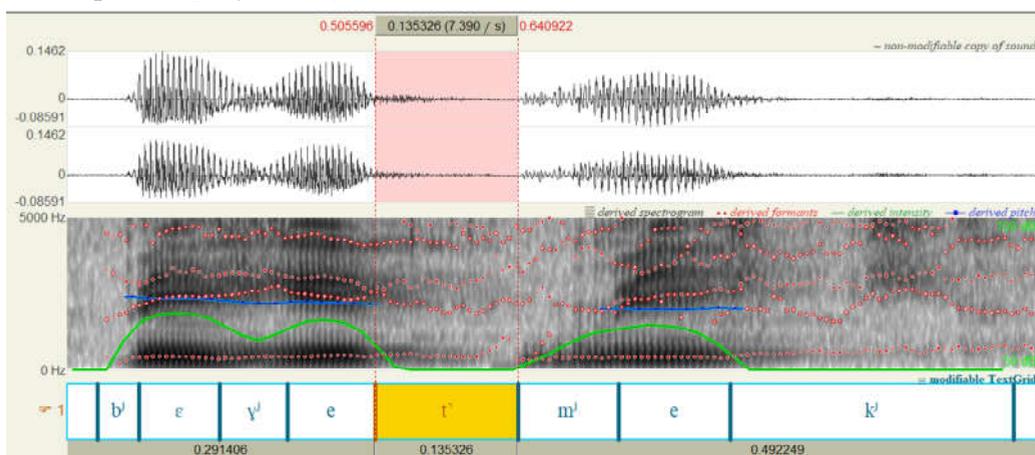
Рассмотрим примеры.

Кусать [χар̥таq] – лит. *хапмакь*Сказать [ajt̥maq] – лит. *айтмакь*Тянуть [tar̥таq] – лит. *тартмакь*

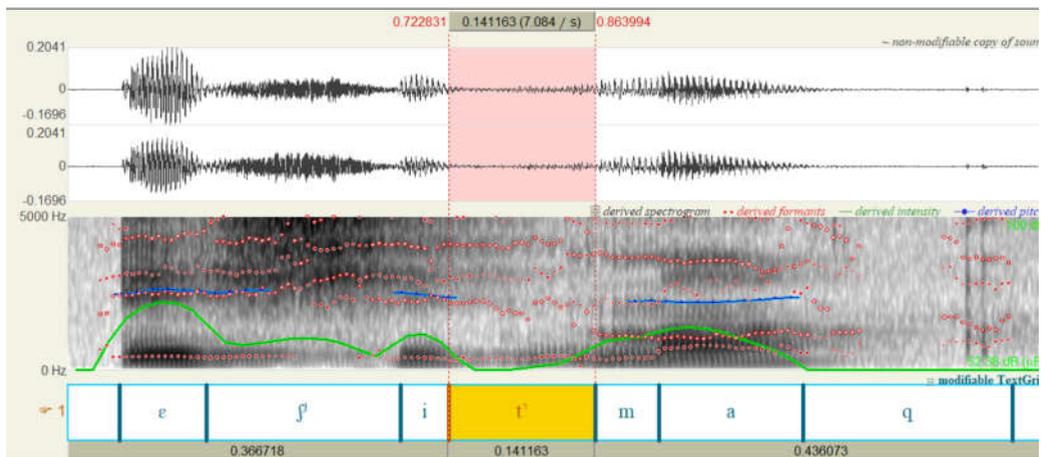
Держать [tʰuṭmaq] – лит. *тутмакъ*

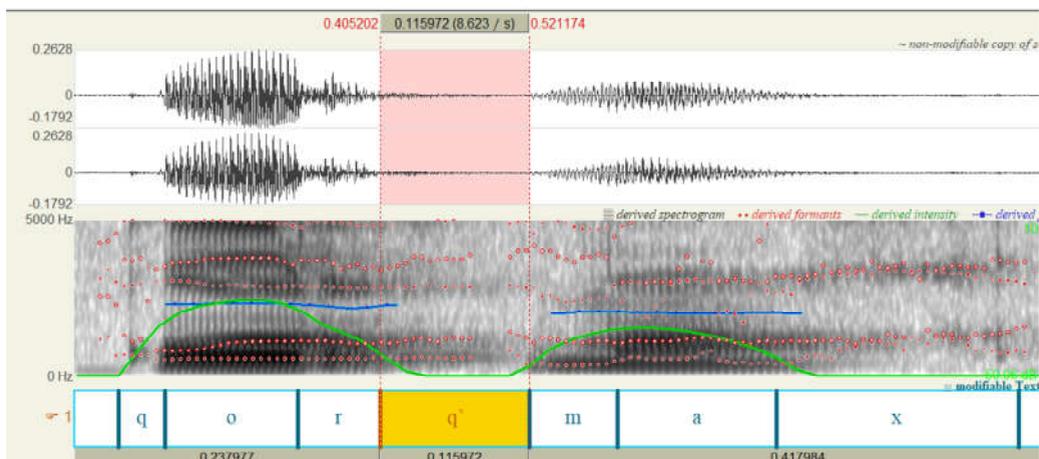
Закрывать [bʲeṭʲmʲekʲ] – лит. *бегитмек*

Слышать [ɛʃʲuṭmaq] – лит. *эшитмек*
– лит. /k/: [k] – тумеллерский [q].

Бояться [qoqʃmax] – лит. *кьоркъмакъ*
 – лит. /q/: [q] – тумеллерский [q̣].

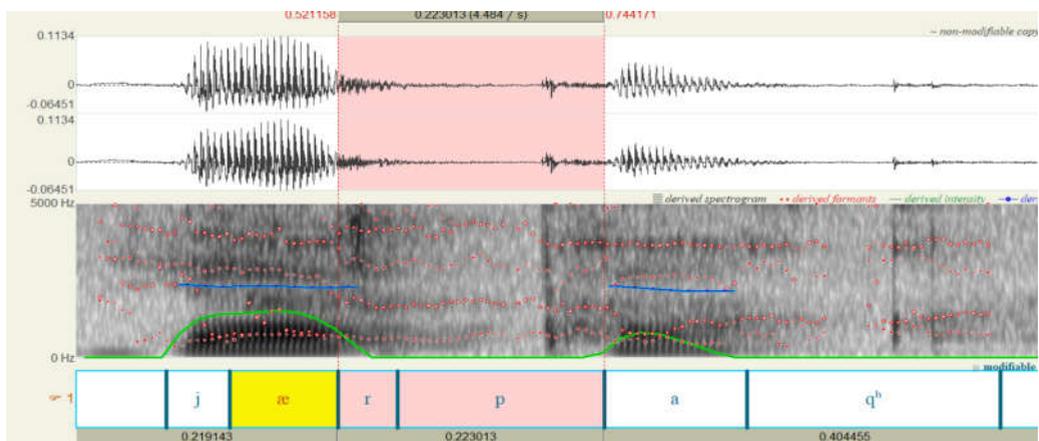

2.4. Метатеза

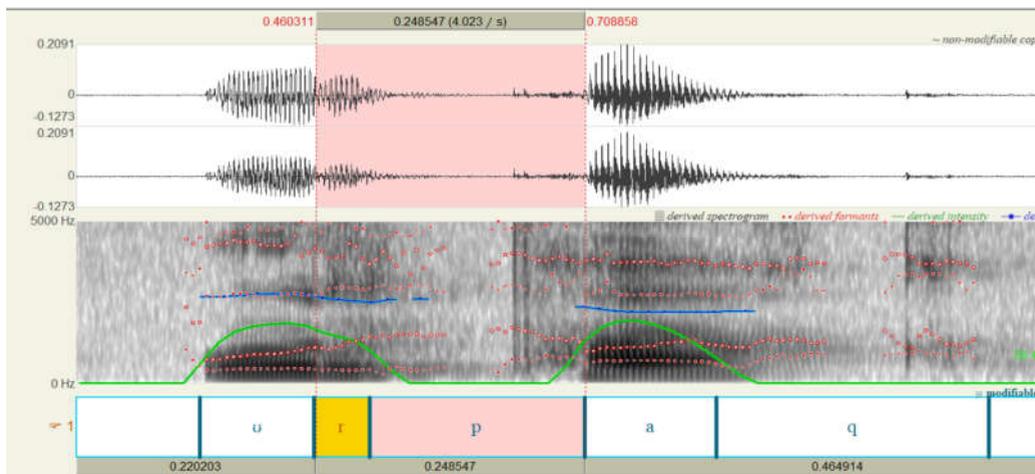
Факты метатезы согласных наблюдаются как в исконно кумыкских словах, так и в заимствованиях со стечением согласных в начальной и серединной позиции. В кайтагском диалекте регулярно встречаются случаи перестановки звуков. Чаще всего метатезе подвергаются смежные согласные. Это явление широко распространено и в янгикентском говоре кумыкского языка: *азвар* – лит. *абзар* ‘двор’, *урпакъ* – лит. *опракъ* ‘одежда’, *тесви* – лит. *тепси* ‘поднос’, *таварасан* – лит. *табасаран*, *тенегек* – лит. *тегенек* ‘иголка’, *каварат* – лит. *карават* ‘кровать’.

Как и в янгикентском говоре, в тумеллерском говоре также наблюдается явление метатезы.

Лист: *ярпакъ* [jæpraqʰ] – лит. *япыракъ*

Одежда: *урпакъ* [urpaq] – лит. *опуракъ*

Заключение

Данная статья является лишь началом работы по экспериментальной фонетике кумыкского языка. В результате анализа тумеллерского говора кайтагского диалекта кумыкского языка можно предварительно заключить, что в нем наблюдаются следующие фонетические явления:

- тенденция к смещению гласных /ы/: [ʉ] и /и/: [i] и, вследствие этого, нарушение сингармонизма;
- упреждение гласных;
- становление оппозиции палатализованности ~ непалатализованности у ряда согласных;
- выпадение литературного глухого велярного взрывного /k/ в конечной позиции в аффиксах -макъ, -мек и оглушение начального велярного взрывного /g/ в глухой велярный взрывной /k/;
- выпадение конечного глухого увулярного взрывного /q/ и глухого велярного взрывного /k/ в аффиксах -макъ, -мек;
- оглушение сибилантов в конечной позиции – переход звонкого альвеолярного сибиланта /z/: [z] в глухой альвеолярный сибилант /s/: [s];
- оглушение лабиовелярного аппроксиманта /w/: [w] в конечной позиции в глухой губно-зубной фрикативный /f/: [f];
- в тумеллерском говоре, вопреки предшествующим исследованиям, не обнаружено замены глухих взрывных перед сонантами на гортанную смычку – в этой позиции наблюдается апплозивное произношение взрывного;
- выпадение альвеолярного дрожащего /r/: [r] в корне;
- метатеза звуков в кластерах «глухой взрывной + [r]».

Остается надеяться, что по мере расширения корпуса увеличится не только количество вновь обнаруженных явлений, но также возрастет и понимание факторов, мотивирующих такие фонетические особенности.

Литература

- Абдуллаева 2006 – *Абдуллаева У.А.* Агроботаническая лексика алходжакентского говора кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2006. – 21 с. {*U.A. Abdullayeva*. Agrobotanical vocabulary of the Alkhodzhakent dialect of the Kumyk language: Ph.D. diss. abstract. – Makhachkala, 2006. – 21 p.}
- Гаджихмедов 2005 – *Гаджихмедов Т.И.* Янгикентский говор кайтагского диалекта кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2005. – 20 с. {*T.I. Gadzhiakhmedov*. The Yangikent subdialect of the Kaitag dialect of the Kumyk language: Ph.D. diss. abstract. – Makhachkala, 2005. – 20 p.}
- Гаджихмедов 2006 – *Гаджихмедов Т.И.* Янгикентский говор кайтагского диалекта кумыкского языка Махачкала, –2006. 140 с. {*T.I. Gadzhiakhmedov*. The Yangikent subdialect of the Kaitag dialect of the Kumyk language. – Makhachkala, 2006. – 140 p.}
- Гаджиева 2006 – *Гаджиева М.А.* Фонетические и морфологические особенности отемшского говора кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2006. – 24 с. {*M.A. Gadzhiyeva*. Phonetic and morphological features of the Otemish dialect of the Kumyk language: Ph.D. diss. abstract. – Makhachkala, 2006. – 24 p.}
- Дмитриев 1940 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 203 с. {*N.K. Dmitriyev*. Grammar of the Kumyk language. – Moscow–Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. – 203 p.}
- Дыбо, Кочакаева 2019 – *Дыбо А.В., Кочакаева З.К.* Экспериментальные данные по фонетике заднеязычных согласных кайтагского диалекта кумыкского языка // Российская тюркология. – 2019. – № 3–4 (24–25). – С. 34–50. {*A.V. Dybo, Z.K. Kochakayeva*. The experimental data on phonetics of the gutturals in the Kaitag dialect of the Kumyk language // Russian Turkology. – 2019. – No. 3–4 (24–25). – PP. 34–50.}
- Керимов 1967 – *Керимов И.А.* Очерки кумыкской диалектологии. – Махачкала, 1967. – 155 с. {*I.A. Kerimov*. Essays on the Kumyk dialectology. – Makhachkala, 1967. – 155 p.}
- Кочакаева 2008 – *Кочакаева З.К.* Особенности сингармонизма уллубийаульского говора кумыкского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 77. – С. 113–116. {*Z.K. Kochakayeva*. The peculiarities of vowel harmony of Ullubiyaul subdialect (/village dialect) of the Kumyk language // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. – 2008. – No. 77. – PP. 113–116.}
- Кочакаева 2009 – *Кочакаева З.К.* Уллубийаульский говор кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2009. – 23 с. {*Z.K. Kochakayeva*. The Ullubiyaul subdialect of the Kumyk language: Ph.D. diss. abstract. – Makhachkala, 2009. – 23 p.}
- Макаров 1848 – *Макаров Т.Н.* Татарская грамматика кавказского наречия. – Тифлис, 1848. {*T.N. Makarov*. The Tatar grammar of the Caucasian dialect. – Tiflis, 1848.}
- Ольмесов 1987 – *Ольмесов Н.Х.* Фонетика кумыкского языка (система гласных). Учебное пособие. – Махачкала, 1987. – 145 с. {*N.Kh. Olmesov*. Phonetics of the Kumyk language (vowel system). Textbook. – Makhachkala, 1987. – 145 p.}
- Ольмесов 1994 – *Ольмесов Н.Х.* Бораганский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1994. {*N.Kh. Olmesov*. The Boragan dialect and its place in dialectal system of the Kumyk language. – Makhachkala: Publishing and Printing Department of Dagestan State University, 1994.}
- Ольмесов 1997 – *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфология. – Махачкала, 1997. {*N.Kh. Olmesov*. Comparative and historical study of the dialect system of the Kumyk language. Phonetics. Morphology. – Makhachkala, 1997.}
- Акаев 1908 – *Акаев А.* «Суллам ал-лисан» سُلَّمُ اللِّسَان [Лестница языков]. – Темир-Хан-Шура: Исламская типография Магомед-Мирзы Мавраева, 1908. – 64 с. {*A. Akayev*. Sullam al-Lisân (The ladder of language). – Temir-Khan-Shura: Muhammad-Mirza Mawrayev's Islamic Printing House, 1908. – 64 p.} (In Arabic, Kumyk, Avar, and Russian.)
- Джанмавов 1968 – *Джанмавов Ю.Д.* Къумукъ тил. Къумукъ тил. Фонетика, орфоэпия ва графика [Кумыкский язык. Фонетика, орфоэпия и графика]. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. – 131 с. {*Yu.D. Dzhan-*

-
- mavov*. Kumyk language. Phonetics, orthoepy and writing system. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1968. – 131 p.} (In Kumyk.)
- Хангишиев 1989 – *Хангишиев Ж.М.* Къумукъ диалектологиясы [Кумыкская диалектология]. – Махачкала, 1989. {*Zh.M. Khangishiyev*. Kumyk dialectology. – Makhachkala, 1989.} (In Kumyk.)
- Németh 1911 – *Németh Gy.* Kumük tanulmányok. I. Rész: kumük és balkár szójegyzék (Kumükisches und Balkarisches Wörterverzeichnis) // Keleti Szemle, Bd. XII. – Budapest, 1911. – S. 91–153.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 30–41. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.141

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-30-41

ВЕРБАЛЬНЫЕ ХЕЗИТАТИВЫ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ БАШКИР (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНЫХ ДИСКУРСОВ)

*Лилия Айсовна Бускунбаева*¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии
ORCID: 0000-0003-3495-3742
e-mail: buskl@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Бускунбаева Л.А., 2024

Аннотация: Статья посвящена анализу вербальных хезитативов, функционирующих в большом количестве в башкирской устной речи. Материалом для исследования стали полевые записи автора, диалектные тексты, включенные в Текстологическую базу Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка. Исследуемый материал позволил выявить новые значения и функции слов, которые ранее не были исследованы лингвистами и не зафиксированы в лексикографических работах. Одной из таких лексических единиц выступают вербальные хезитативы, которые приобрели прагматическое значение в результате утраты лексического значения. Они играют значимую роль в организации устной речи, как вспомогательные и важные элементы для построения, реализации и восприятия речи, обеспечивая ее плавность и эффективность. В устной речи употребляются как исконные (*ни* 'это самое, как его (ее, их)'), так и заимствованные (*ну, так*) вербальные хезитативы. В качестве основных причин возникновения хезитативов рассматриваются коммуникативные затруднения в потоке речи, связанные с проблемой планирования структуры следующего фрагмента, подбора более уместного слова, соответствующего исходному замыслу говорящего либо припоминания конкретного слова, факта, дат, имен и названий.

Ключевые слова: башкирский язык, устный дискурс, хезитация, вербальный хезитатив, заимствованный хезитатив.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01343 «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01343/>).

Для цитирования: Бускунбаева Л.А. Вербальные хезитативы в спонтанной речи башкир (на материале диалектных дискурсов) // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 30–41. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-30-41.

Verbal hesitatives in spontaneous Bashkir speech (based on dialect discourses)

*Liliya Aysovna Buskunbayeva*¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
Ph.D. in Philology, Senior Researcher at the Department of Applied Linguistics and Dialectology
ORCID: 0000-0003-3495-3742
e-mail: buskl@yandex.ru

© IL RAS, 2024

© Buskunbayeva L.A., 2024

Abstract: The article is devoted to the analysis of verbal hesitatives functioning in large numbers in Bashkir oral speech. The data for the study was the author's field records, dialect texts included in the Textual database of the Dialectological Subfund of the Bashkir Language Machine Fund. The material under study made possible to identify new meanings and functions of words that had not previously been studied by linguists and were not recorded in lexicographic works. Among these lexical units are verbal hesitatives, which have acquired a pragmatic meaning as a result of the loss of lexical meaning. They play a significant role in the organization of oral speech, as auxiliary and key elements for the construction, implementation and perception of speech, ensuring its smoothness and effectiveness. In oral speech, both native (*ni* 'this is the same as his (her, their)') and borrowed (*nu, tak* 'well, so') verbal hesitatives are used. The main causes of hesitatives are considered to be communicative difficulties in the flow of speech caused by the problem of planning the structure of the next fragment, selecting a more appropriate word corresponding to the original intention of the speaker, or recalling a specific word, fact, dates, names and titles.

Keywords: Bashkir language, oral discourse, hesitation, verbal hesitative, borrowed hesitative.

Acknowledgement: The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01343 "Code-switching in Bashkir-Russian bilingualism (based on dialectal discourses)" (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01343/>).

For citation: *Buskunbayeva L.A.* Verbal hesitatives in spontaneous Bashkir speech (based on dialect discourses) // *Russian Turkology*. 2024. № 1–2 (42–43). P. 30–41. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-30-41.

Введение

Исследование устной речи является одним из актуальных и стремительно развивающихся направлений в современной лингвистике. Как отмечают А.А. Кибрик и В.И. Подлеская: «Наши представления о любом естественном языке являются неполными и даже искаженными, если они не основываются на данных устной формы этого языка» [Рассказы о сновидениях 2009: 26].

В башкирской лингвистике устная речь также остается одной из малоизученных сфер, не исследованы способы организации устной речи, не проанализированы лексические единицы, характерные только для данной формы языка.

В башкирской устной речи в большом количестве фиксируются вспомогательные единицы коммуникации, осуществляющие в потоке речи функции организационного и регулятивного характера.

Одни из них, например, позволяют указывать на начало (*бына* ‘вот’) или окончание смыслового отрезка (*шул* ‘вот; так; всё’, *шулай* ‘вот; так; всё; вот так’ и др.), другие же помогают фокусировать внимание собеседника на наиболее информативной составляющей с точки зрения говорящего (*бына* ‘вот’, *ошо* ‘это; вот’ и др.), выразить ту или иную эмоцию по отношению к сообщаемой им информации (*бына һиңә* ‘вот это да’, букв. ‘вот тебе’ (выражает удивление); *куй инде* ‘и не говори; к сожалению’ букв. ‘оставь уж’ (выражает сожаление, жалость); *кит әле* ‘и не говори; да брось’, букв. ‘уйди уж’ (выражает возражение), третьи призваны восполнить образовавшиеся паузы в процессе коммуникации (*ни* ‘это самое; как его там’, *теге* ‘того; это самое’).

Такие речевые единицы до недавнего времени лингвистами рассматривались как слова-паразиты или слова-сорняки [Виноградов 1947: 744; Зайнуллина 2002: 201; Щерба 1957: 269], представляющие собой «асемантические единицы речи, которые не несут информационной нагрузки и не выполняют дополнительных функций, имеющих отношение к информационному содержанию речи» [Российский гуманитарный энциклопедический словарь 2002: 253].

Употребление в речи таких речевых единиц ученые прежде считали неотвратимым и связывали с ограниченным словарным запасом, низким уровнем речевой культуры говорящего либо результатом незнания предмета речи [Розенталь, Теленкова 1985: 257–258; Кротова 2010: 239]. Однако, как отмечает В.А. Плунгян, «в языке все функционально, все для чего-то нужно. Если бы какой-то элемент языка ни для чего не был нужен, вряд ли бы он существовал» [Плунгян 2014].

Создание баз данных и корпусов по устной речи в значительной степени расширило диапазон исследований по данному направлению и предоставило возможность лингвистам анализировать различные аспекты устной речи, в том числе взглянуть на вспомогательные единицы коммуникации под другим ракурсом. На материале репрезентативных баз данных и электронных корпусов они рассматриваются не как засоряющие и избыточные элементы речи, а как вспомогательные и важные для построения, реализации и восприятия.

В лингвистической литературе за ними закрепились термины «дискурсивы» [Дыбо, Куканова, Егорова, 2019], «дискурсивные слова» [Викторова, 2014; Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993], «дискурсивные маркеры» [Шустова, Царенко 2018] и др.

До недавнего времени такие вспомогательные единицы коммуникации оставались вне поля зрения башкирских лингвистов в силу немногочисленного количества устных дискурсов.

Единственным бумажным изданием, содержащим транскрибированные диалектные тексты с переводом на русский язык, на сегодня являются «Образцы башкирской разговорной речи» [Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр 1988]. Включенные в данную хрестоматийную книгу образцы устной речи из всех выделенных диалектных зон башкирского языка, как можно предположить, были в значительной степени отредактированы составителями и прошли определенную «шлифовку». Они в некоторой степени приведены к норме письменного языка, не учтены многие характерные для устной речи явления.

Ситуация начала меняться в 2017 г., когда сотрудники Лаборатории лингвистики и информационных технологий отдела языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН (ныне отдел прикладной лингвистики и диалектологии) приступили к разработке

диалектного корпуса башкирского языка с привлечением транскрибированных текстов восточного диалекта, собранных и расшифрованных самими сотрудниками. Тексты размещены в Текстологической базе Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка [Диалектологический подфонд].

Диалектные тексты, отражающие живую речь носителей восточного диалекта башкирского языка, дают возможность исследовать не только лексические, фонетические и грамматические особенности диалектов, но и экстралингвистические элементы спонтанной речи (смех, кашель, вздохи, плач и т.д.), речевые сбои (паузы хезитации, оговорки, фальстарты, обрывы и т.д.), сопровождающие ее, которые дополнительно отмечены в базе [Бускунбаева, Сиразитдинов 2020: 93].

В рамках гранта РНФ «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» был собран богатый экспедиционный материал, охватывающий все три диалекта башкирского языка – восточный, южный и северо-западный. Устные дискурсы расшифровываются, основываясь на принципах транскрибирования и лингвистической разметки диалектного корпуса башкирского языка.

Материалом исследования послужили как полевые записи автора, так и транскрибированные тексты диалектного корпуса башкирского языка. В качестве основной формы данных дискурсов выступает монолог.

Данные тексты дают возможность на обширном материале выявлять и анализировать те аспекты живой речи, которые были ранее недоступны из-за недостаточного количества необходимого фактического материала, доступного широкому кругу исследователей.

Представительная база позволяет выявлять новые значения слов, определять их новые функции, выполняемые в системе языка и речи.

В данном исследовании проводится подробный лингвистический анализ одного из наиболее частотных пластов дискурсивов – вербальных хезитативов, зафиксированных в диалектных дискурсах.

1. Хезитация в башкирской устной речи

Научный интерес к одному из основных структурных компонентов устной речи – хезитации – с каждым годом увеличивается. Лингвисты в своих исследованиях проводят классификацию хезитативов, рассматривают функции того или иного маркера [Подлеская, Кибрик 2005; Подлеская, Кибрик 2007; Богданова-Бегларян 2014; Викторова 2014; Малов, Горбова 2007; Яковлева 2021]. В башкирском языкознании исследования в этом направлении только начинаются [Бускунбаева 2019; 2021].

Как известно, устная речь характеризуется спонтанностью, неподготовленностью, эмоциональностью и отсутствием времени на обдумывание. Процесс порождения речи происходит одновременно с процессом обдумывания, что нередко ведет к речевым сбоям, подразумевающим возникновение оговорок, повторов, самокоррекций, хезитационных пауз и т.д.

Основными причинами возникновения хезитативов являются коммуникативные затруднения в потоке речи, связанные с проблемой планирования структуры следующего фрагмента, подбора более уместного слова, соответствующего ис-

ходному замыслу говорящего либо припоминания конкретного слова, дат, названий и т.д., которые буквально «вылетели из головы» (*баштан сыккан*). Они могут быть также вызваны эмоциональным состоянием говорящего, например, взволнованностью или напряженностью. Как отмечает В.А. Плунгян, хезитатив, являясь необходимым средством для построения устной речи, «дает человеку в том числе и возможность перевести дух, расслабиться, продумать конструкцию фразы, не прекращая говорить» [Плунгян 2014].

Следовательно, утверждение ученых об употреблении данных речевых единиц только людьми с низкой культурой общения, со скудным словарным запасом не является корректным. Как показал исследуемый диалектный материал, они свойственны всем носителям языка независимо от пола, возраста или уровня образования. Однако чрезмерное употребление хезитативов в речи, в свою очередь, может негативно сказаться на восприятии получаемой информации и стать раздражающим фактором для слушателя. Вместе с тем, и отсутствие в речи вспомогательных речевых единиц производит «впечатление прагматической неправильности, а говорящий воспринимается как иностранец» [Levontina, Shmelev 2007].

В отечественной лингвистике классификация хезитационных пауз разработана достаточно полно [Александрова 2004: 10; Яковлева 2021: 101]. В качестве хезитационных пауз могут выступать незаполненные паузы, вздохи, покашливание, цоканье, прочищение горла для отвлечения внимания собеседника от временных речевых затруднений у говорящего, вокализованные паузы (э-э, *ы-ы*, *м-м*), удлинение звуков (*уйлайым эле-е* ‘(по)думаю еще’), асемантические единицы речи (*ни* ‘это самое’, *теге* ‘того’, *ну*), развернутые вербальные единицы (*нисек айтергэ* ‘как сказать’, *нимэ тиергэ* ‘что сказать’).

В данном исследовании будут рассмотрены вербальные хезитационные паузы, представленные асемантическими единицами речи.

Вербальные хезитативы могут быть представлены как полнозначными словами, так и служебными, которые в результате асемантизации основного значения начинают выполнять прагматическую функцию – заполнителя непреднамеренных пауз в устной речи.

В устной речи башкир зафиксированы как исконные (*ни*, *теге*), так и заимствованные (*ну*, *так*) вербальные хезитативы.

1.1. Вербальный хезитатив *ни* (разговорная форма *ней*)

Основным маркером хезитации в башкирском языке выступает вопросительное местоимение *ни* ‘это самое, как его (ее, их)’. В «Академическом словаре башкирского языка» также отмечается способность этого местоимения выступать в качестве заместителя того или иного слова: *Нимәлер айтергә укталып, айтә алмай торганда, һүҙ араһына иңдерелә* ‘Говорится между слов, когда забываешь, что сказать, или не можешь выразить свою мысль’ [Башкорт теленең академик һүҙлеге 2014: 547].

Данный хезитатив применяется преимущественно при возникших у информанта коммуникативных затруднениях при подборе необходимой речевой единицы. Хезитатив *ни* в устной речи может заменить фактически любое полнозначное слово, выраженное существительным, глаголом или прилагательным.

Наибольшее количество запросов на «поиск» подходящей речевой единицы приходится на имена существительные: *аның баксаһынта #жымылысы# бар // ней (э-э) крыжовнигы бар // карагаты бар* ‘у нее в саду есть жимолость // есть / как его / крыжовник // есть смородина’; *башка () нейләр / мышынан башка нейзәр (э-э) йуж // бүре бик һирәк күренә инде алар // төлкөләр бар* ‘еще эти / кроме лосей других этих самых нет // волки они редко появляются // есть лисы’.

Информанты часто данным хезитативом заменяют и глаголы, которые не сразу всплыли в памяти. Хезитатив *ни* может принимать форму взаимного (*нитешеу*), возвратного (*нителеу*) или понудительного залогов (*нитеу*): *нигез-һәгезен нитешеп / күмәктәп эштәп сыктыг инде өйзә* ‘фундамент вместе это самое / общими силами построили дом и заселились’; *мна был өйзәңтенасы #просты # акбеләннителгән* ‘стены вот этого дома просто штукатуркой это самое сделано’; *без аны ана шул нитеп / хөрмәт итеп иҫкә алабыз инде* ‘мы его это самое / вспоминаем с большим уважением’.

Исследуемый хезитатив в потоке речи может заменить и прилагательные: *һалык шул тиклем дә ней булды инде / татыу булды бер береһе белән* ‘люди до того были этими самыми / были дружны между собой’; *йәй [без] беззә эсе / ней (..) йелһез* ‘лето у нас жаркое / как его / безветренное’.

Данный хезитатив, употребляясь в речи в функции поиска необходимого слова или словосочетания, получает несколько вариантов решения проблемы. Информант может тотчас же отреагировать и заменить его необходимым словом: *ун йезе йәштек кенә кыззы нейзән / Әпкәсимдән каләш итеп алып килде* ‘он привел невестку из / как его / из Апкасимово’; *ул нейгә / трассага тиклем () бара инде* ‘он же идет до этого самого / до трассы’.

Информант может договорить проблемный фрагмент с использованием хезитатива *ни*, а затем откорректировать его: *нейгә ат калхуздан ат биргәндәр эйе / сәт йыйырга* ‘колхоз выделил лошадь для этого / для сбора молока’; *#ишеу# әллә ниндей куркыныс нейзәр сөйзәйзәр / каникулга кайтканда / әкейәттәр* ‘еще рассказывают страшные эти / когда приезжали на каникулы / сказки’.

Хезитатив *ни* может и не корректироваться в речи, поскольку «конкретная коммуникативная ситуация, багаж знаний и контекст дают возможность реципиенту самому воссоздать требующий коррекции элемент речи без ущерба для правильного восприятия информации» [Бускунбаева 2021: 180]. Преимущественно исправлению не подвергается предикат, выраженный глаголом, так как имеющийся лексико-грамматический состав позволяет правильно «расшифровать» имплицитно выраженный предикат [Бускунбаева 2021: 180]: *Урал йылғаһыага // йәйгәнөбигерәк нейтеп китә // әлетаһкын* ‘протекает река Урал // летом она это самое // сейчас половодье’. Здесь лексико-грамматический состав позволяет правильно «расшифровать» вербальный хезитатив с функцией поиска. В данном примере хезитатив *нейтеу* заменяет предполагаемый по смыслу глагол *һайығыу* ‘мельеть, обмельеть’.

1.2. Вербальный хезитатив *теге*

В башкирской лингвистике данная лексема рассматривается как указательное местоимение, имеющее семантику дальности и противостоящее местоимению *был* ‘этот’.

Н.К. Дмитриев в «Грамматике башкирского языка» лексему *теге* также относит к разряду указательных местоимений: «*Теге* (...) указывает на предмет, о котором мы что-то знаем из предыдущего опыта (временное соотношение) или на территории которого мы в настоящее время находимся (пространственное соотношение)» [Дмитриев 1948: 99].

В «Академическом словаре башкирского языка» выделяются два основных оттенка употребления слова *теге*:

1. *Иштә, һүззә бер тапкыр булган кешегә йәки нәмәгә киренән тоскаганда әйтелә* ‘Употребляется при указании на кого-л. или что-л. уже известное или упоминавшееся’. Тот, те.

2. *Күззә тотолган бер кешегә, нәмәгә йәки төшөнсәгә тоскаганда әйтелә* ‘Употребляется при указании на кого-л. или что-л. подразумевающееся’. Тот. [Башкорт теленә академик һүзлегә 2016: 216].

В «Грамматике современного башкирского литературного языка» отмечается, что местоимение *теге*, наряду с местоимениями *шул*, *анау*, *ул*, указывает «на более удаленные предметы, знакомые до момента данной речевой ситуации» [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981: 155].

Как можно увидеть, в лингвистических исследованиях и в толковых словарях башкирского языка отмечается дейктическая (указательная) функция слова *теге*. В то же время функции *теге* в устной речи не исчерпываются только дейктической, их можно выявить намного больше.

В результате асемантизации основного значения указательное местоимение *теге* ‘тот’ в спонтанной речи приобретает прагматическое значение и начинает выступать в роли дискурсива. Полифункциональность данного дискурсива подтверждается многочисленными примерами его употребления.

В устной речи лишенный конкретного лексического содержания *теге* может выступать в функции акцентива для выделения наиболее информативного по мнению говорящего слова или речевого фрагмента. Данный дискурсив располагается препозитивно к акцентируемому слову и преимущественно произносится безударно, в то время как последующее за ним слово получает логическое ударение (*теге инәйем әйтмешләй / ир хәтер калтыра / каз төнөн йоконо калтыра* ‘как говорила вот моя мама / муж огорчает / гусь по ночам сон отнимает’).

В спонтанной речи данный дискурсив активно выполняет хезитативную функцию, заполняя непреднамеренные паузы в процессе речепроизводства. Чаще всего данный хезитатив используется при возникновении определенных трудностей в продолжении своей речи, построении дальнейшего речевого фрагмента (*теге (?...) ай(ы)на бер мәртәбә генә түгел / атна сайын акса бирәләр* ‘как там / деньги дают не каждый месяц / каждую неделю’) либо при столкновении с проблемой в припоминании деталей, касающихся темы разговора (*берәүе #смейный садик# // унда теге (э-э) йетеме / алтымы бала йөрөй* ‘один из них семейный садик // туда ходят / сколько там / или семь / или шесть детей’).

Данный хезитатив, в отличие от хезитатива *ни*, редко выступает в поисковой функции. Было зафиксировано только два примера, когда информант незамедлительно реагирует на проблемный фрагмент и корректирует его: *тегендәге (э-э) Йауымбайзагы өйзә (..) һатып / мынан өй һатып алдым инде* ‘продав там (э-э) в Яумбаево дом / купила дом здесь’; *тегеңә (..) #сталауайга# (ы-ы) туң бәрәңге*

китерэләр изе ‘туда (..) в столовую (ы-ы) привозили замерзшую картошку’. На хезитативную функцию указывает наличие паузы после хезитатива *теге*. Как показывают примеры, хезитатив принимает аффикс последующего слова.

2. Заимствованные вербальные хезитативы

Наряду с исконными вербальными хезитативами в башкирской устной речи функционируют и заимствования из русского языка.

2.1. Вербальный хезитатив *ну*

Анализируемые диалектные материалы показали высокий функциональный и прагматический потенциал дискурсива русского языка *ну* в башкирском языке. Он настолько адаптировался и вжился в устную речь башкир, что носители воспринимают его как исконную речевую единицу.

Исследуемый хезитатив *ну* зафиксирован в «Академическом словаре башкирского языка», где рассматривается как частица русского происхождения. В словаре выделено два его значения:

1. *Һүзгә, яуапка ыңғайлатып, һорау биргәндә әйтелә; йә.* ‘Употребляется при побуждении собеседника к ответу. Соответствует башкирскому *йә*’. Ну.

2. *Аптырау, гәжәпләнеүзе; борсолоу, үкенеүзе һ.б. белдерә; эй.* ‘Употребляется при выражении удивления, восхищения, беспокойства либо сожаления. Соответствует башкирскому *эй*’ [Башкорт теленең академик һүзлеге 2014: 588–589].

В башкирской устной речи у дискурсива *ну* спектр прагматических функций намного шире, чем представлен в академическом словаре. Полифункциональность данного дискурсива проявляется в его способности в процессе коммуникации выполнять самые различные прагматические роли. Он помогает говорящим обеспечивать связность и целостность речи, маркировать исправления (*ал йаланта / нуу (..) ал урманта йаңкызак күп була торгайны* ‘на этой поляне / ну-у, (..) в этом лесу было много земляники’), сфокусировать внимание реципиента на наиболее важной и информативной составляющей, коммуникативно и акцентуально выделяя ее, усиливать значение последующего слова (*нуу кыш озон бит беззә* ‘ну-у, зимы ведь очень длинные у нас’), придавать речи экспрессивности, эмоциональности, оценочности (*нуу холкон аның беләң бит инте* ‘ну-у, ты же знаешь его характер’ (выражает осуждение)).

Одной из наиболее распространенных функций данного дискурсива в устной речи является хезитативная, о чем свидетельствуют и исследования многих ученых [Ерофеева, Юшкова 2021: 17; Плунгян 2014] и др. Он предоставляет информанту время для подбора необходимой речевой единицы или формулировки следующего фрагмента речи: *у хәттем һыуык безең бумай #канешны# / нуу (...)* *утыз алты була* ‘у нас не бывают такие холода / конечно / ну-у (...) тридцать шесть бывает’; *өс-дүрт сутыйзан / нуу (э-э-э) / илле-алтмыш бизерә алабыз* ‘с трех-четырёх соток земли получаем / ну-у / пятьдесят-шестьдесят ведер’ (речь идет о картофеле).

2.2. Вербальный хезитатив *так / тәк*

В исследуемых диалектных дискурсах в хезитативной функции широко распространены и заимствованный *так / тәк*.

В толковом словаре башкирского языка *тәк* зафиксирован как русское заимствование. Оно рассматривается как модальное слово, употребляющееся для выражения согласия: «*Нимә менәндәр килешкәнде, риза булганды һ.б. белдерә. Так* (выражает согласие с чем- или кем-либо)» [Башкорт теленең аңлатмалы һүзлеге 2016: 737].

Как показывает анализируемый материал, значение данного слова в башкирской устной речи намного шире. Информанты очень часто используют данный хезитатив при припоминании какого-либо факта, дат, названий и т.д. (*шаан / беҙең ауыл тирәһендә / #таак# / нимәкәй әле ул? (..) (э-э) Буртәк тигән нейе бар инде / бәләкәй генә тау* ‘затем / возле нашей деревни / так / как там его? (..) (э-э) есть это самое / Буртек / небольшая гора’; *өй беҙең () #так# (..) #нисйат квадратных метрыф# тирәһе* ‘наш дом () так (..) примерно пятьдесят квадратных метров’). Употребление данного маркера хезитации часто сопровождается последующей самокоррекцией: *Аллаға шөкөр / утыз / #тәк# (..) утыз алты йыл йәшәб йаталар #ужы# әй* ‘слава Аллаху / вместе живем уже тридцать / так (..) тридцать шесть лет’.

Данный хезитатив часто произносится с удлинением гласного звука, тем самым давая информанту время на обдумывание: *техникумға кергән инем / шунан шуны (ы-ы) / тәк / һиксән икенсе йыл бөтөрҙөм мин* ‘поступил в техникум / затем его (ы-ы) та-ак / окончил в восемьдесят втором году’; *йетмеш сигезенсе йыл #кажется# // актйабыр айының (..) таак (э-э) әле синтйабыр / синтйабыр айының азағында () кар йаузы* ‘кажется / семьдесят восьмой год // в октябре (..) так (э-э) в конце сентября выпал снег’.

Заключение

Таким образом, в устной речи башкир нашли широкое распространение слова, которые в результате утраты лексических значений начинают выполнять прагматическую роль. Анализ базы данных и корпусов устной речи позволяет прийти к выводу о том, что диапазон употребления и количество значений слов, которые выполняют такую функцию, намного шире, чем указано в словарях.

Такие, казалось бы, лишние на первый взгляд слова служат для заполнения образовавшихся во время коммуникативного акта пауз. Говорящий за счет хезитативов выигрывает время на подбор нужного слова или формулировку следующего фрагмента речи. Основными маркерами хезитации могут выступать как исконные, так и заимствованные речевые единицы.

Литература

- Александрова 2004 – Александрова О.А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 24 с. {О.А. Aleksandrova. Speech-communicative status of the hesitation pause: Ph.D. diss. abstract. – Velikiy Novgorod, 2004. – 24 p.}
- Баранов, Плунгян, Рахилина 1993 – Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.

- {*A.N. Baranov, V.A. Plungiyar, Ye.V. Rakhilina*. Guide to discursive words of the Russian language. – Moscow: Pomovskiy i partnery, 1993. – 207 p.}
- Богданова-Бегларян 2014 – *Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 3(27). – С. 7–20. {*N.V. Bogdanova-Beglaryan*. Pragmatemes in everyday speech: definition of the concept and general typology // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. – 2014. – Issue 3(27). – PP. 7–20.}
- Бускунбаева 2021 – *Бускунбаева Л.А.* Функционирование вербального хезитатива *ни / ней* ‘это самое’ в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // Oriental Studies. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 172–185. – DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185. {*L.A. Buskunbayeva*. Functioning of the verbal hesitation marker *ni / ney* ‘whatchamacallit’ in oral monologues of Bashkirs: A case study of Bashkir dialectal texts // Oriental Studies. – 2021. – Vol. 14. – No. 1. – PP. 172–185. – DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185.}
- Бускунбаева, Сиразитдинов 2020 – *Бускунбаева Л.А., Сиразитдинов З.А.* Разработка аудиокорпуса восточного диалекта башкирского языка: проблемы и перспективы // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2020. – № 2. – С. 90–97. {*L.A. Buskunbayeva, Z.A. Sirazitdinov*. Creating the audio corpus of the Eastern dialect of the Bashkir language: problems and prospects // Bulletin of Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – No. 2. – PP. 90–97.}
- Бускунбаева 2019 – *Бускунбаева Л.А.* Роль хезитационных пауз в башкирской диалектной речи (на материале диалектного корпуса башкирского языка) // Алтайское языкознание: проблемы и исследования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 150-летию первой «Грамматики алтайского языка». – Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2019. – С. 148–154. {*L.A. Buskunbayeva*. The role of hesitation pauses in Bashkir dialect speech (based on the data of the dialect corpus of the Bashkir language) // Altaic Linguistics: Problems and Research. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 150th anniversary of the first “Grammar of the Altai language”. – Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies, 2019. – PP. 148–154.}
- Викторова 2014 – *Викторова Е.Ю.* Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 27–34. {*Ye.Yu. Viktorova*. Functioning of discursive words with diffuse meaning // Bulletin of Tomsk State University. – 2014. – No. 383. – PP. 27–34.}
- Викторова 2014II – *Викторова Е.Ю.* Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи // Филология и человек. – 2014. – № 4. – С. 15–26. {*Ye.Yu. Viktorova*. Discursive words of different types in oral and written scientific speech // Philology and Human. – 2014. – No. 4. – PP. 15–26.}
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. – М.–Л.: Учпедгиз. – 784 с. {*V.V. Vinogradov*. The Russian language: grammatical study about the word. – Moscow–Leningrad: Uchpedgiz, 1947. – 784 p.}
- Грамматика современного башкирского литературного языка 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с. {Grammar of modern Bashkir literary language / Ed. by A.A. Yuldashev. – Moscow: Nauka, 1981. – 495 p.}
- Диалектологический подфонд – Диалектологический подфонд Машинного фонда башкирского языка. – URL: mfbl2.ru/mfbl/bashdial (дата обращения: 15.03.2024). {Dialectological subfund of the Bashkir Language Machine Fund. – URL: mfbl2.ru/mfbl/bashdial (access date: 15.03. 2024).}
- Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. – 280 с. {*N.K. Dmitriyev*. Grammar of the Bashkir language. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. – 280 p.}
- Дыбо, Куканова, Егорова 2019 – *Дыбо А.В., Куканова В.В., Егорова Н.Г.* Частица *же* в калмыцком языке: этимология, функционирование и семантика (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов) // Oriental Studies. – 2019. – Т. 12. – № 6. – С. 1176–1188. – DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188>. {*A.V. Dybo, V.V. Kukanova, N.G. Yegorova*. Kalmyk particle *же*: etymology, functioning and semantics (based

- on the Kalmyk National Corpus and informants' data) // *Oriental Studies*. – 2019. – Vol. 12. – No. 6. – PP. 1176–1188. – DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188>.}
- Ерофеева, Юшкова 2021 – *Ерофеева Е.В., Юшкова С.Е.* Дискурсивные слова в устной спонтанной речи: социальное, индивидуальное и тематическое варьирование // Социо- и психолингвистические исследования. – 2021. – Вып. 9. – С. 15–26. {*Ye.V. Yerofeyeva, S.Ye. Yushkova.* Discursive words in oral spontaneous speech: Social, individual and thematic variation // *Social and Psycholinguistic Studies*. – 2021. – Issue 9. – PP. 15–26.}
- Зайнуллина 2002 – *Зайнуллина Г.Д.* Русско-башкирский терминологический словарь по языкознанию. – Уфа: БГУ, 2002. – 280 с. {*G.D. Zaynullina.* Russian-Bashkir terminological dictionary of linguistics. – Ufa: Bashkir State University, 2002. – 280 p.}
- Кротова 2010 – *Кротова Л.Г.* Чистота речи или употребление слов-паразитов на телевидении // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 10. – Ч. 1. – С. 238–242. {*L.G. Krotova.* Purity of speech or the use of parasite words on television // *Value System of Modern Society*. – 2010. – No. 10. – Part 1. – PP. 238–242.}
- Малов, Горбова 2007 – *Малов Е.М., Горбова Е.В.* Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной речи». – СПб.: СПИИРАН, 2007. – С. 31–37. {*Ye.M. Malov, Ye.V. Gorbova.* Discursive words in Russian colloquial speech (based on the analysis of spontaneous colloquial speech) // *Proceedings of the 1st interdisciplinary seminar “Analysis of colloquial speech”*. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute for Informatics and Automation (RAS), 2007. – PP. 31–37.}
- Плунгян 2014 – *Плунгян В.А.* «Ну» – одно из древнейших индоевропейских слов [Электронный ресурс] // Постнаука. – 2014. – URL: <https://postnauka.ru/talks/27774> (дата обращения: 03.05.2024). {*V.A. Plungyan.* “Nu” as one of the oldest Indo-European words [Electronic source] // *Postnauka*. – 2014. – URL: <https://postnauka.ru/talks/27774> (access date: 03.05.2024).}
- Подлеская, Кибрик 2005 – *Подлеская В.И., Кибрик А.А.* Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог. – М., 2005. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> (дата обращения: 03.05.2024). {*V.I. Podlesskaya, A.A. Kibrik.* Correction of errors in oral spontaneous speech: experience of corpus research [Electronic source] // *Computational Linguistics and Intelligent Technologies. Dialogue*. – Moscow, 2005. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf> (access date: 03.05.2024).}
- Подлеская, Кибрик 2007 – *Подлеская В.И., Кибрик А.А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. – 2007. – Т. 2. – № 23. – С. 2–23. {*V.I. Podlesskaya, A.A. Kibrik.* Speaker self-corrections and other types of speech errors as an object of annotation in oral speech corpora // *Scientific and Technical Information Processing*. – 2007. – Vol. 2. – No. 23. – PP. 2–23.}
- Рассказы о сновидениях 2009 – Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / Ред. А.А. Кибрик, В.И. Подлеская. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 736 с. {*Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse* / Ed. by A.A. Kibrik, V.I. Podlesskaya. – Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2009. – 736 p.}
- Розенталь, Теленкова 1985 – *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с. {*D.E. Rosenthal, M.A. Telenkova.* Reference dictionary of linguistic terms. – Moscow: Prosveshcheniye, 1976. – 543 p.}
- Российский гуманитарный энциклопедический словарь 2002 – Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. – Т. 2. – 720 с. {*Russian encyclopedic dictionary of the humanities*. – Moscow: VLADOS Publishing Centre for the Humanities; St. Petersburg: Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, 2002. – Vol. 2. – 720 p.}
- Шустова, Царенко 2018 – *Шустова С.В., Царенко Н.М.* Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 21–23. – DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-3. {*S.V. Shustova, N.M. Tsarenko.* Discursive markers as a means of forming pragmatic linguistic competence // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. – 2018. – Vol. 4. – No. 2. – PP. 21–23. – DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-3.}

- Щерба 1957 – *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с. {*L.V. Shcherba. Selected works on the Russian language. – Moscow: Uchpedgiz, 1957. – 188 p.*}
- Яковлева 2021 – *Яковлева Э.Б.* Феномен речевых хезитаций. – М.: ИНИОН РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2021. – 215 с. {*E.B. Yakovleva. Phenomenon of speech hesitations. – Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Centre for Humanitarian Scientific and Information Research, 2021. – 215 p.*}
- Levontina, Shmelev 2007 – *Levontina I., Shmelev A.* False emptiness: are so called “parasitical words” really semantically void? [electronic source]. – URL <https://www.semanticscholar.org/author/I.-Levontina/65991029> (access date: 20.05.2024).
- Башкорт теленең академик һүзлеге 2014 – Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда. – Т. VI: (Л–Ө хәрефтәре) / Ф.Г. Хисамитдинова редакцияһында [Академический словарь башкирского языка: в 10 томах. – Т. VI: (Буквы Л–Ө) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой]. – Өфө: Китап, 2014. – 944 б. {*Academic dictionary of the Bashkir language: in 10 vols. – Vol. 6: (Letters L–Ö) / Ed. by F.G. Khisamitdinova. – Ufa: Kitap, 2014. – 944 p.*} (In Bashkir.)
- Башкорт теленең академик һүзлеге 2016 – Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда. – Т. VIII: (Т хәрефе) / Ф.Г. Хисамитдинова редакцияһында [Академический словарь башкирского языка: в 10 томах. – Т. VIII: (Буква Т) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой]. – Өфө: Китап, 2016. – 832 б. {*Academic dictionary of the Bashkir language: in 10 vols. – Vol. 8: (Letter T) / Ed. by F.G. Khisamitdinova. – Ufa: Kitap, 2016. – 832 p.*} (In Bashkir.)
- Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр 1988 – Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр / Ред. Н.Х. Мәксүтова [Образцы башкирской разговорной речи / Ред.: Н.Х. Максютова]. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1988. – 224 б. {*Samples of Bashkir colloquial speech / Ed. by N.Kh. Maksyutova. – Ufa: Bashkortostan Publishing House, 1988. – 224 p.*} (In Bashkir.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 42–55. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.141

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-42-55

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ДЕРЕВЬЕВ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНЫХ ДИСКУРСОВ)

*Анита Шаукатовна Ишмухаметова*¹

¹ Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия
младший научный сотрудник
e-mail: ishmuhametova_anita@mail.ru
Scopus ID: 57219266788
ORCID: 0000-0001-9603-654X

© ИЯз РАН, 2024

© Ишмухаметова А.Ш., 2024

Аннотация: Статья посвящена анализу одной из подгрупп названий лекарственных растений в башкирском языке и его диалектах. Источниковую базу работы представляет словарный фонд башкирского языка, содержащийся в лексикографических изданиях, а также диалектные тексты, которые представлены в Диалектологической базе Машинного фонда башкирского языка, разработанной сотрудниками Лаборатории лингвистики и информационных технологий (ныне Отделом прикладной лингвистики и диалектологии) Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН. Объектом исследования стала лексико-семантическая подгруппа «лекарственные деревья» в башкирском языке. В статье автором проанализированы и систематизированы научные и диалектные названия некоторых деревьев, в том числе с точки зрения их лекарственных свойств, таких как *тирәк* 'тополь', *карама* 'вяз', *тал* 'ива' и др., проводится сравнение с другими тюркскими языками, отмечены фонетические особенности. В ходе исследования выявлены башкирские топонимы, образованные на основе соответствующих фитонимов. Отмечено, что в целом исследование лексики «лекарственные растения» в диалектах башкирского языка позволяет не только расширить наше понимание местной флоры, но и проследить связь между языком и культурой этноса. Это напоминает нам о важности сохранения родных языков и традиций, которые являются ключевыми элементами культурного многообразия нашего мира.

Ключевые слова: башкирский язык, названия деревьев, диалектизмы, названия лекарственных растений, башкирские фитотопонимы, разговорная речь, диалектный дискурс, диалектологическая база.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01343 «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)».

Для цитирования: *Ишмухаметова А.Ш.* Наименования лекарственных деревьев в башкирском языке (на материале диалектных дискурсов) // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 42–55. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-42-55.

Names of medicinal trees in Bashkir language (based on the data of dialect discourses)

*Anita Shaukatovna Ishmukhametova*¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
Junior Researcher
e-mail: ishmuhametova_anita@mail.ru
Scopus ID: 57219266788
ORCID: 0000-0001-9603-654X

© IL RAS, 2024

© Ishmukhametova A.Sh., 2024

Abstract: The article is devoted to the analysis of the names of medicinal plants in the Bashkir language and its dialects. The source base of the work is the vocabulary of the Bashkir language contained in lexicographic publications, as well as dialect texts presented in the Dialectological database of the Bashkir Language Machine Fund, developed by employees of the Laboratory of Linguistics and Information Technologies (now the Department of Applied Linguistics and Dialectology) of the Institute of History, Language and Literature of the UFSC RAS. The object of the study was the lexical and semantic group “medicinal trees” in the Bashkir language. In the article, the author analyzes and systematizes the scientific and dialect names of some medicinal plants, such as *мурәк* ‘poplar’, *карама* ‘elm’, *тал* ‘willow’, etc., in comparison with other Turkic languages, phonetic features are also noted. It is remarked that the study of the vocabulary of “medicinal plants” in the dialects of the Bashkir language allows not only to expand our understanding of the local flora, but also to trace the connection between the language and the culture of an ethnic group. This reminds us of the importance of preserving native languages and traditions, which are the key elements of cultural diversity of our world.

Key words: Bashkir language, names of trees, dialectisms, names of medicinal plants, Bashkir phytotoponyms, colloquial speech, dialect discourse, dialectological base.

Acknowledgement: The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01343 “Code switching in the context of Bashkir-Russian bilingualism (based on dialect discourses)”.

For citation: Ishmukhametova A.Sh. Names of medicinal trees in Bashkir language (based on the data of dialect discourses) // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 42–55. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-42-55.

Введение

Современная лингвистика выдвигает новые подходы к исследованию говоров языка, способствующие более быстрой и объективной обработке языковых данных. Это актуализирует задачу сбора и анализа полевых данных по говорам башкирского языка на сегодняшнем этапе при помощи новых методологий и подходов [Сиразитдинов и др. 2018: 99]. Например, коллективом Лаборатории лингвистики и информационных технологий (с 2023 г. – Отделом прикладной лингвистики и диалектологии) Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН была создана Диалектологическая база внутри Машинного фонда башкирского языка (далее – МФБЯ) с учетом значения и роли корпусов в изучении разговорной речи, фиксации словарного запаса населения. Она состоит из трех самостоятельных информационных разделов: лексики, диалектологического атласа и текстовой базы [МФБЯ: Диалектологическая база]. Материалы, включенные в базу,

позволяют проиллюстрировать фонетические, лексические и грамматические особенности каждого диалекта, говора.

Лексическая база содержит информацию из диалектных словарей, изданных в 1967, 1970, 1987, 2002 гг. и включает более 52 000 единиц [Бһһ 1967; Бһһ 1970; Бһһ 1987; БТДһ 2002]. В базе приводится диалектное слово, его принадлежность к какой-либо группе слов, диалекту, говору, литературная норма, перевод на русский язык. Также есть возможность поиска нужного слова по перечисленным признакам.

В основе базы диалектологического атласа лежат материалы «Диалектологического атласа башкирского языка», изданного в 2005 г., то есть систематизированная совокупность диалектологических карт, показывающих регионы распространения диалектов башкирского языка в их историческом развитии [ДАБЯ 2005]. Основу атласа составили материалы, подготовленные языковедами Института истории, языка и литературы под руководством Н.Х. Максютовой в 1973–1983 гг. Отражены территориальные особенности фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса языка башкир, проживающих в Республике Башкортостан и сопредельных с ней Курганской, Свердловской, Челябинской, Самарской, Саратовской, Оренбургской областях, Пермском крае, нанесено на карты 250 экспедиционных материалов из 400 башкирских деревень [Сиразитдинов и др. 2016: 214].

В текстологической базе размещены образцы башкирской разговорной речи. На сегодняшний день включено около 600 текстов из разных говоров башкирского языка. Предоставляется возможность поиска информации по диалекту, говору, годам записи, уровню образования информанта, возрасту, полу, национальности [Сиразитдинов и др. 2022: 52].

Следует отметить, что диалектологическая база МФБЯ является бесценным источником для проведения различных фонетических, лексических, грамматических исследований говоров и диалектов башкирского языка.

За последнее время мы наблюдаем рост интереса к целебным растениям. Использование дикорастущей растительности в лечебных целях существует с глубокой древности. Великий русский ученый И.П. Павлов говорил, что человечество с самого начала своего существования нуждалось в лечении. Учитывая это, люди столетиями изучали растения и их лекарственные свойства. Исследование фитонимов, растущих в Башкортостане, нашло отражение в работах Р.Б. Ахмедова (1999, 2006), В.З. Гумарова (1985, 1996), Р.Н. Каримовой (2005), Е.В. Кучерова (1989), Р.Г. Минибаева (1996), З.И. Минибаевой (2011), Р.З. Сафаровой (1984), Н. Уразметова (1952, Терминологический словарь по ботанике), М.Г. Усмановой (2015), С.С. Хайретдинова (2002), С.И. Янтурина (1981), Г.Н. Ягафаровой (2018) и др. Используя разные растения, башкиры говорили: «*Белһәң – дарыу, белмәһәң – ағыу*», что соответствует известной поговорке «Всё есть лекарство, и всё есть яд – дело в дозе». Как отмечает кандидат биологических наук С.Н. Жигунова, «на территории Республики Башкортостан встречается более 1800 видов высших сосудистых растений, из которых более 300 видов являются лекарственными» [Жигунова 2018: 109].

В рамках полевых исследований речевого пространства говоров башкирского языка была проведена детальная работа по выделению тематической группы лексики, связанной с флорой. Особое внимание было уделено лексико-семантиче-

ской подгруппе, охватывающей термины, связанные с лекарственными растениями. Материалы исследования включают в себя примеры живой устной речи коренных жителей различных возрастных групп, записанные в ходе научно-исследовательских экспедиций.

Каждая словарная статья в приведенном исследовании имеет следующую структуру: 1. Толкование в литературном башкирском языке; 2. Диалектные соответствия; 3. Примеры из записей диалектных употреблений; 4. Соответствия в других тюркских языках и этимологические комментарии; 5. Употребления в топонимии; 6. Лекарственные свойства.

Результаты и обсуждение

1. *Тирэк* ‘тополь’

1.1. Лекарственное дерево *тирэк* ‘тополь’ (лат. *Populus nigra*) в «Словаре башкирского языка» представлено в значении *һыу буйында үҙә торған йәшкелт буз кабыклы, өскөлөрәк япраклы бик эре агас* ‘очень крупное дерево с зеленовато-сизой корой и более светлыми листьями, растущее у воды’ [БТһ 1993: 361].

1.2. Данное слово имеет несколько диалектных соответствий в башкирском языке, например, в гайн. гов. – *тубил*, в нижебельск., танып., гайн., караид. гов. сев.-зап. диал. – *тубыл*, в среднеур. гов. вост. диал. – *тупыл* [ДСБЯ 2002: 332, 337], в сальют., аргаяш., среднеур. гов. вост. диал., в средн. гов. южн. диал. – *тупыл* [ДСБЯ 2002: 338], в гайн. гов. сев.-зап. диал. – *усытал*, в среднеур. гов. вост. диал. – *усытал*; а в средн. гов. южн. диал. *ак тирэк* ‘тополь белый’ – *диңгез тирәге*, в демск. гов. того же диалекта – *сынар* [МФБЯ: Диалектологическая база].

Из более 90 видов тополя (*ак тирэк* ‘тополь белый, или серебристый’, *һорголт тирэк* ‘тополь сероватый, или тополь сереющий’, *Канада тирәге* ‘тополь канадский’, *пирамидаль тирэк* ‘тополь пирамидальный’ и т.д. [Йәнтүрин 2011: 100; Усманова и др. 2015: 225]) в лекарственных целях пользуется *күк тирэк* (досл. ‘синий тополь’) ‘осокорь, тополь черный’.

1.3. Исследуемый фармакофитоним *тирэк* ‘тополь’ обнаружен в речи информантов восточного диалекта башкирского языка: *кара йаззан / мына хәзер / бөрөгә барыга кирәк / кайын / тирэк бөрөсөнә // дарыу үләннәре йыйнайым / +күб*итен¹ // лит. кара яззан бына хәзер бөрөгә барырга кәрәк / кайын / тирэк бөрөһөнә // дарыу үләндрә йыйнайым күп итен* ‘с ранней весны надо идти собирать почки березы / тополя // собираю много лекарственных трав’ (учал., м., ср., 67)². Тополя растут по берегам рек, в пойменных лесах, на каменистых и заболочен-

¹ Здесь и далее список используемых транскрипционных обозначений: / – знак сегментации синтагмы; // – знак сегментации повествовательного высказывания; !, ? – знак сегментации вопросительных и восклицательных фраз; # – переключение языковых кодов (с башкирского на русский); б* – билабиальный вариант согласного [б]; + – для указания языковых явлений, таких как элизия и ассимиляция.

² В тексте указываются следующие метаданные информанта: говор, пол, образование, возраст.

ных почвах. Распространены почти по всей территории Республики Башкортостан [ЭЭБ]. Ср.: *йылга буйынтарак тирәкләр үсә / Инйәр буйынта // лит. йылга буйындарак тирәктәр үсә / Инйәр буйында* ‘тополя растут по берегам рек / реки Инзер’; *безең Архангел районынта Тирәкле тигән ауыл та бар // лит. безең Архангел районында Тирәкле тигән ауыл да бар* ‘в нашем Архангельском районе есть и деревня Терекла’ (средн., ж., высш., 48).

1.4. Отметим, что лексема *tiräk* в значении ‘тополь’ встречается во многих тюркских языках: крх.-уйг. *teräk*, средне-кыпч., чаг., кирг., алт., шор., тув. *terek*, турк. *derek*, узб. *terak*, уйг. *teräk*, хак., чув. *tirek* [СИГТЯ 2001: 134]³. Ю. Дмитриева отмечает, что соответствия данного слова распространены в большинстве тюркских языков, в связи с чем его можно считать пратюркизмом. Г.И. Рамстедт и М. Рясянен в своих трудах указывают на то, что калмыцкое *ter^{3g}*⁴ было заимствовано из тюркских языков. К тюркскому же источнику возводит удм. *täreg*⁵ ‘ива-чернотал’ В.И. Алатырев [Алатырев 1967: 129]. М. Рясянен тюркское *terek* считает только результатом контаминации с персидским *deraxt*⁶ ‘дерево’ и многие исследователи выводят его из персидского фитонима [Räsänen 1969: 475; Егоров 1964: 252–253; Федотов 1996: 2, 235 – цит. по Дмитриева 2001: 19].

1.5. Фармакофитоним *тирәк* ‘тополь’ встречается в составе ойконимов и гидронимов Республики Башкортостан: *Тирәкәй* ‘Тирякай’ (<*Тирәккәй*, от *тирәк* ‘тополь’ + афф. уменьшительно-ласкательного значения *-кәй*) – деревня в Мишкинском р-не [Хисамитдинова и др. 2022: 40], *Тирәкле* ‘Терекла’ (от *тирәк* ‘осокорь’ с афф. *-ле*; ‘осокоревая’) – деревни в Нуримановском, Архангельском, Мелеузовском р-нах, *Тирәклегул* ‘Тиряклегуль’ (от *тирәкле* ‘осокоревое’ и *күл* ‘озеро’) – озеро в Кармаскалинском, Нуримановском, Мечетлинском р-нах, *Тирәклейылга* ‘Тирякле-елга’ (от *тирәкле* ‘осокоревая’ и *йылга* ‘речка’) – речка в Зианчуринском р-не РБ [Словарь топонимов 1980: 143].

1.6. В. Гумеров в своей кинге «Целебные растения родного края» пишет, что отвар почек тополя рекомендуется применять в народной медицине при нервных расстройствах, лихорадке, ревматических заболеваниях. О его пользе рассказывал информант ик.-сакм. гов. южн. диал.: *мына безең Қасмарт буйында тирәкләр + үсәб*утыра бит / шуларзың бөрөләре яман нык файзалы // лит. бына безең Қасмарт буйында тирәктәр үсеп ултыра бит / шуларзың бөрөләре үтә нык файзалы* ‘вот у нас на берегу Касмарки растут тополя / у них почки очень полезные’ (ик.-сакм., ж., ср., 68).

2. Шыршы ‘ель’

2.1. *Шыршы* ‘ель’ (лат. *Picea*) в «Словаре башкирского языка» представлено в значении *сатыры конус формаһында булған кысқа, каты ылыслы мәңге йәшел агас* ‘короткохвойное вечнозеленое дерево с конической кроной’ [БТһ 1993:

³ См. тж. написания: чув. *tirek* [Räsänen 1969], *тирәк I / тирек* [Федотов 1996 (2)].

⁴ В [Räsänen 1969] начертано: *ter^{3g}*.

⁵ В периферийных говорах удмуртского языка довольно широко представлена фонема, близкая к /æ/.

⁶ В [Räsänen 1969] начертано: *diraxt*.

682]. *Шыршы* ‘ель’ распространена преимущественно в равнинном правобережье нижнего течения реки Белой, на Уфимском плато и в северо-западной части Башкирского (Южного) Урала [ЭЭБ].

В «Русско-башкирском словаре по лесному делу» представлено несколько разновидностей указанного фармакофитонима, образованных с помощью уточняющего компонента: *Себер шыршыһы* ‘ель сибирская’, *көнсығыш шыршыһы* ‘ель восточная’, *тау шыршыһы* ‘ель горная’, *сәнскәкле шыршы* ‘ель колючая’, *күк шыршы* ‘ель синяя’, *корт йырған шыршы* ‘ель червоточная’, *кара шыршы* ‘ель черная’ и *Европа шыршыһы* ‘ель европейская’ и др. [РБСЛД 2006: 37]. В Башкортостане представлена переходная между *Picea abies* (ель европейская) и *Picea obovata* (ель сибирская) – т. н. ель финская.

2.2.–2.3. В речи башкир отмечено несколько вариантов лексемы *шыршы*: *керпе* – в гайн., таньп., караид. гов., *сыршы* – в караид. гов. сев.-зап. диал., *терке* – в айск. гов. вост. диал. (*Сауылдыкта терке лә була туған* ‘В березняке бывает и ель’). А в речи носителей гайнинского говора употребляется слово *пумиллек* – это *вак шыршылык* ‘молодой ельник’: *Урманны пумиллек алған* ‘Лес зарос молодым ельником’.

2.4. Следует отметить, что башкирскому *šyršy*, *sirši* соответствуют: тат. *čyršy*, ног. *šyrši*, ккалп., каз. *šyrša*, чув. *čäräš* [СИГТЯ 2001: 125], каз. *čyršy*, *šyršy* [Räsänen 1969: 110]. См. тж. кырг. *шыргый*.

Ю. Дмитриева предполагает, что этот фитоним, возможно, делится на основу *čir-*, *šir-*, *sir-*, к которой в разных языках присоединяются две разновидности аффиксов *-aš*, *-ša* // *-gju*. Примечательно, что в башкирских диалектах данное слово встречается с анлаутным *s-* – с закономерным соответствием анлаутного *č-*, тогда как в башкирском литературном языке анлаутный *š-* данного фитонима свидетельствует о его заимствованном характере [Дмитриева 2001: 37]. Л.К. Ишкильдина отмечает, что «пратюркский и общетюркский *č-* в башкирском языке систематически переходит в “ш”, под ассимилятивным влиянием последующего шипящего “ш”: общетюркск. *чырыш*⁷ ‘ель, елка’ > баш. *шыршы*, баш. диал. *сыршы* – тат. *чырышы* / *шырышы*, чув. *чәрәш*, каз. *шаршы*» [Ишкильдина 2018: 35].

2.5. В составе некоторых гидронимов Республики Башкортостан фиксируется основа *шыршы*: *Шыршылы* ‘Шершалы’ (от *шыршы* ‘ель’ + *-лы* – афф. наличия, обладания, < ‘еловый’, досл. ‘имеющий ель’) – речка в Баймакском, Миякинском р-нах, *Шыршылыкүл* ‘Шершалыкуль’ – озеро в Нуримановском р-не, *Шыршылы мороно* ‘Шершалымурун’ – мыс в Бурзянском р-не РБ [Словарь топонимов 1980: 172].

2.6. Лекарственными свойствами обладают молодые побеги, незрелые шишки, смола, хвоя ели. Шишки в виде отваров и настоев применяются для лечения заболеваний дыхательных путей и бронхиальной астмы, как противовоспалительное средство, а кора и смола со стволов – в гомеопатии [БЭСЛР 2015: 211]. Ср.: *Цинга сирен булдырмау һәм организмдың вирустар менән көрәшеу көсөн күтәреу өсөн шыршы ылысынан витаминлы эсемлек яһарға була* [МФБЯ: Публицистический корпус] ‘Чтобы не заболеть цингой и для повышения устойчивости организма против вирусов можно приготовить витаминную настойку из хвои ели’.

⁷ Ср. тж. *чырышы* по данным СИГТЯ.

3. Уса́к ‘осина’

3.1. Название осины (лат. *Populus tremula*) в башкирском языке – *у́сак*. В «Словаре башкирского языка» зафиксировано как *акһыл йәшел кабыклы, ялтыр түңәрәк япраклы эре агас* ‘крупное дерево со светло-зеленой корой, блестящими округлыми листьями’ [БГҮ 1993: 483].

3.2. Данная лексема в башкирской народной речи имеет несколько фонетических вариантов: *аусак* – в гайн. гов. сев.-зап. диал., *ау́сак* – в ай. гов., *ауһак* – в арг., миасск., сальют. гов. вост. диалекта.

3.3. Рассматриваемое слово *у́сак* встречается в речи информантов восточного диалекта: *урман хайуандары ла у́сак менән #леишса# итә / боландар за / мышы ла / куяндар за // ул / көстө антибиотик / аспи́рин // вис кенә куркыныс вирустарзы +южитәла // лит. урман хайуандары ла у́сак менән дауалана / боландар за / мышы ла / куяндар за // ул / көслө антибиотик / аспи́рин // бөтә куркыныс вирустарзы юк итә ала* ‘осиной лечатся и лесные животные / и олени / и лоси / и зайцы // она / сильный антибиотик / аспи́рин // может уничтожить все опасные вирусы’ (миасск., ж., высш., 43).

3.4. Исследуемое слово отмечено во многих тюркских языках: тат. *усак* [Әхмәтьянов 2015 (2): 356], чув. *ǎwǎc* / *ус*, саг., койб., кач. *ос*, тел., алт., леб. *апсак*, тоб. *аусак*, каз. *усак / осак* [Федотов 1996 (1): 80–81], оир. tel. *leb apsak*, hak. *sag*. кč. *os*, čuv. *ǎwǎs, us* ‘осина’ [Räsänen 1969: 3]. М. Рясянен, М. Фасмер сближают ее с индоевропейским *asp* [Räsänen 1969: 81; Фасмер 1987: 159]. М.Р. Федотов сравнивает с нем. *Aspa /Aspe /Espe*, англ. *asp*, которые родственны рус. *осина* [Федотов 1996 (1): 81].

3.5. Лексема *у́сак* отмечена в названиях следующих топонимов: *У́сак* (Усаково) (от *у́сак* ‘осина’) – название деревни в Бирском р-не, *У́саклыкүл* ‘Усаклыкүль’ (от *у́саклы* ‘осиновое’ и *күл* ‘озеро’) – озер в Аургазинском, Бураевском, Давлекановском, Миякинском, Чишминском р-нах, *Бейегу́сак* ‘Бик-Усак’ (от назв. местности *Бейегу́сак* < *бейек* ‘высокая’, *у́сак* ‘осина’) – деревни в Благоварском р-не [Словарь топонимов 1980: 33, 156]. Поселок в Архангельском р-не называется *У́саклы* ‘Усаклы’ (от *у́саклы* ‘осиновый’): *безең ауыл эргәһендә генә У́саклы ауылы бар / Биләрит юлында ятып кала инте // лит. безең ауыл эргәһендә генә У́саклы ауылы бар / Белорет юлында ятып кала инде* ‘рядом с нашей деревней есть поселок Усаклы / находится по дороге в Белорецк’ (средн., ж., высш., 48).

3.6. Для лечения используют кору, почки, листья и побеги осины. Настойку из почек рекомендуется применять в народной медицине при подагре, ночном недержании мочи, отеке мочевого пузыря, в оздоровительных целях. Отваром из коры лечат гнойные раны, ожоги, воспаления кожи в виде примочек, ванн [Ғүмәров 1996: 105]. Ср.: *Мәсәлән, у́сак агасының анында ултырһаң, кан баһымы якшырыуын ул [олатайыбыз] безгә аңлатты, тәндәге тимрәү һымак ауырыу-зарзы у́сак кайырыһы кайнатмаһы менән йууып дауаларға өйрәтте* [МФБЯ: Публицистический корпус] ‘Например, он [дедушка] объяснил нам, что если сидеть рядом с осиновым деревом, то давление нормализуется, научил лечить кожные болезни как лишай, промыв отваром коры осины’.

4. Тал 'ива'

4.1.– 4.2. Термин *тал* 'ива' (лат. *Salix*) в «Словаре башкирского языка» зафиксирован как *һыу буйында үсә торған тар озон япраклы, көсөк сәскәле кыуак агас* 'кустарник с узкими длинными листьями и сережками/барашками, растущий у воды' [БГН 1993: 301]. *Тал* 'ива' растет в поймах и по берегам рек, озер, водохранилищ, на болотах, в лесах. *Ак тал* 'ива белая', *мурза талы* 'ива корзиночная', *көлһыу тал* 'ива пепельная' распространены по всей территории республики; *һөңгө рәүешле тал* 'ива копьевидная', *йөнтәс тал* 'ива мохнатая', *арктик тал* 'ива арктическая' встречаются по горным тундрам Башкирского (Южного) Урала; *мурт тал* 'ива ломкая', *колаклы тал* 'ива ушастая' – редко в Башкирском Предуралье [ЭЭБ].

В современном башкирском языке используются более 20 видов данного растения, образованных при помощи уточняющих компонентов: *агас тал* 'ива древцевидная, горная', *ак тал* 'ива белая, или ветла, или белолоз', *Арктика талы* 'ива арктическая', *аугана талы* 'ива голубоватая, или ива Старке', *Биб талы* 'ива Бибба', *кәзә талы* 'ива козья, или бредина, или ракета или ива Хультена', *мурт тал*, син. *өйәңке* (диал. *килха-кил*) 'ива ломкая', *мурза талы* 'ива корзиночная' в гайнинск. гов. сев.-зап. диал. – *уактал*, *кызыл тал* 'ива остролистная, или верба красная', *Лапланд талы* 'ива лапландская', *колаклы тал* 'ива ушастая', *һары тал* 'ива пурпуровая, желтолозник' в сальют. гов. вост. диал. – *йеһ тал*, *кара тал* 'ива пятитычинковая, или чернотал', *себер талы* 'ива сибирская', *йөнтәс тал* 'ива мохнатая', *утулән талы* 'ива грушанколистная', *коба тал* 'ива сизая', *аугана талы* 'ива синеватая', *өс һеркәсле тал*, или *акһыл тал* 'ива трехтычинковая, или белотал', *буре талы* или *карайһусан тал* 'ива чернеющая, или волчья лоза', *йүрмә тал* 'ива ползучая' в сакм., тук-суранск. гов. южн. диал. – *бакатал*, в средн. гов. южн. диал. *йылтыр тал* 'ива серебристая', *бөзрә тал* 'плакучая ива' в аргаяшск. гов. вост. диал. – *суктал* и др. [Йәнтүрин 2011: 39; Усманова и др. 2015: 223–225; МФБЯ: Диалектологическая база].

4.3. См. ниже п. 4.5.

4.4. Соответствия *тал* встречаются во многих тюркских языках, ср. крх.-уйг. *tal* ~ *dal*, ср.-кыпч., чаг., турк., кбалк., кум., тат., ног., ккалп., каз., кирг., алт., уйг., хак., шор., тув. *tal*, тур., сал. *tal* ~ *ta:l*, ктат. *dal*, узб. *tol*, як. *tal(ah)*, долг. *tal(ak)*. Отмечено, что в якутском и долганском конечный *ah* // *ak* – уменьшительный аффикс с утерянным значением. Значение 'ива' сопровождается значениями 'верба, ветла, тальник' и 'тополь' и более общими 'дерево' и 'ветвь', 'сук' [СИГ-ТЯ 2001: 125–126].

4.5. На территории республики основа *тал* имеет большое распространение в составе сложных слов: *Каратал* (от *кара* 'черный', *тал* 'ива') – деревня в Баймакском р-не, *Талгизәр* (от *тал* 'ива' + *гиз-әр* 'побредет', возможно, в значении 'заросший тальник') – гора в Абзелиловском р-не [Хисамитдинова и др. 2022: 39, 40, 41], *Сыбайтал* 'Чубайтал' (от *сыбай* 'столбики для укрепления и заграждения почвы; полоса' и *тал* 'тальник') – деревня в Аургазинском р-не, *Талбазы* 'Талбазы' (*тал* 'ива, ивовая', *баз* 'яма, углубление' с афф. -ы) – населенные пункты в Аургазинском, Кушнаренковском р-нах, *Талдоя* 'Талдуя' (диал. *талды* 'ивовая' и *оя* 'долина') – речка в Баймакском р-не, *Талдыүзәк* 'Талдыюзак' (диал. *талды*

‘ивовый’ и *узак* ‘овраг, рукав реки’) – речка в Хайбуллинском р-не, *Таллыкүл* ‘Таллыкүль’ (от *таллы* ‘ивовое’, *күл* ‘озеро’) – населенные пункты в Благоварском, Шаранском р-нах, озеро в Давлекановском р-не, *Таллыкүл* ‘Таллыкүлюво’ (от *таллы* ‘ивовая’, *күл* ‘долина’) – деревня в Буздякском р-не, *Таллыһыза* ‘Таллы-Сыза’ (от *таллы* ‘ивовая, тальниковая’ и диал. *һыза*//*сыза* ‘ложбина’) – село в Бакалинском р-не, *Талса* ‘Талса’ (от *тал* ‘ива’ с реликт, афф. -*са*) – речка в Стерлибашевском р-не, *Талузак* ‘Талузак’ (от *тал* ‘ива; ивовая’ и *узак* ‘ложбина’) – речка в Стерлибашевском, Зианчуринском р-нах [Словарь топонимов 1980: 132, 137]. Во время экспедиции в Зианчуринском районе информанты рассказали, что ложбина между деревнями Идяш и Утягулово называется *Талузак* ‘Талузак’: *+йэйгөнө / баллар менән Талузаккә / бесәнгә сәтит мән йөрөнөк // лит. Йэй көнө балалар менән Талузаккә бесәнгә велосипед менән йөрөнөк* ‘Летом с детьми на сенокос в Талузак добрались/ходили на велосипеде’ (ик.-сакм., ж., высш., 55).

4.6. Известно, что в медицине *ак тал* ‘ива белая’, *мурт тал* ‘ива ломкая’ и *кәзә талы* ‘ива козья’ применяются как желчегонное средство при катарах желудка, заболеваниях селезенки, как вяжущее и противовоспалительное средство – при хронических поносах. Ср.: *Ярты литрлык термоска ике калак кипкән гөлйемеш йәки бер калак ак тал кайырыһы һалып әзерләнгән төнәтмә – температураһы төшөрөү өсөн бик яҡшы сара* [МФБЯ: Публицистический корпус] ‘Настойка из двух ложек сушеного шиповника или одной ложки коры белой ивы, помещенных в пол-литровый термос, – отличный способ снизить температуру’.

5. Карама ‘вяз’

5.1. В башкирском языке *карама* ‘вяз’ (лат. *Ulmus*) трактуется как *йылалар заиләһенә караган озонсараҡ япраҡлы, йәйек ботаҡлы, кубып тора торған кытыршы кабыҡлы, эре кайышһаҡ ағас* ‘крупное гибкое дерево с распростертыми ветвями, ребристой корой в виде выпуклости, с продолговатыми листьями семейства ильмовых’ [БТҫ 1993: 639]. *Шыма карама* ‘вяз гладкий’ растет в поймах рек, широколиственных лесах, встречается преимущественно в Башкирском Предуралье; *эммә* ‘вяз шершавый’ – в широколиственных лесах, водораздельных плато на Башкирском (Южном) Урале и в Башкирском Предуралье [ЭЭБ].

5.2.–5.3. В миасск. гов. вост. диал. башкирского языка зафиксирован *карамал* (*Карамал дугайза үсә* ‘Вяз растет в уреме’) [МФБЯ: Диалектологическая база].

5.4. Рассматриваемое слово отмечено в «Этимологическом словаре тюркских языков» М. Рясненна *kaz. tob. tel. karama* ‘Ulmе’, (tel.) ‘деревянные ремни, используемые для крепления полозьев каретки’, *чув. хората, хурата* ‘Ulmе’ <*kara* ‘черный’, vgl. *osm. kara ağaç* ‘Ulmе’ [Räsänen 1969: 236], в «Этимологическом словаре татарского языка» Р.Г. Ахметьянова *tat. карама* ‘вяз’ > удм. *куромо, корома*, алт. *қарама*, к.-калп., узб. *қараман* ← **қарыма* ← **кар-*, **кары-* ‘связывать, завязывать, привязывать (молодые веточки вяза использовались для подвязки деревянных деталей)’ [Ахметьянов 2015 (1): 369].

5.5. На территории республики много названий гидронимов с компонентом *карама*: *Карамалы* ‘Карамалы’ (от *карама* ‘вяз’ с афф. -*лы*) – речки в Альшеевском, Архангельском, Аургазинском, Баймакском, Белокатайском, Белорецком, Бурзянском, Благоварском, Давлекановском, Миякинском, Ермакеевском, Зиан-

чуринском, Зилаирском, Ишимбайском, Кигинском, Нуримановском, Стерлибашевском, Туймазинском, Федоровском, Хайбуллинском, Чекмагушевском, Чишминском р-нах, а название деревни в Стерлибашевском р-не *Карамалы-Бузат* ‘Карамалы-Бузат’ образовано от гидронима *Карамалы* и зоонима *Бузат*, село в Туймазинском районе *Карамалы-Ғөбәй* ‘Карамалы-Губеево’ – от гидронима *Карамалы* и антропонима *Ғөбәй* [Словарь топонимов 1980: 88].

5.6. В народной медицине применяются листья и только внутренняя часть снимаемой весной коры вяза: *Төрлө эш башкарғанда йә кул, йә аяк киҫелә һәм яра тиз генә төҙәлмәй яфалай. Шул сакта карама агасының япрағын тәйөп, йәрәхәткә ябаһың* [МФБЯ: Публицистический корпус] ‘когда что-то делаешь, бывает, ранишь руку или ногу, и рана быстро не заживает. Тогда на рану приложишь растертые листья вяза’.

Заключение

В ходе исследования были выделены лексические единицы, обозначающие названия лекарственных деревьев в диалектах башкирского языка. Анализируемые фитонимы имеют общетюркское происхождение. Каждое название отражает особенности восприятия природы и ее целебных свойств носителями языка. Наличие разнообразных названий растений в диалектах на территории Республики Башкортостан обусловлено тем, что одни и те же растения произрастают по разным местностям республики. Дальнейшее изучение таких терминов может стать ценным вкладом в лексикографию и этноботанику.

Исследование общей группы лексики «лекарственные растения» в диалектах башкирского языка позволяет не только расширить наше понимание местной флоры, но и проследить связь между языком и культурой этноса. Это напоминает нам о важности сохранения родных языков и традиций, которые являются ключевыми элементами культурного многообразия нашего мира.

Список сокращений

афф. – аффикс
выш. – высший
досл. – дословно
ж. – женский

лит. – литературный
м. – мужской
РБ – Республика Башкортостан
р-н – район
ср. – средний

Языки, диалекты, говоры
(в словаре М. Рясенена)

аз. – азербайджанский
айск. – айский говор
алт. – алтайский
англ. – английский язык
аргаш. – аргашский говор
баш. – башкирский
гаг. – гагаузский
гайн. – гайнинский говор
демск. – демский говор

ик.-сакм. – ик-сакмарский говор
каз. – казанско-татарский язык (в Сл. Федотова /
in Fedotov's dictionary)
каз. – казахский
караид. – караидельский говор
кач. – качинский диалект хакасского языка
кбалк. – карачаево-балкарский
кирг. – киргизский язык
ккалп. – каракалпакский

кмд. – кумандинский	тоф. – тофаларский
койб. – койбальский диалект хакасского языка	тув. – тувинский
крх.-уйг. – караханидско-уйгурский	тук-соран. – тук-соранский говор
кум. – кумыкский	тур. – турецкий
кызыл. – кызыльский говор	турк. – туркменский
лат. – латинский язык	удм. – удмуртский
леб. – лебединский диалект алтайского языка	узб. – узбекский
миасск. – миасский говор	уйг. – уйгурский
нем. – немецкий язык	хак. – хакасский
нижнебельск. – нижнебельский говор	чаг. – чагатайский (староузбекский)
ног. – ногойский	чув. – чувашский
саг. – сагайский (диалект хакасского языка)	шор. – шорский
сакм. – сакмарский подговор	южн. – южный диалект
сальют. – сальютский говор	як. – якутский
сев.-зап. – северо-западный диалект	çuv. – tschuwaschisch
ср.-кыпч. – среднекыпчакский	hak. – chakassisch
средн. – средний говор	kč. – katscha-türkisch
среднеур. – среднеуральский диалект	leb. – Lebed-türkisch
танып. – таныпский говор	oir. – oirotisch
тат. – татарский	sag. – sagaïsch
тел. – телеутский	tel. – telëütisch

Литература

- Алатырев 1967 – *Алатырев В.И.* Из пермской этимологии // Вопросы финно-угорского языкознания. – Вып. 4. – Ижевск, 1967. – С. 42–53. {*V.I. Alatyrev. From Permic etymology // Questions of Finno-Ugric linguistics. – Issue 4. – Izhevsk, 1967. – PP. 42–53.*}
- Ахмедов 1999 – *Ахмедов Р.Б.* Одолень-травы. – Уфа: Китап, 1999. – 432 с. {*R.B. Akhmedov. Water lily. – Ufa: Kitap, 1999. – 432 p.*}
- Ахмедов 2006 – *Ахмедов Р.Б.* Растения – твои друзья и недруги. – Уфа: Китап, 2006. – 127 с. {*R.B. Akhmedov. Plants are your friends and foes. – Ufa: Kitap, 2006. – 127 p.*}
- БЭСЛР 2015 – Большой энциклопедический словарь лекарственных растений: учебное пособие / под ред. Г.П. Яковлева. – СПб.: СпецЛит, 2015. – 759 с. {*Large encyclopedic dictionary of medicinal plants: textbook / Ed. by G.P. Yakovlev. – Saint Petersburg: SpetsLit, 2015. – 759 p.*}
- ДАБЯ 2005 – Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа: Филем, 2005. – 232 с. {*Dialectological atlas of the Bashkir language. – Ufa: Ghilem, 2005. – 232 p.*}
- Дмитриева 2001 – *Дмитриева Ю.* Чувашские народные названия дикорастущих растений (сравнительно-исторический и ареальный аспект) // *Studies in Linguistics of the Volga-Region / Под ред. Адягаши К. – Деврецен, 2001. – 211 с.* {*Yu. Dmitrieva. Chuvash folk names of wild plants (comparative historical and areal aspect) // Studies in Linguistics of the Volga-Region / Ed. by K. Agyagási. – Debrecen, 2001. – 211 p.*}
- Егоров 1964 – *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1964. – 355 с. {*V.G. Yegorov. Etymological dictionary of the Chuvash language. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1964. – 355 p.*}
- Жигунова 2018 – *Жигунова С.Н.* Анализ лекарственной флоры Республики Башкортостан // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. – 2018. – Т. 27. – № 4(1). – С. 109–117. {*S.N. Zhigunova. Analysis of medicinal flora of the Republic of Bashkortostan // The Samara Bend: Problems of Regional and Global Ecology. – 2018. – Vol. 27. – No. 4(1). – PP. 109–117.*}
- Ишкильдина 2018 – *Ишкильдина Л.К.* Этимология слов с анлаутным «ш» в башкирском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 4 (22). – С. 31–38. {*L.K. Ishkildina. About the etymology of words with the anlaut “š” in the Bashkir language // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2018. – No. 4 (22). – PP. 31–38.*}
- Кучеров и др. 1989 – *Кучеров Е.В., Лазарева Д.Н., Десяткин В.К.* Лекарственные растения Башкирии: их использование и охрана. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. – 272 с. {*Ye.V. Kuchеров, et al. Medicinal plants of Bashkiria: their use and protection. – Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1989. – 272 p.*}

- D.N. Lazareva, V.K. Desyatkin. Medicinal plants of Bashkiria: their use and protection. – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1989. – 272 p.*
- Минибаев и др. 1996 – *Минибаев П.Г., Хайретдинов С.С., Минибаев Ф.Р. Русско-башкирско-татарский словарь ботанических терминов. – Уфа: Изд-е БГУ, 1996. – 249 с. {R.G. Minibayev, S.S. Khayretdinov, F.R. Minibayev. Russian-Bashkir-Tatar dictionary of botanical terms. – Ufa: Bashkir State University Publication, 1996. – 249 p.}*
- МФБЯ: Диалектологическая база – Диалектологическая база МФБЯ. – URL: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial> (дата обращения: 30.04.2024). {Dialectological base of the Bashkir Language Machine Fund. – URL: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial> (access date: 30.04.2024).}
- МФБЯ: Публицистический корпус – Корпус публицистики Машинного фонда башкирского языка. – URL: <http://212.193.134.139/bashkorp/korpuspub> (дата обращения: 30.04.2024). {The corpus of journalistic texts of the Bashkir Language Machine Fund. – URL: <http://212.193.134.139/bashkorp/korpuspub> (access date: 30.04.2024).}
- РБСЛД 2006 – *Ураксин З.Г., Уразбаева З.Г., Суфьянова Н.Ф. Русско-башкирский словарь по лесному делу. – Уфа, 2006. – 151 с. {Z.G. Uraksin, Z.G. Urazbayeva, N.F. Sufyanova. Russian-Bashkir dictionary of forestry. – Ufa, 2006. – 151 p.}*
- Сафарова 1984 – *Сафарова Р.З. Источники, пути и принципы формирования ботанической терминологии башкирского языка (на материале названий растений): дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1984. – 192 с. {R.Z. Safarova. Sources, ways and principles of formation of botanical terminology of the Bashkir language (based on plant names): Ph.D. thesis. – Ufa, 1984. – 192 p.}*
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с. {Comparative historical grammar of the Turkic languages. Lexis. – 2nd ed., extended. – Moscow: Nauka, 2001. – 822 p.}
- Сиразитдинов и др. 2016 – *Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Каримова Р.Н. Диалектологическая база Машинного фонда башкирского языка как инструмент исследования башкирского диалектного континуума // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – Т. 9. – № 1(23). – С. 212–219. {Z.A. Sirazitdinov, L.A. Buskunbayeva, R.N. Karimova. Dialectological base of the Bashkir language Machine Fund as a tool for studying the Bashkir dialect continuum // Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. – 2016. – Vol. 9. – No. 1(23). – PP. 212–219.}*
- Сиразитдинов и др. 2018 – *Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова А.Ш., Шамсутдинова Г.Г. Проблемы разработки диалектного корпуса башкирского языка // Вопросы диалектологии. – 2018. – № 1–2. – С. 97–106. {Z.A. Sirazitdinov, L.A. Buskunbayeva, A.Sh. Ishmukhametova, G.G. Shamsutdinova. Problems of developing the dialect corpus of the Bashkir language // Questions of Dialectology. – 2018. – No. 1–2. – PP. 97–106.}*
- Сиразитдинов и др. 2022 – *Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова А.Ш. О корпусе диалектных текстов башкирского языка // Электронная письменность народов Российской Федерации – 2021 & IWCLUL 2021. Материалы Международной научно-практической конференции. – Сыктывкар, 2022. – С. 133–139. {Z.A. Sirazitdinov, L.A. Buskunbayeva, A.Sh. Ishmukhametova. About the corpus of dialect texts of the Bashkir language. // Electronic writing of the peoples of the Russian Federation – 2021 & IWCLUL 2021. Proceedings of the International scientific and practical conference. – Syktyvkar, 2022. – PP. 133–139.}*
- Словарь топонимов 1980 – Словарь топонимов Башкирской АССР. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. – 200 с. {Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR. – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1980. – 200 p.}
- Усманова и др. 2015 – *Усманова М.Г., Хайретдинов С.С., Исянгулова Г.А. Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке. Синонимы. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 364 с. {M.G. Usmanova, S.S. Khayretdinov, G.A. Isyangulova. Ideographic explanatory Bashkir-Russian-Latin dictionary of folk names of plants in the Bashkir language. Synonyms. – Ufa: Publishing House of the Bashkir State Pedagogical University, 2015. – 364 p.}*
- Фасмер 1987 – *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с. {M. Vasmer. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. 3 (Muza – Syat) / Transl. from German and add. by O.N. Trubachev. – 2nd ed., stereotype. – Moscow: Progress, 1987. – 832 p.}*

- Федотов 1996 (1) – *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Т. 1. А–Р. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. – 470 с. {*M.R. Fedotov.* Etymological dictionary of the Chuvash language: in 2 vols. Vol. 1. A–R. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 1996. – 470 p.}
- Федотов 1996 (2) – *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Т. 2. С–Я. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. – 509 с. {*M.R. Fedotov.* Etymological dictionary of the Chuvash language: in 2 vols. Vol. 2. S–Ya. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 1996. – 509 p.}
- Хайретдинов 2002 (1) – *Хайретдинов С.С.* Русско-башкирский, башкирско-русский словарь видовых названий растений Башкортостана. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 117 с. {*S.S. Khayretdinov.* Russian-Bashkir, Bashkir-Russian dictionary of species names of plants of Bashkortostan. – Ufa: Editorial and Publishing Department of the BashSU, 2002. – 117 p.}
- Хайретдинов 2002 (2) – *Хайретдинов С.С.* Русско-башкирско-латинский словарь ботанических терминов (роды растений). – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. – 59 с. {*S.S. Khayretdinov.* Russian-Bashkir-Latin dictionary of botanical terms (plant genera). – Ufa: Bashkir Encyclopedia, 2002. – 59 p.}
- Хисамитдинова и др. 2022 – *Хисамитдинова Ф.Г., Валиева М.Р., Ягафарова Г.Н., Муратова Р.Т.* Полисемантическая фитотопонимов Южного Урала и Зауралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2022. – Т. 21. – № 2: Филология. – С. 35–47. {*F.G. Khisamitdinova, M.R. Valiyeva, G.N. Yagafarova, R.T. Muratova.* Polysemantics of phytotoponyms of the Southern Urals and Trans-Urals // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology. – 2022. – Vol. 21. – No. 2: Philology. – PP. 35–47.}
- ЭЭБ – Электронная энциклопедия Башкортостана. – URL: <http://wiki02.ru> (дата обращения: 29.04.2024). {Electronic encyclopedia of Bashkortostan. – URL: <http://wiki02.ru> (access date: 29.04.2024).}
- Ягафарова 2018 – *Ягафарова Г.Н.* Ономазиологический анализ лексики современного башкирского языка: дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 2018. – 455 с. {*G.N. Yagafarova.* Onomasiological analysis of the vocabulary of modern Bashkir language: Dr. Habil. thesis. – Kazan, 2018. – 455 p.}
- Бһһ 1967 – Башкорт һөйләштәренен һүзлеге. 1 т. Көнсығыш диалект / Н.Х. Мәксүтова һ.б. [Словарь башкирских говоров. Т. 1. Восточный диалект / Н.Х. Максютова и др.]. – Өфө, 1967. – 300 б. {Dictionary of Bashkir dialects. Vol. 1. The Eastern dialect / N.Kh. Maksyutova et al. – Ufa, 1967. – 300 p.} (In Bashkir.)
- Бһһ 1970 – Башкорт һөйләштәренен һүзлеге. 2 т. Көнъяк диалект / Н.Х. Мәксүтова һ.б. [Словарь башкирских говоров. Т. 2. Южный диалект / Н.Х. Максютова и др.]. – Өфө, 1970. – 327 б. {Dictionary of Bashkir dialects. Vol. 2. The Southern dialect / N.Kh. Maksyutova et al. – Ufa, 1970. – 327 p.} (In Bashkir.)
- Бһһ 1987 – Башкорт һөйләштәренен һүзлеге. 3 т. Көнбайыш диалект / Н.Х. Мәксүтова һ.б. [Словарь башкирских говоров. Т. 3. Западный диалект / Н.Х. Максютова и др.]. – Өфө, 1987. – 231 б. {Dictionary of Bashkir Dialects. Vol. 3. The Western dialect / N.Kh. Maksyutova et al. – Ufa, 1987. – 231 p.} (In Bashkir.)
- БТДһ 2002 – Башкорт теленен диалектары һүзлеге [Диалектологический словарь башкирского языка]. – Өфө: Китап, 2002. – 432 б. {Dialectological dictionary of the Bashkir language. – Ufa: Kitap, 2002. – 432 p.} (In Bashkir.)
- БТһ 1993 – Башкорт теленен һүзлеге. 2 томда [Словарь башкирского языка. В 2-х т.]. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1. А–М. – 863 б.; Т. 2. Н–Я. – 815 б. {Dictionary of the Bashkir language. In 2 vols. – Moscow: Russkiy yazyk, 1993. – Vol. 1. A–M. – 863 p.; Vol. 2. N–Ya. – 815 p.} (In Bashkir.)
- Ғүмәров 1996 – *Ғүмәров В.З.* Тыуган яқтың шифалы үсемлектәре [Целебные растения родного края]. – Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 1996. – 160 б. {*V.Z. Gumarov.* Medicinal plants of the native land. – Ufa: Bashkir “Kitap” Publishing House, 1996. – 160 p.} (In Bashkir.)
- Әхмәтьянов 2015 (1) – *Әхмәтьянов Р.Г.* Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л) [Этимологический словарь татарского языка: в 2-х т. Т. I (А–Л)]. – Казан: Мәгариф–Вакыт, 2015. – 543 б. {*R.G. Akhmetyanov.* Etymological dictionary of the Tatar language: in 2 vols. Vol. 1 (A–L)]. – Kazan: Magarif–Vakyt, 2015. – 543 p.} (In Tatar.)
- Әхмәтьянов 2015 (2) – *Әхмәтьянов Р.Г.* Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда. II том (М–Я) [Этимологический словарь татарского языка: в 2-х т. Т. II (М–Я)]. – Казан: Мәгариф–Вакыт,

2015. – 567 б. {*R.G. Akhmetyanov*. Etymological dictionary of the Tatar language: in 2 vols. Vol. 2 (M–Ya). – Kazan: Magarif–Vakyt, 2015. – 567 p.} (In Tatar.)
- Йәнтүрин 2011 – *Йәнтүрин С.И.* Ботаника буйынса русса-башкортса, башкортса-русса терминдар һүзлеге [Русско-башкирский, башкирско-русский словарь по ботанике]. – Өфө: Китап, 2011. – 152 б. {*S.I. Yanturin*. Russian Russian-Bashkir, Bashkir-Russian dictionary of botany. – Ufa: Kitap, 2011. – 152 p.} (In Bashkir.)
- Каримова 2005 – *Каримова Р.Н.* Башкортса-урыҫса, урыҫса-башкортса халык медицинаһы терминдары һүзлеге [Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины]. – Өфө: Ғилем, 2005. – 120 б. {*R.N. Karimova*. Bashkir-Russian, Russian-Bashkir dictionary of terms of traditional medicine. – Ufa: Ghilem, 2005. – 120 p.} (In Bashkir.)
- Уразметов 1952 – *Уразметов Н.* Ботаника буйынса русса-башкортса һәм башкортса-русса терминологик һүзлек [Русско-башкирский и башкирско-русский терминологический словарь по ботанике]. – Өфө: Башгосиздат, 1952. – 130 б. {*N. Urazmetov*. Russian-Bashkir and Bashkir-Russian terminological dictionary of botany. – Ufa: Bashkir State Publishing House, 1952. – 130 p.} (In Bashkir.)
- Янтурин и др. 1981 – *Йәнтүрин С.И., Хисамов Ф.А.* Русса-башкортса, башкортса-русса ботаника терминдары һүзлеге [Русско-башкирский, башкирско-русский словарь по ботанике]. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1981. – 130 б. {*S.I. Yanturin, G.A. Khisamov*. Russian-Bashkir, Bashkir-Russian dictionary of botany. – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1981. – 130 p.} (In Bashkir.)
- Räsänen 1969 – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen // *Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII,1* / Redaktionssekretär: István Kecskeméti. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, Suomalaisen Kirjallisuuden Kirjapaino Oy, 1969. – 533 s.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 56–74. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.156

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-56-74

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННЫХ СВАДЕБНЫХ ИГР В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*Любовь Салчаковна Кара-оол*¹

¹ Тувинский государственный университет, г. Кызыл, Россия
кандидат филологических наук, доцент
e-mail: lkaraool61@mail.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Кара-оол Л.С., 2024

Аннотация: В статье анализируется лексика традиционных свадебных игр в тувинском языке. Материалом исследования послужили лексемы и фразеосочетания, извлеченные из изученной литературы, а также данные диалектологических и комплексных экспедиций автора по Туве в 1999–2024 гг., в ходе которых опрашивались респонденты старшего поколения, чьи свадьбы или свадьбы родственников справлялись до середины XX столетия. Лексику традиционных свадебных игр можно анализировать по следующим лексико-семантическим группам: музыкальные игры-конкурсы, игры на смекаливость, подвижные игры, театрализованная игра и три игрища мужей. В структурном отношении данную лексику составляют простые слова и фразеосочетания из двух компонентов. Этимологический анализ выявил принадлежность слов данной группы исконно тюркским корням, а также к монголизмам, кроме того определены собственно тувинские фразеосочетания из общетюркских, тюрко-монгольских компонентов, а также единичные фразеосочетания из общетюркско-самодийского, общетюркско-тибетского и китайско-монгольского компонентов.

Ключевые слова: лексика, традиционные свадебные игры, тувинский язык, общетюркский лексический пласт, исконно тувинская лексика, монголизм, заимствования, фразеосочетания.

Благодарность: Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-20113 «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье».

Для цитирования: *Кара-оол Л.С.* Лексика традиционных свадебных игр в тувинском языке // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 56–74. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-56-74.

Vocabulary of traditional wedding games in the Tuvan language

*Lyubov Salchakovna Kara-ool*¹

¹ Tuvan State University, Kyzyl, Russia
Ph.D. in Philology, Associate Professor
e-mail: lkaraool61@mail.ru

© IL RAS, 2024

© Kara-ool L.S., 2024

Abstract: The article analyzes the vocabulary of traditional wedding games in the Tuvan language. The material for the study was lexemes and phraseological combinations extracted from the studied literature, as well as records from the author's dialectological and complex expeditions to Tuva in 1999–2024, during which respondents of the older generation, whose weddings or weddings of relatives were celebrated until the middle of the 20th century, were interviewed. The vocabulary of traditional wedding games can be analyzed by the following lexical and semantic groups: musical games-competitions, games of wit, outdoor games, theatrical game and three games for men. Structurally, this vocabulary consists of simple words and phraseological combinations of two components. Etymological analysis revealed that the words of this group belong to original Turkic roots, as well as to Mongolisms; in addition, Tuvan phraseological combinations from common Turkic and Turkic-Mongolian components were identified, as well as individual phraseological combinations from common Turkic-Samoyed, common Turkic-Tibetan and Chinese-Mongolian components.

Key words: vocabulary, traditional wedding games, Tuvan language, common Turkic lexical layer, native Tuvan vocabulary, Mongolism, borrowings, phraseological combinations.

Acknowledgement: The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-20113 "Comprehensive ethnogenetic, linguoanthropological studies of the lineage groups of Tuva: universality, locality, transborderness".

For citation: Kara-ool L.S. Vocabulary of traditional wedding games in the Tuvan language // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 56–74. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-56-74.

Введение

Тувинский семейный праздник свадьба *шайлалга* или куда не обходится без игр, которые сопровождаются песнями, частушками, шутками и благопожеланиями.

По информации респондентов, а также согласно материалам по теме исследования, молодоженам и молодежи, не достигшим 30 (в некоторых материалах 37) лет, запрещалось не то, что пить, даже пригубить молочную *арагу* 'водку' [Кенин-Лопсан 1994: 30; Донгак 2012: 19; ПМА 1999–2023], поэтому на свадьбе они веселились, играли, соревновались в находчивости и ловкости. Молодые парни остроумцы-острословы *чечен кижилер* организовывали игры, забавляя гостей и тем самым создавая общий эмоциональный праздничный настрой.

Цель данной статьи – изучить лексику традиционных свадебных игр и дать их краткое описание. Исходя из поставленной цели, решить следующие задачи: систематизировать названия традиционных свадебных игр; сделать лингво-этнографический анализ названий игр и некоторых слов, связанных с ними, с точки зрения семантики, этимологии и структурных особенностей.

Источниковую базу исследования составили материалы, в основном, извлеченные из этнографической литературы, посвященной теме исследования, а также полевые материалы автора, собранные во время диалектологических и комплексных экспедиций по Туве с 1999 по 2024 гг., в ходе которых опрашивались тувинцы-респонденты старшего поколения, чьи свадьбы или свадьбы родственников справлялись до середины XX в.

Специальные лингвистические исследования по лексике свадебных игр тувинцев не проводились, хотя отдельные сведения о них встречаются в работах

этнографов, географов, историков, искусствоведов и лингвистов. Это труды Е.К. Яковлева [1900], Г.Е. Грумм-Гржимайло [2007], Ф. Кона [1934], Л.П. Потапова [1969], Н.Г. Курбатского [1973], З.К. Кыргыз [1992], С.Ч. Донгак [2012], Ж.М. Юша [2018], Л.С. Кара-оол [2021].

На основе изученной литературы и полевых материалов свадебные зрелищные игры условно можно разделить на следующие группы:

- музыкальные игры-конкурсы: *куда ырылары* ‘свадебные песни’, *кожамыктар* ‘частушки-экспромты’, сопровождаемые игрой на музыкальных инструментах *бызаанчы, дошулуур, игил, хомус*;
- игры на смекалистость: *тывызыктажыр* ‘загадывать загадки’, *дүрген чугаалажыр* ‘рассказывать скороговорки’;
- подвижные игры: «*Чода хунаажыр*», «*Көгээржик хунаажыр*», «*От чаяр*», «*Ак ыяш*», «*Чинчи чажырар*»;
- театрализованная игра: «*Аскак-Кадай*» или «*Согур аза*»;
- «три игрища мужей»: *хүреш* ‘борьба хуреш’, *аьт чарыжы* ‘конные скачки’, *ча адары* ‘стрельба из лука’ [Жуковская 2002: 71].

Для молодежи, приглашенной на свадьбу, ставили юрту для веселья *ойнаар өг* (см. также у киргизов во время *кыз оюн* [Симаков 1984: 178–179]).

Вначале гости пели свадебные песни *куда ырылары*, частушки-экспромты *кожамыктар*, сопровождая их игрой на музыкальных инструментах *бызаанчы, дошулуур, игил, хомус*, загадывали загадки *тывызыктажыр*, соревновались, кто быстрее расскажет или больше всех знает скороговорку *дүрген чугаа*, а затем переходили к другим играм, которые организовывались вне юрты. Во время свадьбы молодые люди не только играли, весело проводя время, но и присматривались друг к другу, знакомились, находили друзей, подруг и даже будущих супругов.

1. Лексика музыкальных игр-конкурсов и игр на смекалистость

В «Песенной культуре тувинского народа» (1992) З.К. Кыргыз отмечает, что «напевы и тексты традиционных тувинских свадебных песен и благопожеланий очень мало представлены в публикациях» [Кыргыз 1992: 27]. О жанровых и стилевых особенностях музыкального фольклора автор рассуждает на основании исследования неопубликованных записей, хранящихся в научном архиве ТНИИ-ЯЛИ (авт. ТИГПИ), которые были собраны в 1960–1980 гг.

Действительно, свадебных песен в традиционной тувинской песенной культуре зафиксировано не так много. Они в основном связаны со свадебными обрядовыми действиями, например, песню «*Чавагазын салбактаңар*» («Чавагу вплетайте в косу») пели во время обряда заплетания косы невесты, символизирующей обретение ею статуса замужней женщины¹:

<i>Чавагазын салбактаңар,</i>	Чавагу вплетайте в косу,
<i>Чаваа доруун эзертеңер.</i>	Гнедого стригунка оседлайте.
<i>Боошкунун борбактаңар,</i>	Боошкунун (бахрому) расплетайте,
<i>Богба доруун эзертеңер.</i>	Гнедого стригунка оседлайте [Кыргыз 1992: 28].

¹ Ср. хакасский обряд *сас тойы* букв. ‘пиршество волос’.

<i>Боошкунну борбактаңар,</i>	Расплетайте боошкун,
<i>Богба чаваа киштеп турзун.</i>	Пусть ржет стригунок.
<i>Чавагазын салбактаңар,</i>	Заплетайте чавагу,
<i>Чаваа доруг киштеп турзун.</i>	Пусть ржет гнедой стригунок [ПМА 2004].

В данной песне с двумя вариациями поется о том, как одну девичью косу невесты заплетали в три косы и девичье накосное украшение *боошкун* заменяли украшением замужней женщины – *чавага*.

Параллельно с образом невесты рисуют и образ стригунка, который тоже чувствует, что он вместе с девушкой покинет родные места, расстанется с табуном, поэтому ржет, прощаясь с ним.

Основным стержнем тувинской свадьбы являются благопожелания молодоженам семейного счастья, достатка и чадородия *йөрээл алгаар* букв. ‘благословение благословлять’ [Кенин-Лопсан 2006: 30], которые имели устойчивые ритуальные тексты, лишь слегка варьируемые по местностям или же исполнялись песни-благопожелания, как молодым, так и сватам, например, «*Кудаларым амыр, амыр*»:

<i>Кудаларым амыр, амыр,</i>	Сватам моим желаю здоровья,
<i>Кулун сүрүү менди, менди.</i>	А их табунам – благополучия.
<i>Баарларым амыр, амыр,</i>	Сватам моим желаю здоровья,
<i>Малдар сүрүү менди, менди.</i>	А их скоту – процветания [Кыргыз 1992: 31].

В конце свадебного пира, когда сваты были умеренно пьяны, гости пели шуточные песни-обращения, которые имеют несколько вариантов:

<i>Боларларга тудар дээним</i>	Сватам поднести хочу я
<i>Бора бениң шимизи-дир.</i>	Молочного вина от сивой кобылы.
<i>Бора бениң шимизинге</i>	От кумыса сивой кобылы
<i>Боларларның эзирээнин.</i>	Как же опьянели сваты.

З.К. Кыргыз на основе изученного архивного материала выявила следующие свадебные песни – это «*Чавагазын салбактаңар*» («Чавагу вплетайте в косу»), «*Дүнекиде дилги чараш*» («Ночью лиса красива»), «*Кудаларым амыр, амыр*» («Сватам моим здоровья желаю»), «*Болаларга тудар дээним*» («Сватам поднести хочу я») [Кыргыз 1992: 34–41].

В середине XX в. написана знаменитая песня А. Чыргал-оола на слова С. Сарыг-оола «*Куда ыры*» («Свадебная песня»), которую до сих пор поют на свадьбах:

<i>Хүрең дайның маңын көрээл,</i>	Посмотрим на бег бурого коня,
<i>Күдээвистиң күжүн көрээл.</i>	Посмотрим на силу зятя нашего.
<i>Ада-ие, кудаларның</i>	Послушаем благословения
<i>Алгыш-йөрээл сөзүн дыңнаал.</i>	Родителей и сватов наших.

По сравнению со свадебными песнями, свадебных частушек-экспромтов зафиксировано больше. Между молодыми людьми из рода невесты и жениха устраивались состязания в пении *кожамыктар* ‘частушек’². Тематика может быть разнообразной. Например, в одной из частушек поется о том, что свадьба моло-

² Ср. хакасское пение *тахпахов* [Бутанаев 1995].

дых – это праздник всего рода, поэтому приезжает столько родственников, что они не умещаются в *доре* – почетном месте юрты:

Дөртөн ала төнгөн болза, Если б кончились сорок пегих [лошади],
Дөргүн сыңмас туру деп бе? Не паслись бы у степной речки, не размещаясь?
Дөргүл-төрөл чок-ла болза, Если б не было родственников,
Дөр-ле сыңмас олур деп бе? Не сидели бы в *доре* юрты, не умещаясь?

Под конец свадьбы кто-нибудь из родственников жениха объявлял о завершении свадьбы: *Сава байлады!* букв. ‘Посуда опорожнилась!’. Родственники невесты расходились по разным юртам. В юрте новобрачных оставалась холостая молодежь [Потапов 1969: 242]. Здесь они устраивали своеобразный вечер малых жанров фольклора: загадывали загадки, соревнуясь в наблюдательности, сообразительности. Эти вечера не обходились без шуточного жанра народного творчества – скороговорок *дүрген чугаа*, а также пели песни, частушки под сопровождение разных музыкальных инструментов: *бызаанчы, допшулуур, игил, хомус*.

По воспоминаниям респондентов, до середины 60-х гг. XX в. на свадьбах также пели и танцевали вальс, краковяк, казачок, пляску под сопровождение балалайки и мандолины, гармони или баяна [ПМА 1999].

Анализ лексики музыкальных игр-конкурсов и игр на смекалистость:

1) *ойнаар өг* букв. «играть юрта», т. е. ‘игровая юрта’ – собственно тувинское устойчивое выражение из общетюркских компонентов: *ойнаар/ойна-* ‘играть’, ‘шутить’, ‘игрушечный’ [ТувРС 1968: 316], ‘заниматься каким-л. видом спорта’, ‘блестеть, светиться’, ‘возиться играя, дразнить друг друга’, ‘играть на музыкальном инструменте’, ‘играть, исполнять какую-нибудь роль в пьесе, в кино’, перен. ‘ударять, разрушать, убивать’, ‘брать в руки, трогать как попало’ [ТСТувЯ II: 426–427], дериват *оюн*, общетюркское, см. *ойун* с основным значением ‘играть, развлекаться, забавляться’ [ЭСТЯ I: 436];

өг ‘юрта’, перен. ‘семья’ [ТувРС 1968: 330] – пратюркское **(h)eb* ‘дом, жилище’ [ЭСТЯ I: 514; СИГТЯ 2001: 500; ЭСТувЯ IV: 354–355].

2) *куда ырылары* букв. «свадьбы песни», т. е. ‘свадебные песни’ – собственно тувинское устойчивое выражение из общетюркских компонентов: *куда* ~ **куда* ‘сват’; ‘семьи, сватающие девушек друг у друга’; ‘сватовство’; ‘сват, обращение взрослых мужчин друг к другу’ [ЭСТЯ V: 102], которое в разных фонетических вариантах зафиксировано во многих тюркских языках [СИГТЯ 2001: 310] и считается монгольским заимствованием [ЭСТЯ V: 102], с чем не вполне согласны С. Садыков и Б.И. Татаринцев. Первый указал на «наличие в тюркских языках данной формы и ее активность в морфологическом отношении, а отсутствие синонимов (кроме западно-кыпчакской группы) – не дает основания считать ее собственно монгольской» [Садыков 1983: 35]. Б.И. Татаринцев отметил «наличие у него родственных слов, которые не имеют монгольских соответствий, например, чаг. *кудаман* ‘соединение браком двух семей, родов’ и подобное, и убедительной аргументации “монгольской” версии происхождения тюрк. слова не приведено» [ЭСТувЯ III: 255–256]. Данной версии придерживаемся и мы, считая лексему *куда* общетюркской [Кара-оол 2006: 130–132], которая в тувинском языке передает значения ‘свадьба’, ‘сватовство’, ‘сват, сваха’, ‘сватья’ [ТувРС 1968: 261; ЭСТувЯ III: 254; ТСТувЯ II: 213], а также обозначает свойственников как мужского,

так и женского пола. В эрзинском (Ю-ВД) и улуг-хемском (ЦД) говорах [Караоол 2006: 130] зафиксирована лексема *кудагай*, которая, как и в большинстве тюркских языков, является женским термином со значением 'сватья' [Покровская 1961: 73; СИГТЯ 2001: 310]. Основа *куда* активно входит в состав родственных слов *куда-баар* 'сваты', *куда-дой* 'свадьба', *куда ёзулалы* 'свадебный церемониал', *кудажы* 'тот, кто приходит сватать, сват', *кудагай* (разг.) 'сватушка сват', *кудаала* 'сватать', *кудаалаашкын* 'сватанье, сватовство', *кудаалажыр* 'свататься' и собирательно-репрезентативной формы *кудашкылар* 'родители одного из супругов по отношению к родителям другого, сваты' [ТувРС 1968: 261; Кара-оол 2006: 130, 133]; *ырылары* '[ее, его] песни' ~ *ыры/ыр* 'песня/песенный' [ТувРС 1968: 598] – общетюркское, **ir* 'песня' [ДТС 1969: 219], см. *йыр* 'песня', 'эпическая поэма', 'стихи' [ЭСТЯ IV: 285].

3) *кожамык* [кожьжамык] 'частушка, шутка'; *кожумак* [кожьжумак] 'припев песни, частушка', грам. 'аффикс'. У *кожамык* непосредственных соответствий в других тюркских языках не обнаружено. Предполагается гомогенность с такими тюркскими образованиями, как *кошуг* ~ *кошук*... 'песня; стихотворение...', *кошма* 'форма стихотворения с парными рифмами, частушка' от основы *кош-* 'сочинять, слагать (стихи, песни)', а также допускается, что *кожумак* (как и *кожамык*) образовано... от гл. основы *кош-* (< **коша-* и **кошу-*) ... достаточно распространенного явления в тюркских языках [ЭСТувЯ III: 174]. Тж.: *Кожсаң* [оь] 'частушка, шутка' [ЭСТувЯ III: 175]. Б.И. Татаринцев считает алт. *кожоң*, тув. *кожаң* вторичным заимствованием из монг. *хошин* 'шутка, юмор, острота, забава, веселье' (ойрат. *qoşing* 'юмор, шутка') источника. Алт. *qoşoŋ* 'песня', тув. *qoşan* 'песенка, частушка'; як. *хоһо:n* 'песня, стих, стихотворение, слово, слова'. Термин производный: *кош-* 'сочинять' + афф. *-аң/-ап* > *коша:ŋ*, относится к северному ареалу праязыка [СИГТЯ 1997: 611].³

4) *тывызыктажыр* [ты⁴вызыктажыр]/*тывызыкташ-* букв. «загадывать [друг другу]» > *тывызыкта-* 'загадывать загадку' > *тывызык* 'загадка', 'находчивый, сообразительный, сметливый, находчивый' > *тывар-/тып-* 'находить, обнаруживать', 'добывать, доставать', 'отгадывать (загадку)' [ТувРС 1968: 428–429] – дериват от общетюркского **tap-* 'находить' [ДТС 1969: 533; СИГТЯ 2001: 699], зафиксировано во многих современных тюркских языках в значении 'найти, находить, обнаруживать' [Рассадин 1971: 235], собственно тувинское слово с общетюркской основой.

5) *дүрген чугаа* [т⁵үргэн чуга:] – собственно тувинское фразеосочетание с монгольскими компонентами: *дүрген* 'быстрый, скорый; вспльчивый, горячий'

³ См. подр. об этом: Монгуш О.У. К вопросу о терминологической трактовке слов *кожаң*, *кажамык* в контексте песенной культуры тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 4 (29) 2011. С. 257–260.

⁴ В словах специфический фарингализованный гласный при транскрипции обозначается знаком «ь»: при артикуляции этого звука «мускулы в стенках глотки, в том числе и мускулы корня языка, сближаются, отделяя собой нижнюю часть глотки в виде особого резонатора, а гортань отходит вниз, увеличивая тем объем нижнего глоточного резонатора» [Кунаа 1957: 23].

⁵ Несоответствие буквы «д» и звука [т] в начале слова объясняется тем, что в анлауте слова слабая фонема произносится «с весьма слабым озвончением», т.е. реализуется как ненапряженный непридыхательный глухой или полузвонкий аллофон [СИГТЯ 2002: 624].

[ТувРС 1968: 190]. Зафиксирован в тюркских языках Сибири, см. тоф. *дүрген* ‘быстрый, скорый’, як. *түргэн* ‘быстрый, скорый, поспешный’, алт. *түргэн* (в алт. написании *түрген*) ‘спешный, торопливый’ [Рассадин 1971: 178], монголизм [ЭСТУВЯ II: 299–300], см. *түргэн* ‘быстрый, скорый, спешный’ [БАМРС III: 272]; *чугаа* ‘речь, разговор’ [ТувРС 1968], см. сойот. *чугаа* ‘беседа, разговор’ [Rassadin 2010: 198], ср. алт. *чугаан* ‘ссора, склока’ [АлтРС 2015: 150] – монголизм, см. монг. *зугаа* ‘развлечение, веселье, забава’, *зугаалах* ‘гулять, развеселиться, веселиться’, ‘беседовать, разговаривать’ [БАМРС II: 233].

б) *бызаанчы* [п^быза:нчы] ‘бызанчи (смычковый музыкальный инструмент)’ [ТувРЯ 1968: 130], скорее всего, собственно тувинское слово с общетюркской основой *бызаа* ‘теленок’, др.-тюрк. *buzay* ‘теленок’ [ДТС 1969: 130; ЭСТЯ II: 239–241; ЭСТУВЯ I: 326] + афф. *-нчы* ‘лицо по роду занятия’. Музыканты связь названия инструмента с теленком объясняют тем, что звук *бызаанчы* напоминает мычание теленка [ПМА 2002], см. каз. *бозанишы*.

7) *дошпулуур* [тоьшпулу:p] ‘дошпулур (двухструнный щипковый музыкальный инструмент)’ [ТувРС 1968: 175] – монголизм [ЭСТУВЯ II: 218–219], см. монг. *товшуур* ‘товшур (двух или трехструнный музыкальный инструмент, имеющий чашевидную форму)’ [БАМРС III: 211].

8) *игил* [иьгил] ‘игил (смычковый музыкальный инструмент)’ [ТувРС 1968: 200] – монгольское заимствование вторичного характера [ЭСТУВЯ II: 337–338], см. монг. *ихэл* ‘смычковый музыкальный инструмент’ [БАМРС II: 288].

9) *хомус* ‘хомус (музыкальный инструмент)’ [ТувРС 1968: 481], ‘язычковый щипковый музыкальный инструмент, варган’ [Сузукей 2007] – общетюркское, см. др.-тюрк. *gobuz* ‘комуз, музыкальный струнный инструмент’ [ДТС 1969: 451], тоф. *hobus* ‘музыка; любой музыкальный инструмент’ [Рассадин 1971: 189], алт. *комыс* ‘варган’ [АлтРС 2015: 73], башк. *кумыз* ‘варган либо щипковый инструмент’, як. *хомус* ‘варган’, тат. *кубыз* ‘музыкальный инструмент’, кирг. *комуз* ‘трехструнный щипковый инструмент’, уйг. *қовуз* ‘варган’ [Рассадин 1971: 189], сойот. *хомыс* ‘смычковый струнный музыкальный инструмент’ [Rassadin 2010: 130].

2. Лексика подвижных игр «От чая», «Чода хунаажыр», «Көгээржик хунаажыр», «Ак ыяш», «Чинчи чажыар»

Вне юрты для веселья *ойнаар өг* проводились такие подвижные игры, как «Чода хунаажыр», «Көгээржик хунаажыр», «От чая» [Яковлев 1900: 91; Донгак 2012: 19], «Ак ыяш», «Чинчи чажыар» [ПМА 2000]. Во время первых трех игр у девушек была возможность присмотреться к молодым людям, узнать об их способностях, силе и ловкости, даже о некоторых чертах характера или привычках [ПМА 2000].

В традиционной культуре считалось неприличным, если юноша просто подходил к понравившейся девушке для знакомства, поэтому во время игр «Ак ыяш», «Чинчи чажыар» у молодого человека была возможность подойти к девушке и познакомиться с ней поближе в непринужденной обстановке.

⁶ Несоответствие буквы «б» и звука [п] в начале слова объясняется тем, что в анлауте слова слабая фонема произносится «с весьма слабым озвончением», т.е. реализуется как ненапряженный непридыхательный глухой или полузвонкий аллофон [СИГТЯ 2002: 624].

1. «*От чаяр*» букв. «огонь выбить» [Кон 1934: 87; Донгак 2012: 14].

Правила игры: два парня из рода жениха и невесты стремятся опередить друг друга и первыми выбить огонь из огнива *оттук* над сухой травой, а затем внести в юрту, чтобы зажечь огонь очага юрты молодоженов. По свидетельству некоторых информантов, свадьба начиналась с этой игры [Кон 1934: 87].

2. «*Чода хунаажыр*» букв. «голень пытаться отнять» [Яковлев 1900: 91].

Правила игры: два парня со стороны жениха и невесты стоят наготове у юрты, чтобы завладеть берцовой костью, которую свекор или тесть выбросит через открытую дверь или дымовое отверстие юрты, а затем передать молодоженам: если костью завладевал друг жениха, это считалось хорошим предзнаменованием, а если представитель невесты – дурным. Это было своего рода гадание на то, кто будет главенствовать в семье молодоженов.

3. «*Көгээржик хунаажыр*» букв. «кожаную фляжку отнять друг у друга» [Яковлев 1900: 91], см. хакасская игра «*кёгёр/кёгёр пылазах*» букв. «отнятие бурдюка» [Бутанаев 1995].

Правила игры: это командная игра. Самые сильные, ловкие юноши из рода жениха и невесты верхом на лошадях пытаются отнять друг у друга кожаную фляжку с молочной *аракой* и доскакать до указанного места. Если кто-то завладевал кожаной фляжкой, то остальные члены команды помогали ему дойти до финиша: ограждали его от соперников или передавали фляжку друг другу. Победившая команда *когээржик* с молочной арагой под радостные возгласы передавала фляжку представителю старшего поколения из своего рода [ПМА 1999–2024].

4. «*Ак ыяш*» букв. «белое дерево», т. е. «белая палочка» – древняя и самая любимая молодежная игра, ср. киргизская игра «*Ак чөлмөк*» букв. «Белый челнок (швейной машины)» [Фиельструп].

Правила игры: молодые люди, оставшиеся после свадьбы в юрте молодоженов или в специальной юрте для игры, при свете луны собирались на поляне. Самый сильный парень брал березовую палочку *ак ыяш* и бросал ее как можно дальше. Участники игры бросались за палочкой, чтобы первыми найти ее и принести. Во время игры «*Ак ыяш*» у юноши была возможность подойти к девушке, чтобы вместе искать палочку, таким образом, поближе познакомиться с ней. Если молодые люди нравились друг другу, то могли уединиться для более близкого знакомства.

5. «*Чинчи чажырар*» букв. «спрятать бусину».

Правила игры: игроки делятся на две команды. Ведущий подходит к членам своей команды, делая вид, что прячет бусинку, но оставляет ее в сложенной руке только одного игрока, а члены другой команды – 2 или 3 человека – подходят к каждому игроку и ищут бусинку: по выражению лица, по движению и т.д. Им дается не более трех шансов. Если ищущая команда находит бусинку, то она становится ведущей и прячет бусинку в руке члена своей команды, а если не находит, то исполняет желание победившей команды – поют песню или частушку, имитируют голос зверя или птицы, идут за хворостом, чтобы затопить железную печь *суугу*, идут за водой *суглаар* и т.д.

Анализ лексики подвижных игр:

1) «*От чаяр*» букв. «огонь выбить» – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских компонентов: *от* ‘огонь’, ‘очаг’, ‘свет’, разг. ‘спички’, ‘вы-

стрел, огонь' [ТувРС 1968: 328], общетюркское, см. **o:t* 'огонь' [ДТС 1968: 373; ЭСТЯ I: 483; ЭСТУВЯ IV: 344];

чаяр/чай- I 'махать, размахивать', 'качать'; II 'сваливать, ронять', 'перетягивать', 'переворачивать', 'отбирать', 'направлять по другому руслу (воду)', 'предотвращать' [ТувРС 1968: 524] – общетюркское, **jaj-* 'рассеивать', 'колебать, трясти' [ДТС 1969: 226], см. *йа:й-* 'приводить в движение, колебать', 'полоскать', 'наклонять' и т.д. [ЭСТЯ IV: 75].

2) «*Чода хунаажыр*» букв. «голень пытаться отнять» – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских компонентов: *чода* 'голень' [ТувРС 1968: 537], общетюркское, **joda* 'голень', 'верхняя часть ноги' [ДТС 1969: 269], *жота/йота/чода* 'голень', 'кость ноги, кость в ноге барана', 'туловище, стан' и т. п. [ЭСТЯ IV: 29];

хунаажыр/хунааи- 'пытаться отбирать (отнимать) силой [друг у друга]' / *хунаа* 'отбирать (отнимать) силой' [ТувРС 1968: 494], *хунаар* (разг.) 'ограбить, похитить силой' – общетюркское **qin-* 'грабить, похищать' [ДТС 1969: 466], тоф. *қун-* 'отнимать, отобрать', с.-югур. *qin-* 'вырывать, отнимать' [ЭСТЯ VI: 141; Рассадин 1971: 222].

3) «*Көгээржик хунаажыр*» букв. «кожаную фляжку отобрать друг у друга» – собственно тувинское фразеосочетание из монгольского и общетюркского компонентов: *көгээржик* 'кожаная фляжка (для кумыса или араки)' [ТувРС 1968: 256]; *көгээр* 'большая кожаная фляга (для кумыса или араки)' [ТувРС 1968: 256] + умен.-ласк. афф. *-жик* [Исхаков 1961: 148], монголизм, см. *хөхүүр* 'бурдюк (из шкуры крупного рогатого скота)', 'бурдюк для вина' [БАМРС IV: 151];

хунаажыр см. выше.

4) «*Ак ыяш*» букв. «белое дерево», т. е. «белая палочка» – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских компонентов: *ак* 'белый; седой; сивый', перен. 'чистый', 'белок' [ТувРС 1968: 49], общетюркское, см. *ак* 'белый', 'чистый', 'прекрасный' [ЭСТЯ I: 116; ЭСТУВЯ I: 83];

ыяш 'дерево; лес' [ТувРС 1968: 603] – общетюркское, см. *ууаё* 'дерево' [СИГТЯ 2001: 104].

5) «*Чинчи чажыраp*» 'спрятать бусину' – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских компонентов: *чинчи* 'бусина, бисер/бисерный' [ТувРС 1968: 534], общетюркское, см. др.-тюрк. *jincii* 'жемчуг', алт. *jinji* 'бусы', хак. *инчи* 'приданое', тур. *inci* 'бисер, жемчуг', тоф. *ниньчи* 'бусы, бусинки', монг. *жинжүү* 'бусы, мелкие бусинки; бисер' [Рассадин 1971: 209], *йинчу* 'жемчуг' [ЭСТЯ IV: 203];

чажыраp 'прятать', перен. 'скрывать' [ТувРС 1968: 509] – общетюркское, см. др.-тюрк. *jaşir* 'скрывать, утаивать' [ДТС 1969: 247], тоф. *чаьһирар* 'спрятать' [Рассадин 1995: 255], хак. *чазыраpга/чазыр-* 'прятать, скрывать; утаивать' [ХакРС 2006: 924], алт. *јажыр-* 'скрывать, спрятать, упрятать, утаивать' [АлтРС 2015: 39].

3. Лексика театрализованной игры «Аскак-Кадай» или «Согур аза»

Театрализованная игра «Аскак-Кадай» («Хромая старушка») имеет и второе название «Согур аза» («Слепой черт») [Яковлев 1900: 91; Донгак 2012: 19].

Правила игры: в игре участвуют *Аскак-Кадай* или *Согур аза* и мать с детьми. Увидев *Аскак-Кадай*, дети стоят за матерью, держась друг за друга. Первый дер-

жится за подол *тона* ‘халата тувинского’ матери. *Аскак-Кадай* после традиционного приветствия и обмена *даңза* курительными трубками или *чыттаар таакны* ‘нюхательным табаком’ спрашивает у матери:

- Что это за тобой?
- Это моя тень.
- А за тенью?
- Тень моей тени.
- А за тенью твоей тени?
- Мои дети.
- Если дети, то отдай мне одного в помощники?
- Нет, не могу.
- Ну, тогда, я силой отберу.

С этими словами старушка бросается на детей, чтобы поймать кого-нибудь. Мать всеми силами защищает своих детей, а *Аскак-Кадай* пытается поймать отцепившегося ребенка. Игра продолжается до тех пор, пока *Аскак-Кадай* не поймает всех детей.

По информации респондентов, в театрализованную игру «*Аскак-Кадай*» играли с определенной целью: хромота, по народному поверью, позволяет общаться с потусторонним миром, и *Аскак-Кадай* во время игры таким образом защищала еще не рожденных детей молодоженов от злых духов, отпугивая их [ПМА 1999–2024].

Анализ лексики театрализованной подвижной игры:

1) «*Аскак-Кадай*» букв. «хромая старушка» – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркского и самодийского компонентов: *аскак* [аъскак] ‘хромой’ [ТувРС 1968: 73], общетюркское, см. *агса* ~ *аска*- ‘хромать’ [ЭСТЯ I: 76; ЭСТувЯ I: 148];

кадай ‘жена, супруга’, ‘старуха, старая (пожилая) женщина’, разг. ‘баба’ [ТувРС 1968: 215]. Дериват слова *када* в разных фонетических вариантах встречается в тюркских языках сибирского региона (хак., алт., тув., шорск.) в значениях ‘бабушка’, ‘тетя’, ‘жена’, ‘женщина’, ‘баба’ [Кара-оол 2006: 81]. Лингвисты предполагают вероятность самодийского происхождения лексемы *када*: «обнаружил отдельные “сомнительные слова”, т. е. такие, самодийское происхождение которых вероятно, в частности, и *када* ‘бабушка’» [Катанов 1903: 17]; тув. *када*, имеет соответствия в основном в северосамодийских языках: ср. ненецкое *hada* ‘бабушка; свекровь’, энецкое *каза*, нганасанское *kata* ‘бабушка’ [ЭСТувЯ III: 35]. Придерживается данного мнения и Е.А. Хелимский: «Вероятным источником является незасвидетельствованное маторское слово, отражающее прасамодийское **kata* ‘старшая родственница (бабушка, тетя, свекровь)’» [Хелимский 2000: 310]. С формантом *-м* лексема *када* может передавать и другие значения: ‘тетя’, ‘свекровь’, ‘теща’ [Кара-оол 2006: 110]. Предположительно, возможна связь с тур. и др. *kadin* ‘женщина’ (?)

2) «*Согур аза*» букв. «Слепой черт» – собственно тувинское фразеосочетание из монгольского и общетюркского компонентов:

согур прям. и перен. ‘слепой’, перен. ‘никудышный, никчемный человек’ [ТувРС 1968: 379; ЭСТувЯ V: 103], сойот. *согыр* ‘слепой’ [Rassadin 2010: 155] – предполагается, что *сокур/согур/сохур* ‘слепой’ «имя с афф. *-р*, образовавшееся

на монг. почве от глагола *сохуй*» [ЭСТЯ VII: 297; ЭСТувЯ V: 103], на монгольское происхождение тув. *согур* указал и Н.Ф. Катанов [Катанов 1903: 154];

аза миф. ‘злой дух’, ‘сатана’, ‘черт/чертов’, *бран.* ‘черт, чертовка’ [ТувРС 1968: 45], в тоф., ‘черт’, алт. ‘злой дух, демон’, шорск. ‘злой дух’, тат. ‘злой дух, который живет в земле и под землей’ [ЭСТувЯ I: 69], сойот. *аза* ‘черт’ [Rassadin 2010: 69] – общетюркское, рассматривается как производное от гл. *аз-* ‘совращаться, вырождаться’ и т. п. [ЭСТувЯ I: 70].

4. Лексика трех игрищ мужей – *хуреш* ‘борьба *хуреш*’, *аьт чарыжы* ‘конные скачки’, *ча адары* ‘стрельба из лука’

Изначально это были спортивные игры мужчин, которые организовывались во время больших праздников или сходов, съездов, которые проводил *ноян* ‘князь, правитель хошуна’. Своими корнями эти игрища уходят в глубину веков, о чем свидетельствуют тувинские героические эпосы, такие как, например, «*Хур-Кужугеттиң оглу Хүрең-Кыскыл аьттыг Сергек*» («Сын Хур-Кужугета Сергек с темно-рыжим конем»).

По информации респондентов на свадьбах необязательно проведение всех игр. Могли организовать одну из игр или две [ПИМА 1999–2023], например, «*Хуреш*» и «*Аьт чарыжы*» [Яковлев 1900: 91; Кыргыз 1992: 32; Донгак 2012: 19].

1. *Хуреш* ‘борьба *хуреш*’ – тувинская национальная борьба – одна из популярных в народе игр, совершенствующаяся из поколения в поколение новыми приемами и элементами [Ондар 2015]. Среди *мөгелер* – борцов – могут быть как начинающие, так и именитые борцы со званиями *Арзылаң мөге* ‘борец Лев’, *Чаан мөге* ‘борец Слон’, *Начын мөге* ‘борец Силач или Сокол’ и т.д. Количество борцов может быть от 32 до 256 человек (во время Наадыма), ср. хакасская *күрес* [Бутанаев 1995].

Обычно на свадьбе борются юноши из рода *келин* ‘невесты’ и *күдээ* ‘зятя’.

Сначала борцы исполняют *деви́г* или *эзир самы* ‘танец орла’, напоминающий полет этой птицы. Считается, что во время *деви́г* борцы поклоняются небу, которое, по представлениям тувинцев, является отцом Вселенной – *дээр ада* ‘отец небесный’. Соперников определяют по жребью, борцы берут друг друга в захват и пытаются повалить на землю. Проигрывает и выбывает тот борец, который коснется земли коленом или рукой или первым упадет на землю. А победивший исполняет танец орла и переходит в следующий тур.

Особую роль во время борьбы *хуреш* играют *мөге салыкчылары* ‘судьи-секунданты’. Они должны быть артистичными, обладать поставленным голосом. *Мөге салыкчызы* вызывает борца, восхваляя его силу и ловкость, а в ходе борьбы подбадривает своего борца, держит его шапку, и следит за ходом схватки, в случае победы борца поднимает его правую руку вверх.

Раньше борцы были в коротких халатах *тон* с широкими штанами. Постепенно костюм борцов совершенствовался, сейчас это облегающие спортивные трусы, затянутые ремнем *содак*, короткая курточка с длинными рукавами *шуудак* или *эгин содаа*, прикрывающая только спину борца, оставляя его грудь обнаженной, головной убор *бөрт* с конусообразной макушкой с *дошка* ‘помпон или узел счастья’ и *чымчак идик* ‘обувь с мягкими подошвами, загнутыми вверх носками и длинными голенищами’ [Ондар 2015: 80–98].

Анализ лексики борьбы хуреш:

1) *хуреш* спорт. ‘борьба’, ‘бороться’ [ТувРС 1968: 498] – общетюркское, **küräš-* ‘бороться’, ‘сражаться’ [ДТС 1969: 328], в тюркских языках *гүреш/күреш/кураш/гөреш* ‘физическая борьба’ [ЭСТЯ III: 79–81], сойот. *хуреш* ‘борьба’ [Rassadin 2010: 123].

2) *мөге* [мөьгэ] ‘богатырь, силач’, ‘борец’, ‘сильный’ [ТСТувЯ II: 365], фолькл. ‘силач, богатырь’, спорт. ‘борец’ [ЭСТувЯ IV: 150–152], см. др.-тюрк. *bögä* ‘богатырь’, ‘герой’, ‘силач’ [ДТС 1969: 116] – широко распространено в памятниках сибирских тюркских языков как *бөке, бүке, бөгө, мөкө* ‘сильный, силач’, ‘борец’, ‘сила’, ‘герой’ и т. п. [ЭСТЯ II: 211–222], однородное с монгольским *бөх* I ‘прочный, сильный, крепкий’ и *бөх* II ‘борьба’, ‘борец, силач’ [БАМРС I: 276], в тувинском слове наблюдается соответствие начальных согласных *м* // *б*, характерное для тюркских языков [Серебрянников 1979: 43], по В.И. Рассадину, тув. *мөге* и алт. *бөкө* (орф. *бөкө*) вторичное монгольское заимствование [ЭСТувЯ IV: 150].

3) *деви* [тэви] ‘пляска (в национальной борьбе)’ [ТувРС 1968: 151] – дериват *деви* ‘исполнять ритуальную пляску во время национальной борьбы хуреш’ связывают с глагольной основой п.-монг. *debi-* ‘махать, размахивать, взмахивать (крыльями); расправлять крылья’, в свою очередь монгольский глагол может быть сопоставлен с тюркским *деп-, теп-* ‘лягать(ся), брыкаться; топать’ [ЭСТувЯ II: 114].

4) *эзир самы* ‘танец орла’ – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркского и тибетского компонентов: *эзир* [эзир] ‘орел, орлиный’ [ТувРС 1968: 608], см. тоф. *эьсир* ‘орел’ [Рассадин 1995: 198], сойот. *эьсир* ‘орел, беркут’ [Rassadin 2010: 227], лексема зафиксирована в тюркских языках Сибири;

сам ‘сам, религиозный танец-пантомима монахов’ [ТувРС 1968: 366], ‘танец-пантомима буддийских монахов; танец, пляска’, см. монг. (< тиб.) *цам*, орф. *ᠴᠠᠮ* ‘религиозный танец-пантомима буддийских монахов’, в тувинский язык оно заимствовано посредством монгольского языка из тибетского [ЭСТувЯ V: 58].

5) *мөге салыкчызы* ‘секундант в (национальной) борьбе’ [ТувРС 1968: 365] букв. ‘[его, ее, их] секундант в борьбе’ – собственно тувинское фразеосочетание из монгольского и общетюркского компонентов: *мөге* ‘борец; силач’ [ТувРС 1968: 299], монголизм, см. выше;

салыкчызы ‘кладчик’, *мөге салыкчызы* спорт. ‘секундант в (национальной) борьбе’ [ТувРС 1968: 365] – собственно тувинское слово с общетюркской основой, см. дериват от общетюрк. *сал-* ‘класть’, ‘пускать, выпускать’; *мөге салыр* ‘организовать соревнования по борьбе; быть секундантом в борьбе’ [ТувРС 1968: 366] + сложный тув. афф. *-ыкчы*, обозначающий лиц по их профессии, по роду их занятий [Исхаков 1961: 154–155], см. др.-тюрк. *сал-* ‘класть; бросать’ [ДТС 1969: 482], алт. *сал-* ‘класть, положить’, ‘отпускать’ [АлтРС 104: АлтРС 2018: 562], хак. *сал-* ‘класть’, ‘опускать, отпускать’ [ХакРС 2006: 435].

6) *содак* ‘одежда борца (в национальной борьбе); трусики’ [ТувРС 1968: 379] – монголизм, см. *зодог* ‘национальная одежда борцов’ [БАМРС IV: 221; ЭСТувЯ V: 104].

7) *шуудак* ‘шудак (рубашка от костюма участника национальной борьбы)’ [ТувРС 1968: 583] – монголизм, см. *шуудаг* ‘специальный бандаж борцов’, *зодог шуудаг* ‘специальный костюм борца’ [БАМРС IV: 381; ЭСТувЯ V: 104].

8) *эгин содаа* букв. «плечевая одежда борца в национальной борьбе» – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркского и монгольского компонентов: *эгин* ‘плечо/плечевой’ [ТувРС 1968: 605]; общетюркское, см. *егин* ‘плечо; задняя сторона, спина’ [ЭСТЯ I: 225–227]; *содаа* ‘его плечо’, см. *содак* выше.

9) *идик* [иьдик] ‘обувь // обувной’ [ТувРС 1968: 201] – общетюркское, см. *э:дик* ‘обувь; сапог’ [ЭСТЯ I: 319–321].

10) *бөрт* [пөэрт] ‘шапка, головной убор’ [ТувРС 1968: 118] – общетюркское, см. *бө:рик* ‘шапка’, ‘покрытие/повязка для головы; бурка’ [ЭСТЯ II: 221–224; ЭСТувЯ I: 274–276].

11) *Арзылаң мөге* ‘борец Лев’ – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркского и монгольского компонентов: *арзылаң* ‘лев, львица // львиный’ [ТувРС 1968: 69]; общетюркское *арслан* ‘лев; котенок’, ‘могучий, храбрый’ [ЭСТЯ I: 177–179];

мөге [мөьге] ‘борец; силач // сильный’ [ТувРС 1968: 299] – монголизм, см. выше.

12) *Чаан мөге* ‘борец Слон’ – собственно тувинское фразеосочетание из китайского и монгольского компонентов: *чаан* ‘слон // слоновый’ [ТувРС 1968: 504]; китаизм, см. **jan-gan* и крх.-уйг. *janan* ‘слон’ [СИГТЯ 2001: 156]; *мөге* [мөьге] ‘борец; силач // сильный’ [ТувРС 1968: 299] – монголизм, см. выше.

13) *Начын мөге* ‘борец, силач’ – собственно тувинское фразеосочетание из монгольских компонентов: *начын* ‘силач, борец // сильный’, ‘начин (звание, присваиваемое победителям в национальной борьбе’ [ТувРС 1968: 308]; ‘силач, богатырь; борец; звание, присваиваемое победителям в национальной борьбе’, вторичный монголизм [ЭСТувЯ IV: 232]; *мөге* [мөьге] ‘борец; силач // сильный’ [ТувРС 1968: 299] – монголизм, см. выше.

2. Аът чарыжы букв. «коня скачка», т. е. ‘конные скачки’, ср. хакасская свадебная игра *хыс хостазах* букв. «преследование девушки» или *чарыс* ‘конные скачки’ [Бутанаев 1995], киргизская *кыз куумай* [Симаков 1984: 175–178].

Жизнь скотовода-кочевника немыслима без коня – верного спутника жизни. Езде обучали тувинцев с детства независимо от пола, поэтому наездником в традиционной культуре тувинцев был каждый. Не менее популярная мужская игра – *аът чарыжы*.

Обычно за месяц до скачек скакунов *чарыш аьды* выпасали на пастбищах с особым травостоем, закаливали и тренировали по правилам, издревле известным скотоводу-кочевнику, и время от времени устраивали заезды *үзүүргел/үзүүргедиг*. В это же время готовился к скачкам и сам наездник коня *аът мунукчузу*, повышая мастерство, потому что от него зависели не только победа, но и возможность избежать травмы от непредсказуемого поведения своего или чужого коня.

Анализ лексики конных скачек:

1) *аът чарыжы* ‘конные скачки’ – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских компонентов: *аът* ‘мерин’, ‘лошадь, конь’ [ТувРС 1968: 79], общетюркское, см. *ат* ‘лошадь, конь’, ‘мерин’, ‘кладеный самец’ [ЭСТЯ I: 197; ЭСТувЯ I: 159];

чарыжы ~ *чарыш* ‘состязание (в беге)’, ‘соревнование’ [ТувРС 1968: 520] – общетюркское, этимология слова неясна, **jarış* ‘состязание’, ‘скачки’ [ДТС 1969: 241], см. *йа:рыш* ‘бег’, ‘соперничество двух ездов или карет’, ‘бегать’ [ЭСТЯ IV: 148].

2) *чарыш аьды* букв. «скачки конь», т. е. 'скакун' – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских компонентов: *чарыш* общетюркское см. выше; *аьды* '(его, ее, их) конь' от *аьт* 'лошадь, конь' – общетюркское, см. выше.

3) *аьт мунукчузу* 'наездник коня' – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских компонентов: *аьт* 'лошадь, конь', общетюркское, см. выше;

мунукчузу '(его) наездник', *мунукчу* 'ездок, седок, всадник' [ТувРС 1968: 303] – собственно тувинское слово с общетюркской основой, см. *мун-* 'садиться верхом; ехать верхом; управлять транспортными средствами' [ЭСТЯ VI: 63; ЭСТувЯ IV: 179] + сложный тув. афф. *-укчу*, обозначающий лиц по их профессии, по роду их занятий [Исхаков 1961: 154–155], ср. тоф. *мун-* 'садиться верхом, сидеть верхом', 'ехать верхом' [Рассадин 1995: 46].

Тоджинские и цагаан-нуурские (Монголия) тувинцы устраивают оленьи скачки *чары чарыжы* букв. 'оленья скачка' [ПИМА 2016].

Чары чарыжы 'оленья скачки' – собственно тувинское фразеосочетание: *чары* 'олень-производитель' [ТувРС 1968: 520], тоф. *чары* 'ездовой или вьючный олень', 'вол' [Рассадин 1995: 84], сойот. *чары* ~ *чары* 'ездовой или вьючный олень (обычно кастрированный взрослый бык домашнего северного оленя)' [Rassadin 2010: 189], ср. монг., п.-монг. *жарг* 'дикий олень', бур.-окинск. *зари* 'ездовой домашний олень', 'самец домашнего или дикого оленя' [Рассадин 1971: 194], скорее всего, общее тюрко-монгольское слово;

чарыжы чарыш 'состязание (в беге)' – общетюркское, см. выше.

3. *Ча адар* букв. «стрелять из лука», т. е. 'стрельба из лука'. Лук и стрелы у кочевых народов издавна относились к военным атрибутам, требующим меткости и ловкости. А когда появилось огнестрельное оружие, стрельба из лука перешла в категорию одного из видов игрищ мужей. Сегодня это один из обязательных видов спорта во время Наадыма – праздника животноводов, и развивается в двух видах – стрельба из лука в ремень *баг адары* и стрельба из лука в мишень *кара адары*.

При стрельбе из лука в ремень *баг адары* плотно смотанные в клубок ремни устанавливали вереницей в ряд. Четыре фигуры-клубка ставили на переднем прицеле, а в центр ставилась главная фигура – *чүрек* 'сердце' – большой по размеру клубок, сплетенный из ремней и ремешков. Расстояние между игровой площадкой *хараачыгай* и стрелком было до 100–150 шагов.

При стрельбе из лука в мишень *кара адары* выигрывал тот, кто больше попал в грудную часть шкуры-мишени. Расстояние между мишенью (шкура белого козла) и стрелком было гораздо больше – от 200 до 300 шагов

Анализ лексики стрельбы из лука:

1) *ча адар* букв. «стрелять из лука» [ТувРС 1968: 37, 502] – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских основ: *ча* 'лук (оружие)' [ТувРС 1968: 502], общетюркское, см. др.-тюрк. *ја* 'лук' [ДТС 221], алт. *жаа* 'лук, стрела' [АлтРС 2015: 2015], тоф. *ча* 'лук (оружие)', кирг. *жаа* 'лук (оружие)', як. *саа* 'лук, ружье', турк. *яя йй, йай* 'лук (оружие)' и т.д. [Рассадин 1971: 193];

2) *адар* 'стрелять, обстреливать' [ТувРС 1968: 37] – общетюркское, см. *ат-* 'бросать, кидать; стрелять', 'поражать (о солнечном ударе)' [ЭСТЯ I: 199-200; ЭСТувЯ I: 151];

3) *баг адары* букв. «ремень стрелять», т. е. 'стрельба из лука в ремень' – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских основ: *баг* 'ремень, аркан',

‘привязь’ [ТувРС 1968: 82], общетюркское, *баг* ‘ремень, аркан; привязь’, ‘завязка; оковы; веревка’ [ЭСТЯ II: 13–16; ЭСТУВЯ I: 169]; *адар* ‘стрелять, обстреливать’ – общетюркское, см. выше.

4) *кара адар* букв. «черный стрелять», т. е. ‘стрельба из лука в мишень’ – собственно тувинское фразеосочетание из общетюркских основ: *кара* ‘черный, темный’, ‘вороной; бесснежный; простой’ [ТувРС 1968: 226], общетюркское ‘черный, темный’, ‘вороной’ [ЭСТЯ V: 286–287; ЭСТУВЯ III: 96–97]; *адар* ‘стрелять, обстреливать’ – общетюркское, см. выше.

Выводы

Лингво-этнографический анализ лексики традиционных свадебных игр позволил выявить следующие особенности:

- а) свадебные традиционные зрелищные игры условно делятся на 5 групп:
- музыкальные игры-конкурсы: *куда ырылары* ‘свадебные песни’, *кожамыктар* ‘частушки-экспромты’, сопровождаемые музыкальными инструментами *бызаанчы, дошулуур, игил, хомус*;
 - игры на смекалистость: *тывызыктажыр* ‘загадывать загадки’, *дүрген чугаалажыр* ‘рассказывать скороговорки’;
 - подвижные игры: «*Чода хунаажыр*», «*Көгээржик хунаа-жыр*», «*От чаяр*», «*Ак ыяш*», «*Чинчи чажырар*»;
 - театрализованная игра: «*Аскак-Кадай*» или «*Согур аза*»;
 - «три игрища мужей»: *хуреш* ‘борьба хуреш’, *аьт чарыжы* ‘конные скачки’, *ча адары* ‘стрельба из лука’.

б) названия традиционных свадебных игр выражены общетюркскими (5), монгольскими (6) лексемами и собственно тувинскими словами с общетюркской основой (3), а также собственно тувинскими фразеосочетаниями с общетюркскими компонентами (12), собственно тувинскими фразеосочетаниями из общетюркских и монгольских заимствований (6), общетюркским и самодийским компонентами (1), общетюркским и тибетским компонентами (1), китайским и монгольским компонентами (1), а также монгольскими компонентами (2).

в) с точки зрения морфологического строения, значительную часть названий свадебных игр составляют фразеосочетания из двух компонентов (23), а также простые слова с производной и непроизводной основой (14).

Традиционные свадебные игры тесно связаны с культурой и историей народа во всем их многообразии, передавая уникальность традиций и особенности его культуры. К сожалению, многие традиционные свадебные игры не дошли до наших дней, их заменили другие развлекательные игры, сопровождаемые эстрадно-попсовой музыкой.

Сокращения

Языки и диалекты

алт. – алтайский
 башк. – башкирский
 бур.-окинск. – бурятско-окинский

др.-тюрк. – древнетюркский
 каз. – казахский
 кирг. – киргизский

крх.-уйг. – караханидско-уйгурский	тоф. – тофаларский
монг. – монгольский	тув. – тувинский
общетюрк. – общетюркский	тур. – турецкий
ойрат. – ойратский	тюрк. – тюркский
п.-монг. – старописьменный монгольский	уйг. – уйгурский
с.-югур. – сарыг-югурский	хак. – хакасский
сойот. – сойотский	чаг. – чагытский (тувинский)
тат. – татарский	шорск. – шорский
	як. – якутский

Общие

афф. – аффикс	ср. – сравни
бран. – бранный	ТНИИЯЛИ – Тувинский исследовательский институт истории, языка и литературы
букв. – буквально	ТИГПИ – Тувинский институт гуманитарных и социально-экономических, прикладных исследований
гл. – глагол	умен.-ласк. – уменьшительно-ласкательный
грам. – грамматический термин	фольк. – фольклорный
перен. – переносный	
разг. – разговорный	
см. – смотри	

Литература

- АлтРС 2015 – Балакина О.Н. Алтайско-русский словарь / О.Н. Балакина, В.С. Дедеева. – Горно-Алтайск: РОО Лепта, 2015. – 168 с. {*O.N. Balakina. Altai-Russian dictionary / O.N. Balakina, V.S. Dedeyeva. – Gorno-Altaysk: “Lepta” Regional Public Organization, 2015. – 168 p.*}
- БАМРС I–IV – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001–2002. {*Big academic Mongol-Russian dictionary / Executive editor: G.Ts. Pyurbeyev. – Moscow: Academia, 2001–2002.*}
- Бутанаев 1995 – Бутанаев В.Я., Верник А.А. Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. – Абакан: УПП «Хакасия», 1995. – 53 с. {*V.Ya. Butanayev, A.A. Vernik. Children’s games and sports competitions of the peoples of Khakassia. – Abakan: “Khakassia” Educational and Production Enterprise, 1995. – 53 p.*}
- Грум-Гржимайло 2007 – Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран (извлечения). – Л., 1926. – Т. 3. – Вып. 1 // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае – Танну-Тове, урянхайцах – тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. – Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV–XX в.) / Сост. С.К. Шойгу. – М.: Слово, 2007. – С. 498–638. {*G.Ye. Grumm-Grzhimailo. Western Mongolia and the Uriankhai region. Anthropological and ethnographic overview of these countries (extracts). – Leningrad, 1926. – Vol. 3. – Issue. 1. // Uriankhai. Tuva Depter. An anthology of scientific and educational thought about the ancient Tuvan land and its inhabitants, about Uriankhai – Tannu-Tuva, Uriankhai – Tuvans, about the antiquities of Tuva: in 7 volumes. – Vol. 2: Tribes of Sayano-Altai. Uriankhians (the 4th–20th centuries) / Compiled by S.K. Shoygu. – Moscow: Slovo, 2007. – PP. 498–638.*}
- Донгак 2012 – Донгак С.Ч. Тыва куда ёзулалдары. Традиции тувинской свадьбы. – Кызыл, 2012. – 72 с. {*S.Ch. Dongak. Tuva kuda yozulaldary. The traditions of Tuvan wedding. – Kyzyl, 2012. – 72 p.*}
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с. {*Old Turkic dictionary. – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p.*}
- Жуковская 2002 – Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. – М.: Восточная литература, 2002. – 247 с. {*N.L. Zhukovskaya. The nomads of Mongolia. Culture. Traditions. Symbols. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. – 247 p.*}
- Исхаков 1961 – Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. – М.: Восточная литература, 1961. – 472 с. {*F.G. Iskhakov, A.A. Palmbach. Grammar of the Tuvan language. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1961. – 472 p.*}

- Кара-оол 2006 – *Кара-оол Л.С.* Термины родства и свойства в тувинском языке: монография. – Кызыл, 2006. – 252 с. {*L.S. Kara-ool. Kinship and affinity terms in the Tuvan language: a monograph.* – Kyzyl, 2006. – 252 p.}
- Кара-оол 2021 – *Кара-оол Л.С.* Лексика традиционных свадебных обрядов в тувинском языке // Российская тюркология. – 2021. – № 1–2(30–31). – С. 126–143. {*L.S. Kara-ool. Vocabulary of traditional wedding rituals in the Tuvan language // Russian Turkology.* – 2021. – No. 1–2(30–31). – PP. 126–143.}
- Катанов 1903 – *Катанов Ф.Н.* Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903. – 1600 с. {*F.N. Katanov. An attempt to study the Uryankhai language, with an indication of its main relationships to other languages of Turkic origin.* – Kazan, 1903. – 1600 p.}
- Кенин-Лопсан 2006 – *Кенин-Лопсан М.Б.* Традиционная культура тувинцев. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. – 232 с. {*M.B. Kenin-Lopsan. Traditional culture of Tuvans.* – Kyzyl: Tuvan Book Publishing House, 2006. – 232 p.}
- Кон 1934 – *Кон Ф.Я.* За 50 лет. Экспедиция в Сойотию. – М.: Типография Профиздата, 1934. – 293 с. {*F.Ya. Kohn. Within 50 years. Expedition to Soyotia.* – Moscow: Typography of Profizdat, 1934. – 293 p.}
- Кунаа 1957 – *Кунаа А.Ч.* Звуковая система современного тувинского языка. – Кызыл: Тип. упр. культуры, 1957. – 56 с. {*A.Ch. Kuna. The phonological system of modern Tuvan language.* – Kyzyl: Typography of Culture Department, 1957. – 56 p.}
- Курбатский 1973 – *Курбатский Г.Н.* Тувинские праздники: историко-этнографический очерк. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1973. – 80 с. {*G.N. Kurbatskiy. Tuvan holidays: historical and ethnographic essay.* – Kyzyl: Tuvan Book Publishing House, 1973. – 80 p.}
- Кыргыз 1992 – *Кыргыз З.К.* Свадебные песни // Песенная культура тувинского народа / Научный редактор И.В. Мациевский. – Кызыл: Тув. книжное изд-во, 1992. – С. 27–41. {*Z.K. Kyrgyz. Wedding songs // Song culture of the Tuvan people / Scientific editor: I.V. Matsiyevskiy.* – Kyzyl: Tuvan Book Publishing House, 1992. – PP. 27–41.}
- Ондар 2015 – *Ондар О.Ч.* Борьба Хуреш: монография. – Кызыл: РИО ТувГУ, 2015. – 204 с. {*O.Ch. Ondar. Khuresh wrestling: a monograph.* – Kyzyl: Publishing House of Tuva State University, 2015. – 204 p.}
- Покровская 1961 – *Покровская Л.А.* Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Наука, 1961. – С. 11–81. {*L.A. Pokrovskaya. Terms of kinship in the Turkic languages. // Historical Development of the Vocabulary of the Turkic Languages.* – Moscow: Nauka, 1961. – PP. 11–81.}
- ПМА 1994–2024 – *Кара-оол Л.С.* Полевые материалы автора с 1994 по 2016 гг. {*L.S. Kara-ool. The field data of the author, 1994–2024.*}
- Потапов 1969 – *Потанов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. – М.: Наука, 1969. – 402 с. {*L.P. Potapov. Sketches on the everyday life of Tuvans.* – Moscow: Nauka, 1969. – 402 p.}
- Рассадин 1971 – *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1971. – 252 с. {*V.I. Rassadin. Phonetics and lexis of the Tofalar language.* – Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1971. – 252 p.}
- Рассадин 1995 – *Рассадин В.И.* Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. – 288 с. {*V.I. Rassadin. Tofalar-Russian dictionary. Russian-Tofalar dictionary.* – Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1995. – 288 p.}
- Садыков 1983 – *Садыков С.* Термины родства и родственных отношений // Монгольско-тюркские языковые параллели. – Фрунзе: Илим, 1983. – С. 32–38. {*S. Sadykov. Terms of kinship and family relations // The Mongolic-Turkic Parallels.* – Frunze: Ilim, 1983. – PP. 32–38.}
- Серебренников 1979 – *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку: МААРИФ, 1979. – 304 с. {*B.A. Serebrennikov, N.Z. Gadzhiyeva. Comparative and historical grammar of the Turkic languages.* – Baku: MAARIF, 1979. – 304 p.}
- Симаков 1984 – *Симаков Г.Н.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1984. – 229 с. {*G.N. Simakov. Public functions of Kyrgyz folk entertainment at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Historical and ethnographic essays.* – Leningrad: Nauka, 1984. – 229 p.}

- Сузукей 2007 – *Сузукей В.* Музыкальные инструменты традиционного общества // Музыкальная культура Тувы в XX столетии. – М., 2007. – С. 75–88. {*V. Suzukey.* Musical instruments of traditional society // Musical culture of Tuva in the 20th century. – Moscow, 2007. – PP. 75–88.}
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2001. – 824 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Lexis / Executive editor: E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka, 2001. – 824 p.}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев – М.: Наука, 2002. – 768 с. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions / Executive editor: E. R. Tenishev. – Moscow: Nauka, 2002. – 768 p.}
- ТСТувЯ II – Толковый словарь тувинского языка. Т. II: К–С / Ред. Д.А. Монгуш. – Новосибирск: Наука, 2011. – 798 с. {Explanatory dictionary of the Tuvan language. Vol. 2: K–S / Ed. by D.A. Mongush. – Novosibirsk: Nauka, 2011. – 798 p.}
- ТувРС 1968 – Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / Ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 648 с. {Tuvan-Russian dictionary: 22 000 words / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1968. – 648 p.}
- Фиельструп – *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни кыргызов начала XX века: игры (38 часть) [Электронный ресурс]. – URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7710 (дата обращения: 22.05.2024). {*F.A. Fielstrup.* From the ritual life of the Kyrgyz people at the beginning of the 20th century: games (part 38) [Electronic resource]. – URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7710 (access date: 22.05.2024).}
- ХакРС 2006 – Хакасско-русский словарь. Хакас–орыс сөстiк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с. {Khakass-Russian dictionary. Ėakas–orys söstik. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1114 p.}
- Хелимский 2000 – *Хелимский Е.А.* Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 310 с. {*Ye.A. Khelimskiy.* Comparative studies, Uralistics: lectures and articles. – Moscow: Yazyki russskoj kultury, 2000. – 310 p.}
- ЭСТувЯ I – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. I. – А–Б. – Новосибирск: Наука, 2000. – 341 с. {*B.I. Tatarintsev.* Etymological dictionary of the Tuvan language. – Vol. 1. – A–B. – Novosibirsk: Nauka, 2000. – 341 p.}
- ЭСТувЯ II – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. II. – Д–Ё–И–Й. – Новосибирск: Наука, 2002. – 388 с. {*B.I. Tatarintsev.* Etymological dictionary of the Tuvan language. – Vol. 2. – D–Yo–I–Ĭ. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 388 p.}
- ЭСТувЯ III – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. III. – К–Л. – Новосибирск: Наука, 2004. – 440 с. {*B.I. Tatarintsev.* Etymological dictionary of the Tuvan language. – Vol. 3. – K–L. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 440 p.}
- ЭСТувЯ IV – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. IV. – М–П. – Новосибирск: Наука, 2008. – 442 с. {*B.I. Tatarintsev.* Etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. 4. – M–P. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 442 p.}
- ЭСТувЯ V – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. V. – С. – Новосибирск: Наука, 2018. – 180 с. {*B.I. Tatarintsev.* Etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. 5. – S. – Novosibirsk: Nauka, 2018. – 180 p.}
- ЭСТЯ I – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with vowels. – Moscow: Nauka, 1974. – 768 p.}
- ЭСТЯ II – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978. – 352 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with letter “B”. – Moscow: Nauka, 1978. – 352 p.}
- ЭСТЯ III – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». – М.: Наука, 1980. – 390 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with letters “V”, “G”, “D”. – Moscow: Nauka, 1980. – 390 p.}
- ЭСТЯ IV – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». – М.: Наука, 1989. – 196 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological

- dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with letters “Ž”, “Ĵ”, “Ĵ̇”. – Moscow: Nauka, 1974. – 196 p.}
- ЭСТЯ V – Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «К», «Қ» // Авторы словарных статей: Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И. Рецензенты: Э.Р. Тенишев, Э.А. Грунина. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с. {Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with letters “K”, “Q” // Authors of dictionary entries: L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, V.I. Rassadin. Reviewers: E.R. Tenishev, E.A. Grunina. – Moscow: Yazyki russkoj kultury, 1997. – 368 p.}
- ЭСТЯ VII – Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Л», «М», «Н», «П», «С» // Отв. ред. А.В. Дыбо. – М.: Восточная литература, 2003. – 448 с. {Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with “L”, “M”, “N”, “P”, “S” // Executive editor: A.V. Dybo. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2003. – 448 p.}
- Юша 2018 – *Юша Ж.М.* Традиционные состязания и игры в свадебной обрядности китайских тувинцев (в сравнительно-сопоставительном аспекте) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 4 (22). – С. 124–131. {*Zh.M. Yusha.* Traditional competitions and games in the wedding rituals of Chinese Tuvans (in a comparative aspect) // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2018. – No. 4 (22). – PP. 124–131.}
- Яковлев 1900 – *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск: Типография В.И. Корнакова, 1900. – Вып. 4. – 341 с. {*Ye.K. Yakovlev.* An ethnographic review of the aboriginal peoples of the Southern Yenisei valley and the explanatory catalogue of ethnographic department of the museum. – Minusinsk: V.I. Kornakoff Typography, 1900. – Issue 4. – 341 p.}
- Кенин-Лопсан 1994 – *Кенин-Лопсан М.Б.* Тыва чоннун бурунгу ужурлары [Традиционная этика тувинцев]. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1994. – 192 с. {*M.B. Kenin-Lopsan.* Traditional ethics of Tuvans. – Kyzyl: Tuvan Book Publishing House, 1994. – 192 p.} (In Tuvan.)
- Rassadin 2010 – *Rassadin V.I.* Soyotica / Ed. by B. Kempf. – Szeged: Univ., Dep. of Altaic Studies. – 229 p.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 75–93. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.151

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-75-93

РАЗНОВИДНОСТИ НАЗВАНИЙ СНЕГА В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

*Аржана Николаевна Майзина*¹

¹ Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск, Россия
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
e-mail: arshana@mail.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Майзина А.Н., 2024

Аннотация: Статья посвящена описанию названий снега в алтайском языке. Актуальность исследования обусловлена тем, что метеорологическая лексика, в частности, названия атмосферных осадков в алтайском языке специальному изучению ранее не подвергались. Данный пласт лексики занимает важное место в языковой картине мира алтайцев, так как метеоявления тесно связаны с жизнью и хозяйственной деятельностью народа. Формирование метеорологической лексики алтайского языка складывалось в течение многих веков на основе регулярных наблюдений людей за погодой и климатом.

В работе подробно рассмотрены виды снега по форме и размеру, плотности и пористости, сухости и влажности, времени и характеру выпадения. Названия классифицировались условно, поскольку некоторые слова одновременно могут характеризовать разные свойства снега. К примеру, признаки 'мокрый', 'рыхлый' могут относиться и к свежему снегу, выпадающему осенью, и к старому, если речь идет о весеннем таящем снеге. Большое внимание в исследовании уделено происхождению и особенностям формирования данного пласта слов в алтайском языке и его диалектах. По мере возможности к анализу привлекались материалы по другим тюркским языкам. В ходе работы были выявлены региональные и общетюркские термины.

Одной из особенностей названий снега в алтайском языке, так же как и в других тюркских языках, является многозначность. Одна и та же лексема может обозначать разные виды атмосферных осадков и явлений – снег, дождь, иней, изморось и т.д. Все это наглядно отражает специфику развития метеорологической лексики в алтайском языке.

Ключевые слова: алтайский язык, диалект, лексика, словообразование, этимология, метеорологическая лексика, наименования снега.

Для цитирования: *Майзина А.Н.* Разновидности названий снега в алтайском языке // *Российская тюркология.* 2024. № 1–2 (42–43). С. 75–93. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-75-93.

* Автор выражает искреннюю благодарность своим информантам: Н.Б. Тайбориной, М.А. Демчиновой, А.Р. Тазрановой, А.Я. Салчак, Р.Р. Чалчиковой, Л.М. Яшевой, оказавшим помощь при подготовке данной работы.

Varieties of snow names in the Altai language

*Arzhana Nikolayevna Mayzina*¹

¹ Budgetary scientific institution of the Altai Republic “Research Institute of Altaistics named after S. S. Surazakov”, Gorno-Altaysk, Russia
Ph.D. in Philology, Senior Researcher
e-mail: arshana@mail.ru

© IL RAS, 2024

© Mayzina A.N., 2024

Abstract: The article is devoted to the description of snow names in the Altai language. The relevance of the study is conditioned by the fact that the meteorological lexicon, in particular the names of atmospheric precipitation in the Altai language, has not been previously studied in a special way. This stratum of lexicon occupies an important place in the linguistic picture of the Altai people since meteorological phenomena are closely connected with the life and economic activity of a human. The formation of the meteorological lexicon of the Altai language has been taking shape for many centuries on the basis of people’s regular observations about weather and climate.

The paper details the types of snow in terms of shape and size, density and porosity, dryness and humidity, time and pattern of snowfall. The names were categorized conventionally, because some words can characterize simultaneously different properties of snow. For example, the features ‘wet’, ‘friable’ can refer both to fresh autumn snow and to old snow, if we are talking about spring melting snow. Much attention in the study is paid to the origin and peculiarities of formation of this stratum of words in the Altai language and its dialects. As far as possible, materials on other Turkic languages were involved in the analysis. In the course of the work, regional and all-Turkic terms were identified.

One of the peculiarities of snow names in the Altai language, as well as in other Turkic languages, is polysemousness. The same lexeme can denote different kinds of precipitation and phenomena – snow, rain, hoarfrost, frost, etc. All this clearly reflects the specificity of development of meteorological lexicon in the Altai language.

Key words: Altai language, dialect, vocabulary, word formation, etymology, meteorological vocabulary, snow names.

For citation: *Mayzina A.N.* Varieties of snow names in the Altai language // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 75–93. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-75-93.

Введение

Снег – это форма твердых атмосферных осадков, состоящая из мелких кристаллов льда. Снег характеризуется такими физическими параметрами как форма, структура, количество воды в своем составе, плотность, пористость, толщина покрова и т.д. В гляциологии – науке, занимающейся изучением снега и льда – снег классифицируют разными способами. Так, *по форме* частицы снега делятся на следующие виды: столбики, иглы, пластинки, звездочки, кристаллы, снежная крупа, ледяная крупа, град, изморозь, алмазная пыль [Материалы 2012: 18]. *По плотности и пористости* различают свежий и старый снег. Свежий снег подразделяется на «дикий» (рыхлый, пушистый), порошкообразный, слабо уплотненный ветром, сильно уплотненный ветром. Старый снег, в свою очередь, делится на снег-пльвун, сухой снег и мокрый снег [Войтковский 1989: 12].

В лингвистике, в частности уралистике и алтаистике, проблеме изучения названий снега посвящено не так много работ. Наименования снега в числе прочих

названий атмосферных осадков в тюркских языках одними из первых исследовали Л.С. Левитская [Левитская 2001: 13–40] и К.М. Мусаев [Мусаев 2008: 42–67]. Ю.В. Норманская рассматривала этимологию данных слов в сибирских (уральских и тюркских) языках [Норманская 2007: 175–177; 2008: 68–101]. С.А. Ивановым на материале якутского языка было выделено более 20 разновидностей снега [Иванов 2016: 74]. Названия атмосферных осадков в селькупском языке в сопоставлении с русским исследовала Н.В. Полякова [Полякова 2013: 69–74]. В ненецком языке терминологию снега рассматривала Р.И. Лаптандер [Лаптандер 2014: 423–428]. В ряде работ описание снега проводилось в рамках лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов. Так, концепт «снег» на материале эвенского языка рассматривался в ряде статей Р.П. Кузьминой [Кузьмина 2018; 2021], а А.А. Кузьминой – в картине мира якутов, эвенов и юкагиров [Кузьмина 2022].

В алтайском языкознании названия снега специально изучению ранее не подвергались. По данной проблеме можно отметить лишь уникальную статью М. Сазанкина «Алтай кар» («Алтайский снег»), опубликованную в 2010 г. в республиканской газете «Алтайдын Чолмоны» («Звезда Алтая») [Сазанкин 2010а: 7; 2010б: 7]. В ней автор приводит более 100 слов, представляющих собой названия снега и других атмосферных осадков и явлений, близких к снегу. Многие из них являются малоизвестными и требуют отдельного изучения, как в плане семантики, так и в плане этимологии. Уточнить что-либо у самого автора не представляется возможным, поскольку его уже нет в живых.

Основным универсальным обозначением снега в алтайском языке является лексема *кар*. Данное слово относится к общетюркскому пласту лексики, этимологически возводится к пратюркской основе **kiār* ‘снег’ [EDAL: 799], **qiār* ‘снег’ [СИГТЯ 2006: 683]. Известно, что для пратюркского языка восстанавливается лишь это одно название снега, в то время как для прауральского языка их реконструируется более десяти. Это явление Ю.В. Норманская связывает с тем, что уральскую прародину локализуют в Западной Сибири, а тюркскую – на Ордосе [Норманская 2007: 175–176]. Как отмечает исследователь, в тюркских языках Сибири названия снега гораздо менее разнообразны по сравнению с уральскими языками Сибири (обско-угорскими и самодийскими). На основе этих фактов она делает вывод о том, что должно пройти несколько тысячелетий прежде, чем в языке появится большое количество новых лексем для описания специфики природного окружения [Там же].

В деривационном аспекте от *кар* ‘снег’ в алтайском языке суффиксальным способом образованы лексемы: *карла-* ‘идти, падать (о снеге)’ (где *-ла* – гл. афф.), *карлу* ‘снежный’ (где *-лу* – афф. прил.), *кардый* ‘как снег, словно снег’ (где *-дый* – афф. уподобл.), *карычак* ‘снежинка’ (где *-ычак* – димин. афф.); путем словосложения образовано слово *Кар-Кызычак* ‘Снегурочка’ (*кар* ‘снег’ + *кызычак* ‘девочка’).

Кроме общего термина *кар* специальных названий снега в алтайском языке мало. Большинство из них представляют собой описательные наименования, образованные путем лексикализации атрибутивных словосочетаний. Рассмотрим разновидности снега и их названия более детально.

1. Виды снега по плотности и пористости

1.1. Свежий снег

Свежий снег в алтайском языке именуется термином *jaш кар* ‘свежий снег’. Например: *Janгы jaш кар jaап ийгенде* ⟨...⟩, *агастын кирип чыгып турган ичегенине чертки тургузуп салатан* (Ч. Чунижеков) ‘Когда выпадал свежий снег ⟨...⟩, [он] ставил в норе горностая силки’ [АРС: 809].

Прилагательное *jaш* в значении ‘маленький; молодой, юный’, ‘свежий’ употребляется также для характеристики возраста, свежести, незрелости кого- или чего-либо. Например: *jaш бала* ‘маленький ребенок’, *jaш олӧн* ‘молодая/свежая трава’.

Пороша, или тонкий слой свежего, только что выпавшего снега, обозначается термином *кырмак/кырмак кар* ‘пороша; первый тонкий, мелкий снег’. Под этим термином в алтайском языке понимается также мелкий снег, выпавший ночью и переставший идти к утру, на котором видны свежие следы животных и т.д. Примеры: *Чакыр ичи озӧктӧй каранты, а мында кырмак кар* (ИШ, К, 18) ‘В долине Чакыра проталины, а здесь пороша’; *Анан ары барып jatкажын, чала кырмак базып салган эки атту кижининг ле бир уйдын изи кожула берди* (КТ, КJ, 18) ‘Пока двигались дальше, [к следу] добавились следы двух людей верхом на лошадях и одной коровы, слегка покрытые тонким снегом’.

Алтайское *кырмак* ‘пороша; первый тонкий, мелкий снег’ относится к числу общетюркских названий снега. Тюркское *қырақ* возводится к древней основе **қыр* ‘иней на земной поверхности’ [ЭСТЯ: 242]. От *кырмак* ‘пороша; первый тонкий, мелкий снег’, в свою очередь, образован глагол *кырмакта-* ‘порошить’. Например: *Күскери кар жангыла ла кырмактап jaап, кезикте ойто айазып, анайда ла булгалып турган күндердин бирүзи болгон эди* (КТ, КJ, 18) ‘Это был один из переменчивых дней ближе к осени: то только начинал порошить снег, то иногда снова становилось ясно’.

В чалканском диалекте алтайского языка отмечается термин *šarša* ‘пороша’ [Баскаков 1985: 225]. Этимология данного слова не ясна. Возможно, существует генетическая связь с термином *sarsan*¹ ‘февральский буран’ в одном из диалектов башкирского языка [Левитская 2001: 49]. В кумандинском диалекте алтайского языка пороша именуется *чаи қар* [РКС: 343], в тубаларском – *чандак, чан jaаган* [ТРС: 234].

Свежий нетронутый снег, отличающийся своей белизной и чистотой, в алтайском языке обозначается термином *ак-сӧн кар* ‘белый, чистый снег’. Например: *Эбире турган тайгалар ак-сӧн карла жабынгылап ийген* (БУ, Т, 187) ‘Стоящая вокруг тайга покрылась белым чистым снегом’.

Прилагательное *ак-сӧн* ‘белый; чистый; свежий’ образовано путем сложения двух слов – *ак* ‘белый’ и *сӧн*, которое в современном алтайском языке как самостоятельное слово практически не употребляется. В имеющихся словарях *сӧн* также не зафиксировано. При этимологизации рассматриваемого слова большую

¹ Данные современного башкирского языка: литературное устаревшее *sarsar* ‘жгучий мороз’, сакмарский говор *sarsar* ‘февральский буран’, иргизский говор *sarsar* ‘жгучий мороз’ [ДСБЯ 2002: 270] – прим. ред.

роль сыграли данные по якутскому языку. Так, в якутском языке алтайскому *сөн* соответствует лексема *сөнүү* ‘атмосферные осадки в виде дождя, снега’ [БТСЯЯ: 72]. Таким образом, можно предположить, что алтайское *сөн*, как и якутское *сөнүү*, некогда имело значение ‘осадок’, которое со временем утратилось. Следовательно, сочетание *ак сөн* первоначально могло иметь значение ‘белый осадок’.

В статье М. Сазанкина встречаются также термины *акар сөн* ‘чистый и рыхлый снег, на котором еще нет следов’ (букв. ‘овечий подшерсток осадок’ – перевод наш – А.М.) и *сөнөө кар* ‘рыхлый снег лесных полей’ [Сазанкин 2010а: 7]. В случае с термином *акар сөн* мотивирующим признаком для номинации послужило сравнение рыхлого снега с белой шерстью овцы.

Для обозначения девственно свежего нетронутого снега в алтайском языке используется термин *јум кар*. Примеры: *А эмди ол ло аркага барзан, ээн, кандый бир тындунын изи учураза, учураар эмезе јук тийбеген јум кар јадар* (БУ, СӨ, 63) ‘А теперь, когда придешь в тот же лес – пусто, если повезет, то попадутся следы какого-нибудь животного либо будет лежать совсем нетронутый снег’; [Мундузак] *малтазын курга кыстанып, адазын чанакка отургускан, јум карды бустуруп, Картаз-Кобызына келгиледи* (ЧЧ, М, 41) ‘[Мундузак], засунув под пояс топор, посадил отца на сани, пробиваясь через нетронутый снег (букв. ломая нетронутый снег), приехали в долину Картаз-Кобы’.

В рассматриваемую группу нами включено название *ылма кар*. По словам информантов М.А. Демчиновой и Н.Б. Тайбориной, термин *ылма кар* обозначает свежевыпавший снег, порошу. Интерес в составе указанного наименования представляет компонент *ылма*. В алтайском языке данная лексема функционирует в значении ‘новорожденный’, когда речь идет о ребенке или детеныше животных, например, *ылма бала* ‘новорожденный ребенок’, *ылма кураан* ‘новорожденный ягненок’. По сведениям А.Р. Тазрановой, в теленгитском диалекте алтайского языка ему соответствует фонетический вариант *ылым* ‘новорожденный’. Таким образом, значение ‘свежевыпавший (о снеге)’ у слова *ылма* является вторичным, возникшим на основе метонимического переноса, т. е. сходства свежего снега с новорожденным.

Между тем, лексема *ылма* в алтайско-русском словаре зафиксирована в значении ‘рыхлый’: *Јангыс ла бут алдындагы көбү ле ылма кар ого түрген базарга чаптык эдет* (Б. Укачин) ‘Только лишь пушистый и рыхлый снег под ногами мешает ему идти быстро’ [АРС: 898].

На наш взгляд, термин *ылма кар* является многозначным, имеющим два значения: ‘свежевыпавший снег, пороша’ и ‘рыхлый снег’. Сравним также пример: *Јылкы ылма карды эже чапчып, јайгыда белетеген өлөнгө дө киришпей, анайда ла јылды чыгып калар* (БУ, Т, 157) ‘Лошадь, разгребая копытом рыхлый снег, [добывая себе корм], может перезимовать, даже не притронувшись к изготовленному летом сену’. В данном примере речь идет не о свежевыпавшем, а, скорее, о рыхлом снеге.

Кроме того, в статье М. Сазанкина встречаются следующие названия свежевыпавшего снега: *көнүл кар* – свежевыпавший снег толщиной не менее 15 см (до щиколоток); *уйан көнүл* – крайне мягкий, пушистый снег (до щиколоток); *томыл кар* – свежевыпавший снег глубиной менее 5 см; *уйан томыл* – крайне пушистый снег глубиной до 5 см; *элү томыл* – свежевыпавший снег глубиной не

более ширины пальца; *тос томыл* – слой свежесвыпавшего снега толщиной менее 1 см (букв. ‘толщина бересты’) [Сазанкин 2010а: 7].

В теленгитском диалекте отмечается термин *чоокыр кар* ‘только что выпавший снег’ [СГ: 39]. Компонент *чоокыр* здесь является производным от *чоокыр* ‘пестрый, пятнистый’. Очевидно, здесь подразумевается тонкий слой снега, который местами успевает растаять, вследствие чего поверхность земли выглядит пестрой.

1.2. Старый снег

Под старым снегом в рамках исследования понимается плотный слежавшийся снег. Как оказалось, наименований старого снега в алтайском языке, по сравнению с названиями свежего снега, не так много. В статье М. Сазанкина отмечены следующие термины: *эке кар* – старый уплотнившийся слой снега под свежесвыпавшим рыхлым; *күүрек кар* – позднезимний снежный покров, состоящий из двух слоев: верхний – тонкий хрупкий *чарым*, нижний – рассыпчатая масса из разнокалиберных снежных крупинок; *тоорым кар* – слежавшийся снег, который легко режется и рубится на крупные куски; *шабал* – толстый слой слежавшегося снега на ветвях хвойных деревьев [Сазанкин 2010а: 7]. Происхождение этих терминов в алтайском языке в данный момент еще не выяснено.

В данную подгруппу нами включены также разные названия наста, сугроба и снежной лавины, поскольку все они обозначают плотный слежавшийся снег.

1.2.1. Снежный наст

Наст – это плотная корка снега на поверхности снежного покрова, образующаяся в результате подтаивания и последующего замерзания снега либо в результате ветрового уплотнения. В алтайском языке снежный наст обозначается термином *чарым*. Впервые данная лексема была зафиксирована В.И. Вербицким в «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркских языков» в значении ‘наст (замерзшая весной поверхность снега)’ [Вербицкий 1884: 30].

М. Сазанкин в упомянутой выше статье данному слову дает такое толкование: *чарым* ‘позднезимний снежный наст’. Причем, он выделяет следующие виды *чарыма*: *кастык чарым* ‘наст, в котором постоянно застревает лыжная палка (букв. трескающийся наст – перевод наш – А.М.)’, *көнө чарым* ‘наст равномерной плотности на значительной таежной площади (букв. прямой наст – перевод наш – А.М.)’, *тужак чарым* ‘заледенелый снежный наст над глубокими сугробами, который является непреодолимым препятствием для передвижения копытных (букв. пути наст – перевод наш – А.М.)’ [Сазанкин 2010б: 7].

В туба-диалекте алтайского языка функционирует фонетический вариант *чырым* ‘наст’ [РТС: 147]. Например: *Адучы чаназын түрген чечеле, уулчактарды артызып, бойы чырым кардын үстиле мылтыкту жылып барды* (СС, АКС, 102) ‘Адучы, быстро развязав лыжи, оставив мальчишек, сам пополз с ружьем по насту’.

Анализируемое название, возможно, является заимствованием из монгольских языков. Ср.: халх. *сар, сарга* ‘наст’, письм.-монг. *сар* ‘слой мерзлоты на поверхности снега; твердая корка на снегу’ [Левитская 2001: 30].

В алтайском языке также активно используется название *мондок* ‘наст (твердая кора на снегу, образующаяся после оттепели)’ [ОПС: 153]. Примеры: *Ойто ло*

карантылап, кара тондок тура берди (КТ, КЈ, 22) ‘Снова появились проталины, образовался черный наст’; *Эки-үч ле кату тондоко теберимде, ылтандары кордорула берген* (ИС, ТҮКА, 17) ‘Когда всего лишь два-три раза пнул по твердому насту, подошва [у обуви] отклеилась’.

Рассматриваемый термин образован от прилагательного *тон* ‘мерзлый; замерзший’ при помощи словообразовательного аффикса *-док*. Ср.: куманд. *тоңдок* [РКС: 198]. Аналогичный термин встречается и в других тюркских языках Сибири. Ср.: як. *тоңот* ‘наст’, шор. *тоңақ*, тел. *тоңдоқ* ‘весенний наст’ > *тоң, тоңла-* ‘замерзать’ [Левитская 2001: 30].

1.2.2. Сугроб, снежный занос

Сугроб – это большое снежное отложение, образуемое в результате сильного снегопада или ветра. Причем чем сильнее будет ветер, тем плотнее будет сугроб. В алтайском языке сугроб, или снежный занос, обозначается общим термином *күрт*. Например: *Агычакта терен күрт жатты* (СС, АКС, 102) ‘На полянке лежал глубокий сугроб’.

От исследуемой лексемы в алтайском языке образован глагол *күртте-* ‘заметать снегом, образуя сугробы’. Например: *Түнүктөн шуурын кирген кар айылдын ичин күрттеп, ончозын туй базырын салган* (ЛК, ЧЧ, 6) ‘Залетавшим через дымоход снегом замело сугробом внутри юрты, сплошь все завалило’.

Термин *күрт* ‘сугроб’ относится к общетюркскому пласту лексики, восходит к пр.-тюрк. **kört* ‘сугроб, глубокий снег’ [EDAL: 724], **körüit* [СИГТЯ 1997: 30]. В современных тюркских языках данный термин функционирует в разных фонетических вариантах. Ср.: кум. *kürt*, тат., башк. *kört*, шор. *kürt*, тур. *kürtün* [Левитская 2001: 30]. В ряде языков представлены варианты с аффиксом *-ik ~ -ük*. Ср.: тур. диал. *kürtük/hürtük*, каз. *kürtik*, ног. *kürtik*, кирг. *kürtük*, хак. *körtük*, тув. *xörtük*, як. *kürdük* [Левитская 2001: 31]. В теленгитском диалекте алтайского языка им соответствует фонетический вариант *көртүк* [Сартакова 1995: 63].

Л.С. Левитская предполагает, что *kürt* в тюркских языках является производным с афф. *-t* глагола **körü-* > *kürü* ‘сгребать, сметать (о ветре)’ [Левитская 2001: 31]. Очевидно, что от данной глагольной основы образован термин *күрентык* ‘сугроб’, функционирующий в туба-диалекте [РТС: 324].

1.2.3. Снежная лавина

Снежная лавина – это масса снега или льда, скользящая и низвергающаяся с крутого горного склона. В алтайском языке для именовании снежной лавины употребляется термин *көчкө / көчкө кар / кар көчкө*. Например: *Учар андап жүреле, Таш-Чеден дейтен капчалда күртке, кар көчкөгө туйуктадын койгон бир үйүр анга учураган* (ЖК, ТБК, 32) ‘Учар, охотясь, в ущелье Таш-Чеден наткнулся на стадо оленей, застрявших в сугробе, снежной лавине’.

Следует отметить, что алтайское *көчкө* функционирует также в других значениях ‘обвал; оползень, сель’ [АРС: 387]. Термин образован от глагола *көч-* ‘кочевать; переселяться, переезжать’ при помощи словообразовательного аффикса *-кө*. От данной лексемы образован глагол *көчкөлө-* ‘сходить, сползть,

нести́сь лавиной́'. Например: *Жылым кайалардын бажында жуулган кар көчкө-лөнөргө белен* (ИС, ЭЭ, 39) 'Скопившийся на гладких скалах снег готов сойти лавиной́'.

Результат схода снежной лавины отражает слово *көчкөмө* 'застывшая снежная масса у подножия горы после схода лавины' [Сазанкин 2010б: 7].

В туба-диалекте снежная лавина обозначается терминами *өш, өшке* [РТС 2019: 113]. Этимология слов на данный момент не ясна.

1.3. Рыхлый, пористый, пушистый снег

Пушистый, рыхлый снег в алтайском языке обозначается терминами *көбөн кар* 'пушистый, рыхлый снег', *көбүк кар* 'пушистый, пористый снег'. Например: *Жаңы жааган көбөн кар аттын тизезине Jede берген болды* (М. М-Э, 75) 'Свеже-выпавший пушистый снег достигал до колен лошади'.

Рассматриваемые термины образованы от имен существительных путем семантической конверсии: *көбүк (кар)* 'пушистый (снег)' ← *көбүк* 'пена, пенка', *көбөн (кар)* 'рыхлый (снег)' ← *көбөн* 'хлопок'. В основу номинации в данном случае положен принцип сходства снега с пеной и хлопком, т. е. с чем-то легким, воздушным и пушистым.

Относительно термина *көбөн кар* М. Сазанкиным уточняется, что это «наземный слой первого пушистого снега» [Сазанкин 2010: 7]. Что касается термина *көбүк кар*, то он широко представлен в других тюркских языках. Ср.: башк. диал. *kübək qar* 'пушистый снег', каз. *köbik qar* 'только что выпавший пушистый снег', як. *köbik* 'рыхлый снег' [Левитская 2001: 29].

Не менее интересным является термин *көкпе* 'пушистый снег на ветвях деревьев, стеблях растений, выпавший накануне в тихую морозную погоду' [Сазанкин 2010а: 7]. Этимология слова не ясна. Возможно, *көкпе* связано со словом *көкпөк* ~ *кокпок* 'выпуклый, возвышающийся', 'взбухший', 'торчащий, топорщающийся' [АРС: 340].

Для характеристики пористого, пушистого и рыхлого снега в алтайском языке часто употребляются прилагательные *көбү* 'пушистый, пористый, рыхлый', *көөшпөк* 'рыхлый, пористый, пушистый', *күбүр* 'рыхлый' – *көбү кар* 'пушистый, пористый, рыхлый снег', *көөшпөк кар* 'рыхлый, пористый, пушистый снег', *күбүр кар* 'рыхлый снег'. Примеры: *Кей кечегизинен жылу: түңиле жымжак, көбү кар жаап койтыр* (НБК, 78) 'Воздух теплее, чем вчера: за ночь, оказывается, выпал мягкий, пушистый снег'; *Күбүр карга көмүлүн, чанам түрген жылбайт* (ИС, ЭЭ, 43) 'Проваливаясь в рыхлый снег, лыжи мои совсем не сдвигаются с места'; *Көбөн ошкош көөшпөк кар эместен кайылат* (И. Кочеев) 'Словно хлопок пушистый снег понемногу тает' [АРС: 380]; *Эзинден турган салкын койу көөшпөк карла Качуктын жүзүн шыбап баштады* (ИШ, К, 92) 'Дующий ветер начал мести густой пористый снег в лицо Качук'.

Перечисленные выше наименования к специальным терминам снега можно отнести условно, поскольку прилагательные в их составе используются не только при описании свойств снега, но также и других реалий действительности. Например: *көбү калаш* 'пышный хлеб', *көөшпөк булуттар* 'пушистые облака', *күбүр жер* 'рыхлая почва' и т.д.

2. Виды снега по форме/размеру

2.1. Мелкий снег

Мелкий снег в алтайском языке обозначается термином *оожык / оожык кар*. Анализируемый термин впервые был зафиксирован В.В. Радловым в «Опыте словаря тюркских наречий»: тел., алт. *оожок* ‘мелкий снег’, *оожокто-* ‘идет мелкий снег’ [Радлов 1893: 1154].

Информант Н.Б. Тайборина уточняет, что термин *оожык* обозначает снег, лежащий на деревьях. В пользу данной версии свидетельствует пример из художественной литературы: *Агаштардын будактарынан оожык кар буркурап, кейди тумантыдат* (ЭТ, К, 20) ‘Мелкий снег, осыпаясь с веток деревьев, туманит воздух’.

Аналогичный термин *оожук/о'зук* ‘снег на сучьях деревьев’ имеется в тувинском языке [Левитская 2001: 30; Татаринцев 2008: 263]. Ср. также тоф. *о'нюк* ‘кухта, снег на ветвях дерева’ [Татаринцев 2008: 263]. Следовательно, можно сказать, что алт. *оожок* ~ *оожык* ‘мелкий снег на ветвях деревьев’, тув. *оожук* ‘снег на сучьях деревьев’ и тоф. *о'нюк* ‘кухта, снег на ветвях дерева’ являются гомогенными.

С одной стороны, можно предположить, что *оожок* ~ *оожык* в алтайском языке образовано от слова *оогожок* ‘очень мелкий’, где основа *оогош* означает ‘маленький, мелкий’. С другой стороны, оно может быть связано с тюркским *ушак* ‘мелкий’, ‘небольшой’, ‘маленький’, ‘размельченный’, ‘крохи’, ‘мелкая вещь’, которое, в свою очередь, восходит к глагольной основе *уша-* ‘становиться меньше, мельче’ [Севортян 1974: 618].

В рамках исследования особый интерес представляет многозначный термин *бускак кар*. По словам информанта М.А. Демчиновой, этим термином называют тихо падающий, рассеивающийся мелкий легкий снег, который образует тонкий слой на поверхности земли. Когда наступаешь на такой снег, он начинает таять.

В теленгитском диалекте, в частности в речи жителей с. Балыкча Улаганского района, под термином *бускак кар* понимается снег, который рассеивается, сыплется из тумана – *«туманнаг сеелит түйшкен кар»* [Сартакова 1995: 57]. В «Словаре говоров Кош-Агачского и Улаганского районов» представлен вариант *пыскак кар* в значении ‘пороша’ [СГ: 39].

В статье М. Сазанкина *бускак* трактуется как ‘иней’: *бускак кыру* ‘иней, образовавшийся на потной спине лошади, сбруи’, *сагал бускак* ‘иней, покрывающий бороду и усы в сильный мороз от паров при дыхании’ [Сазанкин 2010а: 7]. Ср. также шор. *пускак* ‘иней’ [Вербицкий 1884: 272].

Алтайскому *бускак* ‘мелкий легкий снег’ в тувинском языке семантически соответствует термин *быскан* (или *быскан кар*) ‘мелкий снег, пороша’. В алтайском же *бускан* означает пургу [ОРС: 36; АРС: 135]. Ср.: тоф. *бы'с* (*бы'с*, *пы'с*) ‘снег-пороша; пороша, изморозь’, тат. *бес* ‘иней; плесень’, сиб.-тат. *пыскак йамгыр* ‘морозящий дождь’, тат., башк. *пыскак* ‘мельчайшими каплями (о дожде)’ [Татаринцев 2000: 325]. Ср. также шор. *пус* ‘пар (от воды или вспотевшей лошади)’ [Вербицкий 1884: 275].

Б.И. Татаринцев предполагает, что перечисленный выше ряд гомогенных слов в тюркских языках восходит к тюркским основам *бус* ‘туман, пар’ и *бус-* ‘дымить, быть пасмурным’ [Татаринцев 2000: 326]. Считается, что к этим же тюрк-

ским основам возводятся рус. *бус*, *бусенец* ‘мелкий, продолжительный дождь, изморось, туман’ [Фасмер 1964: 250].

В статье М. Сазанкина встречаются довольно редкие названия мелкого снега: *туус* ‘мелкий снег, падающий в тихую морозную погоду, бусенец’, *күлле* ‘мельчайшие снежинки, падающие в тихую морозную погоду, бусенец’ [Сазанкин 2010а: 7]. Этимологию данных названий еще предстоит выяснить.

2.2. Снежные хлопья

Снежные хлопья – это сцепившиеся друг с другом снежинки. Следовательно, хлопья бывают крупнее обычных частичек снега. В алтайском языке снежные хлопья обозначаются термином *жалбак* / *жалбак кар*. Например: *Удаган јокто ло ыраак кырлардын баитары борорып, кезем-кезем салкын согуп токтогон кийинде, јаан-јаан жалбак кар бистинг үстисле араай айланыжып, табыжы јоктон күңүлдеп баштады* (КТ, КЈ, 204) ‘Уже вскоре вершины дальних гор посерели, резкий-пререзкий ветер прекратился, медленно кружась над нашими головами, бесшумно стали валить большие-большие снежные хлопья’.

Термин *жалбак* ‘снежные хлопья’ образован от прилагательного *жалбак* ‘широкий’, ‘плоский’ путем семантической конверсии: *жалбак* ‘снежные хлопья’ ← *жалбак* ‘широкий’, ‘плоский’. Аналогичные названия встречаются и в других тюркских языках. Ср.: хак. *чалбак хар* ‘снег хлопьями’ [ХРС: 805], башк. *ябалак кар* ‘снег хлопьями’ [Искандаров 2009: 16], тат. *jabalak qar* ‘снег, идущий крупными хлопьями’ [Левитская 2001: 29] В кумандинском диалекте алтайского языка представлен вариант *қалбақ* ‘хлопья’ [РКС: 527]. Здесь не совсем понятно, от какого слова произошло данное название.

Примечательно, что в тувинском языке снежные хлопья, по сведениям информанта А.Я. Салчак, ассоциируются с заячьими лапками: *кодан-майык* ‘хлопья снега’ (букв. ‘заячьи лапки’).

От алтайского *жалбак* ‘снежные хлопья’, в свою очередь, произошел глагол *жалбакта-* ‘идти, падать, валить хлопьями’. Например: *Бийик сындардын бажы ак-сөң. Удабас ла жалбактап-жалбактап көбү-көбү кар келерин белгелейт* (КТ, КЈ, 39) ‘Вершины хребтов белые, чистые. [Они] предвещают о том, что уже скоро начнет валить хлопьями пушистый-пушистый снег’.

2.3. Снежная крупа

Снежная крупа – это сухие осадки в виде плотных смерзшихся снеговых крупинок. От обычного снега они отличаются высокой плотностью, маленькими размерами и круглой формой. Но плотность снежной крупы несколько ниже, чем у града. В алтайском языке снежная крупа или зернистый снег обозначается терминами *јарма* / *јарма кар* [АРС: 190], *чарак* / *чарак кар*. Примеры: *Чарак кар јаап, салкын тынгып турды* (ЛК, ТУ, 161) ‘Шла снежная крупа, ветер усиливался’; *Бис јүрген күн үстине чарак кар јааган, бороон күн болгон* (АЧ) ‘В день нашей поездки был буран, вдобавок шла снежная крупа’.

Следует отметить, что по размеру *јарма кар* бывает чуть меньше, чем *чарак кар*. Последний, в свою очередь, подразделяется на следующие виды: *тон чарак*

‘мелко-крупинчатый снег, падающий плотными крупинками (букв. мерзлая крупа – перевод наш – А.М.)’, *у́лүш чарак* ‘мокрые крупинки, падающие вперемежку с обычными снежинками (букв. мокрая крупа – перевод наш – А.М.)’, *кубал чарак* ‘крупинчатый снег с заледенелыми плоскими снежинками (букв. пепел крупа – перевод наш – А.М.)’ [Сазанкин 2010а: 7]. В тубаларском диалекте представлен вариант *чарақ / қар чарақ* [РТС: 111], в кумандинском – *шырақ* [РКС: 157].

Представленные выше названия появились в результате семантической деривации: *јарма* ‘снежная крупа’ ← *јарма* ‘ячменная крупа’, *чарак* ‘снежная крупа’ ← *чарак* ‘обжаренное ячменное зерно’. Мотивирующим признаком для их номинации стало сходство снега по форме и виду с зёрнами или крупами. Такая тенденция характерна не только для алтайского, но и для других тюркских языков, в которых для номинации снежной крупы используются названия круп и зерновых культур, таких как пшеница и горох. Ср.: сал. *јарма*, казан. *јарма кар* ‘снежная крупа’, башк. диал. *кӧррә* ‘зернистый снег’, тат. *кӧррә* ‘крупа’, узб. *бирсақ* ‘крупа снежная, иней, изморозь’, тур. *bulgur* ‘мелкий снег’, ‘снежная крупа’ [Левитская 2001: 29, 32–33].

Кроме того, в алтайском языке нередко используются сравнения *јармадый кар* ‘снег в виде крупы, как крупа’, *чарактый кар* ‘снег в виде крупы, обжаренного ячменного зерна’. Примеры: *Түнде јармадый кар јаап, јерди јука ак кебисле бӯркеп салган* (НБК, 183) ‘Ночью выпал снег в виде крупы, покрыл землю тонким белым ковром’; *Учар јаскары-кыш ан чала арып, кар дезе чанага јапшынбай, чарактый эжилип келер тушта истеп чыгар* (ЖК, ТБК, 33) ‘Учар начинает преследовать марала зимой, ближе к весне, когда он [марал] начинает ослабевать, снег перестает липнуть к лыжам, разгребается как крупа’.

От *јарма* ‘снежная крупа’ в алтайском языке образован глагол *јарматы-* ‘идти, падать (о снежной крупе)’, ‘становиться зернистым (о снеге)’, а от *чарак* ‘снежная крупа’ образован глагол *чаракта-* ‘идти, падать (о снежной крупе)’. Примеры: *Јаскары-кыш кун узап, кар јарматып, эжилип турар тушта, агаиштарды тўжүрүп баштагандар* (ЖК, ЭОАП, 431) ‘Зимой, ближе к весне, когда день стал длиннее, снег стал зернистым, стал разгребаться, начали спускать бревна’; *Кезик јерлерде, тракттын јанында чарактала берген карлу јол јаар аттарды буруп ийгенде, озор јанып браатканын сезип, бачымдап турдылар* (П. Кучияк) ‘В некоторых местах, когда поворачивали лошадей в сторону покрывшейся снежной крупой дороги рядом с трактором, они, чувствуя, что возвращаются домой, начинали торопиться’ [АРС: 795].

3. Виды снега по сухости/влажности

3.1. Сухой снег

Сухой снег в алтайском языке именуется термином *кургак кар* ‘сухой снег’. По М. Сазанкину, *кургак кар* – зимний снежный покров, состоящий из мелких заледенелых снежных крупинок [Сазанкин 2010а: 7].

3.2. Мокрый снег

Мокрый снег, падающий крупными хлопьями вперемежку с дождем, в алтайском языке обозначается термином *јаишкан / јашкан кар*. Например: *Јаишкан кар*

jaap la jat, jaap la jat... (ЛК, ТУ, 125) ‘Мокрый снег вперемежку с дождем все идет, все идет...’

Рассматриваемый термин относится к региональным названиям снега, в других тюркских языках не отмечается. Очевидно, *jaшкан* является производным от *jaаш* ‘дождь’, где *-кан* выражает склонность к приобретению определенного качественного признака. Можно также предположить, что термин образован от *jaш* ‘маленький; молодой, юный’, ‘свежий’.

Производным от *jaшкан* является глагол *jaшканда-* ‘идти (о мокром снеге с дождем)’. Например: *Кыш ортозында качажып, кенете жылыган, jaшкандаган* (ЖК, КТ, 128) ‘Посреди зимы, как назло, внезапно потеплело, пошел мокрый снег с дождем’.

Мокрый снег в алтайском языке обозначается также термином *шүлү кар* ‘мокрый снег’. Обычно так говорят о мокром весеннем снеге. Например: *Шүлү кар аттын туйгагына жумакталып, ат арайдан ла тоолонбой базат* (ЧЧ, М, 35) ‘Мокрый снег забивался в лошадиные копыта, лошадь идет, чуть не скатываясь’.

Прилагательное *шүлү* ‘мокрый’ сочетается только со словом кар ‘снег’. От него, в свою очередь, образован глагол *шүлүре-* ‘таять; мокнуть (о снеге)’. Например: *Кече кар шүлүрөп кайылала, түнде үсти соокко чыт тонуп калтыр* (Ж. Кыдыев) ‘Вчера снег разрыхлил и растаял, ночью от холода [его поверхность] напроць замёрзла’ [АРС: 865].

Достаточно редко используемым в алтайском языке является термин *көнмөк кар* ‘рыхлый, мокрый снег’: *Күски көнмөк кар jaаган* (П. Самык) ‘Выпал осенний мокрый снег’ [АРС: 378]. Этимология слова *көнмөк* в алтайском языке не ясна, но по своему внешнему фонетическому облику на него похож хакасский термин *көмек – көмек хар* ‘сугроб, наносы свежеснежавшего снега’ [ХРС: 199].

В теленгитском диалекте для обозначения мокрого снега используется термин *сугар (суу кар)* ‘мокрый снег (букв. вода снег – перевод наш – А.М.)’ [СГ: 39].

3.3. Талый снег

Талый снег в алтайском языке обозначается термином *эрик кар* ‘талый снег’ [ОРС: 193], где *эрик* ‘талый’ образован от глагола *эри-* ‘таять’ при помощи словообр. афф. *-к*.

Весенний талый снег обозначается терминами *каранты кар* и *чоокыранты кар* ‘талый снег (местами)’. Например: *Тал-табышту турлу чоокыранты кардын ортозында туруп калды* (А. Адаров) ‘Шумная стоянка осталась среди талого снега’ [АРС: 827].

В рассматриваемых наименованиях компоненты *каранты* и *чоокыранты* ‘талый’ образованы от существительных *каранты* и *чоокыранты* ‘проталина’ путем семантической конверсии: *каранты* ‘талый’ ← *каранты* ‘проталина’; *чоокыранты* ‘талый’ ← *чоокыранты* ‘проталина’. В свою очередь, *каранты* ‘проталина’ образовано от прилагательного *кара* ‘черный’, а *чоокыранты* ‘проталина’ – от *чоокыр* ‘пестрый’. Как видим, в основу номинации снега здесь был положен признак «цвет».

М. Сазанкин термину *каранты кар* дает такое толкование: «*Каранты кар* – заледенелый снежный покров на границах проталин. Имеется более 10 наимено-

ваний *каранты кар* в зависимости от места и причины образования проталин. Напр., *төңөш төзи каранты кар* (букв. ‘у подножия пня талый снег’ – перевод наш – А.М.), *таш эдеги* (букв. ‘подножие камня’ – перевод наш – А.М.), *жыраа кыйузы* (букв. ‘кустарника граница’ – перевод наш – А.М.) и т.д.» [Сазанкин 2010б: 54].

Аналогичные «цветные» названия талого снега встречаются и в других тюркских языках. Ср.: хак. *ала хар* ‘проталина’ [АРС: 805], тув. *хар ала-шокар* или *ала-хар* ‘полосатый, пестрый снег’ [Кужугет 2014: 71], каз., тат. *ала qar* ‘редкие куски снега, посеревший весенний снег’, кирг. *sary qar* ‘снег, выпавший в горах ранней весной или в конце лета’ [Мусаев 2008: 53].

4. Виды снега по характеру и времени выпадения

4.1. Редкий снег

Для обозначения редкого снега в алтайском языке используется термин *саармак / саармак кар*. Его фонетическим вариантом является наименование *шаармак / шаармак кар*. Примеры: *Саармак кар жаап турды* (ИШ, ÖJ, 81) ‘Шел редкий снег’; *Ол [кубал] агарандап, кажандап браадарда, тенгери түбинен сеелип түшкен баштапкы кар, шаармак кар сезилет* (ЭТ, СТ, 118) ‘Когда он [пепел] белеет, светлеет, чувствуется сеющийся из небесной глубины первый снег, редкий снег’.

В алтайско-русском словаре слово *саармак* представлено в значении ‘мелкий (о снеге)’ [АРС: 557]. Уточним, что здесь приведено неточное толкование слова. Анализ языкового материала и опрос информантов М.А. Демчиновой, Н.Б. Тайбоориной, Л.М. Яшевой позволяет нам говорить о том, что термин *саармак ~ шаармак* подчеркивает не форму снега, а характер его выпадения: данная лексема характеризует снежинки, выпадающие на большом расстоянии и с перерывом во времени.

В пользу того, что *саармак* имеет значение ‘редкий’, говорят следующие примеры:

(1) *Оны айландыра турган өскө тыттардын бürлери – тыттардын ла бürлери ошкош саармак ла жажыл. А Бай-Тыттын бürи ончолорынан аңгыланып турар. Сыранай ла мөштин бürине түнгей: бürүнкүй-көк лө койу, барчакталып калган* (БУ, СÖ, 107) ‘Ветви стоящих вокруг нее других лиственниц такие же, как [у всех] лиственниц, – редкие и зеленые. А ветви Священной лиственницы от всех отличаются. [Они] очень похожи на ветви кедра: темно-зеленые и густые, нагроможденные друг на друга’;

(2) *Кök-чанкыр тенгериде саармак жылдыстар мелтилдежип көрүнөт. Тан адып келетти* (ИШ, КЭ, 71) ‘На сине-голубом небе видны мерцающие редкие звезды. Наступала заря’.

Как видим, в примере (1) редкие ветви лиственниц противопоставляются густым, а в примере (2) речь идет о том, что небо с рассветом быстро светлеет, и звезды одна за другой начинают исчезать.

Кроме того, *саармак* может использоваться при описании других атмосферных осадков. Например: *Тан алдынан ала баиталган тумантык саармак жанмыр тал-түште токтоп, тенгери арутала берди* (ИШ, КЭ, 86) ‘Начавшийся на рассвете редкий дождь с туманом прекратился в полдень, небо стало чистым’.

В деривационном отношении производным от *саармак* является глагол *саармакты-* ‘идти, падать (о редком снеге)’. Например: *Саармактын кар жаап турган соок кун болгон* (Б. Укачин) ‘Был холодный день с падающим редким снегом’ [АРС: 557].

Редкий, небольшой снег в алтайском языке обозначается также термином *аламык кар*: *аламык кар жаады* ‘выпал редкий снег’ [АРС: 53]. В составе данного названия компонент *аламык* представляет собой производное от *ала* ‘пестрый’, ‘пятнистый’, где аффикс *-мык* выражает неполноту признака. В современном алтайском языке указанный термин употребляется крайне редко. В киргизском ему соответствует термин *алатуу qar* ‘небольшой снег (покрывающий землю не сплошь)’ [Левитская 2001: 29].

От *аламык* ‘редкий’ образован глагол *аламыкта-* ‘падать местами, редко (о снеге)’: *аламыктап кар жаады* ‘местами выпал снег’ [АРС: 53].

В алтайском языке характер выпадения редкого снега выражает также глагол *алыста-* ‘падать местами, редко (о снеге)’: *алыстап кар түшүтү* ‘местами выпал снег’ [ОРС: 17], *алыстап кар жаады* ‘местами выпал снег’ [АРС: 66].

4.2. Снег, идущий во время метели, тумана

Среди названий снега отдельное место занимают названия, характеризующие снег во время сильного ветра, метели, бурана. Так, снег, идущий во время вьюги или метели, в алтайском языке именуется термином *бороон кар*. Лексема *борогон* ~ *бороон* в словарях зафиксирована в значениях ‘метель, вьюга’ [ОРС: 33], ‘буран’ [АРС: 125]. Данный термин является общетюркским, считается производным от *бора-* ‘мести, буранить, обильно идти (о снеге)’ [Севортян 1978: 190; Татаринцев 2000: 253]. Анализ языкового материала показывает, что данный термин является многозначным, обозначает также снежную или туманную мглу, пелену, при которых наблюдается очень плохая видимость. Об этом свидетельствует большинство примеров: *Кун чыгып та калган болзо, көрүнбейт. Оны бороон бөктөп койгон* (ЖК, КТ, 128) ‘Несмотря на то что солнце взошло, [его] не видно. Его закрыла мгла’; *Туунын-суунын үстүндө / Бос бороон түжүп ийтип, / Айдын-күннинг алдында / Кара туман кайнап турды* (АБ, 192) ‘На горы и реки / Спустилась серая мгла, / Перед солнцем и луной / Черный туман закипел’.

Лексема *бороон* в алтайском языке часто используется в сочетании с лексемой *ак* ‘белый’. Ср.: *ак бороон* – светлая снежная мгла; *ак бороон кар* – относительно чистый снег, выпавший во время снежной бури, бурана [Сазанкин 2010а: 7].

Для номинации снежной мглы или пелены употребляется термин *көжөд кар* – снег, идущий сплошной стеной, род снежной пелены [Сазанкин 2010а: 7]. Данный термин образован путем семантической конверсии от слова *көжөгө* ‘занавес, полог; занавеска, штора’. Мотивирующим признаком для номинации здесь послужило сходство снежной пелены с занавесом, пологом.

По сведениям М.А. Демчиновой, в говоре жителей Кош-Агачского района используется термин *браа* ~ *быраа кар* ‘сыплющийся, сеющийся, разлетающийся снег’. Компонент *быраа* здесь представляет собой стяжение от глагола *быркыра-* ‘разлетаться; стряхиваться; разбрасываться’.

Для номинации снега во время тумана употребляется термин *тумантык кар* ‘снег, падающий мелкими снежинками сквозь зимний туман’ [Сазанкин 2010а: 7].

4.3. Виды снега по времени выпадения

По времени выпадения в алтайском языке выделяются наименования: *сон кар* – поздневесенний снег, *жүзее* – тихо падающий снег, продолжительностью в несколько часов [Сазанкин 2010а: 7]. Лексема *сон* в составе первого наименования означает ‘поздний’. Этимология слова *жүзее* пока не выяснена. Можно лишь отметить, что данная лексема используется также при описании затяжного дождя.

В говоре жителей Улаганского района, согласно информанту Р.Р. Чалчиковой, функционируют следующие названия: *тыгын кар* – сухой осенний снег, который не тает, образуя устойчивый снежный покров, здесь компонент *тыгын*, по всей видимости, восходит к глагольной основе *тык-* ‘набивать, пихать, втискивать что-л.’; *токнок кар* – выпадающий весной снег, после которого на следующий день начинает сильно таять лежащий под ним снег (букв. ‘дубинка, колотушка снег’). Здесь, как мы видим, снег наделен способностью бить, колотить. Ср. выражение в тувинском языке: *хар бажы чиир хар* букв. ‘снег, который выпадает сверху на лежащий снег и помогает ему растаять’ [Кужугет 2014: 51].

Заключение

В работе нами было проанализировано более 50 названий снега в алтайском языке и его диалектах. Среди них мы насчитали 10 наименований, относящихся к общетюркским терминам снега, остальные являются региональными. Большинство рассмотренных названий являются описательными терминами, образованными путем лексикализации атрибутивных словосочетаний. Часть из них образуют глаголы с семантикой ‘идти, падать (о снеге)’, например, *жашканда-* ‘идти, падать (о мокром снеге с дождем)’, *кырмакта-* ‘порошнить’, *жалбакта-* ‘идти, падать, валить хлопьями’ и др. Привлечение данных по другим тюркским языкам способствовало уточнению семантики и этимологии некоторых названий снега в алтайском языке.

В перспективе планируется изучение прочих наименований снега, не вошедших в данную работу, отдельного описания заслуживают лингвокультурологические особенности снега в языковой картине мира алтайцев. В целом, данное исследование представляет собой часть комплексной работы, проводимой по изучению метеорологической лексики алтайского языка.

Сокращения

алт. – алтайский язык
 башк. – башкирский язык
 каз. – казахский язык
 казан. – казанско-татарский язык
 кирг. – киргизский язык
 кум. – кумыкский язык
 куманд. – кумандинский язык
 ног. – ногайский язык
 письм.-монг. – письменно-монгольский язык
 пр.-тюрк. – пратюркский язык
 рус. – русский язык

сал. – саларский язык
 тат. – татарский язык
 тел. – телеутский язык
 тоф. – тофаларский язык
 тув. – тувинский язык
 тур. – турецкий язык
 узб. – узбекский язык
 хак. – хакасский язык
 халх. – халха-монгольский язык
 шор. – шорский язык
 як. – якутский язык

Информанты

- Демчинова Мира Айлчыновна, канд. филол. наук, 1957 г. р., г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. {Demchinova Mira Aylchynovna, Ph.D. in Philology, born in 1957, Gorno-Altai, Republic of Altai.}
- Салчак Аэлига Яковлевна, канд. филол. наук, 1975 г. р., г. Кызыл, Республика Тыва. {Salchak Aeliga Yakovlevna, Ph.D. in Philology, born in 1975, Kyzyl, Republic of Tyva.}
- Тазранова Алена Робертловна, канд. филол. наук, 1975 г. р., г. Новосибирск, Новосибирская область. {Tazranova Alena Robertovna, Ph.D. in Philology, born in 1975, Novosibirsk, Novosibirsk Region.}
- Тайборина Надежда Байзыновна, канд. пед. наук, 1953 г. р., г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. {Tayborina Nadezhda Bayzypovna, Ph.D. in Pedagogy, born in 1953, Gorno-Altai, Republic of Altai.}
- Чалчикова Римма Робертловна, 1974 г. р., с. Язула Улаганского района, Республика Алтай. {Chalchikova Rimma Robertovna, born in 1974, Yazula Village, Ulagan District, Republic of Altai.}
- Яшева Любовь Михайловна, 1961 г. р., с. Яконур Усть-Канского района, Республика Алтай. {Yasheva Lyubov Mikhaylovna, born in 1961, Yakonur Village, Ust-Kansky District, Republic of Altai.}

Текстовые источники

- АБ – Алтай баатырлар [Алтайские богатыри]. – Т. 9. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1977. {Altai batyrs. – Vol. 9. – Gorno-Altai: The Gorno-Altai Department of Altai Book Publishing House, 1977.} (In Altai.)
- АЧ – Алтайдын Чолмоны [Звезда Алтая] (газета). {The Star of Altai (newspaper).} (In Altai.)
- БУ, СӨ – Б. Укачин. Сүүш ле оштөжү [Любовь и ненависть]. – Горно-Алтайск, 1981. {B. Ukachin. Love and hatred. – Gorno-Altai, 1981.} (In Altai.)
- БУ, Т – Б. Укачин. Туулар туулар ла бойы артар [Горы останутся горами]. – Горно-Алтайск, 1971. {B. Ukachin. The mountains will remain mountains. – Gorno-Altai, 1971.} (In Altai.)
- ИС, ТҮКА – И. Сабашкин. Турна үни көндүгөр алдында [Журавлиный голос]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1984. {I. Sabashkin. The voice of the crane. – Gorno-Altai: The Gorno-Altai Department of Altai Book Publishing House, 1984.} (In Altai.)
- ИС, ЭЭ – И. Сабашкин. Эржинелү эмил (Кычырар бичик) [Сокровенный орешек (книга для чтения)]. – Горно-Алтайск: ИП Тепукова Н.А., 2014. {I. Sabashkin. The secret nut (a reader book). – Gorno-Altai: IE Tepukova N.A., 2014.} (In Altai.)
- ИШ, КЭ – И. Шодоев. Кемлейдин эржинези [Сокровище Кемлея]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1987. {I. Shodoyev. Kemley's treasure. – Gorno-Altai: The Gorno-Altai Department of Altai Book Publishing House, 1987.} (In Altai.)
- ИШ, ÖJ – И. Шодоев. Öлүмди жеңип [Побеждая смерть]. – Горно-Алтайск, 1981. {I. Shodoyev. Defeating death. – Gorno-Altai, 1981.} (In Altai.)
- ЖК, КТ – J. Каинчин. Карган тыт [Старая лиственница]. – Горно-Алтайск: ГУ кн. изд.-во «Юч-Сюмер – Белуха», 1994. {J. Kainchin. Old larch. – Gorno-Altai: State Institution “Yuch-Syumer – Belukha” Book Publishing House, 1994.} (In Altai.)
- ЖК, ТБК – J. Каинчин. Туулар баштай кыйгы [Крик с вершины горы]. – Горно-Алтайск: ГУ кн. изд.-во «Юч-Сюмер», 2006. {J. Kainchin. A cry from the mountain peak. – Gorno-Altai: State Institution “Yuch-Syumer” Book Publishing House, 2006.} (In Altai.)
- ЖК, ЭÖАП – J. Каинчин. Эмдиги өйдин алтай повестьтери [Современные алтайские повести]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1989. {J. Kainchin. The Altai novels of modern epoch. – Gorno-Altai: The Gorno-Altai Department of Altai Book Publishing House, 1989.} (In Altai.)
- КТ, КJ – K. Төлөсов. Кадын жаскыда [Катунь весной]. – Горно-Алтайск, 1987. {K. Tölösov. The Katun river in spring. – Gorno-Altai, 1987.} (In Altai.)
- ЛК, ТУ – Л. Кокышев. Туулардын уулы [Сын гор]. – Горно-Алтайск, 2010. {L. Kokyshev. The son of mountains. – Gorno-Altai, 2010.} (In Altai.)
- ЛК, ЧЧ – Л. Кокышев. Чөлдөрдүн чечеги [Цветок степей]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1968. {L. Kokyshev. The flower of steppes. – Gorno-Altai: The Gorno-Altai Department of Altai Book Publishing House, 1968.} (In Altai.)

- М. М-Э, АК – М. *Мундус-Эдоков*. Аш кылгада [Зерно по всходу]. – Горно-Алтайск: Министерство образования и науки, 2006. {*M. Mundus-Edokov*. Grain is in the plantlet. – Gorno-Altai: the Ministry of Education and Science, 2006.} (In Altai.)
- НБК – Нина Бельчехованы кычыралы [Читаем Нину Бельчехову]. – Горно-Алтайск, 2018. {Reading Nina Belchekova's works. – Gorno-Altai. 2018.} (In Altai.)
- СС, АКС – С. *Суразаков*. Алтайым керегинде сөс [Слово о моем Алтае]. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд.-ие Алтайского кн. изд.-ва, 1985. {*S. Surazakov*. A word about my Altai. – Gorno-Altai: The Gorno-Altai Department of Altai Book Publishing House 1985.} (In Altai.)
- ЧЧ, М – Ч. *Чунижеков*. Мундузак [Мундузак]. – Горно-Алтайск, 1962. {*Ch. Chunizhekov*. Munduzak. – Gorno-Altai, 1962.} (In Altai.)
- ЭТ, К – Э. *Тоюшев*. Кечүлөр [Переправы]. – Горно-Алтайск, 1978. {*E. Toyushev*. The Fords. – Gorno-Altai, 1978.}
- ЭТ, СТ – Э. *Тоюшев*. Сымылгынын толкулары [Волны Сумульты]. – Горно-Алтайск, 1971. {*E. Toyushev*. The waves of Sumulta. – Gorno-Altai, 1971.} (In Altai.)

Литература

- Баскаков 1985 – *Баскаков Н.А.* Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. – М.: Наука, 1985. – 233 с. {*N.A. Baskakov*. Dialect of Lebed Tatars-Chalkans (Kuu-kizhi): grammatical sketch, texts, translations, dictionary. – Moscow: Nauka, 1985. – 233 p.}
- Вербицкий 1884 – *Вербицкий В.И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркских языков. – Казань, 1884. – 494 с. {*V.I. Verbitskiy*. Dictionary of the Altai and Aladag dialects of Turkic languages. – Kazan, 1884. – 494 p.}
- Войтковский 1989 – *Войтковский К.Ф.* Лавиноведение: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 158 с. {*K.F. Voytkovskiy*. Avalanche studies: Textbook. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 1989. – 158 p.}
- Иванов 2016 – *Иванов С.А.* Названия атмосферных явлений в якутском языке и его говорах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 3(16). – С. 74–84. {*S.A. Ivanov*. Names of atmospheric phenomena in the Yakut language and its dialects // North-Eastern Humanities Bulletin. – 2016. – No. 3(16). – PP. 74–84.}
- Искандаров 2009 – *Искандаров А.Г.* Метеорологическая лексика башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 25 с. {*A.G. Iskandarov*. Meteorological vocabulary of the Bashkir language: Ph.D. diss. abstract. – Ufa, 2009. – 25 p.}
- Кужугет 2014 – *Кужугет Ш.Ю.* Лексико-семантическое поле 'природное время' в прозе К.-Э.К. Кудажы: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 263 с. {*Sh.Yu. Kuzhuget*. Lexical-semantic field 'natural time' in the prose of K.-E.K. Kudazhy: Ph.D. thesis. – Moscow, 2014. – 263 p.}
- Кузьмина 2022 – *Кузьмина А.А.* Концепт «снег» в языковой и фольклорной картине мира коренных народов Якутии // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Том 14. – № 2. С. 295–322 {*A.A. Kuzmina*. Concept "snow" in the linguistic and folklore worldview of indigenous peoples of Yakutia // Modern Studies of Social Problems. – 2022. – Vol. 14. – No. 2. – PP. 295–322}
- Кузьмина 2018 – *Кузьмина Р.П.* Отражение концепта «снег» в паремиологических жанрах эвенского фольклора // Сборник материалов регионального круглого стола «Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты». – Якутск, 2018. – С. 127–130. {*R.P. Kuzmina*. Concept "snow" in paremiological genres of Even folklore // Proceedings of the regional round table "Indigenous Peoples of Yakutia: Territorial and Cultural Dialects". – Yakutsk, 2018. – PP. 127–130.}
- Кузьмина 2021 – *Кузьмина Р.П.* Особенности концептуализации снега в языковом сознании эвенков // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/16FLSK421.pdf> (дата обращения: 02.11.2024). {*R.P. Kuzmina*. Features of snow conceptualization in the linguistic consciousness of Evens // World of Science. Sociology, Philology, Culturology. – 2021. – Vol. 12. – No. 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/16FLSK421.pdf> (access date: 02.11.2024).}
- Лаптандер 2014 – *Лаптандер Р.И.* Терминология снега и льда в ненецком языке // Вопросы уралистики 2014: науч. альм. – СПб.: Ин-т лингвистических исслед. РАН, 2014. – С. 423–428.

- {*R.I. Laptander*. Terminology of snow and ice in the Nenets language // Questions of Uralistics 2014: a scientific almanac. – St. Petersburg: Institute of Linguistic Research of the RAS, 2014. – PP. 423–428.}
- Левитская 2001 – *Левитская Л.С.* Метеорология // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 2001. – С. 13–40. {*L.S. Levitskaya*. Meteorology // Comparative-historical grammar of Turkic languages: lexicon / Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics. – Moscow: Nauka, 2001. – PP. 13–40.}
- Материалы 2012 – Материалы гляциологических исследований. – Вып. 2012–2. – Международная классификация для сезонно-выпадающего снега (руководство к описанию снежной толщи и снежного покрова). Русское издание. – Институт географии РАН, Гляциологическая ассоциация. – М., 2012. – 80 с. {Materials of glaciological research. – Issue 2012–2. – International classification for seasonally falling snow (a guide to the description of the snow mass and snow cover). Russian edition. – Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Glaciological Association. – Moscow, 2012. – 80 p.}
- Мусаев 2008 – *Мусаев К.М.* Представления тюрков о климате // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2008. – С. 42–67. {*K.M. Musayev*. The climate concepts of Turks // Natural Environment and Material Culture of the Proto-Turkic Peoples. – Moscow: “Vostochnaya Literatura” Publishing House, 2008. – PP. 42–67.}
- Норманская 2007 – *Норманская Ю.В.* Этимологии названий снега в сибирских (уральских и тюркских) языках // Подвижники сибирской филологии: В.А. Аврорин, Е.И. Убрятова, В.М. Наделяев: тез. докл. всерос. науч. конф. / редкол.: Н.Н. Широбокова, И.Я. Селютина, А.А. Озонова и др. – Новосибирск, 2007. – С. 170–175. {*Yu.V. Normanskaya*. Etymologies of snow names in Siberian (Uralic and Turkic) languages // Devotees of Siberian philology: V.A. Avrorin, Ye.I. Ubryatova, V.M. Nadelyayev: abstracts of all-Russian scientific conference / Ed. by N.N. Shirobokova, I.Y. Selyutina, A.A. Ozonova et al. – Novosibirsk, 2007. – PP. 170–175.}
- Норманская 2008 – *Норманская Ю.В.* Реконструкция пратюркской системы названий метеорологических явлений и ее анализ с точки зрения диахронической лексической типологии // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2008. – С. 68–101. {*Yu.V. Normanskaya*. Reconstruction of the Proto-Turkic system of names of meteorological phenomena and its analysis from the point of view of diachronic lexical typology // Natural Environment and Material Culture of the Proto-Turkic Peoples. – Moscow: “Vostochnaya Literatura” Publishing House, 2008. – PP. 68–101.}
- Полякова 2013 – *Полякова Н.В.* Концептуализация атмосферных осадков в селькупском языке в сопоставлении с русским // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2013. – № 2(2). – С. 69–74. {*N.V. Polyakova*. Conceptualization of atmospheric precipitation in the Selkup language in comparison with Russian // Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research. – 2013. – No. 2 (2). – PP. 69–74.}
- Радлов 1893 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских нарѣчій. – Т. 1, Ч. 2. – СПб., 1893. – 545 с. {*V.V. Radlov/F.W. Radloff*. An attempt at a dictionary of Turkic dialects. – Vol. 1, Part 2. – St. Petersburg, 1893. – 545 p.}
- Сартакова 1995 – *Сартакова С.* Ак-Чолушпа Алтайым [Алтай мой Ак-Чолушпа]. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во «Ак Чечек», 1995. – 292 с. {*S. Sartakova*. Ak-Cholushpa, my Altai. – Gorno-Altai: “Ak Chechek” Book Publishing House, 1995. – 292 p.}
- Севортыан 1974 – *Севортыан Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюрк. и межтюрк. лекс. основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с. {*E.V. Sevortyan*. Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic lexical stems beginning with vowels. – Moscow: Nauka, 1974. – 767 p.}
- Севортыан 1978 – *Севортыан Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюрк. и межтюрк. лекс. основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978. – 349 с. {*E.V. Sevortyan*. Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic lexical stems beginning with the letter “B”. – Moscow: Nauka, 1978. – 349 p.}
- Татаринцев 2000 – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. I: А–Б / Отв. ред. Д.А. Монгуш. – Новосибирск: Наука, 2000. – 341 с. {*B.I. Tatarintsev*. Etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. I: A–B / Ed. by D.A. Mongush. – Novosibirsk: Nauka, 2000. – 341 p.}

- Татаринцев 2008 – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. IV: М, Н, О, Ө. – Новосибирск: Наука, 2008. – 442 с. {*B.I. Tatarintsev. Etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. IV: M, N, O, Ö.* – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 442 p.}
- Фасмер 1964 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А–Д). – М.: Прогресс, 1964. – 562 с. {*M. Vasmer. Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 1 (A–D).* – Moscow: Progress, 1964. – 562 p.}
- Сазанкин 2010а – *Сазанкин М.* Алтай кар // Алтайдын Чолмоны [Алтайский снег // Звезда Алтая]. – 2010. – №№ 50–52. – С. 7. {*M. Sazankin. The Altai Snow // The Star of Altai.* – 2010. – No. 50–52. – P. 7.} (In Altai.)
- Сазанкин 2010б – *Сазанкин М.* Алтай кар // Алтайдын Чолмоны [Алтайский снег // Звезда Алтая]. – 2010. – № 54. – С. 7. {*M. Sazankin. The Altai Snow // The Star of Altai.* – 2010. – No. 54. – P. 7.} (In Altai.)

Словари

- АРС – Алтайско-русский словарь / Редкол.: А.Э. Чумакаев (отв. ред.), Н.В. Екеев, А.Н. Майзина, К.К. Пиянтинова, Н.Н. Тыдыкова, Е.В. Тюнтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с. {*Altai-Russian dictionary / Ed. by A.E. Chumakayev (ex. ed.), N.V. Yekeyev, A.N. Mayzina, K.K. Piyantinova, N.N. Tydykova, Ye.V. Tyuntesheva; Budgetary Scientific Institution of the Republic of Altai “Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov”.* – Gorno-Altai, 2018. – 936 p.}
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка / Академия наук Республики Саха (Якутия), Институт гуманитарных исследований; под общей редакцией П.А. Слепцова. – Т. IX (буква С: сөллөй – сээн, буква h). – Новосибирск: Наука, 2012. – 628/632 с. {*Big explanatory dictionary of the Yakut language / Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Institute of Humanities Research; ed. by P.A. Sleptsov.* – Vol. IX (Letter S: söllöy – seen, letter h). – Novosibirsk: Nauka, 2012. – 628/632 p.}
- ОРС – Ойротско-русский словарь. – Изд. 2-е. – Горно-Алтайск: изд-во «Ак Чечек», 2005. – 316 с. {*Oirot-Russian dictionary.* – 2nd ed. – Gorno-Altai: “Ak Chechek” Publishing House, 2005. – 316 p.}
- СГ – Словарь говоров Кош-Агачского и Улаганского районов / Сост.: Н.Н. Тыдыкова. – Горно-Алтайск: ИПБОУЛ Высоцкая Г.Г., 2006. – 132 с. {*Dictionary of dialects of Kosh-Agach and Ulagan districts / Comp. by N.N. Tydykova.* – Gorno-Altai: Individual Entrepreneur Without Forming a Legal Entity Vysotskaya G.G., 2006. – 132 p.}
- ХРС – Хакасско-русский словарь / М-во образования и науки Республики Хакасия, Хакасский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории; / Под общ. ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1111 с. {*Khakass-Russian dictionary / Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia, Khakass Research Institute of Language, Literature and History; / General ed. by O.V. Subrakova.* – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1111 p.}
- РКС – Русско-кумандинский словарь / Сост.: М.Б. Петрушова, В.М. Данилов. – Бийск: Издательский дом «Бия», 2011. – 551 с. {*Russian-Kumanda dictionary / Compiled by: M.B. Petrushova, V.M. Danilov.* – Biysk: “Biya” Publishing House, 2011. – 551 p.}
- РТС – Русско-тубаларский словарь / Сост. А.С. Кучукова. – Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2019. – 384 с. {*Russian-Tubalar dictionary / Comp. by A.S. Kuchukova.* – Gorno-Altai: Autonomous Institution of the Altai Republic “Altyn-Tuu” Literary and Publishing House, 2019. – 384 p.}
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву Қ. – М.: Наука, 2000. – 259 с. {*Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic lexical stems beginning with the letter Q.* – Moscow: Nauka, 2000. – 259 p.}
- EDAL – Etymological dictionary of Altaic languages / S.A. Starostin, A.V. Dybo, O.A. Mudrak. – Leiden, 2003. – 1556 p.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 94–103. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.19

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-94-103

ТЕРМИНОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И МОНГОЛЬСКАЯ ЛЕКСИКА

*Олег Алексеевич Мудрак*¹

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

доктор филологических наук

ORCID: 0000-0002-8553-7063

e-mail: omudrak@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Мудрак О.А., 2024

Аннотация: Для унификации переводов и понимания «имперских» памятников тюркского рунического письма была создана компьютерная база, включающая надписи II-го Тюркского и Уйгурского каганатов. В данной работе описывается структура и устройство данной базы и особое внимание уделяется классификации семантических полей. В качестве материала введены данные девяти больших «имперских» надписей, лексические свидетельства которых, включающие значимые контексты, даются в унифицированной транскрипционной транслитерации, разработанной автором. На данный момент в базе присутствует около 390 вхождений, из которых сино-тибетских и индоевропейских параллелей не больше 30 для каждой из семей, а монгольских параллелей – более 110, что напрямую указывает на степень интенсивности языковых контактов. В статье рассматриваются семантические поля контактной лексики для каждой из упомянутых семей и для монгольского языка. Большая часть лексики с монгольскими параллелями, связанная с человеком и социальными отношениями, имеет положительную коннотацию или высокий статус. С отрицательным значением отмечены лишь пять названий «толпы». В качестве иллюстрации дана карта распространения собственно тюркских топонимов и этнонимов и соответствующей лексики, имеющей монгольские параллели и этимологию. Наглядно показывается, что утверждение об отсутствии монголизмов в ранних рунических памятниках крайне сомнительно и не учитывает языковых и исторических данных.

Ключевые слова: тюркология, сравнительно-историческое языкознание, заимствования, семантические поля, тюркский, рунический, монгольский, китайский.

Благодарность: Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда 24-28-01042 «Разработка информационной системы для создания цифрового корпуса древнетюркских рунических надписей».

Для цитирования: Мудрак О.А. Терминология тюркских рунических памятников и монгольская лексика // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 94–103. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-94-103.

Turkic Runic Terminology and Mongolian Lexis

*Oleg Alekseyevich Mudrak*¹

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dr. Habil. in Philology

ORCID: 0000-0002-8553-7063

e-mail: omudrak@iling-ran.ru

© IL RAS, 2024

© Mudrak O.A., 2024

Annotation: In order to unify translations and understand the “imperial” monuments of the Turkic runic script, a computer database was created including inscriptions of the II Turkic and Uyghur Khaganates. This article describes the structure of this database, paying special attention to the classification of semantic fields. The material consists of data from nine large “imperial” inscriptions, the lexical evidence of which, including significant contexts, is given in a unified transcriptional transliteration developed by the author. Currently the database contains 390 entries. There are no more than 30 Sino-Tibetan and Indo-European borrowings for each of the families, and more than 110 Mongolian parallels which directly indicate the degree of intensity of interlingual contacts. The article examines the semantic fields of contact vocabulary for each of the families and for the Mongolian language. Among the Turkic-Mongolian terminology related to humans and social relations, the dominant majority has a positive connotation or high status. Only five names of the “crowd” are marked with a negative connotation. As an illustration, a map of the distribution of proper Turkic toponyms and ethnonyms and same terminology, having Mongolian parallels and etymology, is given. It is clearly shown that the claims about the absence of Mongolisms in early runic monuments is extremely doubtful and does not take into account linguistic and historical data.

Key words: Turkology, comparativistics, loanwords, borrowings, semantic domains, Turkic, runic, Mongolian, Chinese.

Acknowledgement: The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01042 “Development of an information system for creating a digital corpus of ancient Turkic runic inscriptions”.

For citation: *Mudrak O.A.* Turkic runic terminology and Mongolian lexis // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 94–103. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-94-103.

Введение. Объект и методы исследования

Собственная тюркская письменная традиция оформляется во времена II Тюркского каганата. С рубежа VIII в. появляются письменные надгробные памятники, в которых присутствует большой объем лексики, отражающей социальное и политическое устройство тюркских государств. Надписи тюркским руническим письмом активно представлены во II Тюркском и Уйгурском каганатах. Они условно названы «имперскими», и, как правило, такие надписи имеют официальный или близкий к нему статус.

При изучении «имперских» тюркских рунических памятников возникла необходимость создания сравнительной базы памятников – в первую очередь для однопланового перевода источников и, по возможности, избегания использования неосвоенных заимствований. В лексическую компьютерную базу включены следующие памятники: памятник Моюн-чуру, Терхинская стела, Тесинская сте-

ла, памятник из Суджи, памятник Кули-чору, Онгинский памятник, памятник Кюль-тегину, памятник Могилян (Бильге кагану) и памятник Тоньюкуку. В эту базу последовательно вводились т. н. «трудные» слова, которые приводят к реинтерпретации перевода. Нейтральные однозначные тюркские слова отсутствуют в этой базе, присутствуют лишь те из них, которые имеют переносное терминологическое употребление. Лексика, заносимая в данную базу, осложнена каждый раз возникающими трудностями перевода терминологии, связанной с социальным устройством, с этикой и мифологией, с военным делом, коневодством, земледелием, строительством и др. Также в эту базу были включены встречающиеся топонимы и наименования племен, народов и стран.

В данной базе лексические данные и цитаты присутствуют в унифицированной транскрипционной транслитерации, разработанной автором. Принципы ее изложены в статье [Мудрак 2015]. Транслитерация лексики памятников опирается на фотографии и эстампажи (значительная часть из их присутствует на казахстанском сайте <http://atalarmirasi.org> 29.08.22), а также набор рунической графикой при издании памятников. К сожалению, на турецком сайте https://tr.wikisource.org/wiki/Kategori:Orhun_Abideleri (06.05.2024) руническая подача и транскрипция сильно противоречат как более ранним изданиям памятников, так и материалам в книге Т. Текина [Tekin 1968], и данные оттуда могут использоваться только с оговорками.

В базе для каждого вхождения указывается строчная локализация конкретных форм внутри памятника. В заглавной части каждого вхождения дается условная реконструкция праформы для указанной группы памятников и отсылка к этимологической базе тюркских языков [turcet] Алтайского этимологического словаря.

В базе в поле SEM проставлены лексико-грамматические пометы¹: **abs** – абстрактное, отвлеченное имя; **adj** – прилагательное; **air** – воздух, небо; **arch** – строительство, здания; **beast** – дикие звери; **cloth** – одежда, покрытие, ткани; **da** – домашние животные; (**dp** – домашние растения); **food** – пища; (**horse** – лошади); **land** – земля, ландшафт; (**liq** – жидкие и водные объекты); (**mount** – горы, холмы); **myth** – мифология; **plant** – растения; (**pop** – народы, общности); (**quit** – успокоение, смерть); **soc** – человек, люди, социальные отношения; **time** – время; **tool** – инструменты, приспособления; **top** – топонимы; **verb** – глаголы; (**war** – война, военное дело); **word** – слово, имя, речь. В этом поле могут присутствовать сочетания указанных помет. В данном перечне круглыми скобками выделены семантические поля, встречающиеся только во второй части сочетаний лексико-грамматических помет. Оказалось важным использовать некоторые добавочные пометы: композиты **socm** – для лиц мужского пола, **socf** – для лиц женского пола, а также маркеры стиля: “+” – для слов с положительной коннотацией, старшинства и «высокого штиля», “=” – для слов с отрицательной коннотацией, меньшинства и «низкого штиля».

Позже в базу были добавлены названия тюркских народов и племен, зафиксированные в китайских исторических источниках. На данный момент в базе присутствует около 390 лексем.

¹ Для тюркских языков аналогичная система выделения и обозначения семантических полей описана и применена в [Мудрак 2023].

В разделе комментариев, кроме собственно контекстных и исторических замечаний, даются нетривиальные внутритюркские лексические параллели. Во многих случаях значения слов, отмеченные для др.-уйг. и карах. языков, позволяют правильно понять и интерпретировать конкретный контекст в рунических памятниках. Таких лексем в базе около 70. Под др.-уйг. здесь понимаются религиозные и административные памятники, не входящие в раздел «имперских», написанные в Восточном Туркестане другими системами письма.

В последнее поле, условно названное как *chin*, добавлены кит. лексические параллели или глоссы со ср.-кит. чтениями, взятыми из базы данных древнекитайского языка С.А. Старостина [bigchina], и с последовательной интерпретацией сев.-зап. диалектного варианта. В том же поле приводятся довольно редкие соответствующие тиб. соответствия.

Ниже показаны распечатки образцов этимологических статей в базе:

<i>NUMBER</i>	93
<i>PROTO</i>	*tabyač K
<i>PRNUM</i>	0
<i>SEM</i>	soc, pop
<i>MEANING</i>	китайцы
<i>MOCH</i>	тъбъуѣсьдѣѣ. [32], тѣбъуѣс ѣѣнѣ. [42], šuɣ(dʰ?)ɣq. тѣбъуѣсьѣѣ. [44]
<i>TER</i>	тъбъуѣс. [15]
<i>TES</i>	тъбъуѣсьѣѣ. [11]
<i>SUJA</i>	
<i>KCH</i>	
<i>ONG</i>	тъбъуѣсьѣѣ. [2], bu. тѣбъуѣсьѣѣ. [5], (тъбъуѣс. budʰn.) [1r], ...уѣс. kirür. (ərti.) [4r]
<i>KT</i>	тъбъуѣс. [4, 7, 28, 31], тѣбъуѣс. ѣѣуѣн. [53], тѣбъуѣс. ѣѣуѣнѣѣ [7, 8, 9], тѣбъуѣс. ѣѣуѣнѣѣ. [12*], ...с. ѣѣуѣнѣѣ. [11*, 52], тѣбъуѣс. budʰn. [4*, 5*, 6, 14], тѣбъуѣс. budʰnѣѣ. [7], тѣбъуѣсѣѣуѣ. [7]
<i>BQ</i>	тъбъуѣс. [5E, 7E, 23E, 25E 2p., 35E, 1S], тѣбъуѣсьѣѣ. [38E], тѣбъуѣсьѣѣ. [36E], тѣбъуѣсьѣѣуѣ. [35E], тѣбъуѣс. ѣѣуѣнѣѣ. [7E, 8E, 9E, 39E], (*тъбъу)ѣс. ѣѣуѣнѣѣ. [8N], тѣбъуѣс budʰn. [6E, 12E, 3S, 4S], тѣбъуѣс. budʰnѣѣ. [7E], тѣбъуѣсѣѣуѣ. bəgələr. [7E]
<i>TON</i>	тъбъуѣс. [11, 12, 30], тѣбъуѣс iləŋä. [1], тѣбъуѣсѣѣуѣ. [7, 10], тѣбъуѣсьѣѣ [1, 2, 49], тѣбъуѣсьѣѣ. [2, 14], тѣбъуѣсьѣѣуѣ. [9], тѣбъуѣс ѣѣуѣн. [19]
<i>NOTES</i>	Старая кит. династия Тоба
<i>CHIN</i>	В хрониках династия Тоба передается как 拓跋 – ср.-кит. tʰākɸwāt (сев.-зап. tʰaɣɸɸR), реже – с первым 托 – ср.-кит. tʰāk, вторым 拔 – ср.-кит. ɸwāt. Альтернативное написание 秃髮 – ср.-кит. tʰukɸwət (сев.-зап. tʰuɸɸR) «с лысыми волосами» – представляет собой вторичную рэтимологизацию.
<i>NUMBER</i>	13
<i>PROTO</i>	*türkō I
<i>PRNUM</i>	0
<i>SEM</i>	soc, pop
<i>MEANING</i>	тюрки; кочевники

<i>MOCH</i>	türkö budъn [8, 10], türkö budъnъу [47], türkö iləŋä. [4], türkö (qı?)bъçъq. [4], ууъз türkö. ыт [32]
<i>TER</i>	türkö. ələn ыnta. [20], türkö budъnqa [22], türkö. budъnъу [23]
<i>TES</i>	
<i>SUJA</i>	
<i>KCH</i>	türk budъn [6], türk budъnqa. [14]
<i>ONG</i>	türk budъn. [2, 3, 3]
<i>KT</i>	türkö. qъуъn. [3*], türkö. budъn. [6*, 6*, 7*, 8*, 8*, 6, 10, 11, 22, 22, 25, 27, 47], türkö. ыmti. budъn. [11*], türkö. qъra. qъmъу. budъn. [8], türkö. budъnъŋ. [1], türkö. budъnъу. [16, 21, 25], türkö. bəgələr. [10*, 7, 34], күк. türkö. [3], türkö. atın [7], türkö. türüsün. [13], türkö ... [10*], türkö. təŋəri. türkö idoqo jiri. [10], türköməz [budъnъmъz] [18], türkö. ууъз. bəgələri. budъn. [22]
<i>BQ</i>	türkö. biləgä. qъуъn [1E 2p., 13S 2p., 1N], türkö. qъуъn. [2N], türkö. təŋəri. [10E, 1E], türkö idoqo jiri. [10E], türkö. bəgələr. [7E, ?33E, 13N], türkö. ыmti. bəgələr. [13S], türkö. bəgələr. budъn [2E, 15S, 8N], (t)ürkö. bəgələrin. budъnŋ. [15S], türkö. budъn. [7E, 10E, 19E 2p., 20E, 21E, 22E, 30E, 33E 2p., 36E, 38E, 5N 3p., 6N 2p., 13N], türkö. budъnъŋ. [3E], türkö. budъnъу. [9E, 14E, 18E], türkö. qъra. qъmъу. budъn. [8E], türkö. ыmti. budъn. bəgələr. [8N], türkö. budъnъm. [13N], türkömä. budъnъma. [10S, 12N], türkö. ыtın. [7E], күк. türkö. iti. ыңca. [4E], türkö. türəsün. [11E], türkö. ууъз. bəgələri. budъn. [18E], türəgəs. qъуъn. türkö budъnъm erti. [16E]
<i>TON</i>	türk budъn. [1, 2, 3, 9, 18, 22, 46], türk budъnъу. [17], türkö budъnqa. [54], türk. sir budъn. [3, 11], türkö şir budъn. [60, 61], türkö şir budъnъу. [62], türk qъуъn. [18], türk. qъу ыпъуъgu. [20], türk bəgü qъуъnqa. [50], türkö biləgä qъуъn. [58, 62], türk biləgä qъ ... [50]
<i>NOTES</i>	согд. tuŋrik – житель Турана, как eŋrik – житель Ерана (= Ирана). Тронное наименование I, II Тюркских каганатов. Обозначение наднациональной общности в текстах этих каганатов. Передача в ср.-кит. как t ^h otkwət (сев.-зап. t ^h oRkūR) и в тиб. как dru-gu-yul ‘тюрки’, при drug ‘тюркский’ может указывать на исходное тюрк. словосочетание *türkō *iɛl ‘страна тюрков’.
<i>CHIN</i>	ср.-кит. 突厥 t ^h otkwət (сев.-зап. t ^h oRkūR); тиб. dru-gu-yul ‘тюрки’, drug ‘тюркский’.

Внешние схождения. Результаты анализа

В поле комментариев, кроме упомянутой выше информации, присутствуют известные и предположительные этимологии из индоевропейских (индийских, иранских и тохарских) языков. Индоевропейских лексем данного и сопредельного ареалов, ставших источниками терминов рунических надписей, отмечено 25.

Кроме того, в раздел комментариев добавлены монгольские схождения, сохранившиеся в живых языках северной подгруппы. Довольно представительной оказалась группа, где параллели словам из рунических памятников отмечены только в др.-уйг. или карах. языках и, вместе с этим, в близких или тех же значе-

ниях они фигурируют в монг. – около 30 слов. В остальных тюрк. языках такое слово, как правило, или отсутствует, или имеет другие значения. «Чистых» монг. параллелей без карах. и др.-уйг. данных в базе присутствует чуть более 80.

Китайскую этимологию имеют 28 тюрк. слов из «имперских» памятников, а тибетскую – 3 слова. Таким образом, количество индоевропейских и сино-тибетских заимствований примерно одинаково, а монгольских – больше чем в 3 раза.

Довольно интересно рассмотреть семантические поля иноязычных параллелей в «имперской» тюрк. рунике. В результате описанного выше подхода при выборе рассматриваемой лексики тюрк. руники абсолютно естественно, что помету **soc**, обозначающую соотношение с человеком и социальной общностью, имеет почти половина вхождений, а именно – 195 случаев.

Среди индоевропейских по происхождению слов только 8 из них не имеют пометы **soc**, причем 6 из них – топонимы: *eremeli ‘рысак’ – по Дж. Клосону, заимствование из тохар. ramer / rmer ‘быстрый’ в значении ‘рысак’ [Clauson 1972: 232]; *sir ‘истинный (?), величественный (?)’ – по этимологии П. Аалто, согд. šyr ‘beautiful, good’ [Clauson 1972: 843]; *čača ‘Чач (страна)’ – др.-иран. *čāiča- ‘area of water, lake’; *buqaraq ‘Бухара’ – согд. buxārak ‘Place of Good Fortune’ и др.

Среди китаизмов только 6 слов не имеют пометы (**soc**), причем 4 из них – топонимы: *quj ‘ритуальный стол’ – ср.-кит. 巖 kwèj (сев.-зап. kùj) ‘маленький жертвенный стол’; *tuγ ‘знамя’ – ср.-кит. 纛 вариант duk (сев.-зап. duγ) ‘стяг, знамя; бунчук (из перьев или хвостов)’; *šantuγ ‘Шаньдун (область Китая)’ – ср.-кит. название региона 山東 šāntuγ (сев.-зап. šāntuγ) Шаньдун букв. ‘горный восток, к востоку от гор’; *qošu ‘Кашгар (область)’ – ср.-кит. 佉沙 k^hōša (сев.-зап. k^hōša) при исторической др.-кит. передаче местного названия в период зап.-хань как k^hašāj и т.д.

Среди слов с монгольскими параллелями ситуация следующая: 50 вхождений имеют помету **soc**, а 61 вхождение – не имеет, причем из них 32 слова – топонимы.

Среди исконных тюркских слов 88 вхождений имеют помету **soc**, а 118 – не имеют, причем из них всего 26 – топонимы.

Наглядно видно, что исконные тюрк. слова и слова с монг. параллелями, в отличие от случаев с языками других семей, имеют практически одинаковое количество случаев с пометой **soc** и без нее, с небольшим преобладанием последней группы. К тому же топонимы кратно не превосходят другие слова во второй группе.

Анализ значений, присутствующих в монгольских параллелях, показывает следующее.

В лексике, связанной с человеком и социальными отношениями (**soc**), 17 слов имеют положительную коннотацию или коннотацию с высоким статусом: *bełge ‘правлящий (о верховном правителе), действительный, настоящий (о чиновниках)’ – монг. *belge ‘знак, примета; символ, знамение; степень (математическая и социальная, т. е. ранг)’; *tašiq ‘Великие рода’ – монг. *tajižihut, *tajičiut *pl. – род Тайджиутов, происходящий от прародительницы Алан-Гоа (< ср.-кит. 大族 dàjzúk (сев.-зап. dàjzuγ) ‘великие рода, кланы’, на что указывает и оформление в виде мн. числа в монг.); *bojla ‘сановный’ [ср.-кит. передача 裴羅 bojlá (сев.-зап. bojla)] – монг. *bejile ‘вторая степень княжеского достоинства’; *oγuγ ‘командующий’ – монг. *horoγuγ ‘знамя’; *irkin ‘гражданский правитель’ – монг. *irgen ‘народ, люди; гражданин’, совр. irgenij dna. ‘гражданский; светский, цивилизный, статский’ и др. С отрицательным отношением связаны лишь 8 слов, и 5 из них являются назва-

ниями «толпы»: **egel* ‘простой (народ)’ – монг. **egel* ‘простой, обыкновенный, рядовой, обычный; низший’ [Clauson 1972: 106]; **bod* ‘толпа; неорганизованная общность’ – монг. **boda* ‘крупный скот; фигуры в шахматах (кроме короля)’, **bulqo* ‘простонародье’ – монг. **bolki* ‘нерасторопный, неповоротливый, неуклюжий; грубый, дерзкий; невежественный, тупой’; **kür* ‘толпа, многолюдье’ – монг. **güg* ‘толпа, многолюдье; государство, династия’ и др.

Вне лексики, связанной с человеком и человеческими отношениями (**soc**), отмечаются 11 прилагательных (**adj**): **tögünlüg* ‘скачущий’ – монг. **dehüli-* ‘скакать, прыгать на большое расстояние; преодолевать большое пространство, не касаясь земли, подпрыгивать, подскакивать; бежать прыжками’; **tulqu* ‘образцовый, с первоначальным документом’ – монг. **tulγur* ‘первоисточник (документ)’ от **tulγa-* ‘предъявлять ультиматум; сличать с подлинником’, **öz* ‘пристрастный, своенравный’ – монг. **özi* ‘пристрастие, страсть, привязанность; беспутство, разврат; привязчивый, не отстающий, надоедливый’ и др.;

7 глаголов (**verb**): **ač-* ‘цеплять’ – монг. **ača-* ‘зацепиться; наткнуться на препятствия’; **qat(a)-* ‘идти рысью’ – монг. **qatarı* ‘рысь (аллюр)’; **keŋkereš-* ‘устроить перестрелку’ – монг. **keŋkere-* ‘быть слегка задетым стрелой’ и др.;

4 ландшафтных термина (**land**): **čjük* ‘топь’ – монг. **čji-* ‘засыпать, закладывать (в котел, чайник); тонуть’; **bükegük* ‘засада’ – монг. **bügühül* ‘засада’, деришат от глагола **bügü-* ‘скрываться, сесть в засаду’;

7 слов общего значения, имеющих помету **abs**: **keregü* ‘враждебные помыслы’ – монг. **kerehül* ‘ссора, раздоры, ругань, брань’; **egid* ‘ложь, обман’ – монг. **egdehü* ‘негодование, возмущение, раздражение; насмешка, шутка, издевка’, **soquq* ‘увечье’ – монг. **soquγ* ‘дефект, изъян, недостаток; травма’ и др.

Для тюрк. слов рунических памятников, связанных с военной тематикой (**war**), найдено 16 монг. параллелей: **ašuqo* ‘шлем, каска’ – монг. *ašig* < **asiγ* ‘шишка, нарост’; **orđo* ‘ставка, стоянка’ – монг. **ordo* ‘дворец, двор, ставка; святилище’ (ср. примечание в EDAL в этимологической статье алт. **öğü-* ‘внутренняя сторона’ > тюрк. **or-*: “The PT **ordu* ‘place of staying’ may need to be separated from other forms here: it contains a very untypical *-rd- cluster (as opposed to **or-tu* ‘middle’) and may reflect an ancient borrowing from some unknown source”); **torγaq* ‘стража’ – монг. **torγa-* ‘штрафовать, налагать штраф; припутывать к делу, возводить обвинение; удерживать, задерживать, останавливать, преграждать; поймать’, *torγuid* < **torγod* ‘дневная стража (при монгольских ханах в XIII в.); торгоуты (племя)’; **qarγan* ‘доблестный (тронное имя Мочжо)’ – монг. *gavjaa(n)* < **γabihan* ‘заслуга, доблесть, героизм, геройство, подвиг, мужественный поступок’ от глагола **γabi-* ‘отличаться, выделяться’ (= его тронному имени в ср.-кит. 遷善 ^h*čjenžén* ‘изменять; перемещать; передвигать (по службе)’ + ‘добро; добрый; хороший, прекрасный, искусный’) и т.д.

Топонимы и этнонимы

Ниже на базе карты Монголии дано распределение собственно тюрк. топонимов и этнонимов, обозначенных звездочкой, и топонимов с этнонимами, имеющих монг. параллели и происхождение. За пределами этой карты находятся 26 тюрк. терминов и 11 терминов с монг. параллелями.

Методы и направление дальнейших исследований монгольских параллелей

Возникают вопросы, как можно проследить направление заимствований. Абсолютно ясно, что путь заимствования нужно изучать для каждого конкретного случая отдельно. Источник заимствования может определяться путем привлечения внешних родственных сравнений на более высоком алт. уровне. Нетривиальные соответствия в других ветвях алт. языков во многих случаях позволяют однозначно определить язык-донор.

На словообразовательном уровне внутри конкретного языка деривационное гнездо и количество производных, как правило, гораздо больше именно в языке-источнике заимствования. Структура основы с чуждым аффиксальным оформлением однозначно указывает на направление заимствования.

На уровне семантики ясно следующее: набор значений в языке-доноре, как правило, шире, чем набор значений в языке-реципиенте. Отсутствие интерпретации появления конкретного термина, т. е. отсутствие данных о конкретном семантическом переходе и развитии семантики, также указывает на получателя заимствования.

Довольно часто привлечение внешних, внеязыковых исторических данных помогает проследить направление заимствования.

Для понимания полной картины, вырисовывающейся в терминологической лексике тюрк. рунических памятников, необходимо сделать анализ соответствующих семантических групп (разве что исключая топонимию и этнонимию) в карах. языке и др.-уйг. языке Турфана, имеющих особый статус. В этих языках отмечается довольно специфический набор лексики, которая отсутствует или сильно отличается по значениям от параллелей в других тюрк. ветвях, и, как уже стало ясно с учетом тюрк. рунических данных, обнаруживается существенное количество монг. параллелей. Не исключено, что некоторые наборы терминологии более выпукло покажут степень контактов между тюрк. и монг. языками. Уже уверенно можно сказать, что подразумевавшаяся аксиоматичность отсутствия монголизмов в тюрк. рунических памятниках, а также в карах. и др.-уйг. языках является надуманной и не учитывает существования и, соответственно, влияния на соседние тюрк. народы монголоязычных этносов: сначала – сяньбийцев, потом – тоба (табгачей), основавших китайскую династию Северная Вэй и этнически участвовавших в формировании последующих династий Суй и Тан, позже – киданьской династии Ляо и ее преемницы династии Западное Ляо, правившей на землях Средней и Центральной Азии.

Сокращения

алт. – алтайские
др.-иран. – древнеиранский
др.-кит. – древнекитайский
др.-уйг. – древнеуйгурский
зап.-хань – западноханьский (китайский)
карах. – караханидский
кит. – китайский
монг. – монгольский, монгольские

сев.-зап. – северо-западный (китайский)
согд. – согдийский
ср.-кит. – среднекитайский
тиб. – тибетский
тохар. – тохарские
тюрк. – тюркские
dpa. – отыменное прилагательное
pl. – множественное число

Литература

- Восточный Туркестан 1992 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. – М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1992. {Eastern Turkestan in ancient times and early Middle Ages. Ethnos, languages, religions. – Moscow: “Nauka”, The Main Editorial Board of Oriental Literature, 1992.}
- Кляшторный 1980 – *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. – Баку, 1980. – № 3. – С. 82–95. {*S.G. Klyashorniy.* The Terkhin inscription (preliminary publication) // Soviet Turkology. – Baku, 1980. – No. 3. – PP. 82–95.}
- Кляшторный 1983 – *Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела (предварительная публикация) // Советская тюркология. – Баку, 1983. – № 6. – С. 76–90. {*S.G. Klyashorniy.* The Tes stela (preliminary publication) // Soviet Turkology. – Baku, 1983. – No. 6. – PP. 76–90.}
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. {*S.Ye. Malov.* Documents of ancient Turkic script. Texts and research. – Moscow–Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951.}
- Малов 1959 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. {*S.Ye. Malov.* Documents of ancient Turkic script of Mongolia and Kyrgyzstan. – Moscow–Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959.}
- Мудрак 2015 – *Мудрак О.А.* К значению одного из клише в енисейских надписях // Российская тюркология. – М., 2015. – № 2(13). – С. 30–37. {*O.A. Mudrak.* About the meaning of one cliché in the Yenisei inscriptions // Russian Turkology. – Moscow, 2015. – No. 2(13). – PP. 30–37.}
- Мудрак 2017 – *Мудрак О.А.* К некоторым названиям титулов и званий в орхонских рунических памятниках // Вопросы тюркологии / Институт тюркологии. – М., 2017. – № 5. – С. 47–59. {*O.A. Mudrak.* About some names of titles and ranks in Orkhon runic inscriptions // Issues of Turkology / Institute of Turkology. – Moscow, 2017. – No. 5. – PP. 47–59.}
- Мудрак 2023 – *Мудрак О.А.* Слои заимствований в карачаево-балкарской культурной лексике // Oriental Studies. – Т. 16. – Вып. 6. – Элиста, 2023. – С. 1692–1731. {*O.A. Mudrak.* Layers of borrowings in Karachay-Balkar cultural vocabulary // Oriental Studies. – Vol. 16. – Issue 6. – Elista, 2023. – PP. 1692–1731.}
- bigchina – Этимологическая база китайских иероглифов *bigchina*. Электронное издание. – URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\china\bigchina> (дата обращения: 06.11.2024). {Etymological database of Chinese characters *bigchina*. Electronic edition. – URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\china\bigchina> (access date: 06.11.2024).}
- Clauson 1972 – *Clauson, sir G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972.
- EDAL – *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological dictionary of the Altaic languages. – Handbuch der Orientalistik. Vol. 8–1, 8–2, 8–3. – Leiden-Boston: Brill, 2003. 2096 p.
- Tekin – *Tekin T.A.* Grammar of Orkhon Turkic. – Hague: Indiana University, Bloomington, Mouton & Co, 1968.
- turcet – Этимологическая база тюркских языков *turcet*. Электронное издание. – URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\alt\turcet> (дата обращения: 06.11.2024). {Etymological database of Turkic languages *turcet*. Electronic edition. – URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\alt\turcet> (access date: 06.11.2024).}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 104–111. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 821.512.141

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-104-111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ЮРОДИВОГО В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ «БУРЕНУШКА» ТАНСУЛПАН ГАРИПОВОЙ

*Азат Хайдарович Галиуллин*¹

¹ Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия
младший научный сотрудник
e-mail: hagizak@mail.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Галиуллин А.Х., 2024

Аннотация: Башкирская писательница Тансулпан Гарипова признана не только в родной Республике Башкортостан, но и далеко за ее пределами: наиболее известны такие ее произведения, как «Полевая вишня», «Не улетайте, журавли!», «В ожидании дождя», «Девушка в монахах», «Гильмияза» и многие другие. Об этом свидетельствуют не просто большой интерес к ее творчеству со стороны читателей, но и пристальное внимание научного сообщества (Н.А. Хуббитдинова, А.Ш. Абдуллина, Г.Н. Гареева, Р.Р. Магадеева и др.). Несмотря на это, ее роман-эпопея «Буренушка», как и творчество писателя в целом, до сегодняшнего времени в достаточной степени не изучено. Перед исследователями стоят задачи раскрытия эстетического своеобразия, идейно-художественных и тематических особенностей ее произведений, а также установления особого подхода к изучению. Последнее – привлечение гендерного подхода к изучению творчества – более всего является актуальным и еще не раскрытым направлением в башкирской литературоведческой науке. В данной статье сделана попытка показать некоторые аспекты этого научного направления на примере исследования образа одного из персонажей романа «Буренушка» – Шангарея, представляющего немалый интерес с точки зрения раскрытия основной идейно-тематической направленности и художественного своеобразия произведения.

Ключевые слова: Тансулпан Гарипова, башкирский роман, гендерная проза, образ юродивого в литературе, художественная речь.

Для цитирования: *Галиуллин А.Х.* Художественные особенности изображения образа юродивого в романе-эпопее «Буренушка» Тансулпан Гариповой // *Российская тюркология*. 2024. № 1–2 (42–43). С. 104–111. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-104-111.

Artistic features of the image of the holy fool in the epic novel “Burenushka” by Tansulpan Garipova

*Azat Khaydarovich Galiullin*¹

¹ Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature of the Federal State Budgetary Scientific Institution of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Junior Researcher

e-mail: hagizak@mail.ru

© IL RAS, 2024

© Galiullin A.Kh., 2024

Annotation: The Bashkir writer Tansulpan Garipova is recognized not only in her native Republic of Bashkortostan, but also far beyond its borders: her most famous works include “Field Cherry”, “Don’t Fly Away, Cranes!”, “Waiting for the Rain”, “Girl in Monistes”, “Ghilmiyaza” and many others. This is evidenced not only by the great interest shown to her work on the part of readers, but also by the close attention of the scientific community (N.A. Khubbitdinova, A.Sh. Abdullina, G.N. Gareyeva, R.R. Magadeyeva, etc.). Despite this, her epic novel “Burenushka”, as well as the writer’s work in general, has not been sufficiently studied to this day. Researchers are faced with the task of revealing the artistic and aesthetic originality, ideological, artistic and thematic features of her works, as well as establishing a special artistic approach to the study. The latter – the use of a gender approach to the study of creativity – is the most relevant and still undisclosed direction in Bashkir literary studies. This article attempts to show some aspects of this scientific direction using the example of a study of the image of one of the characters in the novel “Burenushka” – Shangarey, which is of considerable interest for revealing the main ideological and thematic focus and artistic originality of the work.

Key words: Tansulpan Garipova, Bashkir novel, gender prose, holy fools in literature, artistic speech.

For citation: *Galiullin A.Kh.* Artistic features of the image of the holy fool in the epic novel “Burenushka” by Tansulpan Garipova // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 104–111. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-104-111.

Введение

Имя народной писательницы Республики Башкортостан Тансулпан Гариповой известно далеко за пределами нашего региона и страны. Успешно работая в различных художественных формах литературной деятельности, она достигла вершины своего творчества, создав роман-эпопею «Буренушка» (Уфа, 2009) / «Бөйрәкәй», (2006). Произведение, изображающее целую эпоху, богато и жизненными историями героев со сложными судьбами, и историческими событиями как в отдельно взятой деревне, так и во всей стране. Писательница как будто остановила время и дала возможность своим читателям хотя бы на время снизить обороты жизни и погрузиться в сложную сюжетную перипетию судеб и жизненных коллизий героев своего романа.

Результаты и обсуждение

1. Роман «Буренушка» в оценке литературных критиков

Роман-эпопея, как и полагается жанру такого масштаба, охватывает очень большой временной отрезок – целый век. Построенное на заре XX в. советское общество, призванное осчастливить всех, начинает переламывать и калечить людские судьбы, а так называемых неблагонадежных – ликвидировать. Центром всех событий в романе, образующим звеном главных и вспомогательных сюжетных линий являются образы Барсынбики-Фаузии, Гульбану и Мадины, которые не просто связаны родственными узами, но и отображают характерные, каждая из них для своего времени, женские черты, как во внешнем облике, так и своим внутренним миром. Эти женщины в своей жизни прошли через нелегкие испытания, разделяя тяжелые судьбы друг друга и жителей всей страны. Судьбу внучки легендарной, эпической Бандабики¹ – Барсынбики-Фаузии – ломает революция и новый общественный строй; ее дочь Гульбану становится жертвой насилия и невыносимой жизни в глубинке во время Великой Отечественной войны; внучке Мадине уготовано испытание в период политических репрессий. Но ничто не может их сломить, перед нами плеяда сильных духом женщин. А.Ш. Абдуллина в связи с этим верно отмечает, что раздумья о смысле истории, судьбах народа, о прошлом, настоящем и будущем всего человечества выражают глубинные процессы действительности. «Роман “Буренушка” – важная веха в жизненном и творческом пути писательницы. На примере семьи Фаузии-Барсынбики Т. Гарипова выразила свои сокровенные раздумья о причинах и сути катаклизмов, происходивших в России в XX в. Проблема совести, преодоления заблуждений, обозначенная в малой прозе на локальном уровне как конфликт эгоцентризма и гуманистической морали, в романе представлена как противоборство религии, народной нравственности и коммунистической идеологии» [Абдуллина 2015: 41].

Г.Н. Гареева усматривает в романе «глубину философских идей, освещающие память и преемственность духовных традиций народа, выражающие общечеловеческие характеры, отслеживающие источники мировоззрения и психологии героев песни, легенды, мифологические образы, сновидения, гадания, символические детали придают углубленность сюжетным линиям, мотивируя их дальнейшее развитие» [Гареева 2010: 37].

В романе, наряду с женскими, ярко и жизненно представлены и мужские образы. В отличие от женщин мужчины, проживая жизнь в тех же нелегких условиях, смирились со своим положением или сломались. Не выдержав тягот войны, одни спиваются, другие становятся озлобленными, жестокими, третьи накладывают на себя руки. Каждого из героев с самого начала отличает авторская (речевая, портретная и поведенческая) характеристика, и многие действующие лица становятся легко узнаваемыми. Особое место среди них занимает образ «дурачка» Шангарея, которого односельчане прозвали Шариком.

¹ *Бандабикэ* в эпическом, легендарном наследии башкир является мудрой и находчивой женой не менее легендарного эпического героя – *сәсәнә*-сказителя *Ерәнсә*.

2. Образ юродивого в истории литературы

В литературоведческих работах неоднократно отмечено, что использование в произведениях классиков образа юродивого помогают раскрывать художественные задачи произведений. С одной стороны, образ блаженного героя олицетворял собой благоразумие и миролюбие, с другой – своим поведением он превращает происходящее вокруг него в фарс.

Как отмечает К. Янчевская относительно юродивого в творчестве Л.Н. Толстого, художественные «герои-юродивые отражают движение толстовского героя к народному началу, что определяет эпически серьезное воспроизведение юродского подвига, в котором редуцированы смеховые, зрелищные элементы. В изменении форм юродства в творчестве Л.Н. Толстого – от сознательного духовного подвига «Христа ради» к «природному» типу дурачка – проявляется не только позиция писателя, но и исторический процесс вырождения юродства» [Янчевская 2004: 9].

Образ юродивого встречается и в башкирской литературе. Одним из первых к нему обратился народный поэт Башкортостана Мустай Карим в своей трагедии «Ночь лунного затмения». Юродивый Дивана представляется сквозь философичность ума писателя: что ни скажет, все очень метко и в цель. Язык его богат образностью, художественной иносказательностью, что указывает на его мудрость и знание истины. Не аксакалы, а именно Дивана – плод греховной любви Тэнкэ-бикэ, после смерти мужа оставшейся главой рода – несет бремя родовой совести и отличает добро от зла. Как отмечал Т.А. Кильмухаметов, «драматургия Мустая Карима – это жгучее многосоставное отражение реалий исторического прошлого и древней мифологии. В то же время театральные постановки-спектакли звучали, как правило, остросовременно и притягивали внимание массы зрителей. В этом находят свое выражение индивидуальные черты таланта Мустая Карима – писателя и его отношение к писательскому труду. Все это оформляется как хорошо продуманная творческая концепция писателя-мыслителя и философа» [Кильмухаметов 2015: 1281].

Образ юродивого представлен и в одной из глав трилогии башкирской писательницы Гульнур Якуповой «Женщины». Он раскрывается с помощью свойственного автору мастерства обнажать тонкую психологию характера, при этом не затрагивая чувства собственного достоинства необычного героя: «В реальной жизни разве нет таких, как мой Асян-дурачок, деревенский юродивый? Такие есть в любом герметичном социуме, но образ Асяна я ввела не случайно, не для остроты, а от желания призывать людей к доброте, к пониманию превратностей судьбы. Писала с достоверными деталями и с искренней теплотой: мне приходилось встречаться с матерями, воспитывающими таких детей и сопереживать их горю»². Как и в трагедии Мустая Карима, второстепенный персонаж в лице юродивого выполняет главную роль в развитии основных событий произведения.

Известно, что М. Карим отличался образностью мышления, мастерством художественной иносказательности. Этот свой талант он применил и к описанию

² Из интервью автору статьи, данного писательницей Г.М. Якуповой в октябре 2020 г. (не опубликовано).

образа Диваны, апеллируя к глубоко философской образности языка. Героя многие не понимали, считая его несчастным, лишенным рассудка, в то время как он, так же как и юродивый Асян в произведении Г. Якуповой, был наделян способностью ясновидения.

3. Образ юродивого в романе «Буренушка» Т. Гариповой

В этом романе автор раскрывает данный образ очень оригинально. На него в произведении возлагается своеобразная идейно-художественная функция. Занимая особое место в общественной жизни односельчан, он выполняет немаловажную роль в развитии сюжетных линий. Автор изображает Шангарея не как отщепенца или изгоя, который ничего не вызывал бы, кроме отвращения или неприятных эмоций, а, наоборот, он пробуждает глубокую солидарность с ним и жалость со стороны читателей. Несмотря на то, что природа обделила его разумом, и все вокруг звали его то «Шариком», то дурачком, он порой оказывается самым справедливым в своих действиях и мудрым в своих взглядах на окружающую действительность.

В отличие от других персонажей произведения, Шангарей особо тонко чувствует этот мир: до конца своей жизни он несет на себе груз человеческих грехов и бед, от чего ему самому нелегко – он страдает за одних, печалится за других (чаще печалится заранее, предвидя неминуемую беду), а также искренне радуется успехам третьих. По мнению А.Ш. Абдуллиной, в романе отражены глубочайшие проблемы земного бытия, смысла жизни, нравственного выбора, атеистического своеволия, разума и совести, веры и безверия [Абдуллина 2019: 41].

Своими размышлениями о человеческой душе, борьбе добра и зла Т. Гарипова подводит читателя к этим вечным ценностям. Отмечая симптомы духовного кризиса, переживаемого страной сегодня, торжество бездуховности, писательница видит источник народных бед в отсутствии веры, в отречении от вечных ценностей [Там же: 7]. Для раскрытия этих проблем автор умело рисует своего юродивого, дурачка и простака Шангарея. Описывая его жизнь, писательница сумела достичь высокой художественности произведения: «Вон среди куч мусора бродит даже более грязный, чем эти кучи, дурачок Шангарей. Имя, которое дал ему мулла, зарегистрировано и в сельсовете, но Шангарея чаще называют Шариком. К этому большеголовому, коротконогому созданию с умом ребенка невесть кем придуманное прозвище прилипло крепче, чем имя» [Гарипова 2009: 26].

Нелегкая жизнь была у Шангарея: «Пока была жива мать, Шарик жил в ауле, бегал по улице, стравливая собак, шастал по дворам старушни, воровал из курятников яйца, забирался в погреб, чтобы полакомиться сметаной» [Гарипова 2009: 26]. Жизнь убогого человека, который впитал в себя образ собаки, не остается без внимания и в диалогах других героев произведения. Например, «– Шангарей! В ответ дурачок залаял, прикинувшись собакой. – Эй, не глупи, парень! Мне Ихсанбай нужен, он не у вас? – Гав-гав-гав!.. – Брось!.. Так у вас Ихсанбай или нет? – Гав... Убирайша, пока я тебя не укушил! – Ну, хватит. Ты же не собака. – А Жарифа говорит шабака. Она жаштавляет меня шпать в шарае. Будешь, говорит, хорошо охранять двор – буду кормить, нет – жначит нет» [Гарипова 2009: 76]. Или диалог Раузы с Шангареем: «– Шангарей, ты что это не здороваешься? –

Гав, гав! – Как это понимать? – Я – шабака. Гав, гав! – Пусть отсохнет язык у того, кто сказал, что ты собака! Я ведь ничего такого не говорила... – Гав, гав!» [Гарипова 2009: 114].

Автор пытается раскрыть полную картину внутреннего мира и характера своего персонажа, изображая его не только как «дворянгу», но также указывая и на его манеру общения, дефект речи. В диалогах такие звуки как «з» и «с», заменены на «ж» и «ш», что придает индивидуальность герою, отличает его от других. В оригинальном тексте романа на башкирском языке в диалоге Шангарея тоже передается дефект речи героя: «⟨...⟩ мин – Призниф! (Брежнев – прим. авт.) Кесе бы кем тинә, сулай тин әйт, йәме, Раужа әпшәй? ⟨...⟩ әйзә атыу, эскә бармайым. Кәжәләрзе үзең кыу... » [Гарипова 2006: 516]. «⟨...⟩ Я – Прежнеф! – гордо сказал Шангарей. – Ты вшем, кто шпрошит, говори так, ладно, Раужа-әпшей? ⟨...⟩ А я ражве не работаю? Тогда я на работу больше не пойду. Айда, шама прогоняй кож...» [Гарипова 2009: 468]. Специфика речи героя отражается как в оригинале, так и в переводе.

В романе «Буренушка» Т. Гариповой Шангарей не единственный герой, лишенный рассудка. Например, в первой главе четвертой части «Сплетение судеб» Фаузия-Барсынбика вспоминает историю, произошедшую еще до ее замужества. Когда такой же, как Шангарей, дивана, то есть дурачок, пристал к ее бабушке: выдай, дескать, внучку за меня. Бабушка дала согласие, чтобы не причинять боль и так лишенному рассудка человеку. «– Всевышний наделяет людей умом и чувствами не в равной мере. Один, бывает, умен, но лишен чувств, у другого сильные чувства, да ума нет. Безумный тоже вправе любить, и сама любовь часто безумна, но ведь влюбленных за это не наказывают. Встарь еще было сказано: прервавшего путь змеи никто не осудит, прервавшему путь любви счастья не будет...» [Гарипова 2009: 99]. Слова бабушки через годы эхом откликаются в судьбе уже стареющей Фаузии, которая, называя Шангарея «Божьим человеком», просит детей, внуков и внучек не оскорблять его чувство собственного достоинства.

Образ Шангарея особенно наполняется яркими красками, когда юродивый становится свидетелем многих событий, в том числе темного прошлого некоторых героев романа. Он видит то, чего не видят обычные люди, знает то, чего не знают другие, потому что все считают его дурачком и ничего не скрывают от него. Про то, что от греховной связи кровосмешения Гульбану родила своих близнецов, и про зарезанную злобным Ихсанбаем корову Мадины – обо всем он знал, видел, но молчал, иногда бессвязно бормоча, а вокруг его никто не понимал или по-своему воспринимал сказанное им. Это не говорит о том, что Шангарей не отличал добро от зла, умалчивая или не договаривая смысл своих бессвязных мычаний. Он всегда был признателен и благодарен тем, кто был добр к нему, общался с ним по-человечески. Поэтому он и свое человеческое лицо не терял, когда другие, как Ихсанбай превращались в зверей, ценил добро и сам тянулся к добру. Автор здесь проводит идею о том, что люди чаще всего бывают глухими к своему сердцу, окружающим и такому Божьему человеку, как Шангарей. Они ведь считают себя умными в отличие от него, «дурачка». Хотя в основе своей, он – Шарик-Шангарей – и является самым что ни на есть глубоко разумным, восприимчивым ко всему окружающему человеком со своими принципами чести и морали.

Однако никто не считает нужным прислушаться к словам юродивого. Подобный случай происходит и в романе Г. Якуповой: здесь повествуется о трагическом случае, произошедшем в действительности в Гафурийском районе. Юродивый Асян произносит пророческие слова, которых, как обычно, никто в серьез не воспринял: «⟨...⟩ на телегах тетенок повезут, – и показал пять пальцев, а потом два» [Якупова 2021: 132]. И через некоторое время на свекловичном поле от удара молнии погибает семь женщин: «⟨...⟩ разразился сильнейший гром, эхом промчался в сторону реки Курэнле. Одинокая береза вмиг упала, сломанная пополам, превратившись в черную головню. Сидящих под ней семерых женщин сразило молнией» [Якупова 2021: 162]. Произошедшее случилось точно так, как было предсказано: телеги, белые покрывала...

Следовательно, у блаженных, лишенных разума личностей обостряется шестое чувство, что позволяет им видеть то, чего не видят обычные люди и предвидеть будущее. Такая характеристика в целом объединяет литературных героев – Дивану у М. Карима, Асяна у Г. Якуповой и Шангарея у Т. Гариповой. Данная особенность необычных людей, с которых авторы писали свои образы, позволяет писателям возложить на них особые художественные функции. Шангарей, как и его литературные собратья, призван в романе помочь раскрыть характер многих героев, открыть истину и указать на грядущие события. Если после своего предсказания Асян скончался от разрыва сердца, то и Шангарея ждал трагический конец. Двое близнецов Валяутдин с Галяутдином, думая, что Шангарей мертв, хоронят его – убогого, доброго и чистого сердцем юродивого. Весь трагизм происходящего раскрывается тогда, когда выясняется, что на тот момент несчастный был еще жив...: «⟨...⟩ мнение бывшего председателя колхоза склонило всех к решению вскрыть могилу. ⟨...⟩ Увидев Шангарея, которого сам предал земле, Валяутдин заорал и лишился дара речи. Бедняга Шангарей, видимо, бился, насколько позволяла тесная ниша, перевернулся набок. На пальцах рук застыла кровь, ногти частью были обломаны, частью совсем оторваны, когда, надо полагать, царапал в смертельном ужасе землю и доски. В глазах застыли безмерное удивление и боль. Теперь он был в самом деле мертв. Руки уже остыли, сердце не билось, дыхание не чувствовалось» [Гарипова 2009: 505]. Так, «Божий человек» с чистой душой и помыслами, ребенок в душе, нашел свой страшный конец.

Заключение

Образ юродивого в романе «Буренушка» Т. Гариповой нашел своеобразное художественное изображение. Если в русской литературе феномен юродивости берет начало не позднее XVII в., то в башкирской он вводится только с последней четверти XX в., начиная с трагедии М. Карима. Этот образ в башкирской литературе получил глубокое философское переосмысление в творчестве автора-женщины. Такие персонажи, как Шангарей – «Божий человек» Т. Гариповой, выполняет функцию художественного образа, позволяющего раскрыть характер и внутренний мир других героев, получить ответы на вопросы, на которые либо не могут ответить другие, либо не хотят этого делать. Являясь немым свидетелем страшных событий, неприглядных явлений в обществе, Шангарей пытается до-

нести это до считающих себя разумными односельчан, однако, не добившись своего (а ведь в результате ломаются судьбы, гибнут люди), очень страдает, испытывает сильную душевную боль. В романе Шангарей – неприглядный внешне, в грязной и потрепанной одежде, но человек с чистой душой, лишенный рассудка юродивый и одновременно ясновидящий мудрец. Такие противоречивые, дуалистические черты необычного героя во многом позволяют раскрыть идейно-тематическое и художественное своеобразие романа. В этом и кроется мастерство и талант писателя Тансулпан Гариповой.

Литература

- Абдуллина 2015 – *Абдуллина А.Ш.* Поэтика психологизма в романе Т. Гариповой «Буренушка» // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – С. 12-40. {*A.Sh. Abdullina.* The poetics of psychologism in T. Garipova's novel "Burenushka" // Modern Problems of Science and Education. – 2015. – No. 1–1. – P. 12-40.}
- Абдуллина 2019 – *Абдуллина А.Ш., Лысова О.В.* Символы снов в романе Т. Гариповой «Бөйрәкәй» («Буренушка») // Проблемы востоковедения. – 2019. – № 2 (84). – С. 39–45. {*A.Sh. Abdullina, O.V. Lysova.* The symbols of dreams in the novel by T. Garipova "Burenushka" // Problems of Oriental Studies. – 2019. – No. 2 (84). – PP. 39–45.}
- Гареева 2010 – *Гареева Г.Н.* Особенности развития башкирской прозы второй половины XX в.: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Уфа, 2010. – С. 54. {*G.N. Gareyeva.* Features of the development of Bashkir prose in the second half of the 20th century: Dr. Habil. diss. abstract. – Ufa, 2010. – P. 54.}
- Гарипова 2006 – *Гарипова Т.Х.* Буренушка: роман-эпопея. – Уфа: Китап, 2006. – 768 с. {*T.Kh. Garipova.* Burenushka: an epic novel. – Ufa: Kitap, 2006. – 768 p.} (In Bashkir.)
- Гарипова 2009 – *Гарипова Т.Х.* Буренушка: роман-эпопея. – Уфа: Китап, 2009. – 696 с. {*T.Kh. Garipova.* Burenushka: an epic novel. – Ufa: Kitap, 2009. – 696 p.}
- Кильмухаметов 2015 – *Кильмухаметов Т.А.* Творческий вклад Мустая Карима в развитие национальной культуры Башкортостана // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 4. – С. 1279–1282. {*T.A. Kilmukhametov.* Mustay Karim's creative contribution to the development of the national culture of Bashkortostan // Bulletin of Bashkir University. – 2015. – Vol. 20. – No. 4. – PP. 1279–1282.}
- Якупова 2021 – *Якупова Г.М.* Женщины: трилогия. – Уфа: Китап, 2021. – 640 с. {*G.M. Yakupova.* Women: a trilogy. – Ufa: Kitap, 2021. – 640 p.}
- Янчевская 2004 – *Янчевская К.А.* Юродство в русской литературе второй половины XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 21 с. {*K.A. Yanchevskaya.* Foolishness for Christ in Russian literature of the second half of the 19th century: Ph.D. thesis. – Barnaul, 2004. – 21 p.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 112–123. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 821.512.145

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-112-123

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИЙ В РАССКАЗЕ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ «ОГЪУРЛЫ ДЖОЛЛАР» («СЧАСТЛИВОГО ПУТИ»)

*Айше Аблямитовна Джемилева*¹

¹ Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии
e-mail: Ayshe66-2008@mail.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Джемилева А.А., 2024

Аннотация: В статье рассматривается изображение этнокультурных обычаев и традиций в рассказах Бекира Чобан-заде. Будучи выходцем из села, писатель хорошо знал традиции предков и народные обычаи. Новизна исследования характеризуется отсутствием в крымскотатарском литературоведении монографического исследования проблем этнопоэтических особенностей в прозе Б. Чобан-заде. В творчестве писателя ярко проявляются национальные черты, отражается мировоззрение народа, особенности национального характера. В работе применяются описательный, биографический, психологический, герменевтический, сравнительно-исторический методы исследования. Цель работы – выявление этнокультурного своеобразия прозы Бекира Чобан-заде, определение специфики национального мировидения в художественной структуре произведений писателя. Сделан вывод о том, что фольклорно-этнографический материал в произведениях Б. Чобан-заде становится средством передачи глубоко национальных пластов крымскотатарской культуры, а также приемом постижения психоэмоциональной природы и психологии героев. Вопрос рассмотрения национальной специфики рассказов Б. Чобан-заде является актуальным не только по причине недостаточной изученности, но и в силу востребованности самого материала.

Ключевые слова: Бекир Чобан-заде, этнопоэтика, повесть, рассказ, национальный характер, этноментальная деталь.

Для цитирования: *Джемилева А.А.* Изображение этнокультурных обычаев и традиций в рассказе Бекира Чобан-заде «Огъурлы джоллар» («Счастливого пути») // *Российская туркология*. 2024. № 1–2 (42–43). С. 112–123. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-112-123.

Depiction of ethnocultural customs and traditions in Bekir Choban-zade's novel "Oğurlı collar" ("Have a good journey!")

*Ayshe Ablyamitovna Dzhemileva*¹

¹ Institute of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education V.I. Vernadsky Crimea Federal University, Simferopol

Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Crimean Tatar Philology
e-mail: Ayshe66-2008@mail.ru

© IL RAS, 2024

© Dzhemileva A.A., 2024

Abstract: The article examines the depiction of ethnocultural customs and traditions in the stories of Bekir Choban-zade. Coming from the countryside, the writer knew the traditions of his ancestors and folk customs well. The novelty of the study is characterized by the absence of a monographic study of the problems of ethno poetic features in the prose of B. Choban-zade in the Crimean Tatar literary criticism. National features are clearly manifested in B. Choban-zade's works. The writer's prose reflects the worldview of the people and the peculiarities of national character. Such research methods as descriptive, biographical, psychological, hermeneutical, comparative-historical were used in the study. The purpose of the work is to identify the ethno poetic originality of Bekir Choban-zade's prose, to determine the specifics of the national worldview in artistic structure of the writer's works. Folklore and ethnographic material in the works of B. Choban-zade becomes a means of transmitting deeply national layers of Crimean Tatar culture, as well as a method for understanding the psycho-emotional nature and psychology of the heroes. The issue of studying the national specifics of B. Choban-zade's stories is relevant not only due to insufficient knowledge, but also due to the relevance of the material itself.

Key words: Bekir Choban-zade(/zadeh) / Bekir Çoban-zade, ethno poetics, short novel, story, national character, ethnomental detail.

For citation: *Dzhemileva A.A.* Depiction of ethnocultural customs and traditions in Bekir Choban-zade's novel "Oğurlı Collar" ("Have a Good Journey!") // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 112–123. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-112-123.

Введение

В современном литературоведении вопрос этнических образов считается одним из наиболее востребованных и актуальных. Он изучается в разных аспектах: в рамках проблем этнопоэтики как главный компонент этноментальной основы произведения исследуются проблемы взаимосвязи устного народного творчества и литературы; в понимании этнохудожественных традиций рассматриваются вопросы, связанные с жизнеспособностью национальных образов в фольклоре и в литературе. «Среди различных дисциплин, которые начинаются словом этно-, явно не хватает еще одной – этнопоэтики, которая должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур, их место в мировом художественном процессе. Она должна дать ответ, что делает данную литературу национальной», – пишет В. Захаров [Захаров 1994: 9]. Как отмечает исследователь, «в современном узусе термин этнопоэтика употребляется в широком спектре значений, не отмеченном лексикографами, но передающем семантику слов, образующих термин. Этнопоэтика характеризует междисциплинарные исследования, интегрирующие этнологию, этнографию, антропологию, фольклористику, лингвистику, литературоведение» [Захаров 1994: 9].

Исследователи отмечают, что для современной лингвистики особенно актуальными признаются такие вопросы, как «этнический менталитет, этническая самобытность как объективный, исторически складывающийся культурно-мировоззренческий феномен» и «вербальное выражение менталитета в этнокультуре» [Зырянов 2019: 7]. Решение названных вопросов требует описания этнического

менталитета «в рамках парадигм разных наук», в том числе и литературоведения. Как закономерная и полноправная часть исторической поэтики, этнопоэтика берет на себя задачу проследить этнокультурный компонент в самой художественной структуре, эстетическом строе произведений, в организации поэтического мира художника, его аксиологической системе [Зырянов 2019: 7]. Как выясняется, практически все элементы поэтологической системы могут брать на себя специфическую этнокультурную нагрузку. Таким образом, этнопоэтика выступает одновременно и как предмет исследования (этнокультурный компонент поэтики, национальный образ мира), и как сама методология исследования, соответствующий язык научного описания, увязывающий воедино анализ, с одной стороны, фольклорных и национально-архетипических начал, а с другой – духовно-религиозных основ, православного кода русской классической словесности [Захаров 2020: 11].

Изучение этнопоэтических особенностей любого народа, культуры невозможно без обращения к богатым этническим традициям. По мнению А. Кочкунова, «под этническими традициями понимается фонд народной культуры, зафиксированный в разнообразных исторических, литературных, фольклорных и др. источниках, относящихся к XIX – началу XX вв., т. е. к периоду советских трансформаций, а также знания и сведения о нравах и быте той эпохи, сохранившихся в памяти народа» [Кочкунов 2013: 5]. Важность данной тематики состоит в том, продолжает свою мысль ученый, что «этнические традиции имеют исключительную жизнеспособность. Возникнув на определенном этапе исторического развития, пройдя сложный, тернистый путь, они могут трансформироваться, адаптироваться к новым условиям и сохранять свою актуальность» [Кочкунов 2013: 6]. Думается, в систему этнопоэтических констант можно включить и этнографические элементы, обряды, обычаи и традиции народа.

Цель статьи – выявление своеобразия прозы Бекира Чобан-заде в аспекте этнокультурных традиций и обычаев, определение специфики национального мировидения в художественной структуре произведений писателя. *Актуальность* работы состоит в попытке изучения этнокультурного своеобразия произведений Б. Чобан-заде. Прозаическое наследие Б. Чобан-заде не было объектом пристального изучения литературоведов. *Новизна исследования* характеризуется отсутствием в крымскотатарском литературоведении монографических исследований этнокультурных особенностей в прозе Б. Чобан-заде.

Обращает на себя внимание и значительный рост количества исследований по выбранной тематике. Отметим работы Е.А. Вяткиной, С.И. Гармаевой, П.В. Сивцевой-Максимовой, Л.В. Челтыгмашевой, Н.Л. Кольчиковой, В.П. Прищепы, Р.Э. Семеновой, Ю.И. Чаптыковой, З.И. Курбановой, О.И. Пашкевич, А.К. Михайлова и др.

Результаты и обсуждение

1. Просветительская и литературная деятельность Б. Чобан-заде в оценке современников

Бекир Чобан-заде (1893–1937) – классик крымскотатарской литературы, выдающийся поэт, писатель, ученый, просветитель, общественный деятель. Чобан-заде хорошо знал фольклор, традиции и обряды предков, народные обычаи. В крым-

скотатарском литературоведении пока нет специального исследования, посвященного изучению этнопоэтического своеобразия прозы Б. Чобан-заде. Как указывают библиографические источники, всемирно известный ученый-тюрколог родился 15 (27) мая 1893 г. в г. Карасубазаре в бедной семье пастуха-батрака. После окончания новометодной школы получил образование в Стамбуле и Одессе. В 1918 г. окончил историко-филологический факультет Будапештского университета, где в 1919 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Кажущиеся сингармонические несоответствия в “Кодексе Куманикусе”». После периода работы профессором Таврического университета, с 1925 г. до самой гибели в 1937 г., Б. Чобан-заде жил и занимался научной деятельностью в г. Баку. Высокую оценку творчеству Б. Чобан-заде дает известный ориенталист А. Крымский. Одной из фундаментальных работ ученого, в которой «крымскотатарский элемент» является предопределяющим, считаются «Студії з Криму I–IX» (Киев, 1930). В помещенном в сборнике историко-литературном очерке «Литература крымских татар» дан общий обзор литературного процесса в Крыму [Крымский 2003: 141]. Подробно исследуя историю развития крымскотатарской литературы, автор наряду с известными крымскотатарскими деятелями И. Гаспринским, А. Боданинским, И. Лемановым, О. Акчокраклы, М. Рефатовым, У. Тохтаргазы, А. Чергеевым, С.А. Озенбашлы, А. Лятиф-заде называет и Б. Чобан-заде. А. Крымский пишет, что Бекир Чобан-заде «пошел широкой научной дорогой», отмечая его исследования по тюркской диалектологии, а также по истории тюркских литератур [Крымский 2003: 178].

Расцветом литературного творчества Б. Чобан-заде считается время учебы в г. Будапеште. Рукопись «Къавал сеслери» («Звуки свирели») впервые была издана в Турции. Жизнь и творчество Чобан-заде стали предметом изучения литературоведа С. Нагаева в книге «Медений инкьяляб аскери» («Воин культурной революции», 1991) и в монографии «Иште санъа, чобан огълу!» («Вот тебе и сын пастуха!», 2007). Необычайно важным для современных исследователей является сборник поэзии и прозы Б. Чобан-заде «Меним языларым» («Мои письмена», 2009). В 2023 г. вышел сборник под названием «Тынч татар чёлунде...» («В тихой татарской степи...»). Издание приурочено к 130-летию со дня рождения Бекира Чобан-заде. Сборник включает в себя 26 стихотворений и два рассказа на крымскотатарском языке с параллельными переводами на русский. В книгу, кроме переводов С. Дружинина, вошли стихотворения Чобан-заде в переводе О. Голубевой и П. Макухи, а также два его рассказа «Он дёрт джашымда» («В мои четырнадцать лет») и «Эки дервиш» («Два дервиша») [Чобан-заде 2023].

Следует отметить многочисленные статьи в газетах «Голос Крыма», «Крымские известия», «Ленин байрагы» («Ленинское знамя»), «Янъы дюнья» («Новый мир»), «Къырым», «Авдет» («Возвращение») и журнале «Йылдыз» («Звезда») Л. Меметовой, С. Кирьяновой, Ю. Османова, Л. Рустемовой, К. Светловой, Э. Ситбекирова, Г. Усеиновой, С. Усмановой, Ш. Юнусова, Н. Сейтягъева и др., посвященные жизни и творчеству, просветительской и педагогической деятельности Б. Чобан-заде. Вклад Чобан-заде в изучение крымскотатарского языка освещен в статьях А. Меметова и А. Эмировой. Поэтическое мастерство поэта нашло свое отражение в монографии И. Отара, предисловиях к сборникам стихов, написанных видными поэтами Э. Шемьи-заде и Ш. Селимом. Один из авторов первой

научной биографии Чобан-заде Д. Урсу пишет: «В истории культуры крымскотатарского народа нет более трагической и противоречивой фигуры, чем Бекир Чобан-заде. Великий ученый с мировым именем, первый профессор – представитель своего народа – и в то же время, классик национальной литературы, автор прекрасных стихотворений, вошедших в золотой фонд поэзии тюркских народов. Очень важно то, что Чобан-заде исследует родной язык по фольклорным и литературным памятникам, совершая полевые экспедиции в различные уголки Крыма» [Урсу 2013: 110].

2. Отражение этнокультурных обычаев и традиций крымских татар в творчестве писателя

В своем творчестве Б. Чобан-заде уделяет большое значение описанию народных праздников, подробно воспроизводит этнокультурные обычаи и традиции крымских татар. В рассказе «Огъурлы джоллар» («Счастливого пути») повествуется о празднике Курбан-байрам: *«Байрам бар эди: Къурбан байрам; майлы, этли, къан къокъулы татар байрамы... Байракъсыз, топсуз, тюркюсиз, сессиз, гизли байрам. Балачыкълар – манълайларында къурбан къанлары, аякъларында беяз, темиз чораплар. Козьлеринде дели бир къуванч джувурып джюре, къол обе эдилер... Менборининъ къарысы эрте, танъ вакъты турып абдест алды, беяз марамасын байлады. Авуздан бильген къадимни, дуаларны окъуп, майлы тавасынъ от устуне салды. Агъыр май къокъусы ичинде къыйгъача, локум пиширмеге башлады...»* ‘Наступил праздник: **Курбан-байрам; жирный, мясной, пахнущий кровью татарский праздник... Без флага, без песен, молчаливый, тайный праздник.** У детей на лбу жертвенная кровь, на ногах чистые белые носочки. В глазах безумная радость, бегают, целуют руки... Жена Менбори встала на рассвете, совершила абдест (омовение перед молитвой)¹, **накинула на голову белую мараму** (покрывало). Прочитала вслух **къадим** (молитва из Корана), **молитвы, которые знала наизусть**, поставила на огонь сковороду с маслом. От нее шел тяжелый запах, стала жарить **кыйгача** (ромбовидные пончики), **локум** (кусочки дрожжевого теста)...» [Чобан-заде 2009: 194].

Автор показывает, как щедро накрывались столы на праздник и какие изменения происходили с людьми в этот день: *«Софра къурдылар; къыйгъача, къурабие, эт суйыман къавалты эттилер. Менбори уйге кирди, эки аягъын сыйпай-сыйпай тёрге къурулды, тахтына кечкен султан киби мусафирлерини, келип салаватлашаджакъ, къолыны обеджек достларыны беклемеге башлады...»* ‘Накрыли **софра** (круглый столик), позавтракали **мясным бульоном, кыйгача, курабие**. Менбори зашел в дом, **сел на тёр** (почетное место для гостей) и, поглаживая ноги как султан на троне, стал ждать гостей, друзей, которые придут его поздравлять, **целовать ему руку**’ [Чобан-заде 2009: 195]. Крымские татары проявляют особое трепетное отношение к гостю, показывая уважение, его всегда сажают на специальное лучшее место в комнате – *тёр*. Об этом говорится и в крымскотатарских чынах (двустушиях): *Мусафир кельсе – хош кельди, тёрге кечсин. Сый къавеси бизде чокъ, токътамай ичсин* ‘Если пришел гость, добро

¹ В примерах здесь и далее в круглых скобках приводится примечание автора.

пожаловать, пусть проходит **на почетное место**. Кофе для угощения у нас много, пусть пьет, сколько захочет'. Народная поговорка гласит: *Къапумыз ачыкъ, тёрюмиз бош* 'Двери наши открыты, **почетное место** свободно'.

Б. Чобан-заде повествует о том, с каким нетерпением ждали праздник дети. В данном отрывке чувствуется знание автором детской психологии: «*Сейтнеби джангы, къара урбасыны, галошыны, аякъкъапларыны, ал къушачыгъыны башынынъ къатына къойгъан, бутюн кече ич де юкъляялмагъан эди... Кече анасы элегенге отуртып аркъасын джувды, башын бакъты, озю макъас алып къызыл, бакъыр сачларыны кести, перчем тарады, тырнакъларын кече кесмек яман деп, куньдюзге ташлады...*» 'Сейтнеби положил возле себя новую темную одежду, галоши, туфли, красный кушачок и всю ночь не сомкнул глаз... Вчера мама искупала его в большом тазу, потеряла спину, посмотрела голову, сама ножницами постригла каштановые волосы, расчесала чуб, **ногти же, ввиду того, что нельзя ночью стричь, оставила на день...**' [Чобан-заде 2009: 194]. Существует древнее поверье, что вечером нельзя стричь ногти. Вероятно, это было связано с тем, что раньше не было света и при свете свечи или керосиновой лампы можно было поранить пальцы. Поэтому стричь ногти полагалось в светлое время суток. Такими характерными деталями характеризуется нетерпеливость ребенка в ожидании праздника: «*Небичик бутюн кече озь-озини кузьгининъ къаршысында корип чыкъты, анасындан къоркъмаса, урбасыны кийип джатаджакъ эди...*» 'Маленький Неби **всю ночь смотрел на себя в зеркало**, если бы не страх перед мамой, **лег бы спать в новой одежде...**' [Чобан-заде 2009: 194].

В следующем эпизоде автором описан интересный воспитательный момент, связанный с менталитетом и религиозностью народа: «*Анасы саба танъда къыйгъача пиширге, къадим окъумагъа башлагъанын корьгенде, батырлашып, бирден сычрап турды, урбаларын сырасыз, келишсиз устюне кечирмеге башлады... Анасы ярамазлыгъыны туйып, аяттан уй къапусыны ачып: "Иннелезине ату", – деп устюне бир джекирюв джекирди, заваллы бала бир секиргенде бутюн кийимлерин устюнден чыкъарып, тешекке къачты...*» 'Рано утром, увидев, что мама стала готовить **къыйгача, читать молитвы из Корана**, осмелел и вскочил с постели, как попало стал натягивать на себя одежду... Мама заметила и, приоткрыв дверь из прихожей, со словами: «**Иннелезине ату**», – так прикрикнула на него, что бедный ребенок в одном прыжке стянул с себя всю одежду и спрятался в постели...' [Чобан-заде 2009: 194]. Спустя некоторое время мама Зайдабай вошла и сама подняла сына. Одеда его как полагается, аккуратно, складочка к складочке. Надела на руку купленные за пятнадцать копеек часы и мальчик стал выглядеть как джигит. Как отмечал В. Ганкевич, «Воспитание детей на основе ислама, являлось у крымских татар делом первостепенной важности, а религия ("дин") до конца XIX – начала XX вв. составляла основу народного образования. Компонентами исламского просвещения являлись знания и наука ("маарифат ве ильм"), мудрость ("адль"), практика и мораль» [Ганкевич 2001: 54]. По утверждению исследователей ислама (Ю. Кардави, И. Климовича, З. Левина, Ю. Петраша, И. Петрушевского), жизнь мусульманина тесно связана с религией, а вера в Аллаха направляет его и является основной заповедью жизни. Они считают, что мы не можем судить о том, что является грехом, не обратившись к Корану. Нормы поведения издревле определялись такими словами, как «Аллах велел», «Аллах накажет», «Аллах благословит» и т.д. [Кардави 2005: 128].

Зайдабай ласково называет сына, гордится, возлагает на него надежды в будущем: «*Айланайым баламдан, арсланым, мырзам... – деди... Энъ сонъ джылады, къана-къана джылады. Бу заваллы козлю, сары бетли къадынларынъ тек аналыкъ тюгюль, къадынлыкъ тюгюль; бутюн татарлыкъ, бутюн татар тарихы джылай... Бутюн бир харап болган, ашындырылган, кемирильген, куньден-куньге джойтылган барлыкъ, джашав джылай...*» ‘Ах, моя радость, мой лев, мой господин... – говорила женщина. От переполнявших ее чувств заплакала, навзрыд заплакала. Плакало не только материнство этих желтолицых, со страдальческими глазами женщин, плакал весь татарский мир, вся татарская история... Плакала вся истерзанная, униженная, обглоданная, теряющая себя день ото дня действительность, жизнь’ [Чобан-заде 2009: 195].

Особым своеобразием отличается повествование Б. Чобан-заде об одежде крымских татар, украшениях, где подчеркнуты национальные элементы: «*О вакъыттаки къызларнынъ сырмалы къафтанлары, ишлемели амайылары, ал дувакълары кимсенинъ джыйынына, джырына, тюшюне къарышмай, эсине тюшмей...*» ‘В то время девушки носили **платья с серебряной или золотой нитью, вышитые амулеты, алые накидки**, сейчас никто не вспоминает об этом на свадьбах, в песнях, не видит во сне...’ [Чобан-заде 2009: 195]. (Дувак – газовая накидка на голове невесты). Автор пишет о том, что забываются народные основы, национальная одежда, традиции предков. Как и многие другие народы Востока, крымские татары сохраняют суеверие, боясь сглаза. С этим связана вера в то, что восхищение незнакомца может обернуться несчастьем для их детей, скота и т.д. Для этой же цели использовались *амайыл* (амулеты) в качестве защиты от злых духов, боязни сглаза. Крымские татары издавна носили на себе обереги. Молитвы писались на бумаге, вкладывались в кожаные сумочки, футляры из металла, мешочки из шелка или бархата. Наши предки верили, что такой оберег охраняет человека, спасает душу от демонов, защищает тело от болезней, и передали эту веру нам.

Автор психологически верно показывает, какие изменения происходят с людьми в день Курбан-байрама: «*Бираз сонъ оксюрп, тюркюрп Менбори джеттишти, башкъа вакъыт бек серт, бек бакъав акъай, бугунъ къозыдай эди: – Селям алейкюм, эв! Сен меним къолумны опсенъми. Екъсам* (вероятно, Ёкъсам – прим. ред.) *мен сенинъми?.. Эпси бир...*» ‘Спустя некоторое время, кашляя и сплевывая, зашел Менбори. В другое время **сердитый и недовольный мужчина, сегодня был как ягненок**: – Селям алейкюм (мир вам), эв (обращение мужа к жене или жены к мужу)! **Ты будешь целовать мне руку**, или я буду целовать?.. Все равно...’ [Чобан-заде 2009: 195].

У крымских татар есть обычай в праздничные дни целовать руку (затем руку прикладывают к своему лбу) родителям, бабушкам и дедушкам, старшим, почтительно поздравлять их согласно древнему обычаю: «*Байрам шерифлериниз мубарек олсун!*», «*Байрамларынъыз хайырлы олсун!*» («Поздравляем с Праздником!»). И так же приятно в ответ от них услышать благодарное: «*Сизге де хайырлы олсун!*» («И вас поздравляем!»). А от стариков: «*Чокъ байрамларгъа ет!*» («Дожить тебе до многих праздников!») [Хайрулдинов, Усеинов 2011: 95]. Следует отметить, что народный обычай целовать руки старшим сохранился и поныне. Руку целуют не только по праздникам, но и придя в гости, здороваясь, встречаясь или прощаясь с пожилыми людьми на улице.

Во время праздничного стола соблюдается обычай старшинства. Первым начинает есть хозяин дома: *«Бираз сонъ Сейтнеби софраны кетирди, агъач къашыкъларны тизди, пешкирлерни сунды, леген, къуман азырлады. Эки акъай секеен тюшип, къонанынъ къатына кельдилер. Зайдабай да уйге кирди, Анифечикнинъ къолундан тутып софрагъа отурды... Менбори: – Мына, бисмилля. Буюрынъыз, ашанъыз, балалар, деп ишке кирди. Сессиз ашадылар. Арада къурбаннынъ курегини къарадылар. Къыш дженгиль. Яз боллукъ корюнди...»* 'Вскоре Сейтнеби **принес софра** (круглый столик), **разложил деревянные ложки, приготовил полотенца, принес леген** (тазик), **куман** (кувшин для омовения). Двое мужчин спустились к столу. Зайдабай зашла в комнату, взяла за руку маленькую Анифе и села за стол... Менбори со словами: – Бисмилляh (Во имя Аллаха). Угощайтесь, кушайте, дети, – принялся за еду. Ели молча. **Посмотрели на лопаточную кость** жертвенного животного. **Зима будет легкой. Лето – плодородным...**' [Чобан-заде 2009: 196].

О важности, величии и значении Курбан-байрама говорит следующая народная мудрость. Когда Сейтнеби отказывается поцеловать Анифе в честь праздника, отец говорит: *«Къарасы, къарасы, онъмасларгъа, байрамда къанлы душман бири-биримен барышыр деген... Булар тартышып туралар... Опъ дийим сагъа, Неби!»* 'Ты посмотри, посмотри на них, непутевых, говорят, **в день праздника кровные враги мирятся друг с другом...** А они спорят... Целуй говорят тебе, Неби!' [Чобан-заде 2009: 197].

Чобан-заде прослеживает жизнь Сейтнеби с детства на протяжении нескольких лет. Маленький Сейтнеби вырос. За участие в Джемиет-и хайрие (Благотворительное общество) о нем написали в газете И. Гаспринского «Герджиман» («Переводчик»), назвав его «Сейтнеби Менбориев дженаблары (господин)». Несмотря на это, герой не нашел свое место в жизни, стал вести разгульную жизнь, выпивал с друзьями, гулял, словом, изменился до неузнаваемости. Автор так характеризует его: *«кёр-кутюк болып озини мезаргъа озгъара эди...»* 'стал неисправимым пьяницей, провожал себя в могилу...' [Чобан-заде 2009: 198]. Чобан-заде противопоставляет красоту Крыма и поведение героя, который пил круглый год: *«Гузель, назлы Къырымнынъ атлазлы, къадифели, ешилъ гульгюли бааринде, сары алтынбаш кузюнде; акъ сачлы, кумюшли къышында ичти, ичти...»* 'Он пил, когда в красивом, капризном Крыму была бархатная зелено-розовая весна, пил золотисто-желтой осенью, беловолосой, серебряной зимой' [Чобан-заде 2009: 198]. Даже отец, который всегда считался авторитетом у крымских татар – к нему прислушивались, не перечили, не спорили – был не в силах справиться с сыном: *«Бир кунъ, узун, гурь сачларына къадар балчыкъкъа баткъан, бир къач чингене уйге сюйреп алып кельдилер, бабасы: “Ит аслы ит, сойсуз, асравсыз!” – деп окюрди, тепмеледи, шамарлады, сонъ опъкесинен джылап джойтулып кетти...»* 'Однажды несколько цыган с длинными, густыми, измазанными в грязи волосами, приволокли его домой. Отец выругался: **«Собачий сын, безродный, невоспитанный!»** – стал пинать его, хлестать по щекам, затем от досады заплакал, исчез...' [Чобан-заде 2009: 198].

Родители всячески боролись с сыном, пытались наставить его на правильный путь. Но как гласит крымскотатарская народная поговорка: *Дюньяда энъ къыйын шей – анъламагъангъа анълатмакътыр* 'Самое трудное на свете – объяснить то-

му, кто не хочет этого понять», – Сейтнеби невозможно было что-то разъяснить: «*Сейтнеби энди бир къач куньден бери турып джюре эди... Имамны чагъырттып, тевбе эттирдилер, Къыркъ Азизге, Тез Беренге чыракълар, шалилер джибердилер...*» ‘Сейтнеби уже несколько дней мог вставать и ходить. Позвали имама и заставили покаяться, отправили свечи, подношения святым местам **Кырк Азиз** (Сорок святых), **Тез Берен** (Быстро дающий)’ [Чобан-заде 2009: 200].

Мама Зайдабай, решив, что сын исправился, от радости не находила себе места. Здесь Чобан-заде вводит интересную ментальную деталь, которая связана с концептом «*баш язысы*» (письмена на голове – судьба человека): «*Улуны, балалыгъындай тизине джаткъызды, манънайыны сыйпады, башыны бакъты... Бу сыйпавман улунынъ манънайына язылгъанынъ сильмек тилий эди...*» ‘Уложила сына как в детстве к себе на колени, ласково погладила лоб, голову... Этими прикосновениями она хотела изменить его судьбу, стереть то, что было написано ему на роду...’ [Чобан-заде 2009: 200].

Символично, что все свои беды герои связывают с тем, что покинули родные края, родные места: «*Къайдан мараздан кельдик озь койимизден, озь джуртымыздан; нелер язылгъан башымызгъа!..*» ‘И зачем только мы уехали из своего села, из своего края; какая у нас трудная судьба!..’ [Чобан-заде 2009: 199]. Думается, в речь отца Сейтнеби автор ненавязчиво вкладывает свои рассуждения о том, что происходит с теми, кто покидает свою родину, забывает родные места: «*Менбори: Койде джуртларымызнынъ диварлары устюмизге омрады... Олюлеримизнинъ къаргъышы тутты, – дер эди...*» ‘На нас обрушились стены нашего дома в селе. Нас прокляли наши мертвые, – говорил Менбори’ [Чобан-заде 2009: 202].

В подтверждение этой мысли обратимся к выразительному эпизоду: «*Эр гедже уйлерининъ алындагъы юксек, къарт къавакътa байкъуш къушы: “Ох болсун! Анай джуртын виран эткенлерге, оджакъларын озь къолуман сендирип, джамилерни, арманларыны ташлап, чыкълар кеткенлерге еридир, ох болсун, ох болсун!” – дер эди. Къырымда миявлагъан бу байкъушнынъ тавушы, ким билир, Къашгъарнынъ, Къафкъазнынъ, Румелининъ нерелеринде эшитиле эди...*» ‘Каждую ночь на высоком старом тополе перед домом был слышен голос совы: «Так и будет! Те, кто разрушил отчий дом, своей рукой погасил очаг, ушел и оставил джами (мечети), поля, получили по заслугам, так и будет, так и будет!» Кто знает, голос этой совы из Крыма, может быть, слышат в Кашгаре, на Кавказе, в Греции и в других местах...’ [Чобан-заде 2009: 202].

Таким образом, фольклорно-этнографический материал в произведениях Б. Чобан-заде становится средством передачи глубоко национальных пластов крымскотатарской культуры, а также приемом постижения психоэмоциональной природы и психологии героев. Вопрос рассмотрения национальной специфики рассказов Б. Чобан-заде является актуальным не только по причине недостаточной изученности, но и в силу востребованности самого материала.

Заключение

Реализация национальных (крымскотатарских) образов мира в творчестве Чобан-заде происходит через осмысление и воспроизведение элементов традиционной народной культуры. Метафорическое сопоставление становится одним

из выразительных характерологических средств в поэтике Б. Чобан-заде. Все вышесказанное дает возможность сделать важный вывод о том, что произведения писателя изобилуют фольклорно-этнографической информацией о крымскотатарском народе. Рисуя национальную жизнь, автор показывает неподдельный интерес к этнографическим описаниям. Особое внимание писатель придает таким элементам, как одежда и украшения. Достоверное воссоздание крымскотатарских этнографических реалий в деталях, особенности лингвокультурной лексики, придают произведению особый колорит.

Таким образом, в своем творчестве Б. Чобан-заде уделяет большое значение описанию народных праздников, подробно воспроизводит этнокультурные обычаи и традиции крымских татар. Фольклорно-этнографический материал в произведениях писателя становится средством передачи глубоко национальных пластов крымскотатарской культуры, а также приемом постижения психоэмоциональной природы и психологии героев.

Литература

- Ганкевич 2001 – Ганкевич В.Ю. Крымскотатарские медресе (Курс лекций). – Симферополь: Доля, 2001. – 76 с. {*V.Yu. Gankevich. Crimean Tatar madrasahs (Course of lectures). – Simferopol: Dolya. – 76 p.*}
- Гармаева, Сивцева-Максимова 2012 – *Гармаева С.И., Сивцева-Максимова П.В.* Этнопоэтическое единство национальной литературы Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. Языкознание и литературоведение, 2012. – С. 150–154. {*S.I. Garmayeva, P.V. Sivtseva-Maksimova. Ethnopoetic unity of the national literature of Siberia // The Buryat State University Bulletin. Linguistics and Literary Studies, 2012. – PP. 150–154.*}
- Далгат 1975 – *Далгат У.Б.* О фольклорном этнографическом контексте литературного произведения // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. – М.: Наука, 1975. – С. 233–246. {*U.B. Dalgat. On the folk and ethnographic context of a literary work // The Role of Folklore in the Development of Literatures of the Peoples of the USSR. – Moscow: Nauka, 1975. – PP. 233–246.*}
- Далгат 1981 – *Далгат У.Б.* Литература и фольклор: теорет. аспекты. – М.: Наука, 1981. – 303 с. {*U.B. Dalgat. Literature and folklore: theoretical aspects. – Moscow: Nauka, 1981. – 303 p.*}
- Далгат 2004 – *Далгат У.Б.* Этнопоэтика в русской прозе 20–90-х гг. XX века (экскурсы). – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 210 с. {*U.B. Dalgat. Ethnopoetics in Russian prose of the 20's–90's of the 20th century (excursus). – Moscow: Institute of World Literature of the RAS, 2004. – 210 p.*}
- Джемилева 2022 – *Джемилева А.А.* Поэтика повествования в крымскотатарском рассказе 70–80-х годов XX века. Монография. – Саратов: Амирит, 2022. – 168 с. {*A.A. Dzhemileva. Poetics of narration in the Crimean Tatar story of the 70's–80's of the 20th century. A Monograph. – Saratov: Amirit, 2022. – 168 p.*}
- Захаров 1994 – *Захаров В.Н.* Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. – 1994. – Вып. 3. – С. 5–11. {*V.N. Zakharov. Russian literature and Christianity // Problems of Historical Poetics. – 1994. – Issue 3. – PP. 5–11.*}
- Захаров 2020 – *Захаров В.Н.* Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. – № 3. – С. 7–19. {*V.N. Zakharov. The idea of ethnopoetics in modern research // Problems of Historical Poetics. – 2020. – Vol. 18. – No. 3. – PP. 7–19.*}
- Зырянов 2019 – *Зырянов О.В.* Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 8–15. {*O.V. Zyryanov. Problematic and methodological field of modern ethnopoetics // Philological Class. – 2019. – No. 1 (55). – PP. 8–15.*}
- Камаев, Камаева 2005 – *Камаев А.Ф., Камаева Т.Ю.* Народное музыкальное творчество. – М.: Академия, 2005. – 304 с. {*A.F. Kamayev, T.Yu. Kamayeva. Folk music. – Moscow: Academia, 2005. – 304 p.*}
- Кардави 2005 – *Кардави Ю.* Дозволенное и запретное в исламе / Пер. М. Саляхетдинова. – 2-е изд., доп. – М.: Умма, 2005. – 352 с. {*Yusuf al-Qaradawi. Permissible and forbidden in Islam / Transl. by M. Salyakhetdinov. – 2nd ed., extended. – Moscow: Umma, 2005. – 352 p.*}

- Кольчикова 2015 – *Кольчикова Н.Л.* Выявление этнопоэтических констант в хакасском героическом сказании // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2015. – С.50–51. {*N.L. Kolchikova.* Identification of ethno poetic constants in Khakass heroic legends // Bulletin of N.F. Katanov Khakass State University, 2015. – PP. 50–51.}
- Кольчикова, Прищепа 2020 – *Кольчикова Н.Л., Прищепа В.П.* Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале тувинской и хакасской поэзии) // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 3. – С. 210–227. {*N.L. Kolchikova, V.P. Prishchepa.* Ethno poetic approach to the study of modern literature of Sayan-Altai region (based on Tuvan and Khakass poetry) // New Studies of Tuva. – 2020. – No. 3. – PP. 210–227.}
- Кочкунов 2013 – *Кочкунов А.С.* Этнические традиции кыргызского народа (социокультурные аспекты и некоторые вопросы генезиса). – Бишкек: НПО «Кыргыз Жер», 2013. – 320 с. {*A.S. Kochkunov.* Ethnic traditions of the Kyrgyz people (sociocultural aspects and some issues of genesis). – Bishkek: “Kyrgyz Jer” Scientific Production Organization, 2013. – 320 p.}
- Крымский 2003 – *Крымский А.Е.* Литература крымских татар. – Симферополь, 2003. – 200 с. {*A.Ye. Krymskiy.* Literature of Crimean Tatars. – Simferopol, 2003. – 200 p.}
- Львова, Октябрьская 1988 – *Львова Э.Л., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука. Сибирское отд-е, 1988. – 225 с. {*E.L. Lvova, I.V. Oktyabrskaya.* Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Real world. – Novosibirsk: Nauka. Siberian department, 1988. – 225 p.}
- Мир Бекира Чобан-заде 2012 – Мир Бекира Чобан-заде: Сборник материалов I Крымской международной тюркологической конференции. Белогорск (Карасубазар), 23–25 мая 2012 г. / Сост.: А.Р. Эмиров. – Симферополь: НАТА, 2013. – 256 с. {The World of Bekir Choban-zade: Proceedings of the 1st Crimean International Turkological Conference. Belogorsk (Karasubazar), May 23–25, 2012 / Comp. by A.R. Emirov. – Simferopol: NATA, 2013. – 256 p.}
- Семенова 2014 – *Семенова Р.Э.* Этнопоэтика повести А.А. Малышева «Горный обвал» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 2 (140). – С. 181–185. {*R.E. Semenova.* Ethnopoetics of the story by A.A. Malyshev “Mountain landslide” // Bulletin of the Adygei State University. – Series 2: Philology and Art History. – 2014. – No. 2 (140). – PP. 181–185.}
- Сеферова 2022 – *Сеферова Ф.А.* Роль мифологического компонента в фольклоре и литературе крымских татар // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2022. – № 13. – С. 122–129. {*F.A. Seferova.* The role of the mythological component in the folklore and literature of Crimean Tatars // Questions of Crimean Tatar Philology, History and Culture. – 2022. – No. 13. – PP. 122–129.}
- Султанов 2007 – *Султанов К.К.* От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. – М.: Наука, 2007. – 301 с. {*K.K. Sultanov.* From Home to World: ethnonational identity in literature and the intercultural dialogue. – Moscow: Nauka, 2007. – 301 p.}
- Султанов 2019 – *Султанов К.К.* Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с. {*K.K. Sultanov.* Angle of refraction. Literature and identity: communicative aspect. – Moscow: Institute of World Literature of the RAS, 2019. – 352 p.}
- Урсу 2013 – *Урсу Д.П.* Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха. – 2-е изд. – Симферополь: Издательство «Крымчупедгиз», 2013. – 276 с. {*D.P. Ursu.* Bekir Choban-zade. Life. Fate. Epoch. – 2nd ed. – Simferopol: “Krymchupedgiz” Publishing House, 2013. – 276 p.}
- Хайруддинов, Усеинов 2011 – *Хайруддинов М.А., Усеинов С.Л.* Этикет крымских татар. Эдепнаме. – Симферополь: СОНАТ, 2011. – 288 с. {*M.A. Khayruddinov, S.L. Useinov.* Etiquette of Crimean Tatars. Edepname. – Simferopol: SONAT, 2011. – 288 p.}
- Чаптыкова 2013 – *Чаптыкова Ю.И.* Этнопоэтическое своеобразие прозы И. Костякова. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013 – 148 с. {*Yu.I. Chaptykova.* Ethnopoetic originality of I. Kostyakov’s prose. – Abakan: Khakass Book Publishing House, 2013 – 148 p.}
- Челтыгмашева 2018 – *Челтыгмашева Л.В.* Этнопоэтика в произведениях хакасской детской прозы конца XX – начала XXI вв. // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). – С. 631–634. {*L.V. Cheltygmashева.* Ethnopoetics in the Khakass children’s prose of the late 20th – early 21st centuries // World of Science, Culture and Education. – 2018. – No. 2 (69). – PP. 631–634.}
- Джемилева 2013 – *Джемилева А.А.* Бекир Чобан-заде эсерлеринин поэтика хусусиетлери // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Фи-

- логия. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65). – № 2. – С. 3–7. {*A.A. Dzhemileva. // Scientific notes of V.I. Vernadsky Taurida National University. Series “Philology. Social communications”.* – 2013. – Vol. 26 (65). – No. 2. – PP. 3–7.} (In Crimean Tatar.)
- Ильмий 2004 – *Ильмий А.* Эсерлер топламы [Собрание произведений]. – Акъмесджит: «Таврия» нешрият, кырымтатар эдебияты болуги, 2004. – 176 с. {*A. Ilmiy. Collected works.* – Aqmescit: “Tavriya” Publishing House, Department of Crimean Tatar Literature, 2004. – 176 p.} (In Crimean Tatar.)
- Керим 1995 – *Керим Исмаил Асан-оглу.* Кырымтатар эдебияты (кьулламанма дерслик) [Крымскотатарская литература (пособие)]. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1995. – 352 с. {*Ismail Asan-oğlu Kerim. Crimean Tatar literature. (A manual).* – Simferopol: Crimean Educational and Pedagogical State Publishing House, 1995. – 352 p.} (In Crimean Tatar.)
- Къайда бирлик 1971 – Къайда бирлик, анда тирилик. Кырымтатар аталар сёзлери [Где единство, там и жизнь. Пословицы и поговорки] / Тертип эткен [Сост.] Р. Фазыл. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санаат нешрият, 1971. – 192 б. {Where there is unity, there is life. Proverbs and sayings / Ed. by R. Fazyl. – Tashkent: Ghafur Ghulam Literary and Arts Publishing House, 1971. – 192 p.} (In Crimean Tatar.)
- Нагаев 1991 – *Нагаев С.* Медений инкыляб аскери [Воин культурной революции] // Нагаев С. Йылнамелердеки излер [Следы в летописях]. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына нешрият-матбаа бирлешмеси, 1991. – С. 75–216. {*S. Nagayev. Warrior of Cultural Revolution // S. Nagayev. Traces in chronicles.* – Tashkent: Ghafur Ghulam Publishing and Printing Center, 1991. – PP. 75–216.} (In Crimean Tatar.)
- Нагаев 2007 – *Нагаев С.* Иште санъа, чобан огълу! [«Вот тебе и сын пастуха!»] – Акъмесджит: ОАО Симферопольская городская типография, 2007. – 196 с. {*S. Nagayev. Here’s son of a shepherd for you!* – Aqmescit: OJSC Simferopol City Printing House, 2007. – 196 p.} (In Crimean Tatar.)
- Нузэт 2003 – *Нузэт М.* Кырымнынъ чель аятындан: Сайлама эсерлер джыйынтыгы [Из жизни крымской степи: Сборник избранных произведений]. – Симферополь: ДОЛЯ, 2003. – 240 с. {*M. Nuzet. From the life of the Crimean steppe: collection of selected works.* – Simferopol: DOLYA, 2003. – 240 p.} (In Crimean Tatar.)
- Осман Мустафа 2001 – *Осман Мустафа огълу Осман.* Зынджырлы медресенинъ сонъки мудерриси. (Весикъалы повесть) [Последний мударрис Зынджырлы-медресе. (Документальная повесть)] // Йылдыз. – 2001. – № 2. – С. 39–111. {*Osman Osman Mustafa oğlu. The last mudarris (teacher) of the Zincirli Madrasah. (A documentary novel) // Yildiz.* – 2001. – No. 2. – PP. 39–111.} (In Crimean Tatar.)
- Фазылов 2001 – *Фазылов Р.* Кырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Кысыкъа бир назар [История крымскотатарской литературы. Краткий обзор] / Р. Фазылов, С. Нагаев – Симферополь: Кырым девлет окъув-педагогика нешрият, 2001. – 640 с. {*R. Fazylov. History of Crimean Tatar literature. A brief overview / R. Fazylov, S. Nagayev.* – Simferopol: Crimea State Educational and Pedagogical Publishing House, 2001. – 640 p.} (In Crimean Tatar.)
- Чобан-заде 2003 – *Чобан-заде Б.* Кырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври [Крымскотатарская литература новейшего периода]: доклад. – Симферополь: ДОЛЯ, 2003. – 132 с. {*B. Choban-zade. Crimean Tatar literature of the newest period: A Report.* – Simferopol: DOLYA, 2003. – 132 p.} (In Crimean Tatar.)
- Чобан-заде 2009 – *Чобан-заде Б.* Меним языларым...: шиирлер ве икяелер [Мои письмена...: стихи и рассказы] / Тертип этиджи, муаррир ве текстологик изаатларнынъ муэллифи [Сост., ред. и автор текст. ком.]: Н. Сеитягъев. – Акъмесджит: Тарпан, 2009. – 256 с. {*B. Choban-zade. My notes...: poems and stories / Comp., edition and textual comments by N. Seitiagiiev.* – Aqmescit: Tarpan, 2009. – 256 p.} (In Crimean Tatar.)
- Чобан-заде 2023 – *Чобан-заде Б.* Гынч татар чёлонде...: шиирлер, икяелер [В тихой татарской степи...: стихи, рассказы] / Тертип эткен [Сост.]: А. Эмиров. – Симферополь: КъДЖД ММ «И. Гаспринский адына Медиамеркез», 2023. – 160 с. {*B. Choban-zade. In the still Tatar steppe...: poems, stories / Comp. by A. Emirov.* – Simferopol: QCD MM “İ. Gasprinskiy Adina Mediamerkez”, 2023. – 160 p.} (In Crimean Tatar.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2024. № 1–2 (42–43), pp. 124–136. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 821.512.133

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-124-136

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

ИСТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА УЗБЕКСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

*Нафиса Бахшилло кызы Шаропова*¹

¹ Навоийский государственный педагогический институт, г. Навои, Узбекистан

аспирант кафедры русского языка и литературы

ORCID: 0009-0001-8768-0330

e-mail: sharopovanafisa92@mail.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Шаропова Н.Б., 2024

Аннотация: Перевод как вид человеческой деятельности восходит к глубокой древности. В истории культуры отдельных народов и в мировой литературе перевод всегда играл важную роль. Значение перевода в налаживании взаимопонимания между отдельными людьми, народами, национальными литературами и культурами трудно переоценить. Человеческое общение, коммуникация, в самом широком смысле этого слова, вообще не мыслится вне перевода. В статье рассматривается история перевода узбекской детской прозы на русский язык. Анализируются и поочередно рассматриваются способы и формы подстрочного, повторного, соавторского, авторизованного переводов, которые применялись при переводе узбекских художественных произведений. Делаются выводы о том, что эволюция узбекской детской переводной литературы была тесно связана с типами перевода, применявшимися в определенные периоды, что наглядно демонстрировало качество переводов. Переводы, приемлемые на определенном этапе переводческого процесса, например, построчный или буквальный, с течением времени не отвечали требованиям читательской аудитории, что приводило к необходимости повторного перевода, в котором учитывались недостатки ранних вариантов перевода. Путем проб и ошибок переводчики узбекской детской прозы постепенно приходят к более качественному переводу.

Ключевые слова: художественный перевод, повторный перевод, соавторский перевод, авторизованный перевод, узбекская детская литература, подстрочник.

Для цитирования: Шаропова Н.Б. История художественного перевода узбекской детской прозы на русский язык // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 124–136. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-124-136.

History of literary translation of Uzbek children's prose into Russian in the 20th century

*Nafisa Bakhshillo kizi Sharopova*¹

¹ Navoiy State Pedagogical Institute, Navoi, Uzbekistan
postgraduate student at the Department of Russian Language and Literature
ORCID: 0009-0001-8768-0330
e-mail: sharopovanafisa92@mail.ru

© IL RAS, 2024

© Sharopova N.B., 2024

Abstract: Translation as a type of human activity dates back to ancient times. In the history of culture of different nations and in world literature, translation has always played an important role. The importance of translation in establishing mutual understanding between individuals, nations, national literatures and cultures is difficult to overestimate. Human dialogue, communication, in the broadest sense of the word, is generally unthinkable without translation. The article examines the history of the translation of Uzbek children's prose into Russian. The methods and forms of interlinear, repeated, co-authored, authorized translations that were used in translating Uzbek works of art are analyzed and considered in turn. It is concluded that the evolution of Uzbek children's translated literature was closely related to the types of translation used in certain periods, which clearly could be demonstrated by the quality of translations. Translations acceptable at a certain stage of the translation process, e.g. line-by-line or literal translations, did not meet the requirements over time, and that posed the need for a re-translation, in which the shortcomings of the earlier versions of the translation were taken into account. Through trial and error, translators of Uzbek children's prose gradually come to an adequate translation.

Keywords: literary translation, re-translation, translation in co-authorship, authorized translation, Uzbek children's literature, interlinear translation.

For citation: *Sharopova N.B.* History of literary translation of Uzbek children's prose into Russian in the 20th century // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 124–136. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-124-136.

Введение

Переводная литература имела огромное значение в развитии культуры, науки и литературы узбекского народа. Переводы художественных произведений с арабского, фарси и некоторых других языков составили значительную часть богатейшей древней узбекской литературы. Шедевры восточной литературы, переведенные на узбекский язык, стали бесценными памятниками культуры и узбекского народа прошлых эпох.

Основной задачей перевода является ознакомительная, или информационная, функция, основанная на том, чтобы «как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего языка подлинника, с данным текстом» [Федоров 2002: 15]. Из этого происходит главная цель переводчика художественного текста – при помощи средств родного языка адекватно воссоздать художественную реальность, которая недоступна читателю иноязычного оригинала. У переводимого произведения сохраняется образно-идейная структура подлинника, кроме того, перевод выступает в качестве его семантической и стилистической параллели.

Перевод является не только фактором «потребления» культурных ценностей, но и могучим средством их созидания. Проникновение в творчество переводимого художника, тщательная работа над его текстом позволяют переводчику глубже исследовать творческую лабораторию писателя, раскрыть секреты его мастерства, а стало быть, обогатить и собственную палитру.

Необходимость перевода узбекской литературы на русский язык возникла в силу определенных исторических и социальных причин, сформировалась как своеобразный, творческий процесс с более чем столетней историей. Важно отметить, что изучение этого процесса позволяет оценить качество переводов и обобщить полученный опыт обоих языков и обеих литератур, чем и определяется актуальность изучения вопросов перевода узбекской детской литературы XX в. на русский язык, что в итоге позволит прийти к определенным теоретическим обобщениям.

Начиная с 20-х гг. XX в. назрела необходимость перевода на русский язык произведений узбекской литературы. Местным писателям была необходима возможность более широкого отклика на свои произведения. Максим Горький явился инициатором создания писательских бригад, их поездок в Среднюю Азию. В составе таких бригад было множество талантливых писателей, они знакомились с литературной жизнью нашей республики, завязывали творческие контакты и переводили на русский язык произведения местных писателей. Результатом одной из таких поездок стал сборник «Узбекская советская литература» (под редакцией В.В. Ермилова и Р. Маджиди), вышедший в г. Москве в 1935 г. [Расули 1978: 120].

В процессе становления узбекской детской литературы XX в. и ее выхода на высокий национальный литературный уровень ключевую роль сыграли художественные переводы и межлитературные связи. Опытные переводчики детской прозы, такие как Л. Соцердотова, А. Наумов, Ф. Шайхутдинова, И. Штокман, Э. Амит, Н. Бондаренко, К. Симонов, К. Хакимов, Н. Ивашев, Б. Зубавин, З. Туманова, Р. Азимова, Б. Пармузин, А. Удалов, Н. Гацунаев, Э. Умеров, И. Федоров, С. Волгин, А. Атакузиев, Е. Акбальян, А. Зырин, Н. Умеров, А. Марьянин, Э. Давшан, Л. Самойлова, П. Шуф, Ф. Камалов, О. Тихомиров, В. Нечипоренко, О. Ипатова, В. Новопрудский, Г. Марьяновский, жившие в Узбекистане и других республиках Средней Азии, внесли значительный вклад в переводческое дело, переводя различные виды и жанры узбекских произведений, и смогли вызвать эстетическое наслаждение не только у русских читателей, но и в сердцах читателей других стран посредством русского языка.

Известно, что каждый перевод отражает особенности своего времени, и при его анализе необходимо учитывать литературный процесс соответствующего периода, поскольку перевод, как и литературный процесс, претерпевает эволюционные изменения. Для более глубокого понимания этого процесса важно рассмотреть основные этапы развития перевода в Узбекистане в XX в., которые могут быть классифицированы следующим образом:

1. 1920–30-е гг. Косвенный и подстрочный перевод.
2. 1940–50-е гг. Теория бесконфликтности.
3. 1960–70-е гг. Метод социалистического реализма и реалистический перевод.
4. 1980-е гг. Период перехода к непосредственному переводу. Сохранение единства формы и содержания.
5. 1990–2000-е гг. Создание адекватного перевода.

Данная классификация, основанная на исследованиях переводческой практики в Узбекистане, позволила выявить способы и типы художественного перевода узбекской литературы, действовавшие в период с 30-х до 80-х гг. XX в.:

1. Перевод через подстрочник.
2. Перевод, выполненный на родине оригинала.
3. Повторный перевод.
4. Соавторский перевод.
5. Авторизованный перевод.

1. Перевод через подстрочник

Этот способ был актуальным в узбекской литературе в 20–30-е гг. XX в. Здесь нам необходимо высказать некоторые соображения относительно времени этих переводов. Политическая и идеологическая борьба того времени оказала влияние на перевод, поскольку, что и каким образом переводить, зависело от политической ситуации. Художественные произведения рассматривались как удобное средство для продвижения политических и общественных идей эпохи в сознание людей. Таким образом, воодушевляющее воспевание жизни советского народа стало ведущей темой произведений узбекских авторов, и переводы в таком духе считались актуальными. Но вместе с тем перевод, как и в другие времена, полностью выполнил свою литературно-эстетическую задачу, такую как служение интересам дружбы народов, и являлся основным средством связи народов друг с другом. Большинство произведений писателей и поэтов бывших советских республик были переведены на русский и другие языки и стали частью общесоюзной культуры.

Изучение русского языка, являвшегося посредником в решении этой задачи, было требованием времени. Однако поднять уровень перевода до совершенства было непросто, учитывая нехватку специалистов-языковедов в то время, когда только формировались теоретико-методические закономерности перевода. Простым выходом из данной ситуации стал перевод произведений с узбекского на русский язык преимущественно через подстрочник. Из-за нехватки специалистов, владеющих русским языком, и отсутствия специальных словарей, которые в то время еще не были созданы, произведения переводились в основном подстрочным способом. Этот фактор демонстрирует нам уровень квалификации переводчиков того периода. В большинстве случаев создание подстрочников осуществлялось самим автором-писателем, поскольку интеллигенция, деятели культуры той поры изучали и в достаточной степени хорошо знали русский язык, считавшийся языком-посредником. У И. Алексеевой упоминается, что публикуемые книги должны были пройти двухэтапное преобразование – подстрочный перевод и обработку. Хотя такие подстрочные переводы и не были дословными, они были близки к оригиналу, однако там могли быть обнаружены «опасные» выражения, и в процессе обработки подстрочника они заменялись «полезными» с идеологической точки зрения мыслями. В то же время информация об авторе подстрочника не указывалась, и было неясно, кто являлся виновником допущенных изменений в переводе. Не было возможности сопоставить перевод с исходным текстом [Алексеева 2004: 108].

По словам профессора С. Камиловой, «на протяжении XX в. в Узбекистане была принята так называемая “двухступенчатая” форма перевода, то есть сначала носителями узбекского языка создавался подстрочник, а затем русские авторы делали окончательный художественный перевод узбекского произведения. Следовательно, до иноязычного читателя подлинник доходил как бы через третьи руки («трехсубъектное» восприятие (рецепция): писатель – составитель подстрочника – русский переводчик – читатель), где естественно искажался не только оригинальный текст, но и национальная языковая картина мира, философские и религиозные представления, этические и эстетические нормы узбекского социума» [Камилова 2023: 110]. Действительно, говорить о переводе, сделанном по подстрочнику, как о полноценном, адекватном переводе оригинала невозможно – это скорее две вариации одной книги или произведения по мотивам данного автора.

Первым произведением в приключенческом жанре узбекской детской прозы, переведенным на русский язык, считается «Озорник» («Шум бола») Гафура Гуляма. В 10-м номере журнала «Литературный Узбекистан» 1935 года среди других художественных произведений узбекской литературы был впервые напечатан перевод единственного на тот момент образца детской прозы – повесть «Озорник» в переводе Ю. Круковского. Этот вариант перевода в основном передавал лишь смысл каждого предложения и элементарно пересказывал основной сюжет, был посредственным, а причиной этого, в свою очередь, явилось осуществление перевода при помощи подстрочника. Конечно же, переводчик, ограниченный рамками подстрочника, не может предоставить целостный художественный перевод. В настоящее время такой перевод произведения представляет уже не столько эстетический, сколько историко-литературный интерес. Это позволяет увидеть, как с течением времени постепенно оттачивалось мастерство переводчиков и качество переводов.

В свое время подстрочник сыграл большую роль в ознакомлении читателей с произведениями национальных писателей, но со временем он утратил свою первостепенную значимость. Требования и художественный вкус читателей к переводному произведению рос, и он не мог быть удовлетворен пересказом основного сюжета. Постепенно читатели начали стремиться к получению полноценного эстетического удовольствия от произведений.

2. Перевод, выполненный на родине оригинала

Одним из условий создания переводов в 20–30-х гг. XX в. было то, что они выполнялись на родине оригинального произведения. Такой подход позволял переводчикам глубже изучить язык, культуру, образ жизни и национальные особенности народа, что способствовало более точной и аутентичной передаче содержания текста. Благодаря этим фоновым знаниям, переводчики могли работать над текстом с той же любовью и вниманием к деталям, как и автор оригинала. Этот метод со временем вытеснил практику перевода через подстрочник. Однако нельзя утверждать, что по мере развития данного подхода перевод через подстрочник был полностью утрачен, ведь он продолжал играть важную роль в истории перевода. Так как в ту пору требовалось увеличить количество русскоязычных переводных произведений, а квалифицированных переводчиков не хватало,

тало, то это приводило к тому, что подстрочный перевод все еще сохранял свою актуальность на протяжении определенного времени.

Когда переводчик не знает языка оригинала, то важным фактором является степень его осведомленности об этнической, географической, культурной и политической жизни народа исходного языка, поскольку экстралингвистические или лингвокультурологические особенности, усвоенные переводчиком, способствуют определенному восприятию реципиентом – читателем перевода, а также дают возможность переводчику не переводить дословно. Ясно, что данный способ не сможет точь-в-точь передать оригинал, что, в свою очередь, порождает адаптированный перевод, потому как переводчик, не знающий языка подлинника, переводит исходя из своего ощущения и воображения, используя возможности своего языка.

Большинство переводчиков узбекской литературы, особенно в первой половине XX в., проживали на территории Узбекистана, что способствовало их более тесному взаимодействию с местной культурой и языковой средой. В 1930-е гг. значительная часть переводчиков, ограниченная незнанием узбекского языка, находилась на начальной стадии знакомства с особенностями узбекского народа и его культурного уклада. Этот период можно охарактеризовать как этап первичного культурного освоения, когда переводчики лишь начинали вникать в специфику национальной идентичности Узбекистана.

Тем не менее начиная с 1940-х гг., наблюдается существенный прогресс в подготовке специалистов, работающих над переводом узбекской детской литературы на русский язык. Такие переводчики, как Н. Ивашев, Л. Соцердотова, А. Наумов, К. Симонов и другие не только приобрели глубокие лингвистические знания, овладели узбекским языком на высоком уровне, но и сумели проникнуть в тонкости национальной культуры. Это позволило им создавать более точные и культурно адекватные переводы, учитывающие нюансы как языковой, так и этнокультурной специфики, что повысило качество переводимых текстов и их соответствие оригиналам.

В начале 40-х гг. переводятся такие повести Гафура Гуляма, как «Ядгар» (перевод Л. Соцердотовой), «Дневник лентяя» («Тирилган мурда») и «Озорник» (в переводе Н. Ивашева). «Озорник» был заново переведен известным переводчиком своего времени Н. Ивашевым, который, как мы уже указали выше, знал узбекский язык и посчитал необходимым повторно перевести повесть. Однако этот вариант перевода, вопреки ожиданиям, также не имел большого успеха. По нашему мнению, причиной этого мог быть дословный перевод, буквализм, свойственный манере Н. Ивашева в начале его переводческой деятельности. К примеру, рассмотрим перевод отрывка из повести «Озорник».

Оригинал: *«Халфанага палов қилмоқчи бўлдик. Масавур оталиқнинг набираси Омонбойнинг ўғли Хуснибий ошпаз бўладиган бўлди. Қозон, чўмич, туз, қаламтир, сув – ундан, қолган масаллиқларини шу йўсинда тақсим қилдик: гуруч билан сабзи – Йўлдошдан. Гўшит – Абдулла-дўлвордан. Ёғ – мендан. Қолган-қутган нарсалар – Пулатхўжа мугамбирдан»* [Фулом 1963: 10].

Перевод: «На хальфанэ решили готовить плов. Внук деда Масавура, сын Аманбая, Хусныбий взялся быть поваром. С него мы положили: котел, уполовник, соль, перец, воду. Остальное разложили таким порядком: рис и морковь –

с Юлдаша-назолы, мясо – с Абдуллы-простака, сало – с меня, все прочее – с Пулата-хитреца» [Гулям 1985: 175].

Во-первых, в переводе Н. Ивашева слово *халфанага* передано как «на хальфанэ», что свидетельствует о неполном понимании переводчиком его значения и приводит к искажению смысла. Так как слово *халфана* означает «делать что-либо в складчину» [Акобирова 1988: 685], однако в переводе оно передано как обозначение места, что не соответствует оригинальному замыслу.

Во-вторых, в описании Хусныбия можно увидеть подробный перевод избыточных уточнений о том, чьим внуком и сыном он является, что затрудняет восприятие текста юными читателями. Кроме того, фраза «с него мы положили: котел, уполовник, соль, перец, воду» выбрана неудачно с лексической точки зрения, и корректнее было бы передать ее как «с него котел, половник, соль, перец, вода», что звучит более естественно и соответствует оригинальной стилистике. В выражении «остальное разложили таким порядком» вместо слова «разложили» логичнее было бы использовать «распределили».

Как можно убедиться, перевод Н. Ивашева содержит ряд лексических и стилистических упрощений, приводящих к искажению смысла. Ошибочное толкование понятий, перегруженные конструкции и неудачный выбор слов для перевода снижают качество текста и нарушают его разговорный стиль.

Именно в период 40-х гг. появлялись безликие переводы, в которых невозможно было узнать стиль и манеру конкретного автора. И, разумеется, эти произведения требовали повторного перевода.

3. Повторный перевод

Переводы некоторых произведений, сделанные одним и тем же переводчиком, остаются в одной и той же версии в течение многих лет, в то время как другие произведения, напротив, продолжают переводиться разными переводчиками. В монографии профессора Г. Саломова «Язык и перевод» рассматриваются следующие факторы, обуславливающие необходимость многократного перевода определенных произведений: 1) изменения в общественной жизни; 2) значительные изменения в лексическом составе языка, или так называемый лексический прогресс; 3) эволюция в области синтаксиса (применительно как к языку оригинала, так и к языку перевода); 4) изменение самого понятия «перевод». Если бы не существовало этих объективных факторов, то не возникла бы необходимость повторного перевода произведений [Саломов 1966: 109].

Опираясь на эти тезисы, можно утверждать, что причины повторного перевода некоторых произведений детской литературы соотносятся с вышеуказанными изменениями, такими как изменение понятия «перевод», социальные и языковые сдвиги, которые оказали значительное влияние на переводческие стратегии. Концепция перевода в разные исторические периоды не оставалась неизменной, поэтому требования к содержанию, идеям и качеству переводческих работ менялись в соответствии с эволюцией общественных и лингвистических норм.

Опыт многократного перевода и издания произведений ведущих писателей на языки союзных народов начался в 30-е гг. XX в. и продолжался до конца 70–80-х гг. Причиной создания нескольких вариантов перевода произведений узбек-

ских писателей служили как изменения в самом понятии «перевод», так и особый интерес русскоязычных переводчиков к этим произведениям. Так, например, повесть «Озорник», неоднократно переводилась на русский язык. Так, в 1968 г. Ф. Шайхутдинова выполнила новый перевод этого произведения непосредственно с оригинального текста, однако, несмотря на это, он не обрел значительной популярности, как и предыдущий перевод Николая Ивашева. Переводчица значительно сократила текст оригинала, опуская многочисленные детали, что привело к существенным смысловым потерям. В стремлении чрезмерно адаптировать произведение для детской аудитории Ф. Шайхутдинова упростила сложные образы и ситуации, из-за чего потерялись важные элементы авторского замысла. Такая адаптация, хотя и делает текст более доступным для юного читателя, нивелирует его глубину и снижает выразительность оригинала.

В 1970 г. поэт и переводчик Александр Наумов создал четвертый и наиболее удачный перевод произведения «Озорник». Для более полного понимания его особенностей приведем в качестве примера две версии перевода одного из отрывков этого произведения.

Оригинал: *«Бизнинг рўзгор майда-чуйдалари зах уйнинг орқасидаги узун хужрада бўлар эди. Айвонда ўртанча синглим кичик укамни овутиб ўтирган экан. Бирорта ҳийла ишлатиш керак эди.*

– Шапаг, – дедим унга, – катта тўпинг қаерда?

– Қўғирчоқларимнинг олдида, нима қилди?

– У ерда йўқ-ку!

– Ҳа... ўлгур, сен олгандирсан, ҳозир берасан, бер.

Мен илжайиб туравердим. У овутиб турган укамни қўйди-да, қўғирчоқларининг олдига югуриб кетди. Мен ҳам “лип” этиб хужрага кириб, хўқачадан ёғ ўйиб олдим. Ёғни бир қозоғга турмучлаб, липпамга қистирдим» [Фулом 1963: 11].

Перевод Ф. Шайхутдиновой: «Продукты у нас хранились в длинной комнате, за большой сырой прихожей. Спрятал пузырек с хлопковым маслом под рубашкой» [Гулям 1968: 12].

Перевод А. Наумова: «Припасы и домашние мелочи хранились в чуланчике, позади нашего старого низкого дома. На айване моя средняя сестренка нянчила младшую. Пришлось прибегнуть к хитрости.

– Шапаг, – сказал я ей, – а где твой большой мяч?

– Там, где мои куклы, а что?

– А вот и нету там!

– Ах, чтоб тебе пусто было, наверно, ты и взял, отдай сейчас же, отдай!

Я стоял, ехидно улыбаясь. Она кое-как положила сестренку и, зашипев в мою сторону, побежала к своим куклам. Я помчался в чулан, мгновенно отковырнул кусок сала в кувшинчике, завернул его в клочок бумаги, которым кувшинчик был накрыт, и сунул добычу за пояс» [Гулям 1970: 14].

Данный отрывок наглядно демонстрирует опущения в переводе Ф. Шайхутдиновой, где отсутствует описание действий главного героя, прибегающего к хитрости, чтобы незаметно взять масло из чулана, а также полностью исключен его диалог с сестрой. В переводе А. Наумова, напротив, переданы все детали оригинального текста: сохранены и диалог, и описания, включая момент, где главный герой заворачивает сало в бумагу и прячет за пояс, что соответствует изначальному замыслу автора.

Таким образом, перевод А. Наумова отличается большей точностью и сохраняет смысловую и образную структуру оригинала. Именно в этом переводе повесть неоднократно переиздавалась, а сам переводчик написал сценарий к одноименному фильму 1977 г., который получил широкую популярность и признание зрителей. А. Наумов был очень хорошо знаком с творчеством Гафура Гуляма, так как перевел большинство его стихотворений и поэм. Как нам кажется, именно это проникновение в творческую личность, стиль и манеру автора подлинника позволило переводчику представить читателям прекрасный перевод классика узбекской детской литературы.

В конце 60-х гг. наблюдается появление на русском языке таких произведений узбекской детской прозы, как «Детство» Айбека (перевод Н. Ивашева), большинство произведений известного узбекского сказочника Т. Гаипова «Клад на чинаре», «Сказка о сказке», «Удивительные приключения Гани» (перевод И. Штокмана), «В некотором царстве», «Необыкновенная авторучка», «Звездолет» (перевод Н. Бондаренко) и т.д.

Повесть «Детство», переведенная вышеупомянутым нами переводчиком узбекской литературы Н. Ивашевым, в отличие от «Озорника», переведенного им же, не имела других вариантов перевода и до сегодняшнего дня публикуется в единственном варианте. Возросшее мастерство Н. Ивашева как переводчика является главным фактором отсутствия повторных переводов, учитывая, что между переводом произведений Гафура Гуляма и Айбека прошло около 30 лет. Вот что об этом переводе говорит Г. Гафурова: «Переводчик нигде не отступает от оригинала. Он не делает добавлений и не допускает пропусков, уделяет большое внимание переводу всех деталей быта, описанию обычаев и делает это со знанием дела», но в то же время она критикует определенные упущения Н. Ивашева, связанные с переводом идиом и крылатых выражений, которые не умаляют достоинств перевода [Гафурова 1973: 60]. Отсутствие повторного перевода «Детства» доказывает верность этих суждений.

4. Соавторский перевод

В переводном произведении соавторским считается перевод, выполненный совместными усилиями двух переводчиков. Метод соавторского перевода подразумевает, что один из переводчиков, приступая к переводу произведения, осознает необходимость более глубокого подхода к работе и решает привлечь второго переводчика, который обладает глубокими историческими и экстралингвистическими сведениями, необходимыми для полноценного воссоздания оригинального текста в переводе. В процессе сотрудничества переводчики активно обсуждают выбор слов и выражений, стремясь к наибольшей точности и выразительности перевода, поддерживают тесное взаимодействие и, таким образом, совместными усилиями совершенствуют текст перевода.

Примером такого перевода является произведение Абдуллы Каххара «Сказки о былом», переведенное в соавторстве Константином Симоновым и Камроном Хакимовым. В конце 1958 г. К. Симонов приехал в Ташкент, чтобы некоторое время пожить в гостеприимном доме Абдуллы Каххара и в спокойной обстановке поработать над своей трилогией «Живые и мертвые». В период проживания

в доме у Каххара Симонов прочитал его произведение «Птичка-невеличка», которое ему очень понравилось, и взялся за перевод. Автор был очень рад такой оценке своего произведения. После смерти А. Каххара в 1970 г. К. Симонов принял решение перевести его автобиографическую повесть «Сказки о былом», рассказывающую о сложных условиях жизни узбекского народа в 1910-х гг., свидетелем которых писатель был в детстве. Несмотря на значительный переводческий опыт, Симонов осознавал, что перед ним стоит задача не только передать содержание произведения, но и глубже проникнуть в его исторический и культурный контекст. Для полноценной реализации этой задачи он решил привлечь к работе Камрона Хакимова – известного литературоведа и знатока узбекской литературы. К. Хакимов благодаря своему мастерству в нахождении эквивалентов между языками, обеспечивал точность передачи содержания и духа произведения, что делало перевод органичным и выразительным. Совместными усилиями переводчики стремились сохранить каждую деталь оригинала, уделяя особое внимание как смысловому содержанию, так и скрытым оттенкам значения (подтексту), старательно воспроизводя стиль автора и его художественные приемы.

5. Авторизованный перевод

Данный тип перевода, в отличие от других видов, встречается редко. В научной литературе по переводоведению он охарактеризован крайне мало. Авторизованный перевод выполняется самим создателем произведения или при его участии. Участие автора в основном заключается в том, что он соглашается на определенные трансформации своего произведения. У А. Паршина относительно этого переводческого принципа имеется следующее определение: «Авторизованный перевод – это апробированный автором перевод оригинального текста» [Паршин 2000: 192]. В Толковом переводоведческом словаре [Нелюбин 2003: 11], наряду с вышеуказанным значением, можно прочесть следующее: «Авторизованный перевод – перевод (текст), сделанный с согласия автора и одобренный или просмотренный им; перевод, в котором в содержание переведенного текста внесены необходимые с художественной, лингвистической или другой точки зрения изменения, позволяющие считать переводчика своеобразным “соавтором” произведения».

В авторизованном переводе, в отличие от адаптированного, переводчик, с согласия автора подлинника, изменяет художественную структуру оригинала, сюжет, иногда и состав персонажей, использует иные художественные приемы. Примером такого перевода в детской литературе является повесть Г. Джахангирова «Земля моего дедушки» в авторизованном переводе Нуззета Умерова [Джахангиров 1981].

В некоторых изданиях книг переводчик мог не указывать напрямую на авторизованность перевода. Подобное явление наблюдается в случае произведений одного из самых переводимых и публикуемых детских писателей – Худайберды Тухтабаева. Его произведения, такие как «Волшебная шапка» («Сарик девни миниб»), «Конец желтого дива» («Сарик девнинг ўлими»), «Свет в заброшенном доме» («Беш болали йигитча») и «Золотой выкуп» («Қасоскорнинг олтин бо-

ши)), были переведены на русский язык известным крымскотатарским писателем и переводчиком Эрвином Умеровым. Свидетельством того, что данные переводы являются авторизованными, являются следующие факты. Например, в своих интервью Х. Тухтабаев говорил, что перевод на русский язык был выполнен его хорошим другом Э. Умеровым, который так же, как и он, свои детские и юношеские годы провел в Ферганской долине. В 1970 г. повесть-сказка «Волшебная шапка» была удостоена премии на Всесоюзном конкурсе на лучшую детскую книгу. На этом конкурсе произведение представлялось публике издательством «Детская литература» именно в русскоязычном варианте, который Х. Тухтабаев не мог не прочитать. На первый взгляд может показаться, что это не является достаточным доказательством осведомленности писателя о каких-либо изменениях в переводе своего произведения. Подкрепить свои утверждения мы можем тем, что в конце 70-х гг. Эрвин Умеров переезжает из Ташкента в Москву и периодически переписывается с Х. Тухтабаевым, отправляя ему дружеские письма на узбекском языке. В одном из таких писем он рассказывает автору про новые переводы «Волшебной шапки» на другие языки, про то, что получает положительные отзывы на свой перевод и сообщает, что начато второе и третье издание этой повести. И там же пишет: «украинский писатель Григорий Тугунюк, переводивший первую и вторую части “Желтого дива”, недавно написал в издательство¹ письмо, в котором говорит, что “Благодаря этим романам полюбил добросердечных узбекских детей. Слышал, что новое произведение писателя переводится на русский язык. Если опубликуете, то срочно отправьте мне один экземпляр” <...> Это – Ваш успех, это – и мой успех в качестве переводчика. Когда я слышу хвалебные речи о вас, то не могу сдержать свою радость. Я горжусь тем, что дружу и сотрудничаю с таким писателем и принимаю участие в представлении миру небольшого образца узбекской литературы...

Послесловие: Мы с удовольствием съели изюм и жареные орехи, которые передала Санобар – келинойи, спасибо. С уважением, Эрвин!» [Тухтабаева 2012: 182].

Как мы можем убедиться, автор и переводчик не просто сотрудничали, а тесно дружили, потому как из письма мы узнаем, что Э. Умеров делился с Х. Тухтабаевым новостями и своими впечатлениями, радовался успеху переведенных им произведений автора, с теплотой благодарил его за посылку. Поэтому вопрос о неосведомленности Худайберды Тухтабаева о каких-либо изменениях в переводе исключается, и можно смело утверждать, что переводы всех произведений автора, осуществленные Э. Умеровым, являются авторизованными, то есть согласованными с автором.

6. Перевод узбекской детской прозы в 70–80-х гг.

70–80-е гг. стали важным этапом для перевода узбекской детской прозы на русский язык. В этот период резко возрастает количество переводов узбекских авторов, что связано с активным развитием детской литературы в Узбекистане. Переводятся такие узбекские детские писатели, как Хаким Назир «Крылья соко-

¹ Имеется в виду издательство «Детская литература», в котором с 1976 года Э. Умеров работал редактором отдела литературы народов СССР.

ла», «Огненная река» (перевод Б. Зубавина), «Повесть Тахира и Зухры», «Мой дедушка», «Мама, папа и я» (перевод З. Тумановой), «После дождя», «Парни, которые привели море» (перевод А. Зырина), «Цена человека» (перевод Б. Пармузина); Х. Пулатов «Удивительные приключения» (перевод Н. Гацунаева); С. Анарбаев «Приключения Турткоза» (перевод Э. Умерова); Н. Фазылов – сборник рассказов и повестей «Внуки Озорника» (перевод А. Атакузыева); А. Хусанов «Жил мальчик в горах» (перевод Н. Гацунаева); Ф. Мусаджанов «Выше голову, Аликулов» (перевод Э. Давшан); Л. Махмудов – сборник рассказов «Приключения лентяев» (перевод Ф. Камалова, Э. Умерова, П. Шуфа); Х. Шайхов «В тот необычный день» (перевод В. Нечипоренко и О. Ипатовой). Важно отметить, что большинство переводов данного периода было сделано в соответствии с критериями адекватности перевода, что во многом было заслугой сформировавшейся к тому времени школы узбекского перевода, обладавшей богатым опытом и разработанной методологией переводческой практики. Это, в свою очередь, стало одной из причин того, что многие произведения этого периода были тепло приняты русскоязычными читателями и оценены по достоинству.

Заключение

Исследование истории перевода узбекской детской литературы XX в. на русский язык демонстрирует неопределимую роль переводов в развитии литературных связей между народами. Переводная литература служила важным инструментом культурного взаимодействия и способствовала укреплению национальной литературы.

На протяжении всего XX в. перевод детской узбекской прозы претерпевал значительные изменения, что объясняется как историческими, так и социальными факторами. В ходе исследования были выделены ключевые этапы развития переводческой практики, начиная с периода подстрочного перевода, преобладавшего в 1920–30-х гг., и заканчивая появлением адекватного перевода, который стал возможным благодаря накопленному опыту и развитию школы узбекского переводоведения.

Перевод через подстрочник, характерный для первых десятилетий XX в., способствовал ознакомлению русскоязычных читателей с узбекской литературой, но не мог в полной мере удовлетворить требования к качеству художественного перевода. Со временем эта форма перевода была заменена более совершенными методами, подразумевавшими глубокое изучение национальных особенностей и языка оригинала. Процесс перевода имел несколько видов, таких как перевод через подстрочник, авторизованный перевод, соавторский перевод и повторный перевод, каждый из которых имел свои особенности и методологические принципы. Эти методы позволили создать многообразие интерпретаций произведений узбекской литературы, учитывающих как лексические, так и культурные аспекты.

Опытные переводчики того времени, такие как Л. Соцердотова, А. Наумов, Н. Ивашев и другие, внесли значительный вклад в популяризацию узбекской детской прозы среди русскоязычной аудитории. Развитие детской литературы и расширение круга переводчиков позволило достичь высокого уровня адекватности переводов.

Таким образом, перевод узбекской литературы на русский язык стал важным инструментом не только культурного обмена, но и развития национальных литератур.

Литература

- Алексеева 2004 – *Алексеева И.* Введение в переводоведение. – М.: Академия, 2004. – 352 с. {*I. Alekseyeva.* Introduction to translation studies. – Moscow: Academia, 2004. – 352 p.}
- Гафурова 1973 – *Гафурова Г.* Развитие перевода в Узбекистане. – Ташкент: Фан, 1973. – 159 с. {*G. Gafurova.* Development of translation in Uzbekistan. – Tashkent: Fan, 1973. – 159 p.}
- Гулям 1968 – *Гулям Г.* Озорник. Повесть / Пер. с узбек. Ф. Шайхутдиновой. – М.: Детская литература, 1968. – 126 с. {*G. Gulyam.* Mischief. Short novel / Translated from Uzbek by F. Shaykhutdinova. – Moscow: Detskaya literatura, 1968. – 126 p.}
- Гулям 1970 – *Гулям Г.* Озорник. Повесть / Пер. с узбек. А. Наумова. – Ташкент: Ёш гвардия, 1970. – 184 с. {*G. Gulyam.* Mischief. Short novel / Translated from Uzbek by A. Naumov. – Tashkent: Yosh gvardiya, 1970. – 184 p.}
- Гулям 1985 – *Гулям Г.* Избранные произведения: в 3-х т. (пер. с узбек.). Т. 2. Поэмы, оды, стихи. Повести / Сост. А. Ахмедова. – Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1985. – 384 с. {*G. Gulyam.* Selected works: in 3 volumes (translation from Uzbek). Volume 2. Poems, odes, verses. Short novels / Comp. by A. Akhmedova. – Tashkent: Literature and Art's Publishing House, 1985. – 384 p.}
- Джахангиров 1981 – *Джахангиров Г.* Земля моего дедушки: повесть и рассказы / Авториз. пер. с узб. Н. Умерова. – Ташкент: Ёш гвардия, 1981. – 80 с. {*G. Dzhakhangirov.* The land of my grandfather: short novel and stories / Authorized translation from Uzbek by N. Umerov. – Tashkent: Yosh gvardiya, 1981. – 80 p.}
- Камилова 2023 – *Камилова С.* О стратегии художественного перевода (на материале узбекской прозы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2023. – Т. 22. – № 3. – С. 108–117. {*S. Kamilova.* On the strategy of literary translation (based on Uzbek prose) // Science Journal of Volgograd State University. Series 2. Linguistics. – 2023. – Vol. 22. – No. 3. – PP. 108–117.}
- Нелюбин 2003 – *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с. {*L.L. Nelyubin.* Explanatory translation dictionary. – Moscow: Flinta: Nauka, 2003. – 320 p.}
- Паршин 2000 – *Паршин А.* Теория и практика перевода. – М.: Русский язык, 2000. – 203 с. {*A. Parshin.* Theory and practice of translation. – Moscow: Russkiy yazik, 2000. – 203 p.}
- Расули 1978 – *Расули М.М.* К проблеме взаимовлияния и взаимообогащения русской и узбекской литератур. – Ташкент: Фан, 1978. – 287 с. {*M.M. Rasuli.* On the problem of mutual influence and mutual enrichment of Russian and Uzbek literatures. – Tashkent: Fan, 1978. – 287 p.}
- УРС 1988 – *Узбекско-русский словарь* / Под ред. С.Ф. Акобиров, Г.Н. Михайлова. – Ташкент: Главная редакция УзСЭ, 1988. – 727 с. {*Uzbek-Russian dictionary* / Ed. by S.F. Akobirova, G.N. Mikhaylova. – Tashkent: Chief Editorial Board of Uzbek Soviet Encyclopaedia, 1988. – 727 p.}
- Федоров 2002 – *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. Пособие. – М.: Филология три, 2002. – 416 с. {*A.V. Fedorov.* Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems): for institutes and faculties of foreign languages. Textbook. – Moscow: Filologiya tri, 2002. – 416 p.}
- Фулом 1963 – *Фулом Ф.* Шум бола. Повесть [Озорник. Повесть]. – Ташкент: Ёш гвардия, 1963. – 148 б. {*G. Gulyam.* Mischief. Short novel. – Tashkent: Yosh gvardiya, 1963. – 148 p.} (In Uzbek.)
- Саломов 1966 – *Саломов Ф.* Тил ва таржима [Язык и перевод]. – Ташкент: Фан, 1966. – 385 б. {*G. Salomov.* Language and translation. – Tashkent: Fan, 1966. – 385 p.} (In Uzbek.)
- Тухтабаева 2012 – *Тухтабаева С.* Дунег танилган адиб (Худайберди Тўхтабоев замондошлар наздида) [Писатель, узнаваемый во всем мире (Худайберды Тухтабаев глазами современников)]. – Ташкент: Мумтоз сўз, 2012. – 212 б. {*S. Tukhtabayeva.* A writer recognized all over the world (Khudayberdy Tukhtabayev through the eyes of his contemporaries). – Tashkent: Mumtoz sōz, 2012. – 212 p.} (In Uzbek.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 137–145. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.122

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-137-145

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

АБДУАЛИ ТУГАНБАЕВИЧ КАЙДАРОВ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

*Зиннур Амирович Сиразитдинов*¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-5619-5773
Scopus ID: 57211048226
e-mail: sazin11@mail.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Сиразитдинов З.А., 2024

Для цитирования: *Сиразитдинов З.А.* Абдуали Туганбаевич Кайдаров (к 100-летию со дня рождения) // *Российская тюркология*. 2024. № 1–2 (42–43). С. 137–145. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-137-145.

Abduali Tuganbayevich Kaydarov (to the 100th anniversary)

*Zinnur Amirovich Sirazitdinov*¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
Ph.D. in Philology, Leading Researcher
ORCID: 0000-0001-5619-5773
Scopus ID: 57211048226
e-mail: sazin11@mail.ru

© IL RAS, 2024

© Sirazitdinov Z.A., 2024

For citation: *Sirazitdinov Z.A.* Abduali Tuganbayevich Kaydarov (to the 100th anniversary) // *Russian Turkology*. 2024. № 1–2 (42–43). P. 137–145. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-137-145.

Абдуали Туганбаевич Кайдаров – ученый-тюрколог с мировым именем, доктор филологических наук, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, родился 13 декабря 1924 г. в с. Талды-Булак Енбекши-Казахского района Алматинской области Казахстана. А.Т. Кайдаров – участник Великой Отечественной войны, за военные заслуги был награжден орденами «Славы» III степени, «Отечественная война» I и II степени, дважды орденом «Красная звезда» и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За защиту Москвы» и др.

В 1951 г. окончил филологический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова и по окончании был приглашен в аспирантуру. Научную деятельность Абдуали Туганбаевич начал в 1954 г. младшим научным сотрудником Сектора уйгуро-дунганской культуры АН КазССР. В 1955 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Парные слова в уйгурском языке».

В 1958–1959 гг. ученый работал старшим научным сотрудником Сектора востоковедения Национальной академии наук, после – заведующим Отделом уйгурской филологии Института языкознания АН КазССР.

В 1970 г. А.Т. Кайдаров защитил докторскую диссертацию на тему «Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка». За исследование в данной области ученый был удостоен государственной премии в области науки им. Ч. Валиханова I степени.

В 1972 г. Абдуали Туганбаевич был избран членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР, в 1982 г. – профессором Казахского государственного университета им. Аль-Фараби, в 1983 г. – действительным членом Академии наук Казахской ССР.

С 1978 по 1995 гг. А.Т. Кайдаров возглавлял Институт языкознания Национальной академии наук Республики Казахстан. С 1995 г. до конца своей жизни

А.Т. Кайдаров с молодыми сотрудниками Института языкознания. 1997 г.

(27 февраля 2019 г.) был почетным директором Института. Абдуали Туганбаевич с 1981 по 2000 гг. заведовал отделом лексикологии.

В 1991 г. за вклад в подготовку высококвалифицированных научных кадров для башкирской лингвистики и поддержку организации национальной академии Абдуали Туганбаевич Кайдаров был избран почетным академиком Академии наук Республики Башкортостан.

Научная деятельность Абдуали Туганбаевича многогранна, своими новаторскими исследованиями (им опубликованы более 400 научных трудов) он внес существенный вклад в развитие многих областей казахской, уйгурской филологии и тюркологии в целом.

Работы ученого были основополагающими в разработке алфавита, норм орфографии и терминологии для национального языка уйгуров. Его выступление с докладом «Принципы терминологии уйгурского литературного языка» на научной конференции в г. Алматы (1958 г.) заложило основу научного терминотворчества уйгурского языка.

В дальнейшем в своих многочисленных трудах он продолжил исследования по терминологии, проанализировал и выявил тенденции и законы развития казахского и уйгурского терминообразования за более чем полувековой период.

Среди научных исследований по терминологии особо выделяется работа «Новый взгляд на казахскую терминологию» (1993), в которой автор выделяет 11 принципов терминообразования, учитывающих новые исторические условия функционирования казахского языка. Среди них Абдуали Туганбаевич особо выделяет принцип заимствования терминов из других языков с учетом фонеморфологических особенностей заимствующего языка.

Проблемы этимологии лексики и морфем в тюркологии всегда были в центре внимания исследователя. Ученый считал основополагающим принципом при

А.Т. Кайдаров с коллективом Института. 2011 г.

этимологических исследованиях единство фонетического, морфологического и семантического подходов с учетом экстралингвистических факторов. Абдуали Туганбаевич призывал тюркологов активнее заниматься этимологией, акцентируя внимание на выявлении древнего пласта общих основ, лексических особенностей конкретного языка, фонетических и семантических изменений заимствований под влиянием разных историко-культурных и политико-географических условий.

Сформированные ученым принципы этимологии, созданная им своя научная школа позволили провести в 1989 г. в г. Алматы Всесоюзную научно-практическую конференцию по актуальным проблемам этимологии тюркских языков. Опубликованное в итоговом сборнике выступление Абдуали Туганбаевича «Тюркская этимология: проблемы и задачи» позволило считать ученого крупным исследователем-этимологом всесоюзного уровня.

Особый интерес у него вызывали и проблемы ономастики. Абдуали Туганбаевич интересовался проблемами мотивации географических названий, лексико-морфологическим моделированием топонимии Казахстана и Средней Азии, отражением топонимии в эпических памятниках этих народов, современным состоянием и перспективами дальнейшего развития ономастики Республики Казахстан.

Не остались в стороне научных интересов и проблемы антропонимики. Исследователь первым в СССР собрал, подготовил и издал в приложении к уйгурско-русскому словарю список имен уйгуров. Абдуали Туганбаевич подробно исследовал вопрос образования прозвищ уйгур и казахов, дал их этнолингвистическую характеристику.

Проблемам этнонимики Казахстана посвящена объемная монография ученого «Канлы: историческая родословная» (2004), в которой автор собрал по крупицам

А.Т. Кайдаров с семьей (супруга, дочь, зять, невестка, сын, внуки). 9 мая 2014 г.

богатый материал из существующего свода народного творчества, из родословных, из исторических архивов, представил лингвистический анализ многих этнонимов.

В поле научной деятельности А.Т. Кайдарова постоянно находились вопросы фразеологии и паремиологии. Ученым были изучены особенности стилистического употребления синонимичных и вариантных фразеологизмов в уйгурском и казахском языках.

Абдуали Туганбаевич первым в тюркологии обратил внимание на значимость образно-фонových основ фразеологических выражений, связанных со скотоводством (1987). Во внимании ученого также находилась проблема разработки научных критериев классификации фразеологических сочетаний.

Ряд статей ученого посвящены авторско-стилевым особенностям и инвариантам в казахских и уйгурских пословицах и поговорках.

Уйгурскую и казахскую лексикографию с середины XX – начала XXI вв. невозможно представить без трудов академика А.Т. Кайдарова. Его вклад в данную область определяют, во-первых, лексикографические приложения: «Уйгурско-русский словарь парных слов», «Казахско-русский словарь односложных основ» к монографическим работам. Во-вторых, лексикографические труды, в которых он принимал непосредственное участие: «Уйгурско-русский словарь», «Этимологический словарь казахского языка», «Русско-уйгурский словарь лингвистических терминов», 4-х томный «Этнолингвистический словарь казахского языка» (2009–2013), «Толковый словарь казахских пословиц и поговорок», «Словарь парных слов казахского языка». В-третьих, его участие в редколлегии при подготовке к печати академических словарей Института языкознания.

А.Т. Кайдаров

А.Т. Кайдаров плодотворно работал и в области исторической и сравнительной грамматики и лексикологии тюркских языков. В 1969 г. была издана его работа «Развитие современного уйгурского литературного языка». Автор в этой работе рассмотрел общенародный уйгурский язык во всех его диалектных проявлениях, исследовал его взаимоотношения с современным уйгурским литературным языком как казахстанских, так и синьцзянских уйгуров. Ученый подробно осветил вопросы народно-разговорной речи уйгуров, основные признаки и научные принципы членения уйгурских диалектов и говоров, выявил процессы, формирующие две разновидности литературного языка, функционирующих в КНР и в СССР. Монографическое исследование было отмечено многими отечественными и зарубежными тюркологами.

Его фундаментальное учебное пособие «Введение в тюркологию» выдержало в Казахстане три издания, переведено на китайский и турецкий языки. Ученый является автором ряда алтаистических работ, получивших признание в научном мире. Под его научным руководством выполнены сравнительно-сопоставительные исследования по тюркским, монгольским, японскому и корейскому языкам.

В трудах ученого получили разработку социолингвистические проблемы двуязычия и многоязычия, отдельные проблемы взаимодействия контактирующих языков, вопросы языкового строительства в Казахстане и развития национальных языков.

Благодаря неустанной энергии Абдуали Туганбаевича, его заботе о жизнедеятельности возглавляемого им коллектива Институт языкознания в 80–90-х гг. прошлого столетия стал авторитетным лингвистическим центром в системе академической науки СССР. При его поддержке были изданы многие крупные филологические академические труды в Казахстане.

Среди всего разнообразия научных тем и работ, выполненных академиком А.Т. Кайдаровым, выделяются два направления, на которых мы считаем необходимым остановиться отдельно, поскольку они были не только разработаны в науке впервые, но и оказали значительное влияние на вектор всех последующих исследований в тюркских языках.

Первое направление – это исследования ученого по фоно-морфо-семантическому анализу базисной лексики казахского языка на уровне моносиллабов, основные положения которых были изложены автором в его монографической работе (1986). Эта работа заложила целое направление по исследованию структуры односложных корней в тюркологии.

Второе направление – разработка фундаментального этнолингвистического словаря казахского языка. Академик А.Т. Кайдаров является основателем казахской этнолингвистики. Первая его работа в этом направлении появилась в 1973 г., где ученый дал этнолингвистическое объяснение названиям доспехов и вооружений в казахском языке. В дальнейшем автор во всех своих работах, связанных с проблемами этимологии, ономастики, всегда приводил этнолингвистический комментарий. Основное содержание и цель его трудов в этой сфере заключаются в выявлении и отображении духовной сущности, особенностей миропонимания и мироощущения, национальной психологии, истории и культуры казахского этноса. Венцом исследований академика А.Т. Кайдарова в этом направлении явились вышеназванный 4-х томный «Этнолингвистический словарь казахского языка» и «Казахско-русский фразеологический словарь» с этнолингвистическим толкованием. Работы Абдуали Кайдарова стали примером для последующего создания аналогичных словарей в башкирской, чувашской и татарской лексикографии.

Ученый занимал активную жизненную позицию во всех вопросах, касающихся научной, духовной, культурной, политической, общественной жизни не только Казахстана, но и других тюркоязычных республик СССР. Под председательством А.Т. Кайдарова на специализированном совете Института свои диссертационные работы защитили и такие башкирские ученые, как Р.Г. Сibaгатов, Э.Ф. Ишбердин, М.В. Зайнуллин, З.А. Сиразитдинов. Будучи членом редколлегии журнала «Советская тюркология», ученый активно выступал за расширение тематики и географии научных статей.

Абдуали Туганбаевич был членом Комитета по присуждению Ленинской и Государственной премии по науке и технике при Совете Министров СССР, членом Высшей аттестационной комиссии СССР.

Масштабность деятельности академика А.Т. Кайдарова как руководителя и организатора казахстанской и всесоюзной науки проявилась и в подготовке научных кадров. Академик воспитал большую школу талантливых учеников-тюркологов. Под его научным руководством были подготовлены и защищены 13 докторских и 66 кандидатских диссертаций. Его ученики работали и продолжают работать не только в вузах и НИИ Казахстана, а также за его рубежами: России (Москва, Абакан, Кемерово, Нальчик, Уфа), Узбекистане (Ташкент, Нукус), Кыргызстане, Китае, Монголии и других республиках и регионах.

Абдуали Туганбаевич Кайдаров был интеллигентом в высшем смысле этого слова. Его знания в области лингвистики, истории, литературы, философии, общественной мысли, культурологии всегда поражали собеседников.

Научные труды академика А.Т. Кайдарова и сейчас не теряют своей актуальности. Ученый останется в памяти научного сообщества не только как один из авторитетных лингвистов, внесших вклад в развитие современной тюркологии и алтаистики, но и как талантливый организатор филологической науки в СССР, приемником которой стала Россия.

Список основных печатных трудов А.Т. Кайдарова

- Кайдаров А.Т.* К вопросу об уйгурской терминологии // Учитель Казахстана. – 1953, 9 окт. {*A.T. Kaydarov.* On the issue of Uyghur terminology // Teacher of Kazakhstan. – October 9, 1953.}
- Кайдаров А.Т.* Парные слова в современном уйгурском языке // Уйгурско-русский словарь парных слов. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. – 168 с. {*A.T. Kaydarov.* Paired words in modern Uyghur language // Uyghur-Russian dictionary of paired words. – Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the KazSSR, 1958. – 168 p.}
- Кайдаров А.Т.* Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики // Исследования по уйгурскому языку. – Алма-Ата, 1970. – Кн. 2. – С. 57–67. {*A.T. Kaydarov.* Uyghur-Mongolian language connections in the field of phonetics // Researches on the Uyghur language. – Alma-Ata, 1970. – Book 2. – PP. 57–67.}
- Кайдаров А.Т.* Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1973. – № 6. – С. 25–34. {*A.T. Kaydarov.* Warrior-hero's armor and weapons in the Kazakh epos and their ethnolinguistic explanation // Bulletin of the Academy of Sciences of the KazSSR. Ser. Social Studies. – 1973. – No. 6. – PP. 25–34.}
- Кайдаров А.Т.* О некоторых общих тюрко-монгольских однокорневых основах // Якутский филологический сборник. – Якутск, 1976. – С. 23–30. {*A.T. Kaydarov.* On some common Turkic-Mongolian single-root stems // Yakut Philological Digest. – Yakutsk, 1976 – PP. 23–30.}
- Кайдаров А.Т.* О критериях определения синкретических слов в тюркских языках // Известия АН КазССР. Серия филологическая. – 1977. – № 3. – С. 51–57. {*A.T. Kaydarov.* On the criteria for defining syncretic words in Turkic languages // Bulletin of the Academy of Sciences of the KazSSR. Philological Series. – 1977. – No. 3. – PP. 51–57.}
- Кайдаров А.Т., Жайсакова Р.Е.* Принципы классификации фразеологизмов и классификационные группы в современном казахском языке // Известия АН КазССР. Серия филологическая. – 1979. – № 3. – С. 1–11. {*A.T. Kaydarov, R.E. Zhaysakova.* Principles of classification of phraseological units and classification groups in modern Kazakh language // Bulletin of the Academy of Sciences of the KazSSR. Philological Series. – 1979. – No. 3. – PP. 1–11.}
- Кайдаров А.Т., Джанузаков Т.Д.* Состояние и перспективы развития казахской ономастики // Вестник АН КазССР. – 1983. – № 1. – С. 44–49. {*A.T. Kaydarov, T.D. Dzhhanuzakov.* The state and prospects of development of Kazakh onomastics // Bulletin of the Academy of Sciences of the KazSSR. – 1983. – No. 1. – PP. 44–49.}
- Кайдаров А.Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. – Алма-Ата, 1986. – 328 с. {*A.T. Kaydarov.* Structure of monosyllabic roots and stems in the Kazakh language. – Alma-Ata, 1986. – 328 p.}
- Кайдаров А.Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. – Алма-Ата, 1986. – 328 с. {*A.T. Kaydarov.* The structure of monosyllabic roots and stems in the Kazakh language. – Alma-Ata, 1986. – 328 p.}
- Кайдаров А.Т.* Образно-фондовая основа устойчивых выражений, связанных со скотоводством, в казахском языке // Известия АН КазССР. Серия филологическая. – 1987. – № 1. – С. 3–8. {*A.T. Kaydarov.* Figurative and background basis of set expressions related to cattle breeding in the Kazakh language // Bulletin of the Academy of Sciences of the KazSSR. Philological Series. – 1987. – No. 1. – PP. 3–8.}
- Кайдаров А.Т.* К проблеме уйгурско-монгольских языковых контактов // Исследования по уйгурскому языку. – Алма-Ата, 1988. – С. 6–26. {*A.T. Kaydarov.* On the problem of Uyghur-Mongolian language contacts // Researches on the Uyghur language. – Alma-Ata, 1988. – PP. 6–26.}

- Кайдаров А.Т., Керимбаев Е.* Этнолингвистические аспекты казахской ономастики // Известия АН КазССР. Серия филологическая. – 1990. – № 3. – С. 3–13. {*A.T. Kaydarov, E. Kerimbayev.* Ethnolinguistic aspects of Kazakh onomastics // Bulletin of the Academy of Sciences of the KazSSR. Philological Series. – 1990. – No. 3. – PP. 3–13.}
- Қайдаров Ә.Т.* Қазақ терминологиясына жаңаша көзқарас [Новый подход к казахской терминологии]. – Алматы: Рауан, 1993. – 44 б. {*A.T. Kaydarov.* A new approach to Kazakh terminology. – Almaty: Rauan, 1993. – 44 p.} (in Kazakh.)
- Кайдаров А.Т.* Концепция упорядочения личных имен, отчеств и фамилий для лиц казахской национальности Республики Казахстан // Столичное обозрение. – 13 апреля 1995 г. {*A.T. Kaydarov.* Concept of ordering personal names, patronymics and surnames for persons of Kazakh nationality in the Republic of Kazakhstan // Capital Review. – April 13, 1995.}
- Қайдаров Ә.Т.* Жоба: Аты-жөніңді қалай жазасың? Қазақстан Республикасындағы қазақ азаматтарының есімдері мен әке аттары және фамилияларын реттеу туралы тұжырымдама [Как ты пишешь свои имя и фамилию? Концепция упорядочения имен, отчеств и фамилий граждан Республики Казахстан казахской национальности] // Егемен Қазақстан. – 5 ақпан [5 февраля] 1995 г. {*A.T. Kaydarov.* How do you write your first and last name? Concept of ordering names, patronymics and last names of citizens of the Republic of Kazakhstan of Kazakh nationality // Independent Kazakhstan. – February 5, 1995.} (in Kazakh.)
- Кайдаров А.Т., Койчубаев Е.* К лингвистическому объяснению этнонима «казак» // Қазақтар. – VI том. – Алматы, 1998. – С. 295–302. {*A.T. Kaydarov, E. Koychubayev.* Linguistic explanation of the “Kazakh” ethnonym // Kazakhs. – Volume 6. – Almaty, 1998. – PP. 295–302.}
- Кайдаров А.Т., Бахамова А.* Исторические мотивы образования уйгурских прозвищ // Материалы международной научно-практической конференции «Наука и образование на современном этапе развития общества». – Алматы, 2003. – С. 54–57. {*A.T. Kaydarov, A. Bakhamova.* Historical motives for the formation of Uyghur nicknames // Proceedings of international scientific and practical conference “Science and Education at the Current Stage of Society’s Development”. – Almaty, 2003. – PP. 54–57.}
- Қайдаров Ә.Т.* Қанлы: тарихи шежіре [Кангли: историческая генеалогия]. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 610 б. {*A.T. Kaydarov.* Kangly: historical genealogy. – Almaty: Daik-Press, 2004. – 610 p.} (in Kazakh.)
- Қайдаров Ә.Т.* Қазақтар ана тілі әлемінде [Казахи в мире родного языка]. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. – 784 б. {*A.T. Kaydarov.* Kazakhs in the world of their mother tongue. – Almaty: Daik-Press, 2009. – 784 p.} (in Kazakh.)– 212 p.} (In Uzbek.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 146–158. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.122

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-146-158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.С. АМАНЖОЛОВ В ЗЕРКАЛЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН НАУЧНОГО ФОРУМА «АМАНЖОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024»

*Айнур Темиржанкызы Кикбаева*¹, *Майнура Абильтаевна Бурибаева*²,
*Мендыганым Джамалбековна Шаймерденова*³

¹ Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы,
Республика Казахстан
докторант 1 курса
ORCID: 0000-0002-1278-8128
e-mail: isskakova.ainura@gmail.com

² Кызылординский университет им. Коркыт-ата, г. Кызылорда, Республика Казахстан
кандидат филологических наук, член Правления – Проректор по научной работе
и международным связям
ORCID: 0000-0002-2739-0905
Scopus ID: 57215580091
e-mail: mainura_b@mail.ru

³ Казахская национальная академия искусств им. Темирбека Жургенова, г. Алматы,
Республика Казахстан
кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана и социальных
наук
ORCID: 0000-0002-3731-0622
Scopus ID: 57210259126
e-mail: mena.mdsh@gmail.com

© ИЯз РАН, 2024

© Кикбаева А.Т., Бурибаева М.А., Шаймерденова М.Д., 2024

Аннотация: Данная статья посвящена памяти выдающегося ученого – доктора филологических наук, заслуженного деятеля Казахстана, профессора Алтая Сарсеновича Аманжолова. А.С. Аманжолов, будучи признанным авторитетом в области тюркоязычных исследований, внес неизмеримый вклад в развитие тюркологической науки. Видный ученый-тюрколог опубликовал более двухсот работ по тюркской филологии и лингвистике, в том числе семь монографий на русском и казахском языках, двадцать публикаций на английском и турецком языках. Он владел несколькими языками (казахским, русским, турецким, английским), а также изучал языки тюркских рунических памятников, поэтому был востребованным специалистом не только в Казахстане, но и во всем тюркоязычном мире.

Помимо научных трудов, А.С. Аманжолов воспитал талантливых ученых, продолживших его дело – восемнадцать кандидатов филологических наук и трех докторов. 14–15 мая 2024 г. в Казахском национальном университете им. аль-Фараби прошла крупномасштабная I Международная научно-методическая конференция, посвященная 90-летию А.С. Аманжолова. Данный форум прошел накануне дня рождения профессора, который провел научную и профессиональную деятельность в стенах университета, а также в рамках празднования 90-летия КазНУ им. аль-Фараби.

Ключевые слова: тюркология, Алтай Аманжолов, тюркская письменность, памятники письменности.

Для цитирования: *Кикбаева А.Т., Бурibaева М.А., Шаймерденова М.Д.* А.С. Аманжолов в зеркале личных имен научного форума «Аманжоловские чтения – 2024» // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 146–158. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-146-158.

A.S. Amanzholov in the mirror of personal names of the scientific forum “Amanzholov readings – 2024”

*Aynur Temirzhankyzy Kikbayeva¹, Maynura Abiltayevna Buribayeva²,
Mendyganym Dzhamalbekovna Shaymerdenova³*

¹ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

1st year doctoral student

ORCID: 0000-0002-1278-8128

e-mail: isskakova.ainura@gmail.com

² Korkyt-ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Republic of Kazakhstan

PhD. in Philology, Member of the Board – Vice-Rector for Research and International Relations

ORCID: 0000-0002-2739-0905

Scopus ID: 57215580091

e-mail: mainura_b@mail.ru

³ Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Almaty, Republic of Kazakhstan

PhD. in History, Professor of the Department of History of Kazakhstan and Social Sciences

ORCID: 0000-0002-3731-0622

Scopus ID: 57210259126

e-mail: mena.mdsh@gmail.com

© IL RAS, 2024

© Kikbayeva A.T., Buribayeva M.A., Shaymerdenova M.D., 2024

Abstract: This article is dedicated to the memory of Professor Altay Sarsenovich Amanzholov, an outstanding Turkologist and teacher, Doctor of Philology, Honored Worker of Kazakhstan, a bright personality of the late 20th century and the beginning of the 21st century. A.S. Amanzholov made an invaluable contribution to the development of Turkic studies, being a recognized authority in the field of studying Turkic languages. A prominent Turkic linguist published more than two hundred works on Turkic philology and linguistics, including seven monographs in Russian and Kazakh, about twenty publications in English and Turkish. He knew several languages (Kazakh, Russian, Turkish, English), as well as was acquainted with the language of Turkic runic monuments, so he was always in demand not only in Kazakhstan, but also all around the world. Over the years of activity, Amanzholov wrote not only numerous scientific works, but also trained plenty of talented scientists, 18 candidates and three doctors of philological sciences, who continued his work. On May 14–15, 2024, a large-scale scientific event took place at the Al-Farabi Kazakh National University: the 1st International Scientific and Methodological Conference

“Amanzholov Readings – 2024”, dedicated to the 90th anniversary of the outstanding Turkologist and teacher, Doctor of Philology, Professor Altay Sarsenovich Amanzholov. The first Amanzholov readings were held as part of celebration of the 90th anniversary of Al-Farabi Kazakh National University and on the eve of the birthday of scientist, whose scientific and our path took place at this university. A.S. Amanzholov worked as a professor and head of the department of general linguistics at al-Farabi Kazakh National University.

Key words: Turkology, Altay Amanzholov, Turkic writing, written monuments.

For citation: *Kikbayeva A.T., Buribayeva M.A., Shaymerdenova M.D.* A.S. Amanzholov in the mirror of personal names of the scientific forum “Amanzholov Readings – 2024” // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 146–158. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-146-158.

*Сильный человек – не тот, кто побеждает слабого,
а тот, кто помогает слабому стать сильным*
(Пословица)

Введение

Аманжолов Алтай Сарсенович (1934–2012) – советский и казахстанский лингвист-тюрколог, специалист по исторической грамматике тюркских языков, истории древнетюркской письменности, Заслуженный деятель Казахстана.

14–15 мая 2024 г. в Казахском национальном университете им. аль-Фараби состоялось масштабное научное событие: I Международная научно-методическая конференция «Аманжоловские чтения – 2024», посвященная 90-летию выдающегося тюрколога и педагога, доктора филологических наук, профессора Алтая Сарсеновича Аманжолова. Первые «Аманжоловские чтения» проходили в рамках празднования 90-летия Казахского национального университета им. аль-Фараби и накануне дня рождения ученого, научно-трудовой путь которого прошел в этом вузе. А.С. Аманжолов здесь работал в качестве профессора и заведующего кафедрой общего языкознания.

Алтай Сарсенович Аманжолов внес неоценимый вклад в развитие тюркологии, являясь признанным авторитетом в области изучения тюркских языков. Крупный языковед-тюрколог опубликовал более двухсот работ по тюркской филологии и языкознанию, в том числе семь монографий на русском и казахском языках, два десятка публикаций на английском и турецком языках. Он владел несколькими языками (казахским, русским, турецким, английским), занимался изучением языков тюркских рунических памятников, поэтому всегда был востребован не только в Казахстане, но и во всем тюркоязычном мире.

1. Краткие биографические сведения

А.С. Аманжолов родился 2 июня 1934 г. в г. Алматы. После окончания школы поехал в Москву и в 1957 г. завершил обучение в Институте восточных языков МГУ им. М.В. Ломоносова. Там же позже он продолжил обучение в аспирантуре и в 1963 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности». Научным руководителем был профессор В.М. Насилов, который на многие годы стал его мудрым и добрым учителем и наставником. В архиве НИИ Тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби хранятся письма В.М. Насилова, адресованные А.С. Аманжолову, фотографии и записки.

После аспирантуры работал младшим научным сотрудником в Академии наук Казахской ССР. В 1966 г. приказом Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР назначен старшим преподавателем на кафедру казахского языка Казахского государственного женского педагогического института. Позднее был доцентом и заведующим этой кафедры. С 1979 по 1995 гг. заведовал кафедрой общего языкознания Казахского национального университета им. аль-Фараби.

Научно-исследовательская деятельность А.С. Аманжолова посвящена различным аспектам тюркологии, в том числе древнетюркскому языку и тюркской графике. Им опубликовано свыше 350 научных работ, в том числе монографии, учебники и статьи в ведущих российских и международных научных журналах. А.С. Аманжолов разработал и читал в КазНУ ряд лекционных курсов, таких как «Общее языкознание», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Введение в тюркскую филологию», «Древнетюркский язык», «Проблемы графической лингвистики», «Древнетюркская, арабская и латинская графика», «Введение в языкознание», «Программа общелингвистических дисциплин», которые выделялись актуальной научной проблематикой, четкостью изложения и эффективными подходами к материалу. Их популярность среди студентов была высока и до сих пор его ученики с восторгом рассказывают обо всем, чему они научились у выдающегося ученого.

А.С. Аманжолов окончил факультет повышения квалификации в Ленинградском государственном университете по специальности «Общее языкознание» в 1980 г. Это был первый шаг, заложивший основы его научной карьеры, позволившие глубоко изучить фундаментальные принципы языкознания и подготовиться к будущим исследованиям. Следующим этапом стала научная стажировка в КНР (Пекинский университет), которую А.С. Аманжолов проходил с сентября 1986 г. по март 1987 г.

В 1988 г. в г. Пекине была издана книга А.С. Аманжолова «Бабалар сөзі» («Слова предков») на казахском языке, посвященная изучению древнетюркской письменности. Это произведение стало важным шагом в научной карьере ученого, установив его как авторитетного специалиста в области тюркской филологии [Аманжолов 1988: 67]. В 1993/1994 учебном году А.С. Аманжолов находился в научной командировке в Турции, где читал лекции по современному казахскому языку и сравнительной грамматике тюркских языков в Черноморском техническом университете (г. Трабзон). В 1994 г. в г. Трабзоне была издана его книга

«Ортақ асыл мирас» («Общее наследие») на казахском и турецком языках [Аманжолов 1994: 38].

Ученый активно участвовал в международных конференциях по проблемам тюркологии и истории востоковедения, выступая с научными докладами на мероприятиях в Казани, Москве, Берлине, Ленинграде, Алматы, Анкаре, Астане, Таразе и Усть-Каменогорске. Его участие в международных конференциях позволило ему представить свои исследования широкой аудитории и установить контакты с ведущими учеными в области тюркологии.

Видное место в творчестве ученого занимает лексикография. Он был научным редактором и фактически одним из составителей непревзойденного «Түрікше-қазақша фразеологиялық сөздік» [Аманжолов, Құрманбаева 1999: 45]. Одна из его значительных работ «Казахско-русский словарь лингвистической терминологии» [Аманжолов 1997: 85] охватывает около двух тысяч лингвистических терминов современного казахского языка и их русские соответствия [Аманжолов 1999: 75].

Как пишет У. Бахтикиреева, особой заслугой Алтая Сарсеновича считается обоснование им собственной позиции в изучении возникновения первой алфавитной письменности у древних тюркоязычных племен, в серьезной критике конъюнктурных установок официальной советской науки относительно «старописьменности» и «младописьменности» тюркских языков [Бахтикиреева 2013: 117–119]. Талантливый ученый много лет занимался основательным изучением петроглифов, древних наскальных изображений и идеографических знаков Тянь-Шаня, Алтая и Тарбагатая. Его экспедиции с учениками навсегда остались в памяти последователей А.С. Аманжолова.

Кроме научной деятельности А.С. Аманжолов занимался и педагогической работой, осуществляя подготовку будущих специалистов в области тюркской филологии. Его ученики, а также все, кто слушал лекции профессора, вспоминают его приверженность к науке, любовь к тому, что он изучал, и умение заинтересовать сложными теоретическими вопросами студентов и докторантов.

Он внес значительный вклад в развитие тюркской филологии, углубив понимание древнетюркской письменности, сравнительной грамматики тюркских языков и развивая исследования в области современного казахского языка. А.С. Аманжолов также активно участвовал и в общественной жизни. Будучи членом ряда научных обществ и редколлегий научных журналов, он успешно сочетал свою научную и педагогическую работу с общественной деятельностью, пропагандируя памятники культуры. Неоднократно выступал на конференциях в рамках деятельности Казахстана и был членом общественной организации, возглавляемой в 80–90-е гг. историком К.П. Коржевой. Ежегодно проводимые ею форумы нашли отражение в сборниках статей «Античность и общечеловеческие ценности».

По данным библиографического указателя, подготовленного Н.Ж. Шаймерденовой и А.Б. Коразовой [Шаймерденова, Коразова 2009: 70], начиная с 1990 г. А.С. Аманжолов был почетным членом Казахского общества охраны памятников истории и культуры, с 1995 г. – действительным членом (академиком) Академии гуманитарных наук Казахстана, с 2007 г. – академиком Академии художеств Республики Казахстан, с 2009 г. – Заслуженным деятелем Казахстана. За свои заслуги в области науки и образования он удостоен ряда почетных зва-

ний и наград, в том числе награжден медалью «Ветеран труда» (1988), орденом «Құрмет» (1999), международной премией и Золотой медалью Организации экономического сотрудничества (2000), нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2004).

Его труды и участие в международных конференциях способствовали развитию тюркологической науки и созданию устойчивых научных связей между учеными из разных стран. Наследие А.С. Аманжолова продолжает влиять на развитие тюркологии и казахской филологии. Сегодня, когда особо возрос интерес к истории Казахстана, тюркскому культурному наследию, труды и исследования выдающегося ученого XX – начала XXI вв. продолжают оставаться ценным источником знаний и размышлений для будущих поколений ученых, продолжающих его дело по изучению тюркских языков и культуры.

А.С. Аманжолов был автором монографии «История и теория древнетюркского письма» [Аманжолов 2003: 368], книг «Тюркская руническая графика» [Аманжолов 1985: 47], «Турецкий язык» [Аманжолов 1983: 106] и множества работ по тюркской филологии и языкознанию. Данное исследовательское направление стало отправной точкой во всей дальнейшей деятельности ученого, определив и сферу его научных интересов, связанных с изучением тюркских языков. Он является автором учебников и учебных пособий по тюркологии, которые используются в учебных заведениях Казахстана и за его пределами.

2. Книга «Опыт изучения тюркских языков» А.С. Аманжолова

Обратим внимание на последнюю рукопись, подготовленную к изданию и опубликованную 15 октября 2012 г., буквально через неделю после его смерти – «Опыт изучения тюркских языков» [Аманжолов 2012]. В течение последнего года своей жизни ученый сам готовил данную книгу к публикации, подбирал фотографии и подписывал их. В ней представлен основной спектр его исследований в области грамматики и лексики тюркских языков. Книга включает также тюркологические и биографические заметки, отзывы на научные работы учеников профессора.

В книге представлены следующие разделы:

- Глагольное управление в языке древнетюркских памятников;
- Синтаксическая типология тюркских языков;
- Тюркологические заметки;
- Казахско-русский словарь лингвистической терминологии;
- Научно-биографические материалы о творчестве языковедов-тюркологов.

Ученый уделил большое внимание сравнительно-сопоставительному (типологическому) исследованию тюркских языков. Это позволило установить их родственные связи, выявить фонетико-грамматические закономерности и описать важнейшие особенности лексико-грамматических и грамматических категорий. Профессор А.С. Аманжолов не только описал грамматический строй, но и дал типологическую характеристику, выявив общие черты и специфические особенности тюркских языков.

Монография печатается с согласия семьи А.С. Аманжолова. В книге ученый делится теплыми воспоминаниями, фотографиями и посланием будущим поко-

лениям. Подробный анализ содержания данной монографии представлен в статье «Он жил в ладу со своей совестью», опубликованной в «Казахстанской правде» в октябре 2012 г. [Шаймерденова 2012: 7].

В настоящей статье мы рассмотрим лишь один раздел, посвященный воспоминаниям А.С. Аманжолова. Так, в разделе «Наука и судьбы» книги «Опыт изучения тюркских языков» автор делится размышлениями о трудах и достижениях ведущих ученых-лингвистов. Он рассказывает о жизни и научной деятельности академика А.Н. Самойловича, характеризуя его как яркую личность на небосводе тюркологической науки. Теплыми воспоминаниями автор делится и о своем добром учителе В.М. Насилове, завещая молодому поколению свято хранить духовные и культурные ценности.

Согласно научному этикету, в своих письмах ученые того времени обращались друг к другу по имени и отчеству, несмотря на долгие и дружеские связи. Даже если они были одного возраста, на публике обращение обязательно включало имя и отчество. Мы наблюдаем в тексте, как благостные воспоминания согревают душу Алтая Сарсеновича, когда он описывает жизнь и творчество своего отца – выдающегося лингвиста Сарсена Аманжолова. Он был профессором, автором многочисленных трудов, научный мир знает его как выдающегося казахского языковеда-тюрколога, стоявшего у истоков казахстанской лингвистики, в частности казахской диалектологии. Сегодня его имя носит университет в г. Усть-Каменогорске.

В этом разделе автор вспоминает о незабываемых страницах жизни, самых теплых и добрых моментах своего детства, о близких и любимых людях. Мы обнаруживаем личные имена родственников А. Аманжолова: отец – Сарсен Аманжолов, мать – Евгения Степанова, которые были уроженцами Рудного Алтая, брат и сестры – София, Урал, Алтын, Алия, которых мать ласкательно называла Сена, Алик, Жека, Алташ. По воспоминаниям А.С. Аманжолова, его и брата называли не случайно – Урал и Алтай. Их отцу очень нравились эти имена. Они говорили о двух величинах – Урале и Алтае, символизируя величие и достижения, силу. Более того, уже появилась гипотеза, которая предполагала общее происхождение уральских и алтайских языков: популярность гипотезы в конце XIX – начале XX вв. возрастала, поэтому было понятным желание дать детям имена, благословляющие и мотивирующие. До настоящего времени ученые изучают этот интересный аспект языкового взаимодействия, изучают проблемы тюркологии и алтаистики [Туймебаев 2006: 274]. В этой связи вполне закономерно создание в КазНУ им. аль-Фараби Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики, деятельность которого направлена на создание персонологии, переиздания трудов ученых, изучения памятников тюркской письменности.

С древних времен имя человека считалось не просто идентификатором, а сакральным и магическим элементом, определяющим его судьбу, жизненный путь и статус в обществе. Во многих культурах, в том числе у казахов, ритуалы наречения именем играют важнейшую роль, отражая глубокую связь человека с его родом и культурными традициями. В своих исследованиях ученый Телгожа Жанузаков углубляется в происхождение и семантику личных имен, подчеркивая их связь с национальной культурой казахов [Джанузаков 1982: 16]. Он выделяет преобладание в казахских именах пожеланий и благословений. Так и выбор имен

Урал и Алтай Аманжоловых не был случайным. В словаре личных имен Б. Оспан отмечено, что эти имена даются с тем, чтобы дети достигали вершин, были крепкие и высокие, как горы [Оспан 2019: 100]. В именах детей Аманжолова – Сакен, Зульфия, Ерен, Есен – тоже отражаются мотивы пожеланий и благословений, что определяется традицией казахского народа, ведь издавна казахи верили в силу имен и всегда вкладывали в имена свои пожелания, обдуманно подходили к их выбору для своих детей. Обо всем этом мы читаем в разделе «Наука и судьбы».

Размышляя о самых важных моментах своей жизни, А.С. Аманжолов призывает молодое поколение любить родину и служить своей стране, думать о высших духовных ценностях, о вершинах науки.

Таким образом, результаты исследования личных имен могут включать различные аспекты и мы, проанализировав один раздел книги А.С. Аманжолова, получили интересные данные, позволившие провести анализ контекста имени и установить контекстуальные ассоциации, увидеть эмоциональный аспект и историко-культурную составляющую при именовании. Изучение личных имен в перспективе представляет собой важный объект исследования и хороший источник для мотивации обучающейся молодежи.

3. Международный научный форум «Аманжоловские чтения – 2024»

14–15 мая 2024 г. в Казахском национальном университете им. аль-Фараби состоялась конференция, где были обсуждены актуальные вопросы развития науки в области тюркологии. Цель конференции – привлечь внимание к проблемам сохранения и исследования рукописей и старых печатных книг, наметить перспективы дальнейших исследований в области тюркологии и языкознания в целом. Конференция «Аманжоловские чтения – 2024» охватила широкий спектр тем, связанных с тюркологией, лингвистикой, литературоведением и педагогикой.

«Ученый, имя которого известно далеко за пределами Казахстана. Ученый, который действует согласно принципу: “Сильный человек – не тот, кто побеждает слабого, а тот, кто помогает слабому стать сильным”. И это относится к академику МАН РК, профессору Казахского национального университета им. аль-Фараби Алтаю Сарсеновичу Аманжолову, истинному ученому, преданному своему делу и научному кредо», – отметил Председатель Правления – Ректор КазНУ им. аль-Фараби Жансеит Туймебаев. Особое внимание он уделил тому, что научно-исследовательская деятельность Аманжолова охватывает широкий круг вопросов истории языка и письменности, и что именно он является одним из немногих специалистов в области исторической грамматики тюркских языков, истории древнетюркской письменности.

В мероприятии приняли участие около 100 делегатов из разных стран (Азербайджана, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Российской Федерации (Москва, Республика Адыгея, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Чувашская Республика и др.), Турции, Узбекистана и Франции), заслушано 80 докладов. Доклады были на русском, казахском и английском языках.

Прозвучало приветствие от имени президента научно-образовательного фонда «Аспандау» Нуркатова Арнура Арыстановича, в котором он отметил важность инновационных методов хранения и описания древнетюркских текстов для бу-

душего научного сообщества в эпоху цифровизации. Сотрудничество с этим фондом НИИ тюркологии и алтаистики имеет давнюю историю, и в этот раз фонд также поддержал мероприятие.

В теплой приветственной речи профессор, доктор педагогических наук, член-корреспондент НАН РК Оразбаева Фаузия Шамсиевна отметила значимость системного изучения наследия ученых-тюркологов, в частности, трудов профессора А.С. Аманжолова и определения его роли в развитии мировой тюркологии. Она вспомнила годы, когда работала на кафедре общего языкознания КазГУ им. С.М. Кирова под руководством заведующего кафедрой проф. А.С. Аманжолова.

В продолжение первого пленарного заседания было заслушано восемь докладов. Состояние языка и письменности, начиная от рунических знаков и заканчивая цифровизацией, всесторонне было охарактеризовано в докладе доктора филологических наук, профессора кафедры иностранной филологии и переводческого дела КазНУ им. аль-Фараби Сулейменовой Элеоноры Дюсеновны. Арекенова Жадыра Айдынгаалиевна, исполняющая обязанности директора Библиотеки КазНУ им. аль-Фараби освещала вопросы о ценных и редких рукописях и печатных книгах библиотеки. Оразалиева Эльмира Нурлановна – доктор филологических наук, профессор, ассоциированный профессор Назарбаев Университета остановилась на интересной теме о духовном наследии Аманжоловых, их осмыслении и почтении. Доклад Шаймерденовой Нурсулу Жамалбековны – исполнительного директора НИИ тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби, доктора филологических наук, профессора – был посвящен эпистолярному наследию ученых как историко-лингвистическому ресурсу.

Почетными гостями на мероприятии были брат Алтая Сарсеновича, кандидат математических наук Урал Сарсенович и сестра, кандидат химических наук Алия Сарсеновна, а также сын, бизнесмен и общественный деятель Ерен Алтаевич. Они передали в фонд библиотеки КазНУ им. аль-Фараби ценные книги и эпистолярные архивы Алтая Аманжолова.

Егоров Николай Иванович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби (Российская Федерация, Чувашская Республика, г. Чебоксары), поднял вопрос о языке в истории и истории в языке, рассказав об истории слов, обращая внимание слушателей на теоретические гипотезы и эмпирические аргументы.

Назаров Насриддин Атакулович, доктор исторических и философских наук, профессор Чирчикского государственного педагогического университета (Узбекистан, г. Чирчик), затронул вопросы историко-культурного значения орхоненисейских памятников и места фольклора в них.

Авакова Раушангул Амирдиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркологии и теории языка КазНУ им. аль-Фараби, рассказала в своем докладе об Алтае Сарсеновиче как о человеке высокой культуры и общественном деятеле. О значении малоизвестных статей А.С. Аманжолова в области истории тюркского письма детально изложил Жанабаев Кайрат, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби.

Во втором пленарном заседании были освещены вопросы научного наследия ученых и педагогов. Модераторами стали доктор исторических наук, профессор

кафедры археологии, этнологии и музеологии факультета истории КазНУ им. аль-Фараби Калыш Аманжол Боранбайулы и исполнительный директор НИИ тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна. Во втором пленарном заседании было заслушано 18 докладов. Из них 5 были посвящены теме научной ценности трудов А.С. Аманжолова, биографических заметок, научной концепции ученого, его исследовательском векторе в тюркологии.

О современном состоянии тюркского языкознания было зачитано два доклада, отдельная роль отводилась историко-культурным и этноязыковым процессам в Казахстане, этнокультурным контактам в фольклоре народов Казахстана, а также этнокультурологическим аспектам сопоставительных ассоциативных исследований. Прозвучали доклады о системе образования, которые освещали темы развития современного высшего образования в России, о международном сотрудничестве носителей славянских и тюркских языках в Китае и практике обучения, о роли науки в университете. Был заслушан доклад об Ахмете Байтурсынове и проблеме периодизации в отечественном литературоведении, вопросах переводоведения в трудах Ф.Х. Фаткуллина, о роли Натальи Васильевны Дмитриук в казахстанской науке, о философии гуманизма и мультикультуре Е.А. Букетова.

Далее работа конференции проходила по трем секциям, где были выступления и обсуждения. В секции «История письма: от тюркских рун к современной коммуникации» было заслушано 15 докладов. Модераторами были назначены кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби Жанабаев Кайрат и кандидат филологических наук, ассистент-профессор Astana IT University Аманжолова Джемма Болатовна.

Секции конференции охватили широкий спектр тем – от роли и значимости научных трудов профессора А.С. Аманжолова в исследовательской и образовательной областях до истории письма и тюркско-славянского взаимодействия языков и культур. 15 мая состоялось заключительное заседание «Тюркско-славянское взаимодействие языков и культур», здесь было заслушано 19 докладов. Модератором выступила Каиржанова Адия Тасболатовна, магистр филологии, докторант КазНУ им. аль-Фараби. Приветственное слово произнесли руководители научно-просветительского проекта «Эпоха и личность» кандидат филологических наук, доцент, член Правления – Проректор по научной работе и международным связям Кызылординского университета им. Коркыт-ата, член НЭС АНК Бурибаева Майнура Абильтаевна и исполнительный директор НИИ тюркологии и алтаистики КазНУ им. аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна. Они осветили вопросы тюркско-славянского взаимодействия на перекрестке времен и цивилизаций.

Два доклада было посвящено вопросам ономастики. Ономастика на сегодняшний день является ведущим направлением в языковой политике Казахстана, так как имеет большое историческое, культурное, политическое значение. Докторант 1-го курса КазНУ им. аль-Фараби А.Т. Кикбаева остановилась на вопросах антропонимики, обратив особое внимание на национально-культурный компонент в личных именах. В своей работе автор опирается на труды казахстанских ученых в сфере ономастики и выражает глубочайшую благодарность доктору филологических наук Т. Жанузакову за исследования в области антропонимов.

Его вклад в изучение и понимание казахских имен, их семантики и происхождения является бесценным.

Проблемам топонимики были посвящены доклады Ф. Шукуровой-Бабаевой, кандидата политических наук, научного сотрудника Института кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана, В.Д. Нарожной, профессора кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета им. У. Жанибекова, и И.М. Кадеевой, кандидата филологических наук, доцента Южно-Казахстанского государственного педагогического университета им. У. Жанибекова.

Впервые в рамках научного форума состоялось взаимодействие НИИ тюркологии и алтаистики и Библиотеки аль-Фараби. В секции «Библиотечное дело: книги в традиционном и цифровом формате» было заслушано 12 докладов и собрались специалисты библиотечного дела, которые обсудили вопросы библиотечного дела, в том числе проблемы комплектования, хранения и цифровизации книг. Модераторами стали и. о. директора Библиотеки КазНУ им. аль-Фараби Аркенова Жадыра Айдынгалиевна и кандидат исторических наук, профессор, академик МАИН, член АНК, член НЭГ АНК, профессор кафедры «История Казахстана и социальные науки» КазНАИ им. Темирбека Жургенова – Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна.

В данной секции рассматривались такие вопросы, как новые тенденции и технологии в библиотечных и информационных ресурсах, семейная библиотека как культурно-образовательный и воспитательный ресурс, роль предметных библиотечек в книжном обеспечении учебного процесса, услугах, библиотечном менеджменте. Обсуждались опыт применения эффективных методов управления в Библиотеке КазНУ им. аль-Фараби, информационно-библиографическая работа, пути формирования основного фонда библиотеки, охарактеризовано книгохранилище библиотеки как образовательный ресурс, освещены вопросы конверсии при переходе на новую автоматизированную библиотечно-информационную систему (АБИС), затронута тема о современных требованиях к созданию электронной библиотеки, рассмотрены перспективы работы с международными подписными базами данных как важного направления деятельности университетской библиотеки. Также стоит отметить, что в классическом читальном зале на втором этаже библиотеки открылся книжный уголок «Личная библиотека Алтая Аманжолова», состоящая из книг Алтая Сарсеновича, подаренных семьей Аманжоловых.

В заключительной части первых «Аманжоловских чтений – 2024» студенты 3 курса филологического факультета образовательной программы «Русский язык и литература» (Орынғалиева Айгерім, Абдыкалык Нұрмұхаммед, Бексултанова Балнур, Шалхар Асылзат, Романенко Алина, Садыбаева Аружан, Шағдарбекова Гаухар, Сайлау Жибек, Рыслбек Лаура, Сисенбай Динара и др.) показали результаты работы творческой лаборатории «Научно-педагогическая деятельность профессора А.С. Аманжолова глазами студентов XXI века».

Заключение

I Международная научно-методическая конференция «Аманжоловские чтения – 2024» стала площадкой для обмена новейшими научными знаниями и

идеями, обсуждения перспектив развития тюркологии в современном мире. Она способствовала установлению международного сотрудничества между учеными, предоставив возможности для совместных проектов и научных публикаций.

Данное событие, надеемся, войдет в историю как первое стартовое научное мероприятие, посвященное памяти выдающегося тюрколога Алтая Сарсеновича Аманжолова, а изданный сборник будет важным ресурсом для изучения научной биографии ученого и его концептуально-теоретических работ. Труды А.С. Аманжолова являются ценным вкладом в развитие тюркологической науки и научно-педагогического образования.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность всем, кто принял участие в столь значительном и необходимом для современной тюркологии форуме, который состоялся благодаря поддержке руководства КазНУ им. аль-Фараби в лице Председателя Правления – Ректора Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктора филологических наук, тюрколога и алтаиста Ж.К. Туймебаева. Авторы также выражают признательность Научно-образовательному фонду «Аспандау» в лице его руководителей и сотрудников – А.А. Нуркатуву и Т.Т. Акбауовой.

Особенную благодарность за участие в форуме оргкомитет международной конференции и авторы статьи выражают семье Алтая Сарсеновича Аманжолова. Присутствие близких и родных ученого на первых «Аманжоловских чтениях – 2024» оказало важную поддержку нашему научному мероприятию, вдохновило молодых исследователей на сохранение и изучение лингвистического наследия профессора А.С. Аманжолова.

Литература

- Аманжолов 1983 – *Аманжолов А.С.* Турецкий язык: учеб. пособие для студентов каз. отд-я филол. фак. – Алма-Ата: КГУ, 1983. – 106 с. {*A.S. Amanzholov. Turkish language: textbook for students of Kazakh Language Department of Faculty of Philology. – Alma-Ata: Kazakh State University, 1983. – 106 p.*}
- Аманжолов 1985 – *Аманжолов А.С.* Тюркская руническая графика: наглядный материал. – Алма-Ата: КазГУ, 1985. – 47 с. {*A.S. Amanzholov. Turkic runic script: visual material. – Alma-Ata: Kazakh State University, 1985. – 47 p.*}
- Аманжолов 1997 – *Аманжолов А.С.* Казахско-русский словарь лингвистической терминологии. – Алматы: Қазақ университеті, 1997. – 85 с. {*A.S. Amanzholov. Kazakh-Russian dictionary of linguistic terminology. – Almaty: Kazakh University, 1997. – 85 p.*} (In Kazakh and Russian.)
- Аманжолов 1999 – *Аманжолов А.С.* Казахско-русский словарь лингвистической терминологии. – Издание второе, переработанное и дополненное. – Алматы: Қазақ университеті, 1999. – 75 с. {*A.S. Amanzholov. Kazakh-Russian dictionary of linguistic terminology. – 2nd edition, revised and extended. – Almaty: Kazakh university, 1999. – 75 p.*} (In Kazakh and Russian.)
- Аманжолов 2003 – *Аманжолов А.С.* История и теория древнетюркского письма. – Алматы: ЗАО Издательство «Мектеп», 2003. – 368 с. {*A.S. Amanzholov. History and theory of the Old Turkic script. – Almaty: CJSC Publishing House “Mektep”, 2003. – 368 p.*}
- Аманжолов 2012 – *Аманжолов А.С.* Опыт изучения тюркских языков. – Астана: Фолиант, 2012. – 400 с. {*A.S. Amanzholov. An attempt at studying Turkic languages. – Astana: Folio, 2012. – 400 p.*}
- Бахтикиреева 2013 – *Бахтикиреева У.* Памяти казахстанского ученого-тюрколога Алтая Сарсеновича Аманжолова // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2013. –

- № 1. – С. 117–119. {*U. Bakhtikireyeva*. In memory of Kazakh Turkologist Altay Sarsenovich Amanzholov // Bulletin of the RUDN. Series “Theory of language. Semiotics. Semantics”. – 2013. – No. 1. – PP. 117–119.}
- Джанузаков 1982 – *Джанузаков Т.* Очерк казахской ономастики. – Алма-Ата: Ғылым, 1982. – 16 с. {*T. Dzhanuzakov*. An essay on Kazakh onomastics. – Alma-Ata: Gulum, 1982. – 16 p.}
- Туймебаев 2006 – *Туймебаев Ж.* Становление и развитие алтайской теории и алтаистики. – Туркестан, 2006. – 274 с. {*Zh. Tuymbayev*. Formation and development of the Altaic theory and Altaic studies. – Turkestan, 2006. – 274 p.}
- Туймебаев 2006 – *Туймебаев Ж.* Становление и развитие Алтайской теорий и Алтаистики. – Туркестан: Типография «Туран», 2006. – 274 с. {*Zh. Tuymbayev*. Formation and development of Altaic theories and Altaistics. – Turkestan: “Turan” Printing House, 2006. – 274 p.}
- Шаймерденова 2012 – *Шаймерденова Н.Ж.* «Жил в ладу с совестью. Памяти А.С. Аманжолова» // Казахстанская правда. – 2012. – 7 с. {*N.Zh. Shaymerdenova*. “He lived in harmony with his conscience. In memory of A.S. Amanzholov” // Kazakhstanskaya Pravda. – 2012. – 7 p.}
- Аманжолов 1988 – *Аманжолов А.С.* Бабалар сөзі [Слова предков]. – Пекин: Ұлттар баспасы, 1988. – 67 с. {*A.S. Amanzholov*. The words of ancestors. – Beijing: Nations Publishing House, 1988 – 67 p.} (In Kazakh.)
- Аманжолов 1994 – *Аманжолов А.С.* Ортақ асыл мирас [Общее наследие]. – Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi, 1994. – 38 с. {*A.S. Amanzholov*. Common heritage. – Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi, 1994. – 38 p.} (In Kazakh.)
- Аманжолов, Құрманбаева 1999 – *Аманжолов А.С. Құрманбаева Ш.Қ.* Түрікше-қазақша фразеологиялық сөздік [Турецко-казахский фразеологический словарь]. – Алматы: ҚР Ғылым Академиясы, 1999. – 45 с. {*A.S. Amanzholov, Sh.K. Kurmanbayeva*. Turkish-Kazakh phraseological dictionary. – Almaty: Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 1999. – 45 p.} (In Kazakh.)
- Оспан 2019 – *Оспан Б.* Есімдер: сақтардан қазақтарға дейін [Имена: от саков до казахов]. – Алматы: «Асыл сөз», 2019. – 296 с. {*B. Ospan*. Names: from the Saks to the Kazakhs. – Almaty: “Asıl Söz”, 2019. – 296 p.} (In Kazakh.)
- Шаймерденова, Қоразова 2009 – *Шаймерденова Н.Ж., Қоразова А.Б.* Аманжолов Алтай Сәрсенұлы: библиографиялық көрсеткіш [Аманжолов Алтай Сарсенович: библиографический указатель]. – Алматы: Қазақ университеті, 2009. – 70 с. {*N.Zh. Shaymerdenova, A.B. Korazova*. Amanzholov Altay Sarsenovich: a biobibliographic index. – Almaty: Kazakh University, 2009. – 70 p.} (In Kazakh.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 159–163. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.141

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-159-163

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

РЕЦЕНЗИЯ:

ВАЛИЕВА М.Р. КУХОННАЯ УТВАРЬ (НАЗВАНИЯ И ЗНАЧЕНИЯ БЫТОВОЙ ПОСУДЫ НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ): БАШКИРСКО-РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ СЛОВАРЬ¹

Анна Владимировна Дыбо¹, Зарема Назировна Экба²

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
ORCID: 0000-0002-6077-7183
e-mail: adybo@iling-ran.ru

² Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук
ORCID: 0000-0002-7300-1392
e-mail: zaremaekba@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Дыбо А.В., Экба З.Н., 2024

Для цитирования: Дыбо А.В., Экба З.Н. Рецензия: Валиева М.Р. Кухонная утварь (названия и значения бытовой посуды на материале диалектов): башкирско-русско-английский словарь // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 159–163. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-159-163.

Review of M.R. Valiyeva's book:

Kitchenware (names and meanings of household utensils based on dialectal data): Bashkir–Russian–English dictionary

Anna Vladimirovna Dybo¹, Zarema Nazirovna Ekba²

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

¹ [Электронный Ресурс]. – УФА: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. – 280 С. – URL: <http://rihl.com/files/Knigi/239-5.pdf> ISBN 978-5-91608-239-5.

ORCID: 0000-0002-6077-7183

e-mail: adybo@iling-ran.ru

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ph.D. in Philology

ORCID: 0000-0002-7300-1392

e-mail: zaremaekba@iling-ran.ru

© IL RAS, 2024

© Dybo A.V., Ekba Z.N., 2024

For citation: *Dybo A.V., Ekba Z.N.* Review of M.R. Valiyeva's book: Kitchenware (names and meanings of household utensils based on dialectal data: Bashkir–Russian–English Dictionary // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 159–163. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-159-163.

В настоящее время интерес к языкам и культуре народов России, в том числе и башкирского, неизменно возрастает, что приводит к увеличению исследований в области лексики, связанной с традиционным укладом жизни этих народов.

В 2023 г. издан трехязычный словарь по кухонной утвари башкир, словник которого включает более 1000 лексических единиц. Данное издание продолжает серию публикаций словарей, отражающих историческое прошлое и национальные традиции башкирского народа.

В предшествующий период изучения истории и культуры башкир лингвистический аспект бытовой лексики не имел детальной разработки, в связи с чем перед автором возникла необходимость в обобщении и систематизации имеющегося материала. Помимо литературных названий предметов кухонной утвари, представлена редкая диалектная лексика, относящаяся к устной речи. В издание вошли материалы, собранные из словарей, энциклопедий, а также этнографических, фольклорных, художественных источников, материалов экспедиционных и полевых исследований ученых ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Таким образом, помимо указанной в названии работы кухонной утвари, под которой обычно подразумевается столовая посуда и различные приспособления для приготовления и подачи пищи, в словаре представлены разнообразные диалектные наименования хозяйственных емкостей, сосудов, дорожных торб, сумок, сеток, кожаных, лубяных и берестяных корзин, коробов для хранения продуктов. Практически каждая лексема сопровождается различными примерами употребления из устного народного творчества: пословиц, поговорок, сказок, эпосов, поверий, обрядов и т. п.

Словарь составлен в форме таблицы: в левом столбце расположены названия предметов, описание их функционального значения в быту, материала, из которого изготовлен предмет. Заглавное слово с башкирского языка переведено на русский и английский языки. Словарные статьи располагаются в алфавитном порядке, даются полужирным шрифтом; необходимые пометы – курсивом. Для названий бытовой утвари, не имеющих точного эквивалента в русском и английском языках, приводятся описания или толкования, а также близкие по значению лексем. Также по возможности в скобках указываются единицы измерения объема жидкости и сыпучих продуктов, необходимые для их характеристики. Диалектные названия домашней утвари, представленные омонимами, обозначены

римскими цифрами. В таком случае они даются со ссылкой (см.) на литературное слово или его распространенное название. Например:

АҒАСАЯК I (сакм.) см. *табак I*; **АҒАСАЯК II** (сакм.) см. *ағас күнәк*.

После диалектных слов указывается сокращенное название говора, в котором они бытуют, и в качестве примера приводятся часто используемые словосочетания из обиходно-бытового общения башкир:

ЯМАЯК II (*караид., гайн., нижне- Аҡ балсыктан яһалған ямаяк* – чаша из
бельск., *танып.*) см. *балсык сеүәтә* белой глины

Помимо этого, бытовые термины проиллюстрированы примерами из фольклорных, этнографических, диалектных, экспедиционных материалов, а также примерами из картотечного фонда ИИЯЛ УФИЦ РАН (КФ) и т. п. Часто в качестве примеров используются диалектные записи собирателей ИИЯЛ, отредактированные автором. Например, диалектный материал языковеда М.И. Дильмухаметова:

АКЫЙ (*ср.-ур.*) – чашка (*фарфор- Башкорт теленең урта урал һөйләшендә*
рочная белая чашка без узоров) – *бизәкһез аҡ сынаякты аҡый тип йөрөтә-*
сир (*white cup without patterns*) *ләр.* М.И. Дильмухаметов.

В качестве основного в словаре представлено прямое значение кухонной утвари, однако для многих слов дополнительно приводится описание сакрально-символической и коннотативной семантики некоторых обрядовых предметов. Например:

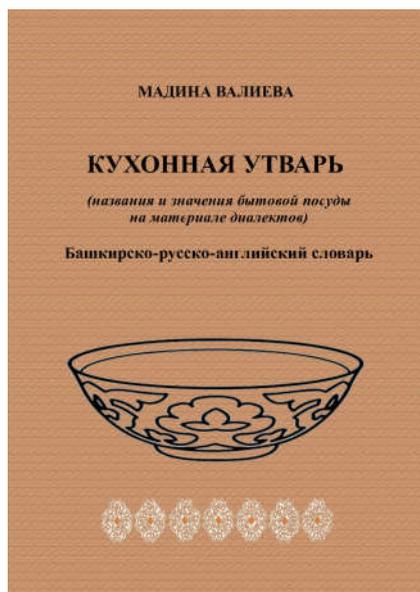
**Бата аяғы* – первая чаша с напитком, подаваемая хозяину (*т. е. при угощении гостей хозяин должен выпить первым подаваемый напиток*);

**Кейәу аяғы* (*инзер.*) – чаша жениха (*ритуальный предмет, участвующий в свадебном обряде*);

**Кунак аяғы* (*миас.*) – последняя чашка чая и т. п.

Новизна работы заключается в том, что впервые был составлен трехязычный словарь кухонной утвари, а также собран и систематизирован богатый языковой материал по одному из обширных разделов материальной культуры башкир. Диалектная кухонная утварь всегда была актуальной темой тюркской диалектологии. В данном словаре выявлены ареальные значения слов и указаны говоры для каждого из них. Конечно, хотелось бы увидеть здесь еще и источник происхождения представленных слов для башкирского языка (общетюркское, заимствованное и т.д.), но пусть это останется нашим пожеланием автору для его последующих исследований.

Представленная в словаре лексика свидетельствует о широком распространении у башкир кожаной, деревянной, берестяной и глиняной бытовой утвари. Многие из названий не просто обозначают предмет, но и несут в себе сакрально-символический смысл, связанный с обычаями, народными традициями и поверьями, например: *каймак тултырылған төйөстө алып китеу* – ритуал завоевания свадебного туса, *көршәк ватыу* – бить горшок с завязанными глазами (состязание, проводимое во время народных праздников), *казан түңкәрелеу* – опрокидывание котла (символ несчастья, смерти) и т.д.

Небезынтересно узнать, что некоторые названия с компонентами – названиями посуды являются в башкирском языке терминами народной медицины, в частности относятся к остеологии и ортопедической терминологии костоправов: *сеүәтә һөйәге* ‘теменная кость’, *тубык сеүәтәһе* ‘надколенная чашка’ и др. (оба названия происходят от слова *сеүәтә* ‘чашка’). Наименования посуды в качестве компонентов сложных слов входят также в состав названий созвездий: *Иләк йондоз(о)* (образовано от *иләк* ‘сито’ и *йондоз* ‘звезда’) ‘Созвездие Весы’, *Кунәк йондозло* (от *кунәк* ‘ведро’ и *йондозлок* ‘созвездие’) ‘Созвездие Водолей’, *Сүмес йондозо* (от *сүмес* ‘ковш’ и *йондоз* ‘звезда’) ‘Созвездие Большая Медведица’ и др. Есть они и в названиях растений: *каса япрагы* (букв. *каса* ‘чашка, пиала’ и *япрак* ‘лист’) ‘чашелистник’, *кәкүк сәрмәһе* (букв. ‘кукушкина сумочка’) или *кәкүк тубалы* (букв. ‘кукушкино лукошко (гнездо)’) ‘Венерин башмачок’, а также представителей животного мира: *сүмесбаиш* (букв. ‘ковшеобразная голова’) ‘головастик’, *һоско морон* (букв. ‘нос как совок’) ‘утка’ и мн. др.

Кроме того, в словаре представлена богатая фразеология с использованием компонента названия посуды: *бер табактан ашау* ‘быть близкими друзьями’ (букв. ‘есть из одной тарелки’), *сеүәтә тибеу* ‘бездельничать’ (букв. ‘пинать чашу’), *кәмәш калактан гына ашатыу* ‘изнежить’ (букв. ‘кормить из серебряной ложечки’), *баиш тубал кеүек булды* ‘голова стала как котел’ (т. е. отупела от боли и усталости) и др.

Отметим, что у башкир имеются многочисленные клички и прозвища, представляющие собой изафетные конструкции с коннотативной семантикой, образованные с компонентом названия посуды (или другой кухонной утвари), которые тоже зафиксированы в данном словаре: *иләк ауыз* ‘болтун’ (букв. ‘ситоротый’), *йоко сүлмәге* ‘соня’ (букв. ‘горшок сна’), *киле корһак* ‘ненасытный’ и *киле тамак* ‘прожорливый’ (оба сочетания образованы от лексемы *киле* ‘деревянная ступа для толчения зерна и других круп’), *табак күз* ‘пучеглазый’ (букв. ‘глаза подобные миске’), *гәйбәт капсыгы* ‘сплетник’ (букв. ‘мешок сплетен’), *хыял*

капсыгы ‘мечтатель’ (букв. ‘мешок с мечтами’) и мн. др. Таким образом, словарь дает хорошее представление не только о большом разнообразии предметов кухонной утвари башкир, но и о богатой фразеологии башкирского языка, связанной с этой тематикой.

Самостоятельную ценность в словаре представляют приложения, одним из которых является набор этнографических фотографий, иллюстрирующих значения многих вышедших из употребления предметов кухонного быта. Особенно важным это представляется именно сейчас, когда стремительные изменения жизненного уклада наших современников неизменно влияют на бытовое окружение, в котором самобытная утварь и посуда оказались практически вытесненными из повседневной жизни людей. Утрачиваются и технологии кустарного и промыслового изготовления кухонных изделий.

Таким образом, представленный словарь В.Р. Валиевой «Кухонная утварь (названия и значения бытовой посуды на материале диалектов)» является ценным научным вкладом в дело сохранения самобытной национальной культуры башкир. Это издание представляет собой обобщение как работ предшествующих поколений башкирских диалектологов, так и новых исследований в области лексики материальной культуры башкир. Словарь может быть полезным не только узкому кругу языковедов, но и другим специалистам, в том числе переводчикам, фольклористам, этнографам и музейным работникам, а также всем, кто интересуется историей и культурой башкирского народа.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 164–179. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.19

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-164-179

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

И.В. КОРМУШИН И ЕГО ВКЛАД В ТЮРКСКУЮ РУНОЛОГИЮ (К 85-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)

*Александр Владиславович Савельев*¹

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия
старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-8343-2057
Scopus ID: 57217068405
e-mail: asavelyev@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Савельев А.В., 2024

Благодарность: Статья написана в рамках работы по гранту Российского научного фонда № 24-28-01042 «Разработка информационной системы для создания цифрового корпуса древнетюркских рунических надписей» (организация финансирования – Институт языкознания Российской академии наук; URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01042/>).

Автор выражает признательность оргкомитету конференции «Тенишевские чтения-17» (Институт языкознания РАН, Москва, 4–5 июня 2024 г.) за возможность выступить с пленарным докладом, который и послужил основой для настоящей публикации.

Для цитирования: *Савельев А.В.* И.В. Кормушин и его вклад в тюркскую рунологию (к 85-летию ученого) // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 164–179. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-164-179.

I.V. Kormushin and his contribution to Turkic Runology (on the occasion of his 85-th anniversary)

*Aleksandr Vladislavovich Savelyev*¹

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. in Philology, Researcher
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Senior Researcher

ORCID: 0000-0002-8343-2057

Scopus ID: 57217068405

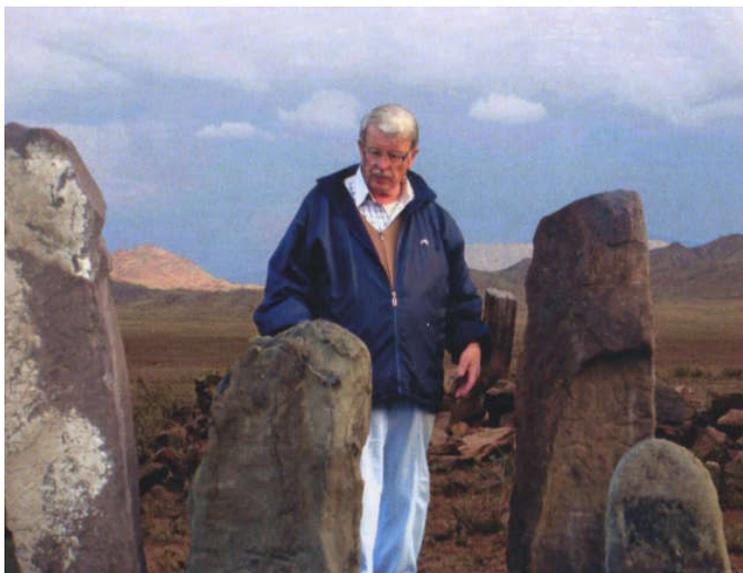
e-mail: asavelyev@iling-ran.ru

© IL RAS, 2024

© Savelyev A.V., 2024

Acknowledgement: The article was written within the research under the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01042 “The development of an information system for building a digital corpus of Old Turkic runiform inscriptions” (funding organization – Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01042/>). The author expresses his gratitude to the organizing committee of the conference “Tenishev Readings-17” (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, June 4–5, 2024) for the opportunity to present a plenary report, which served as the basis for this publication.

For citation: *Savelyev A.V. I.V. Kormushin and his contribution to Turkic Runology (on the occasion of his the 85th anniversary) // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 164–179. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-164-179.*

25 января 2024 г. отметил 85-летний юбилей доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, председатель Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, главный редактор журнала «Российская тюркология» Игорь Валентинович Кормушин.

И.В. Кормушин – один из виднейших отечественных специалистов в области алтайского языкознания, прежде всего тюркологии и тунгусоведения. Начиная с 1960-х гг. он занимался описанием исчезающих тунгусо-маньчжурских языков Дальнего Востока – удэгейского, а также ороцкого. В тюркологических работах Игоря Валентиновича основное внимание сосредоточено на диахронических аспектах. Среди вопросов истории тюркских языков, которым он посвящал специальные исследования, – происхождение тюркской глагольной морфологии в ал-

таистическом контексте; история тюркских языков Южной Сибири (в первую очередь, тувинского и его ближайших родственников, составляющих саянскую, или тобаскую, группу); караханидско-уйгурский язык и его важнейший памятник – «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари.

Не останавливаясь на всем многообразии академических интересов И.В. Кормушина (см. биографический очерк и библиографический указатель в брошюре [Кара-оол 2009], а также очерк научной деятельности в статье [Дыбо 2019]), данную публикацию хотелось бы посвятить его вкладу в одно конкретное направление – изучение памятников древнетюркской (орхоно-енисейской) рунической письменности. Выбор такой темы обусловлен не только тем, что на протяжении многих лет она остается центральной в научной деятельности Игоря Валентиновича, но и личным моментом. В 2019 г. И.В. Кормушин предложил автору настоящей статьи принять участие в проекте по цифровой документации памятников древнетюркской руники на территории Монголии. Это сотрудничество стало той точкой, в которой берет начало мой собственный интерес к рунической эпиграфике, а полученный опыт позволил теперь «подхватить» инициативу Игоря Валентиновича по созданию электронного корпуса тюркских рунических памятников. С учетом актуальных задач тюркской рунологии еще более насущной выглядит задача обобщения его вклада в эту область.

В общей сложности И.В. Кормушин опубликовал около 70 статей, а также несколько монографий по теме орхоно-енисейских памятников. Начало рунологическим исследованиям Игоря Валентиновича было положено его работой в составе коллектива авторов «Древнетюркского словаря», увидевшего свет в 1969 г. В публикациях последующих 50 лет им были затронуты самые разные проблемы изучения тюркских рунических надписей, включая их палеографию, уточнение чтений, введение в научный оборот новых памятников, а также текстологию и этнолингвистическую интерпретацию рунических надписей. В дальнейшем изложении, обсуждая роль Игоря Валентиновича в развитии различных областей тюркской рунологии, я буду придерживаться именно тематического порядка.

Одно из направлений, получивших развитие уже в первых публикациях И.В. Кормушина по древнетюркской тематике, – это палеография тюркской руники. В 1975 г. вышла его статья «К основным понятиям тюркской рунической палеографии», имевшая основополагающее значение для формирования соответствующей дисциплины в рамках исторической тюркологии. Дело в том, что в предшествующий период палеографическая сторона тюркской рунологии оставалась практически неразработанной, а основное внимание уделялось лишь двум проблемам – происхождению древнетюркской рунической письменности и хронологическому соотношению ее орхонского и енисейского изводов. На этом фоне Игорь Валентинович поставил перед собой задачу осуществить детальную «палеографическую проработку» памятников. В частности, им были классифицированы и поименованы основные графические элементы тюркского рунического алфавита (установлены 3 основных и 10 дополнительных графов, проанализированы способы их сочетания). Были эксплицированы принципы транскрипции и транслитерации орхоно-енисейского письма – в частности, т. н. «интерпретирующей транслитерации», которой в дальнейшем отдавал предпочтение сам Игорь Валентинович. Был рассмотрен вопрос о возможном отражении в тюрк-

ском руническом алфавите черт иноязычного алфавита-прототипа. Наконец, были определены основные этапы изменения рунических букв и основные датирующие приметы орхоно-енисейского письма. Одним из значимых тезисов этой работы, основанным на аргументах именно палеографического характера, стало высказанное вслед за Л.Р. Кызласовым предложение датировать енисейские памятники достаточно поздним временем, а именно периодом позже первой трети или даже первой половины IX в.

В относительно недавних публикациях И.В. Кормушина были рассмотрены частные палеографические вопросы, касающиеся, прежде всего, енисейских рунических памятников, а также, в меньшей степени, «царских» памятников Монголии («Топуокук Yazıtı ve Yenisey Yazıtlarındaki “papyon kravatt” Biçimindeki Runik İşaretinin Doğru Okunuşa Dair», 2017), восточно-туркестанских и таласских памятников («К палеографическим особенностям таласских надписей», 2001). В статьях «К соотношению вариантов тюркского рунического письма: палеографические обоснования хронологических оценок» (2013), «Тюркская руническая палеография и тюркская руническая эпиграфика» (2013), «Енисейские страдания-1 (цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)» (2015) был сформулирован важный для тюркской рунологии тезис, названный «принципом учета относительной последовательности структурных изменений графем». Данный принцип основан на той предпосылке, что при эволюции графем некоторая буква может принять определенное начертание только после того, как она приняла логически предшествующий этому начертанию вид. Исходя из этого устанавливаются относительно датированные последовательности начертаний буквы, что, в свою очередь, уже в более широкой перспективе позволяет делать выводы о развитии графической системы. С учетом этого фактора в данных работах была дополнительно обоснована поздняя датировка енисейских памятников, а кроме того, на основании палеографических свидетельств было сформулировано положение о том, что создание рунического алфавита лишь ненамного предшествовало созданию первых известных нам рунических памятников. Также в этих работах была финализована разрабатывавшаяся И.В. Кормушиным классификация вариантов древнетюркского рунического письма в следующем виде:

(1) «отюкено-тюркские» (орхонские) надписи в Монголии (период – с конца VII в. по 30-е гг. VIII в., политическое образование – Второй Тюркский каганат);

(2) «отюкено-уйгурские» надписи в Монголии (период – со второй половины VIII в. по первую половину IX в., политическое образование – Уйгурский каганат);

(3) «енисейско-кыргызские» надписи из бассейна Енисея и – единично – с территории северо-западной Монголии (период – со второй половины IX в. по конец X или даже начало XI в., политическое образование – Кыргызский каганат);

(4) «восточно-туркестано-уйгурские» надписи (период – X–XI вв., политические образования – уйгурские княжества в Турфане и окрестностях);

(5) таласские надписи в Киргизии, а также в прилегающих районах соседних стран Средней Азии (судя по палеографическим данным, являющиеся ответвлением енисейско-кыргызских памятников и датируемые, скорее всего, X в.);

(6) «северо-алтайско-кыргызские» надписи с территории Северного Алтая (по палеографическим данным датируемые, по всей видимости, опять же X в.).

И.В. Кормушиным был введен в научный оборот ряд памятников древнетюркской рунической письменности. Так, в монографии «Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования» (1997) был впервые опубликован памятник из Тувы Шаньчи III (Е-152). Кроме того, Игорем Валентиновичем были введены в эпиграфическую практику памятники Е-153 и Е-154 из долины р. Алаш в Западной Туве (чтения надписей опубликованы с техническими погрешностями в отдельной статье 2000 г., а в исправленном виде – в обобщающей монографии по енисейской рунике 2008 г.).

Помимо этого, И.В. Кормушин предложил множество новых чтений для уже опубликованных древнетюркских рунических надписей. Во многих случаях эти уточнения могут фактически приравниваться к повторному введению памятников в научный оборот, поскольку существовавшие до этого чтения были сугубо предварительными и часто – совершенно неудовлетворительными. В упомянутой монографии 1997 г. более чем для 50 енисейских памятников были представлены новые чтения, а в ее продолжении 2008 г. предметом филологического анализа стали еще около 20 надписей. Новые интерпретации некоторых надписей Хакасии и Тувы (Е-134, Усть-Сос; Е-26, Очуры; Е-41, Хемчик-Чиргакы; Е-29, Алтын-Кель II и др.) публиковались параллельно и в отдельных статьях. Все эти уточнения стали возможны благодаря полевому изучению енисейских памятников, которым Игорь Валентинович активно занимался в течение нескольких десятилетий, начиная с 1987 г.

Уже в XXI в. И.В. Кормушин начал ездить с экспедициями в Монголию и осматривать местные памятники тюркского рунического письма, что позволило ему внести уточнения в чтение надписей и этого круга. По итогам этой работы в 2005 г. им была опубликована статья, посвященная надписи из местечка Шарбулаг (сомон Дарви), а затем вышел ряд публикаций на тему надписей Монголии уже в соавторстве с монгольскими коллегами (группа Ц. Баттулги). Так увидели свет статьи, посвященные надписям на скале в Хангидае (2009), Архананской надписи (2013), а также надписям из окрестностей сел Улаан-Чулуут (2018) и Тавьт (2019).

Особое внимание Игорь Валентинович уделил уточнению чтения очень важной Чойренской надписи (2010; 2011), которая, согласно интерпретации, восходящей еще к С.Г. Кляшторному [Кляшторный 1969], признается древнейшим из известных тюркских рунических памятников.

В последние годы работа с тюркским эпиграфическим наследием данного региона велась в рамках проекта «Коррекционные исследования древнетюркских рунических памятников на территории Монголии» (2020–2023), которым руководил Игорь Валентинович. Этот проект был задуман как первый шаг на пути создания полного корпуса древнетюркских рунических надписей старшей поры. Данный этап работы предполагал фотосъемку важнейших эпиграфических памятников Монголии с целью их трехмерного моделирования фотограмметрическим способом, само моделирование, а также создание дополнительных способов визуализации надписи с целью упрощения ее чтения. В рамках проекта команде под общим руководством И.В. Кормушина удалось задокументировать 18 важнейших рунических памятников из Монголии. В качестве сравнительного материала аналогичным образом был задокументирован ряд более кратких рунических

надписей с территории Южной Сибири (26 – Минусинская котловина и Тува, 6 – Горный Алтай).

Значительная часть работ И.В. Кормушина посвящена текстологии рунических памятников и, в частности, енисейских надписей. Так, в статье 1986 г. был сформулирован тезис о наличии среди памятников этого круга женских номинальных надписей. В более поздних публикациях были специально рассмотрены формулы сожаления о смерти (2006) и текстемы адресации (2009) в енисейских эпитафиях. Отдельный цикл работ посвящен текстологии «царских» памятников Монголии, в частности, интерпретации сложных моментов в надписях Кюльтегина и Бильге-кагана (1981), Тоньюкука (2006; 2012; 2014; 2016), Кюли-чора (2008). Ряд публикаций И.В. Кормушина посвящен уточнению семантики «этнокультурно нагруженных» терминов, частотных в рунических памятниках. Среди них – термины родства (2005), примыкающий к ним термин *qunčuj* (2017), этноним и лингвоним *türk* (2011), название племенного объединения *otuz türk* (2014). Наконец, Игорь Валентинович неоднократно касался вопроса о жанровых особенностях рунических текстов, рассматривая их как литературные произведения и находя параллели в их типовом содержании с содержанием героического эпоса (2005; 2009; 2011; 2015).

В последнее десятилетие Игорь Валентинович уделял много внимания изучению рунических памятников в контексте тюркской исторической диалектологии, а также этнолингвистической интерпретации тюркской руники. Он посвящал специальные статьи диалектным особенностям, отмеченным в древних письменных памятниках (2014); вопросу о месте языка орхоно-енисейской письменности в тюркской семье языков (2020) и проблеме «древнетюркского литературного койне» (2020; 2021); свидетельствам рунических памятников в связи с ранней историей хакасского и тувинского народов (2018).

Промежуточные итоги изысканий И.В. Кормушина в области древнетюркской рунической эпиграфики подводились в обобщающих монографиях. Выше уже неоднократно упоминалась как крупная веха в изучении рунических памятников Южной Сибири книга «Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования» (1997). В ней, помимо собственно чтения рунических надписей, была предпринята новая (ср. карту в работе [Кызласов 1960]) попытка выделения ареалов енисейских рунических памятников в зависимости от сопровождающих их тамг. По мысли Игоря Валентиновича, памятники с одинаковыми тамгами бывают объединены не только местоположением и подразумеваемой этнокультурной спецификой, но и общими языковыми чертами. В следующей обобщающей монографии («Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология», 2008) были представлены новые результаты по уточнению чтений, описаны основные черты грамматики енисейских памятников, проанализированы типичные для енисейских памятников текстемы (депловативные, адресации, репрезентативные, повествовательные, завещательные). В 2022 г. вышла двуязычная (на русском и тувинском языках) книга «Древние рунические надписи Тувы [= Тываның бурунгу руналыг бижиктери]». Значение ее выходит за пределы академического исследования древнетюркской эпиграфики, поскольку она носит в значительной степени научно-популярный характер.

Указанные монографии, в которых суммирован опыт Игоря Валентиновича по изучению енисейских рунических памятников, отличаются аккуратностью представления материала и тщательностью филологического анализа; в приложении к каждому из томов дан удобный список встречающихся в нем древнетюркских слов и словоформ. Эти книги являются настольными для любого исследователя, желающего ознакомиться с материалом тюркских рунических надписей Южной Сибири, и как важный шаг в их осмыслении стоят в одном ряду с классическими изданиями енисейских памятников, выполненными И.Р. Аспелином [ФАтлас], В.В. Радловым [АИМ], С.Е. Маловым [МЕПТ].

И.В. Кормушин является автором статей по темам, связанным с тюркской рунологией, в нескольких энциклопедических изданиях. Так, в «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990) вошли его статьи «Древнетюркское руническое письмо» и «Орхоно-енисейских надписей язык», в двухтомную «Энциклопедию Республики Хакасия» (2008) – статьи «Древние письменные памятники Хакасии» и «Орхоно-енисейское руническое письмо». Наряду с емкими, краткими энциклопедическими статьями необходимо отметить и подробный очерк «Орхоно-енисейских надписей язык» в томе «Тюркские языки» (1997) много-томного энциклопедического издания «Языки мира».

Важен вклад И.В. Кормушина в лексикографию тюркских рунических памятников. Как уже говорилось ранее, его путь в рунологии начался с работы в составе большого коллектива авторов над «Древнетюркским словарем» (= ДТС; 1969). Будучи одним из авторов-составителей ДТС, он работал над статьями *qa I – qan-, qara I – qaraqunaz*, участвовал в предварительном редактировании статей *čab – čiqar*. Однако этим его роль не ограничивалась, поскольку он также был соавтором Вводной части и Указателя грамматических форм. Спустя почти 50 лет, в 2016 г., вышло второе, пересмотренное издание «Древнетюркского словаря», где Игорь Валентинович уже значится редактором (вместе с Д.М. Насиловым, А.В. Дыбо, У.К. Исабековой).

На протяжении нескольких десятилетий И.В. Кормушин занимался преподаванием дисциплин, связанных с древнетюркской эпиграфикой, и соответствующей учебно-методической работой. Он читал лекции по языку рунических памятников для студентов филологического факультета Тувинского госуниверситета (г. Кызыл), курс «Древнетюркский язык и литература» для студентов-тюркологов НИУ ВШЭ (г. Москва). В 1999 г. Игорь Валентинович разработал и опубликовал программу курса «Древние тюркские языки», а в 2004 г. – учебник под тем же названием.

«Общественное» направление работы И.В. Кормушина как рунолога не ограничивается преподаванием, участием в подготовке научно-популярных и энциклопедических изданий. В свое время он неоднократно поднимал вопрос, в том числе на правительственном уровне, об условиях хранения эпиграфических памятников в Национальном музее Тувы им. Алдан-Маадыр. Ныне при музее построен крытый стеларий, в котором стелы и плиты с енисейскими надписями хранятся в надлежащих условиях.

Подытоживая, можно с уверенностью сказать, что своей научной работой, а также в рамках иных, сопутствующих ей направлений деятельности Игорь Валентинович внес исключительный вклад в дело изучения, сохранения, популяризации эпиграфического наследия тюркского рунического письма.

Коллеги и ученики, члены Российского комитета тюркологов и сотрудники редколлегии журнала «Российская тюркология» поздравляют Игоря Валентиновича со знаменательной датой, благодарят за подаренное его работами вдохновение, желают крепкого здоровья и новых юбилеев.

Библиография научных трудов И.В. Кормушина в области тюркской рунологии

1969

Древнетюркский словарь. – Л., 1969. {Old Turkic dictionary. – Leningrad, 1969.} (7,2 п.л. из 93,1 п.л.; совместно с: Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, Н.И. Летагина, В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, Л.Ю. Тугушева, А.М. Щербак. Редакторы: В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак).

1972

За научное, глубокое изучение древнетюркских рунических памятников // Советская тюркология. – 1972. – № 5. – С. 139–142. {For a science-based, in-depth approach in studying Old Turkic runiform inscriptions // Soviet Turkology. – 1972. – No. 5. – PP. 139–142.} (Совместно с: Д.М. Насилов).

1975

К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. – 1975. – № 2. – С. 25–47. {On basic concepts of Turkic runiform paleography // Soviet Turkology. – 1975. – No. 2. – PP. 25–47.}

1977

Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам. I // Тюркологический сборник 1977. – М.: Наука, 1981. {Textual studies of Old Turkic runiform inscriptions. I // Turkological collection 1977. – Moscow: Nauka, 1981.}

1986

Текстологические разыскания в области енисейской руники. (К вопросу о женских поминальных надписях) // Turcologica 1986. К 80-летию академика А.Н. Кононова. – Л., 1986. – С. 165–171. {Textual studies of Yenisey runiform inscriptions (on the problem of female memorial inscriptions) // Turcologica 1986. Festschrift for Academician A.N. Kononov (on the occasion of his 80th anniversary). – Leningrad, 1986. – PP. 165–171.}

1990

Древнетюркское руническое письмо // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 144–145. {Old Turkic runiform script // Linguistic Encyclopedic Dictionary. – Moscow, 1990. – PP. 144–145.}

Орхоно-енисейских надписей язык // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 352. {The language of Orkhon–Yenisey inscriptions // Linguistic Encyclopedic Dictionary. – Moscow, 1990. – P. 352.}

1997

Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира. Тюркские языки. – М., 1997. – С. 89–106. {The language of Orkhon–Yenisey inscriptions // Languages of the World Series. Turkic languages. – Moscow, 1997. – PP. 89–106.}

Тюркская руническая надпись Е-134 из с. Усть-Сос, Хакасия // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. I. – Абакан: Хакассский гос. университет им. Н.Ф. Катанова, 1997. – С. 119–122. {The Turkic runiform inscription E-134 from the village of Ust'-Sos, Khakassia // Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkic studies. Issue 1. – Abakan: Katanov Khakassian State University, 1997. – PP. 119–122.}

Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. {Yenisey Turkic epitaphs. Texts and studies. – Moscow: Nauka, 1997.}

2000

О наскальных рунических надписях из Западной Тувы (E-153, E-154) // Становление и развитие науки в Туве. I часть. (Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности 12–14 сентября 2000 г.). – Кызыл, 2000. – С. 5–6. {On runiform inscriptions on rock surfaces in Western Tuva (E-153, E-154) // Formation and development of academic research in Tuva. Part 1. (Proceedings of the International conference dedicated to the 70th anniversary of Tuva alphabet, September 12–14, 2000). – Kyzyl, 2000. – PP. 5–6.}

Проблемы тюркской енисейской текстологии // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. IV. – Абакан: Хакасский госуниверситет им. Н.Ф. Катанова, 2000. – С. 8–13. {Problems of Yenisey Turkic textology // Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkic studies. Issue 4. – Abakan: Khakassian State University, 2000. – PP. 8–13.}

2001

К палеографическим особенностям таласских надписей // “Кыргыз” этнонимине 2200 жыл. Тезистер. – Бишкек, 2001. – С. 94–97. {On paleographic traits of Talas Valley inscriptions // The ethnonym “Kyrgyz” celebrates its 2000th anniversary. Abstracts. – Bishkek, 2001. – PP. 94–97.}

Некоторые особенности древнетюркских рунических памятников из Уюкско-Туранской долины в Северной Туве // II Международный colloквиум по древнетюркским руническим памятникам и письму. Стамбул, 23–30 апреля 2000 г. – Ankara, 2001. {Some peculiarities of Old Turkic runiform inscriptions from the Uyuk-Turan Valley in Northern Tuva // 2nd International colloquium on Old Turkic runiform inscriptions and script. Istanbul, April 23–30, 2000. – Ankara, 2001.}

Следы и элементы литературы в енисейских надписях // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. V. – Абакан: Хакасский гос. университет им. Н.Ф. Катанова, 2001. – С. 102–106. {Traces and elements of literature in Yenisey Turkic inscriptions // Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkic studies. Issue 5. – Abakan: Khakassian State University, 2001. – PP. 102–106.}

Kuzey Tuva Ögök–Turan Vadisindeki Göktürk Anıtlarının Bazı Özellikleri // Türk Dili Araştırmaları Yılı: Belleten, 2000. – Ankara, 2001. – S. 257–261. {Some peculiarities of Old Turkic runiform inscriptions from the Uyuk-Turan Valley in Northern Tuva // Yearbook of Turkic Studies: Bulletin, 2000. – Ankara, 2001. – PP. 257–261.}

2002

О значении енисейских рунических надписей // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности. – Абакан, 2002. – С. 33–39. {On the importance of Yenisey runiform inscriptions // Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 280th anniversary of the discovery of Old Turkic runiform inscriptions. – Abakan, 2002. – PP. 33–39.}

2003

Проблемы текстологии рунических памятников Южной Сибири // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62, № 2. – С. 36–41. {Problems of textology of runiform inscriptions from South Siberia // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and Language. – 2003. – Vol. 62, Issue 2. – PP. 36–41.}

2004

Древние тюркские языки. Учебное пособие. – Абакан: Хакасский государственный университет, 2004. {Ancient Turkic languages. A textbook. – Abakan: Khakassian State University, 2004.}

2005

Енисейские эпитафии VI–XII вв. в прочтении И.В. Кормушина. // Каменные письмены. Древнетюркская поэзия VI–XII веков. – М.: Новый ключ, 2005. – С. 76–90. {Yenisey Turkic epitaphs

from the 6th–12th centuries read by I.V. Kormushin // Stone inscriptions. Old Turkic poetry from the 6th–12th centuries. – Moscow: Novyj ključ, 2005. – PP. 76–90.}

К прочтению надписи из местечка Шар-булаг в сомоне Дарв Ховдоского аймака // Тюркологический сборник. Том 2003–2004. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – С. 118–125. {On the reading of the inscription from Shar bulag (Darvi sum, Khovd Province) // Turkological collection 2003–2004. – Moscow: Institute of Oriental Studies, 2005. – PP. 118–125.}

О некоторых родственных терминах в енисейских памятниках // Permanent International Altaistics Conference, 48th Meeting, Moscow, July 10–15, 2005. Abstracts. – М., 2005. – PP. 43–45. {On some kinship terms in Yenisey Turkic inscriptions // Permanent International Altaistics Conference, 48th Meeting, Moscow, July 10–15, 2005. Abstracts. – Moscow, 2005. – PP. 43–45.}

Типовое содержание эпитафий // Каменные письма. Древнетюркская поэзия VI–XII веков. – М.: Новый ключ, 2005. – С. 248–253. {The typical content of epitaphs // Stone inscriptions. Old Turkic poetry from the 6th–12th centuries. – Moscow: Novyj ključ, 2005. – PP. 248–253.}

2006

К дешифровке древней надписи из Дарв-сумона Ховдоского аймака Монголии // Доклады Российской делегации на IX Международном конгрессе монголоведов. – М., 2006. {On decipherment of the ancient inscription from Darvi sum, Khovd Province of Mongolia // Talks presented by the Russian delegation at the 9th International Congress of Mongolian Studies. – Moscow, 2006.}

Кого и что имел в виду Тоньюкук в притче о тощих и жирных быках? // Востоковедение. Филологические исследования: межвуз. сб. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 74–93. {Who and what did Tonyukuk refer to in the parable of skinny and fat bulls? // Oriental Studies. Philological Studies. An inter-university volume of papers. – Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2006. – PP. 74–93.}

«Сожаление о смерти» в енисейских эпитафиях // Вопросы тюркской филологии. Вып. VI. Материалы Дмитриевских чтений, Москва, 01 октября 2006 г. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006. – С. 64–66. {"Regret about death" in Yenisey Turkic epitaphs // Issues of Turkic Philology. Issue 6. Proceedings of Dmitriev readings, Moscow, October 1, 2006. – Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2006. – PP. 64–66.}

2007

Еще раз о тюркской рунической палеографии // Казань и алтайская цивилизация: 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция (Казань, 1–6 июля, 2007). Труды и материалы. – Казань: Идел-Пресс, 2007. – С. 125–126. {Once more on Turkic runiform paleography // Kazan and the Altaic civilization: the 50th annual international conference on Altaic Studies (Kazan, July 1–6, 2007). Papers and proceedings. – Kazan: Idel-Press, 2007. – PP. 125–126.}

2008

Древние письменные памятники Хакасии // Энциклопедия Республики Хакасия (в 2 томах). Том 2. – Красноярск: Поликор, 2008. – С. 187. {Ancient inscriptions of Khakassia // Encyclopedia of Republic of Khakassia (in 2 volumes). Vol. 2. – Krasnoyarsk: Polikor, 2008. – P. 187.}

На каких зверей охотился Кюли-чор в детстве (тюркские материалы к этимологии русских слов джейран и игреневый) // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева. Вып. III. – М., 2008. – С. 83–91. {What game did Küli-çor hunt in his childhood (Turkic materials on the etymology of the Russian words джейран and игреневый) // Issues of Altaic Philology. In memory of E.R. Tenishev. Issue 3. – Moscow, 2008. – PP. 83–91.}

Орхоно-енисейское руническое письмо // Энциклопедия Республики Хакасия (в 2 томах). Том 2. – Красноярск: Поликор, 2008. – С. 23. {Orkhon-Yenisey runiform script // Encyclopedia of Republic of Khakassia (in 2 volumes). Vol. 2. – Krasnoyarsk: Polikor, 2008. – P. 23.}

Поправки и уточнения к чтению древней рунической надписи из Койбальской степи (E-26, Очуры) // Материалы Международной научно-практической конференции «Открытие и изучение орхоно-енисейской письменности» (к 115-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). 23–24 октября 2008 г. – Абакан, 2008. – С. 15–29. {Corrigenda and addenda to the reading of an ancient runiform inscription from the Koibal steppe (E-26, Ochury) // Proceedings of the International

scientific and practical conference “The discovery and study of Orkhon-Yenisey runiform inscriptions” (for the 115th anniversary of the decipherment of the Orkhon-Yenisey script). October 23–24, 2008. – Abakan, 2008. – PP. 15–29.}

Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. {Yenisey Turkic epitaphs: grammar, textology. – Moscow: Nauka, 2008.}

E-41 (Hemçik-Çırgak) Yazıtı // Türk Dilleri Araştırmaları. – 2008. – 18. Cilt. – S. 181–206. {The E-41 (Khemçik-Çırgak) inscription // Studies of Turkic Languages. – 2008. – Vol. 18. – PP. 181–206.}

2009

Древние эпитафии героям и героический эпос // Актуальные проблемы современной фольклористики (материалы международной научно-практической конференции). Казань, 29 июня 2009 г. – Казань, 2009. – С. 10–12. {Ancient epitaphs for heroes and heroic epic // Current Problems of Folklore Studies (proceedings of the international scientific and practical conference). Kazan, June 29, 2009. – Kazan, 2009. – PP. 10–12.}

Тамговые аналогии наскальных надписей из долины р.Алаш (Западная Тува) и стелы из Суджи (Северная Монголия), или Еще раз к вопросу о кыргызском характере Суджинской надписи // Тюркологический сборник. 2007–2008. – М., 2009. – С. 177–188. {Tamga analogies in rock inscriptions from the Alash River Valley (Western Tuva) and the Süüji stele (Northern Mongolia), or Once again on the Kyrgyz origin of the Süüji inscription // Turkological collection. 2007–2008. – Moscow, 2009. – PP. 177–188.}

О поминальной надписи на скале в Хангидае (Центральная Монголия) // Тюркологический сборник. 2007–2008. – М., 2009. – С. 5–13. {On a memorial rock inscription in Khangiday (Central Mongolia) // Turkological collection. 2007–2008. – Moscow, 2009. – PP. 5–13.} (Совместно с: Ц. Баттулга).

К итогам изучения енисейских рунических памятников // Труды Отделения историко-филологических наук. 2007. – М.: Наука, 2009. – С. 200–215. {On some results of the study of Yenisey Turkic runiform inscriptions // Papers from the Department of Historical and Philological Sciences. 2007. – Moscow: Nauka, 2009. – PP. 200–215.}

Текстемы адресации в енисейских эпитафиях // Вопросы тюркской филологии. Вып. VIII. Материалы Дмитриевских чтений. – М., 2009. – С. 135–147. {Address textemes in Yenisey Turkic epitaphs // Issues of Turkic Philology. Issue 8. Proceedings of Dmitriev readings. – Moscow, 2009. – PP. 135–147.}

Тувинский музей – крупнейшее собрание памятников енисейской письменности // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование (материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию основания Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г.) Ч. I. – Кызыл, 2009. – С. 27–28. {Tuva Museum, the largest collection of steles with Yenisey Turkic runiform inscriptions // Heritage of the peoples of Central Asia and adjacent territories: study, preservation and use (proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the founding of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Kyzyl, September 9–10, 2009). Part I. – Kyzyl, 2009. – PP. 27–28.}

2010

Енисейские рунические памятники и вопрос о тюркских языках в бассейне Енисея в VIII–X вв. // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона (материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности, Кызыл, 1–4 июля 2010 г.). Часть I. – Кызыл, 2010. – С. 21–25. {Yenisei Turkic runiform inscriptions and the problem of Turkic languages in the Yenisei Basin in the 8th–10th centuries // Tuvan writing and problems of studying scripts and inscriptions of Russia and the Central Asian region (proceedings of the International scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Tuvan writing, Kyzyl, July 1–4, 2010). Part I. – Kyzyl, 2010. – PP. 21–25.}

К проблеме изучения памятников енисейской письменности Южной Сибири // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы (материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-

- исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, 03–05 сентября 2009 г.). Том 2. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. – С. 99–100. {On the problem of studying Yenisei Turkic inscriptions of South Siberia // Peoples and cultures of South Siberia and adjacent territories: history, current state, prospects (proceedings of the International scientific conference dedicated to the 65th anniversary of the Khakassian Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, September 3–5, 2009). Volume 2. – Abakan: Khakassian Publishing House, 2010. – PP. 99–100.}
- Об академическом издании древнетюркских рунических памятников // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. (Сб. в честь 70-летия В.А. Виноградова). – М., 2010. – С. 779–789. {On the academic publication of Old Turkic runiform inscriptions // In the space of language and culture. Sound, sign, meaning. (Collection in honor of the 70th anniversary of V.A. Vinogradov). – Moscow, 2010. – PP. 779–789.}
- Об одной поправке в тексте рунической надписи с Алтын-Кёля, Хакасия (E-29) // Российская тюркология. – 2010. – № 1(2). – С. 3–8. {On one correction in the text of the runiform inscription from Altyn-Köl, Khakassia (E-29) // Russian Turkology. – 2010. – No. 1(2). – PP. 3–8.}
- About the Choir runic inscription at the end of VII century A.D. from Mongolia // Unknown treasures of the Altaic world in the libraries, archives and museums (Permanent International Altaistic Conference, 53rd Annual Meeting. July 25–30, 2010, Saint Petersburg, Russia). – Saint Petersburg, 2010. – PP. 34–35.

2011

- Заметки о соотносительных терминах «народ türk» и «язык türk» в древнетюркских текстах // Российская тюркология. – 2011. – № 2(5). – С. 8–11. {Notes on the correlative terms “*Türk* people” and “*Türk* language” in Old Turkic texts // Russian Turkology. – 2011. – No. 2(5). – PP. 8–11.}
- К хронологическим обоснованиям памятников древнетюркского письма // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации (материалы международной тюркологической конференции). Чебоксары, 16–18 сентября 2010 г. – Чебоксары, 2011. – С. 6–10. {On rationale behind the chronology of Old Turkic inscriptions // Chuvash Language and People in the History of the Eurasian Civilization (proceedings of the international Turkological conference). Cheboksary, September 16–18, 2010. – Cheboksary, 2011. – PP. 6–10.}
- Новое в чтении и толковании Чойренской рунической надписи конца VII в. из Монголии // Тюркологический сборник. Т. 2009–2010. – М., 2011. – С. 202–213. {An update on the reading and interpretation of the late 7th-century Choiren runiform inscription from Mongolia // Turkological collection. Vol. 2009–2010. – Moscow, 2011. – PP. 202–213.}
- Türk Karakterlerinin Şekil Değiştirmesinin Yazıtların Tarihlendirmesinde Kullanımı // Ötüken’den İstanbul’a Türkçenin 1290 yılı (720–2010) sempozyumu. Bildiriler. – İstanbul, 2011. – S. 11–14. {The use of changes in forms of letters in dating Turkic runiform inscriptions // Symposium on the 1290th anniversary of Turkish, from Ötüken to Istanbul (720–2010). Proceedings. – Istanbul, 2011. – PP. 11–14.}

2012

- О соотношении текстологических и исторических подходов к датированию надписи в честь Тоньюкука // Российская тюркология. – 2012. – № 1(6). – С. 52–63. {On the relationship between textual and historical approaches to the dating of the Tonyukuk inscription // Russian Turkology. – 2012. – No. 1(6). – PP. 52–63.}
- Arhanan inscription as a new type of runiform texts // International Symposium “Marginale Formen des alttürkischen Schrifttums: Nicht-klassische alttürkische Runeninschriften im Zentrum Eurasiens und ihre Entzifferung”. Berlin, November 22–24, 2012.

2013

- Архананская надпись // Тюркологический сборник. Т. 2011–2012. – М., 2013. – С. 204–219. {The Arkhanan inscription // Turkological collection. Vol. 2011–2012. – Moscow, 2013. – PP. 204–219.} (Совместно с: Ц. Баттулга).
- Енисейское письмо в составе изводов древнетюркского рунического алфавита: хронологические аспекты // Тюркская руника: язык, история, культура: к 120-летию дешифровки орхоно-ени-

сейской письменности (материалы Международной научной конференции, Кызыл, 10–11 июля 2013 г.) / Отв. ред. К.А. Бичелдей. – Кызыл: Хакасское книжное издательство, 2013. – С. 15–20. {Yenisei Turkic script as a variant of Old Turkic runiform alphabet: chronological aspects // Turkic Runiform Script: Language, History, Culture: on the 120th anniversary of the decipherment of the Orkhon-Yenisei script (proceedings of the International scientific conference, Kyzyl, July 10–11, 2013) / Ed. by K.A. Bicheldey. – Kyzyl: Khakassian Publishing House, 2013. – PP. 15–20.}

К соотношению вариантов тюркского рунического письма: Палеографические обоснования хронологических оценок // Российская тюркология. – 2013. – № 2(9). – С. 3–9. {On the relationship between variants of the Turkic runiform script: Paleographic justifications for chronological estimates // Russian Turkology. – 2013. – No. 2(9). – PP. 3–9.}

Тюркская руническая палеография и тюркская руническая эпиграфика // Вопросы эпиграфики. – М., 2013. – С. 336–343. {Turkic runiform paleography and Turkic runiform epigraphy // Issues of Epigraphy. – Moscow, 2013. – PP. 336–343.}

Bir kez daha Y-152 (Şançı III) kodlu Yenisey yazıtı üzerine // Yalım Kaya Bitigi. Osman Fikri Sertkaya armağanı. – Ankara, 2013. – S. 421–426. {Once more on the Yenisei Turkic inscription Y-152 (Shanchy III) // Yalım Kaya Bitigi. A present for Osman Fikri Sertkaya. – Ankara, 2013. – PP. 421–426.}

Yenisey Runalı Yazısı, Orhun ve Doğu Türkistan'daki yazı varyantlarıyla münasebetleri // International Symposium on Old Turkic Inscriptions: Language, History and Culture. Turkey, Adiyaman, September 25–30, 2013. {Yenisei runiform script and its relations with the script variants of Orkhon and Eastern Turkestan // International Symposium on Old Turkic Inscriptions: Language, History and Culture. Turkey, Adiyaman, September 25–30, 2013.}

2014

К проблеме выявления диалектных черт в языках древне- и среднетюркских письменных памятников // Российская тюркология. – 2014. – № 2(11). – С. 3–5. {On the problem of identifying dialectal features in Old Turkic and Middle Turkic texts // Russian Turkology. – 2014. – No. 2(11). – PP. 3–5.}

Надпись Тоньюкука: неожиданные открытия старого текста // International Conference on Inscription Studies. Улан-Батор, 11–13 августа 2014 г. – Улан-Батор: International Association for Mongol Studies, 2014. – С. 47–48. {The Tonyukuk inscription: unexpected discoveries in an old text // International Conference on Inscription Studies. Ulaanbaatar, August 11–13, 2014. – Ulaanbaatar: International Association for Mongol Studies, 2014. – PP. 47–48.}

“Otuz Türk” Çin ve Türk orta çağdaki yazıtlarında // VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi. 30 Eylül – 04 Ekim 2013, İstanbul. Bildiri kitabı. II. – İstanbul, 2014. – S. 153–161. {“Thirty Turks” in Chinese and Turkish medieval inscriptions // 8th International Turkological Congress. September 30 – October 04, 2013, İstanbul. Proceedings. Part 2. – İstanbul, 2014. – PP. 153–161.}

2015

Енисейские страдания-1 (цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания) // Тюркско-монгольский мир в прошлом и настоящем: программа, тезисы. Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2015 г. – СПб.: Институт восточных рукописей РАН, 2015. – С. 27. {My Yenisei sufferings, part 1 (a series of notes on disagreements in the reading and interpretation of Yenisei runiform texts and on the time of their creation) // The Turkic-Mongolian World in the Past and Present: program, abstracts. St. Petersburg, February 16–17, 2015. – St. Petersburg: Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, 2015. – P. 27.}

Черты эпического в древнетюркских эпитафиях // Российская тюркология. – 2015. – № 1(12). – С. 22–26. {Features of the epic genre in Old Turkic epitaphs // Russian Turkology. – 2015. – No. 1(12). – PP. 22–26.}

2016

Древнетюркский словарь. – Издание второе, пересмотренное. – Астана: Гылым, 2016. {Old Turkic dictionary. – Second edition, revised. – Astana: Gylým, 2016.} (Совместно с: Д.М. Насилов, А.В. Дыбо, У.К. Исабекова (ред.), Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, Н.И. Летягина, Д.М. Насилов, В.М. Надеяев, Э.Р. Тенишев, Л.Ю. Тугушева, А.М. Щербак (сост.)).

- Среднеазиатский поход тюрков 710—711 гг. (Палеографические поправки к чтению двух фрагментов в строках 45 и 46 надписи Тоньюкука и связанные с этим существенные переосмысления этой части текста) // Тюркологический сборник 2013–2014. Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014). – М., 2016. – С. 104–116. {The Central Asian campaign of the Turks in 710–711 (Paleographic corrections to the reading of two fragments in lines 45 and 46 of the Tonyukuk inscription and related major re-interpretation of this part of the text) // Turkological collection 2013–2014. In memory of Sergei Grigorievich Klyashtorny (1928–2014). – Moscow, 2016. – PP. 104–116.}
- Yenisey-Altay-Kırgızistan Yazıtları ve Kağıda Yazılı Runik Belgeler. – Ankara: BilgeSu Press, 2016. {The Inscriptions of Yenisei, Altay, Kyrgyzstan and runiform documents on paper. – Ankara: BilgeSu Press, 2016.} (Совместно с: E. Mozioglu, R. Alimov, F. Yıldırım).

2017

- К семантике слова *кунчуу* на основе сопоставления данных орхонских памятников и «Дивана» Махмуда Кашгари // Российская тюркология. – 2017. – № 1–2 (16–17). – С. 74–76. {On the semantics of the word *qunčuı* based on data from Orkhon inscriptions and Maḥmūd al-Kāshgharī's *Dīwān* // Russian Turkology. – 2017. – № 1–2 (16–17). – PP. 74–76.}
- Tonyukuk Yazıtı ve Yenisey Yazıtlarındaki “papyon kravat” Biçimindeki Runik İşaretinin Doğru Okunuşa Dair // Türk Dilleri Araştırmaları. – 2017, 27.1. Uluslararası Talat Tekin Sempozyumu Bildirileri. – S. 67–70. {On the correct reading of the runiform sign “bow tie” in the Tonyukuk inscription and Yenisei inscriptions // Studies of Turkic Languages. – 2017, 27.1. Proceedings presented at the International symposium in memory of Talat Tekin. – PP. 67–70.}
- Yenisey eski Türk mezar yazıtları. Metinler ve incelemeler. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2017. {Old Turkic epitaphs from the Yenisei. Texts and studies. – Ankara: Turkish Language Association, 2017.} (перевод на турецкий: Р. Алимов).

2018

- Какому тюркоязычному народу могли принадлежать енисейские рунические надписи с территории Хакасии? (Енисейские страдания-2) // Российская тюркология. – 2018. – № 3–4 (20–21). – С. 5–10. {What Turkic-speaking people left Yenisei runiform inscriptions from the territory of Khakassia? (My Yenisei sufferings, part 2) // Russian Turkology. – 2018. – No. 3–4 (20–21). – PP. 5–10.}
- К прочтению Улаан-Чулуутских наскальных рунических надписей из Центральной Монголии // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Международная научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) и 200-летию со дня основания Азиатского музея. – СПб., 2018. – С. 14–15. {On the reading of Ulaan-Chuluut runiform rock inscriptions from Central Mongolia // The Turkic-Mongolian world: History and Culture. International scientific conference dedicated to the 90th anniversary of Sergei Grigorievich Klyashtorny (1928–2014) and the 200th anniversary of the founding of the Asian Museum. – St. Petersburg, 2018. – PP. 14–15.} (Совместно с: Ц. Баттулга, Б. Азжая).
- О некоторых особенностях сложения тюркоязычных этносов Северной и Центральной Азии по данным древнетюркских надписей: к ранней истории тувинского народа // Российская тюркология. – 2018. – № 1–2 (18–19). – С. 5–15. {On some peculiarities of the ethnogenesis of Turkic-speaking peoples of Northern and Central Asia according to Old Turkic inscriptions: towards the early history of the Tuvan people // Russian Turkology. – 2018. – No. 1–2 (18–19). – PP. 5–15.}

2019

- О значении данных Махмуда Кашгари по тюркским диалектам XI в. для понимания особенностей древнего литературного тюркского языка VII–XI вв. // Российская тюркология. – 2019. – № 3–4 (24–25). – С. 12–14. {On the importance of Maḥmūd al-Kāshgharī's data on 11th-century Turkic dialects for understanding distinctive features of the literary Old Turkic language in the 7th–11th centuries // Russian Turkology. – 2019. – № 3–4 (24–25). – PP. 12–14.} (Совместно с: А.В. Савельев).
- О новом типе памятных текстов из числа «малых» наскальных рунических надписей Монголии // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного. – М.: Восточная литература,

2019. – С. 57–65. {On a new type of memorial texts among “small” runiform rock inscriptions from Mongolia // *The Turkic-Mongolian World: History and Culture. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 90th anniversary of S.G. Klyashtorny.* – Moscow: Vostochnaya literatura, 2019. – PP. 57–65.} (Совместно с: Ц. Баттулга, Б. Азаяя).

Yenisei runiform inscriptions and Turkic languages in the Yenisei Basin in the 8th–10th centuries // *Turkic Languages.* – 2019. – Vol. 23, No. 2. – PP. 153–162.

2020

Почему в классификации А.Н. Самойловича язык орхоно-енисейской письменности отнесен им к юго-восточной (уйгуро-карлукской), а не к юго-западной (огузской) группе тюркских языков? // *Российская тюркология.* – 2020. – № 3–4 (28–29). – С. 5–8. {Why did A.N. Samoylovich classify the language of Orkhon-Yenisei script as a Southeastern (Uighur-Karluk) rather than a Southwestern (Oghuz) Turkic language? // *Russian Turkology.* – 2020. – No. 3–4 (28–29). – PP. 5–8.}

Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера // *Mongolica.* – 2020. – Т. 23, № 2. – С. 26–29. {The language of Orkhon and other runiform inscriptions as an Old Turkic literary koine of mixed Uighur-Oghuz origin // *Mongolica.* – 2020. – Vol. 23, No. 2. – PP. 26–29.}

Karışık Uygur Oğuz Nitelikli Eski Türk Koine Yazı Dilinin Oluşumu Özellikleri // *Türk Dilleri Araştırmaları.* – 2020. – № 2(30). – S. 101–118. {Formation and distinctive features of the Old Turkic literary koine of mixed Uighur-Oghuz origin // *Studies of Turkic Languages.* – 2020. – No. 2(30). – PP. 101–118.}

2021

О взглядах Э.Р. Тенишева на историю древних литературных тюркских языков // *Российская тюркология.* – 2021. – № 1–2 (30–31). – С. 44–49. {On E.R. Tenishev’s views on the history of ancient literary Turkic languages // *Russian Turkology.* – 2021. – No. 1–2 (30–31). – PP. 44–49.}

On the mixed character of the Old Turkic literary language of the 7th–8th centuries // *Turkic Languages.* – 2021. – No. 2(25). – PP. 151–161.

2022

Древние рунические надписи Тувы [= Тываның бурунгу руналыг бижиктери]. – Кызыл: МБОУ КЦО «Аныяк», 2022. {Ancient runiform inscriptions of Tuva. – Kyzyl: Anyjak, 2022.}

Основные черты грамматики енисейских памятников в тувинском языке и его диалектах // *Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире.* – 2022. – № 3. – С. 6–15. {Main features of Yenisei Turkic grammar in the Tuvan language and its dialects // *Native Languages and Cultures in the Modern Changing World.* – 2022. – No. 3. – PP. 6–15.} (Совместно с: Л.С. Кара-оол).

Литература

Дыбо 2019 – Дыбо А.В. Вступительное слово // *Российская тюркология.* – 2019. – № 1–2 (22–23). – С. 5–14. {A.V. Dybo. Introductory remarks // *Russian Turkology.* – 2019. – No. 1–2 (22–23). – PP. 5–14.}

Кара-оол 2009 – Кара-оол Л.С. (сост.). Профессор Игорь Валентинович Кормушин: библиографический указатель к 70-летию со дня рождения. – Кызыл, 2009. {L.S. Kara-ool (compiler). Professor Igor Valentinovich Kormushin: biobibliographic index dedicated to his 70th anniversary. – Kyzyl, 2009.}

Кляшторный 1969 – Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрена // *Памятники письменности и культуры народов Востока. V.* – М., 1969. {S.G. Klyashtorny. The Old Turkic inscription on a stone sculpture from Choiren // *Monuments of writing and culture of the peoples of the East. V.* – Moscow, 1969.}

Кызласов 1960 – Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // *Советская археология.* – 1960. – № 3. – С. 93–120. {L.R. Kyzlasov. The new dating for Yenisei Turkic inscriptions // *Soviet Archeology.* – 1960. – No. 3. – PP. 93–120.}

-
- МЕПТ – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.–Л., 1952. {*S.E. Malov. Yenisei writing of the Turks. Texts and translations. – Moscow–Leningrad, 1952.*}
- ФАтлас – *Inscriptions de l'Éniseï. Recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie.* – Helsingfors, 1889. {*Yenisei Inscriptions. Collected and published by the Finnish Archaeological Society. – Helsingfors, 1889.*}
- AIM – *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Liefer. 1–3. – SPb., 1897. {*W. Radloff. The Old Turkic inscriptions of Mongolia. Issues 1–3. – Saint Petersburg, 1897.*}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 180–189. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.145

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-180-189

О БОЛЬШИХ ЗАСЛУГАХ ПРОФЕССОРА ХАТИПА МИННЕГУЛОВА ПЕРЕД ТЮМЕНСКОЙ ТЮРКОЛОГИЕЙ

*Ханиса Чавдатовна Алишина*¹

¹ Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
доктор филологических наук, профессор, директор Центра тюркологии,
почетный член АН РТ
e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Алишина Х.Ч., 2024

Для цитирования: *Алишина Х.Ч.* О больших заслугах профессора Хатипа Миннегулова перед Тюменской тюркологией // *Российская тюркология*. 2024. № 1–2 (42–43). С. 180–189. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-180-189.

About professor Khatip Minnegulov's great contributions to Tyumen turkology

*Khanisa Chavdatovna Alishina*¹

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Director of the Center of Turkology,
Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

© IL RAS, 2024

© Alishina Kh.Ch., 2024

For citation: *Alishina Kh.Ch.* About Professor Khatip Minnegulov's great contributions to Tyumen turkology // *Russian Turkology*. 2024. № 1–2 (42–43). P. 180–189. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-180-189.

Хатип Юсупович Миннегулов – ученый-литературовед, тюрколог, литературный критик, педагог, автор учебников, общественный деятель, доктор филологических наук, «Заслуженный профессор Казанского университета», заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005) и Республики Татарстан (1994), «Лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники» (1995), академик Российской академии гуманитарных наук (1996), лауреат премий им. Кул Гали (1998), Гаяза Исхаки (2005), Джамала Валиди (2014), Суббуха Рафикова (2015), Х. Атласи (2017), а также премии Ш. Марджани Академии наук РТ (2018).

Это – человек-легенда, о нем и его вкладе в гуманитарную науку и духовное развитие татарского народа можно писать отдельную книгу-энциклопедию.

Заслуга профессора Х.Ю. Миннегулова перед Тюменскими тюркологами неоспорима и заключается в том, что он на протяжении ряда лет работал в Тюменском государственном университете председателем Государственной экзаменационной комиссии по татарскому языку и литературе.

Мы безмерно благодарны нашему юбиляру Хатипу Юсуповичу, отмечающему 85-летие в этом году, за его неоценимый труд, за знания, подаренные студентам всего татарского отделения на лекциях в ТюмГУ: «19 марта 2012 г. состоялись госэкзамены в 173 группе по татарскому языку и литературе. Все допущенные студенты в количестве 7 человек экзамены сдали успешно. Экзамены проходили в спокойной обстановке, подготовленной аудитории, для студентов и комиссии были созданы хорошие условия. Экзаменационные билеты отвечают требованиям учебной программы, составлены корректно, содержат вопросы по татарскому литературному языку, диалектологии, исторической грамматике тюркских языков, истории татарской литературы, истории литературы Древнего Востока. Небольшие замечания относятся к уровню владения литературными нормами татарского языка, а также к нормам орфоэпии. Указанные недостатки обусловлены языковой ситуацией полилингвизма, интерференцией родного тоболо-иртышского диалекта сибирских татар».

Профессор Х.Ю. Миннегулов с огромным вдохновением и желанием выполнял также просветительскую миссию: выступал с лекциями перед населением в библиотеках и школах п. Андреевский, с. Муллаши, с. Чикча, д. Тураево, с. Ембаево Тюменского района, посещал заседания литературного общества «Әдәби Төмән» («Литературная Тюмень») в редакции областной газеты «Яңарыш». За короткий срок он снискал глубокое уважение у местного населения за эрудицию, широту взглядов, глубокие знания, высокую культуру общения и толерантность. На приеме, который устраивается руководством университета ежегодно во время весенней сессии в честь председателей ГЭК, профессор Х.Ю. Миннегулов в 2010 г.

был удостоен Благодарственного письма президента ТюмГУ, член-корреспондента РАО Геннадия Филипповича Шафранова-Куцева.

Х.Ю. Миннегулов хорошо известен во всех регионах и республиках, где компактно живут татары, там с успехом трудятся многочисленные ученики, выпускники Казанского университета. Он пользуется большим уважением и авторитетом.

Нам, его ученикам и последователям, хорошо знаком жизненный и творческий путь великого ученого современности. Миннегулов Хатип Юсупович после получения аттестата зрелости работал на заводе, на хлопковых полях Ленинадской области Таджикистана. С сентября 1959 по июнь 1964 г. Хатип Юсупович учился на историко-филологическом факультете Казанского государственного университета. С ноября 1967 г. работал преподавателем на кафедре татарской литературы Казанского государственного университета (КФУ).

В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Переводы и оригинальные произведения Сейфа Сарай», а в 1991 г. докторскую – «Татарская литература и восточная классика (вопросы взаимосвязей и поэтики)». С 1992 г. является профессором Казанского государственного университета.

Х.Ю. Миннегулов – автор около 1500 публикаций на татарском, русском, английском, казахском и других языках, в том числе 53 книг, 14 монографий (две из них – в соавторстве), 4 учебников (для 5, 9, 10 классов), 10 учебных и методических пособий, множества программ, статей и текстологических работ. Общий объем публикаций превышает 1450 печатных листов.

Татарская литература Средневековья и XIX столетия (т. е. дотукаевского периода) и ее взаимосвязи с классикой Востока – основная область научной деятельности Х.Ю. Миннегулова. На основе тщательного анализа множества архивных, рукописных и печатных материалов на различных языках он освещал идейно-художественный мир многих авторов (Юсуфа Баласагуни, Ясави и Бакыргани, Кул Гали, Кутба, Махмуда Булгари, Хисама Кятиба, Мухаммедьяра, Шамсуддина Заки, Акмуллы, Мусы Акъегетзаде, Загира Бигиева, Ризаэддина Фахруддина и др.); выявил особенности литературного процесса дотукаевского периода, разработал систему жанров и литературных форм Средневековья, изучил проблему преемственности и соотношения традиций и новаторства в татарском словесном искусстве. С 1996 г. Х.Ю. Миннегулов является членом Союза писателей Республики Татарстан.

Хатип Юсупович впервые в науке комплексно и масштабно исследовал взаимосвязи татарской дооктябрьской литературы со словесным искусством средневекового Востока, раскрыл механизм этих взаимоотношений, определил роль и значение арабской, персидско-таджикской и тюркских литератур в становлении и развитии татарской литературы, в удовлетворении духовных запросов татарского народа. Книга Х.Ю. Миннегулова «Обрамленные повести в восточных и татарской литературах» (Изд-во КГУ, 1988 – 198 с.), где проанализированы такие известные памятники, как «1001 ночь», «1001 день», «1001 утро», «Калила и Димна», «Тутинаме» и другие так называемые «обрамленные повести», была воспринята в ориенталистике как новое слово.

Монография Х.Ю. Миннегулова «Татарская литература и восточная классика» (Казань, 1993), написанная на основе его докторской диссертации и изданная в 1993 г., отмечена также как новое направление в науке. Академик Миркасым

Абдулахатович Усманов оценил данный труд как начало «нового прочтения» литературы дооктябрьского периода. Доктор филологических наук, профессор Тартуского университета С.Г. Исаков высоко оценивает актуальность и научное значение монографии, называя ее «солидным новаторским исследованием». В своей статье «Восточные корни татарской литературы» [Исаков 1995] этот крупный ученый пишет: «Одно из бесспорных достоинств монографии – приверженность лишь научным критериям и отсутствие политической конъюнктуры». Резюмируя отношении научной общественности к монографии Хатипа Миннегулова «Татарская литература и восточная классика...» (1993), президент Академии наук Татарстана, академик Мансур Хасанович Хасанов в статье «Достойный вклад в развитие науки» [Хасанов 1995] отметил, что «это – капитальный концептуальный труд, созданный с энциклопедической широтой. В нем впервые история татарской литературы представлена в тесной связи с этнической историей народа. Причем исследование носит комплексный характер, осуществлено во взаимодействии с другими науками (...) Монография представляет собой большой вклад в дело возвращения татарскому народу духовного наследия его предков (...) Работа способствует духовному прогрессу республики». Хатип Миннегулов и в последующие годы продолжал изучение взаимосвязей татарского словесного искусства с восточными литературами [Миннегулов 2007, 2008, 2010, 2015 и др.].

В книге «Тюркское словесное искусство» (Казань, 2014) кратко освещается история тюркских литератур с раннего Средневековья до XXI в. Есть у ученого и труды, посвященные изучению взаимоотношений татарской и русской литератур [Миннегулов 2010, 2013 и др.].

В монографии «Этапы развития тюрко-татарской, античной и русской литератур» (Казань, 2014) взаимосвязи литератур рассматриваются в широком контексте мировой литературы.

В книгах «Есть что сказать» (Казань, 1999), «Вслушиваясь в голоса веков...» (Казань, 2003), «Размышления на стыке веков» (Казань, 2010), «Деяния личностей творческих» (Казань, 2014) Х. Миннегулов исследует сложный путь развития татарской литературы, прослеживает идейно-художественные искания многих писателей, а также выявляет роль традиций в литературном процессе, особенно в творчестве Г. Тукая. В монографиях «Исхаки в эмиграции» (1999), «В мусульманских странах» (2003), «Татарская литература зарубежья» (2007), «Творчество Гаяза Исхаки в эмиграции» (2004), в своих многочисленных статьях Х. Миннегулов глубоко и разносторонне освещает послеоктябрьскую литературно-публицистическую деятельность классика татарской литературы Г. Исхаки, творчество татарских писателей-эмигрантов (Хусаина Габдюша, Сании Гиффат, Минхаж Исмагили, Хасана Хамидуллы и др.), а также анализирует журналы «Kazan», «Яңа милли юл», «Азат Ватан», «Яңа япун мөхбире» и др.

Наряду с разработкой научно-теоретических проблем литературной науки Х. Миннегулов плодотворно занимается и областью текстологии. В частности, он расшифровал, снабдил научными комментариями, словарем и предисловием и издал произведения многих авторов Средневековья, XIX и XX столетий, а также татарских писателей зарубежья¹: В 2003 г. совместно с Р. Ахметзяновым выпус-

¹ Саиф Сараи. Гулистан. Лирика. Дастан /Подготовил к изданию, автор предисловия и заключительной статьи Х. Ю. Миннегулов. – Казань: Тат. кн. изд., 1999. – 296 с. XIX йөз

тил знаменитый стихотворный роман Кутба «Хосров и Ширин». У ученого есть публикации о Дердменде, С. Рамиеве, Ш. Бабиче, К. Наджми, М. Ауэзове, Ч. Айтматове, Х. Усманове, И. Нуруллине, Р. Гаташе, А. Рашите, К. Булатовой и других писателях XX в. и современности.

«Записи разных лет» – книга под таким названием увидела свет в казанском издательстве «Идел-Пресс» в 2010 г. Этот монументальный труд ученого состоит из шести логически завершенных частей, охватывающих золотой фонд тюркской литературы от средних веков до наших дней. Особо стоит отметить избранные труды о творчестве Ахмеда Ясави, Атнаша Хафиза, Ризаэтдина Фахретдина, тобольского поэта Амдами, о поэзии Золотой Орды. Отдельным блоком идут аналитические статьи об «исцелителе человеческих душ» Джалаладдине Руми, о великом поэте Махтумкули, о татарско-турецких взаимосвязях, о переводах Сагита Сюнчелей из западноевропейской литературы, о закономерностях развития культуры финно-угорских и тюркоязычных народов.

Человек энциклопедических знаний, большой знаток культуры различных народов, блестящий ученый Хатип Миннегулов в упомянутой выше книге опубликовал статьи о многих жанрах восточной литературы (газель, дастан, иляхи, бейт, китта, мадхия, марсия, мунаджат, насихатнаме, тазкира, фард, хаджнаме, хикаят, хикмет), о классиках татарской поэзии прошлых эпох (Муса Акъегетзаде, Аль-Маари, Фарид-ад-Дин Аттар, Юсуф Баласагуни, Берке Факих, Каргалый, Кутб, Мавля Колый, Махмуд Булгари, Мухаммедьяр, Низами Гянджеви, Рабгузи, Сейф Сарай, Таджетдин Ялчыгол, Умми Камал, Ахмед Ургенджи, Хисам Кятиб, Гали Чокрый и др.)

В заключительной части монографии представлены научные статьи о творчестве поэта-героя Мусы Джалиля, о классике чувашской прозы Г.Н. Айги, о тенденциях развития татарской детской литературы.

Нет сомнения в том, что книги ученого, написанные на русском и татарском языках, обогащают знания студентов всех учебных заведений, где есть гуманитарные факультеты. Они являются основой для дальнейших литературоведческих исследований ученых нашей страны и зарубежья.

Хатип Юсупович Миннегулов внес значительный вклад в изучение теории и методики литературы, религии, философии и истории. Он является автором многочисленных статей, опубликованных в татарской энциклопедии, в словарях литературоведческих терминов (1990), энциклопедии по исламу (2004). Он исследовал процесс становления и развития казанской тюркологической школы.

Х.Ю. Миннегулов принимал активное участие в качестве автора и одного из руководителей в создании 30-томной истории, антологии и энциклопедии тюркоязычных литератур, изданной на стыке веков в г. Анкаре на турецком языке. В 2011–2014 гг. он сотрудничал с учеными «Международной тюркской академии» (г. Астана), принимал непосредственное участие в реализации совместных про-

татар әдәбияты ядкаръләре [Памятники татарской литературы XIX века.] / Х.Миннегулов, Ш. Садретдинов. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1982. – 143 с. XIX йөз татар хрестоматияләре [Татарские хрестоматии XIX века]: монография / соавт. Ш. Садретдинов. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1982. – 143 с. Таджеддин Ялчыгул. Рисаләя Газиза / подготовил к изданию и написал предисловие: Х.Ю. Миннегулов. – Казан: Иман, 2001. – 480 с.

ектов по исследованию различных проблем истории тюркоязычных литератур, а также по подготовке и изданию капитальных книг по «тюркскому воспитанию» и «тюркской поэзии».

Профессор Х.Ю. Миннегулов является автором отдельных разделов академических изданий 8-томной истории татарской литературы, семитомной «Истории татар», издаваемых в Академии наук Республики Татарстан.

Хатип Юсупович Миннегулов внес огромный вклад в науку и просвещение, создал свою научную школу. Он успешно руководит научной работой студентов, аспирантов, соискателей, а также коллег, активно участвует в оппонировании диссертаций, рецензировании и редактировании научных трудов. Под его научным руководством защитились около 20 докторов и кандидатов наук. Среди них есть и иностранные граждане. Как известно, многие татарские поэты, писатели – выпускники Казанского госуниверситета. В их творческом развитии есть и большая заслуга профессора Х.Ю. Миннегулова.

Х.Ю. Миннегулов – известный ученый не только в Татарстане, Башкортостане, Чувашии и в некоторых других регионах России, но и в тюркологической науке в целом. Профессор, известный ученый, писатель Казахстана Кулбек Ергобек называет его «выдающимся тюркологом современности». Результаты научных исследований Х.Ю. Миннегулова внедряются в практику, в первую очередь, в виде учебников, учебных пособий. В частности, учебники Х.Ю. Миннегулова для 9 и 10 классов по литературе Средневековья и XIX столетия, по мнению многих ученых (проф. Р.К. Ганиевой, М.И. Ахметзянова, доц. Ф.И. Агзамова и др.), характеризуются новизной содержания и структуры, высоким научным уровнем, методической стройностью. Учебники, учебные пособия и публикации Х.Ю. Миннегулова используются в учебных заведениях Татарстана, Башкортостана, в других регионах России, а также в Узбекистане, Турции, Туркменистане, Казахстане, на его труды ссылаются в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Х.Ю. Миннегулов принимает активное участие в работе различных научных конференций, симпозиумов, конгрессов в Казани, Санкт-Петербурге, Алматы, Екатеринбурге, Ашхабаде, Тюмени, Астане, Туркестане, Семипалатинске, Анкаре, Москве, Киеве, Хельсинки и в других городах. Только за последние несколько лет он сделал более 120 докладов на различных научных мероприятиях.

Наряду с научной деятельностью Хатип Юсупович Миннегулов ведет большую педагогическую работу. Он читает курсы по истории татарской и восточных литератур, разработал спецкурсы по литературным взаимосвязям, по методологии и методике научных исследований, по татарской литературе зарубежья, проводит занятия на высоком научно-теоретическом уровне, считается одним из опытных и квалифицированных педагогов Казанского федерального университета, неоднократно был признан одним из лучших преподавателей, постоянно участвует в пропаганде научных знаний. Часто выступает по радио и телевидению, в периодической печати.

Являясь членом учебно-методического объединения по филологии, оказывает научно-методическую помощь преподавателям других вузов, ведет работу по координации их деятельности. Читал лекции в вузах Москвы, Ташкента, Алматы, Астаны, Тюмени, Ярославля, Ижевска, Костаная, Альметьевска, Чебоксар, Самары и др.

Х.Ю. Миннегулов дважды (1983, 1994) становился лауреатом общеуниверситетского конкурса лучших научных работ. В 1995 г. в закрытом конкурсе, проведенном международной газетой «Заман» на тему «История и духовная культура Золотой Орды», он занял первое место. В 1994 г. стал заслуженным деятелем науки Республики Татарстан, а в 2005 г. – заслуженным деятелем науки Российской Федерации. В 1995 г. за монографию «Татарская литература и восточная классика...» Х.Ю. Миннегулову было присвоено звание «Лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники». В 1996 г. избран действительным членом (академиком) Академии гуманитарных наук Российской Федерации. В 1994–1996 гг. был обладателем Государственной научной стипендии РАН. Награжден значками «Ударник строительства КамАЗа» (1980), «Победитель соцсоревнования», множеством Почетных грамот различных организаций и учреждений, является ветераном труда. В 1998 г. за труды по исследованию татарской диаспоры ближнего и дальнего зарубежья ему была присуждена Международная премия им. Кул Гали. В том же году Х.Ю. Миннегулов стал «Человеком года» (Кембридж, Великобритания). В 2003 г. награжден нагрудным знаком «За заслуги в образовании» Министерства образования Республики Татарстан. В 2000 г. Указом Президента Республики Татарстан за многолетнюю плодотворную научную, педагогическую деятельность Х.Ю. Миннегулов награжден Почетной грамотой Республики Татарстан. В 2004 г. был избран Почетным профессором Международного казахско-турецкого университета (Туркестан). Имеет медаль «1000-летие Казани».

В 2014 г. за большие заслуги в изучении тюркоязычных литератур ТЮРКСОЙ наградил его медалью Махтумкули. Учебное пособие Х.Ю. Миннегулова «Восточная классика и татарская литература» (Казань, 2014) на общероссийской выставке «Университетские издания – 2015 г.» стало победителем конкурса.

Я не только с благодарностью читаю подаренные мне десятки авторских книг юбиляра, но изучаю то, что написано о нем коллегами. Привожу мнение доктора филологических наук, профессора КГУ Флеры Садриевны Сафиуллиной: «Этого стройного, живого, всегда занятого и спешащего, иногда от души улыбающегося человека, оказывается, я знаю с 1959 г., когда я еще была студенткой V курса. Прошло 40 лет... (...) Это – самый активный, на мой взгляд, в татарской гуманитарной науке человек. Некоторые, защитив докторскую диссертацию, останавливаются, их не видно в периодической печати, научные проблемы их уже не волнуют. У Хати́па Юсуповича, наоборот, открылось второе дыхание: он сделал за последние восемь лет гораздо больше, чем за предыдущие двадцать пять (...) Он не может не задавать вопросы выступающему, не может не высказаться. Он может быть и суровым, но справедливым, может защитить оказавшегося в затруднении человека. Он никогда не ленится, собран, находит истинное удовольствие в науке (...)

Иногда удивляешься, как он может так интенсивно работать: поездки в различные регионы России, в другие страны, оппонирование на защитах диссертаций, работа в библиотеке и архивах, подготовка рукописей к печати, чтение лекций, научная опека над студентами и аспирантами, дача, дом, семья, бесконечные житейские проблемы... Все это вовремя, добротное, с желанием, с удовольствием, не опаздывая, может сделать только Хатип Юсупович...»

Тюмень ценит, любит, уважает профессора Хатипа Юсуповича Миннегулова. В 2019 г. мы выдвинули его на награждение медалью «За трудовую доблесть» в честь 80-летия со дня рождения. Благодарим Главу Республики Татарстан Рустама Нургалиевича Миннеханова за то, что был услышан голос сибирских татар.

Миннегулов Хатип Юсупович – крупнейший специалист в области теории и истории тюркских литератур. Родина может высоко оценить выдающиеся научные достижения Х.Ю. Миннегулова, который вел и ведет большую научно-преподавательскую, организаторскую, редакторскую, общественную работу, оставаясь при этом очень скромным человеком. Его научные труды существенно обогатили мировую тюркологию.

Дорогой Хатип Юсупович! В день Вашего юбилея примите самые искренние поздравления и добрые пожелания. С глубоким уважением ценю Ваш высокий профессионализм, добросовестное и ответственное отношение к ставшему целью и смыслом Вашей жизни делу – тюркскому литературоведению. Ваш трудовой путь достоин уважения, а Ваши заслуги – восхищения! Вас знают и любят в нашей стране как блестящего ученого, яркого общественного деятеля, интеллигентного, отзывчивого, замечательного человека! Ваши награды, звания, труды вызывают у нас чувство гордости и огромной радости за то, что Вы наш старший коллега. Мы благодарны Вам за Вашу энергию, ответственность в деле воспитания молодежи в духе уважения, любви к родной культуре, родному татарскому народу, в развитии национального самосознания, укрепления межнационального согласия и дружбы. Вам, уважаемый Хатип Юсупович, человеку, вобравшему в себя все научные знания о становлении великой татарской литературы, человеческую доброту и мудрость, от души желаю всех земных человеческих благ! Пусть Вам многие годы греет душу любовь и благодарность Ваших бесчисленных учеников! Здоровья, радости, благополучия и счастья Вам и всем Вашим близким!

Литература

- Исаков 1995 – *Исаков С.Г.* Восточные корни татарской литературы // Республика Татарстан. – 1995. {*S.G. Isakov. Eastern roots of Tatar literature // Republic of Tatarstan. – 1995.*}
- Хасанов 1995 – *Хасанов М.Х.* Достойный вклад в развитие науки и техники // Республика Татарстан. – 1995. {*M.Kh. Khasanov. A worthy contribution to the development of science and technology // Republic of Tatarstan. – 1995.*}

Основные труды Х.Ю. Миннегулова

- Сэйф Сараиньң тормышы һәм ижаты. [Жизнь и творчество Сейфа Сарай.] – Казан: Казан. ун-ты нәшр., 1976. – 190 б. {*Sayf Sarayı's life and work. – Kazan: Publishing House of Kazan University, 1976. – 190 p.*} (In Tatar.)
- Татарская литература и восточная классика: (вопросы взаимосвязей и поэтики). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – 384 с. {*Tatar literature and oriental classics: (issues of correlation and poetics). – Kazan: Publishing House of Kazan University, 1993. – 384 p.*}
- Исцелитель человеческих душ (к 800-летию со дня рождения Дж. Руми) // Татарстан. – 2007. – № 8. – С. 50–58. {*The healer of human souls (to C. Rûmî/J. Rûmî's 800th anniversary) // Tatarstan. – 2007. – No. 8. – PP. 50–58.*}
- Махтумкули и татарская литература // *Miras*. – Ашхабад, 2008. – № 3 (31). – С. 120–125. (На туркм., рус. и англ. яз.) {*Makhtumkuli and Tatar literature // Miras. – Ashkhabad, 2008. – No. 3(31). – PP. 120–125.*} (In Turkmen, Russian, and English.)
- Древнетюркская литература. – Казань, 2009. – 65 с. {*Ancient Turkic literature. – Kazan, 2009. – 65 p.*}
- О татарско-тюркских взаимосвязях // Цивилизационный вызов истории. Тюркская цивилизация: эпох связующая нить: Материалы Международного конгресса. – Астана, 2010 {*On Tatar–Turkish relationship // Civilization challenge of history. The Turkic civilization: a thread, that connects the ages: Proceedings of the International Congress. – Astana, 2010.*}
- Записи разных лет (Татарская литература: история, поэтика и взаимосвязи). – Казань: Идел-Пресс, 2010. – 407 с. {*Notes of different years (Tatar literature: history, poetics and correlations). – Kazan: Idel-Press, 2010. – 407 p.*}
- «Его гений думал по-татарски» (размышления о Г. Державине) // Ученые записки татфака КФУ. – Казань, 2010. – С. 167–176. {*“His genius was thinking in Tatar” (thoughts on G. Derzhavin) // The academic notes of the Tatar faculty of Kazan Federal University. – Kazan, 2010. – PP. 167–176.*}
- Периодизация истории русской литературы и ее типологическое соотношение с татарской // Материалы научно-теоретической конференции «Научные исследования З. Ахметова и теоретические проблемы современного литературоведения». – Астана, 2013. – С. 74–86. {*The periodization of history of Russian literature and its relation to Tatar // Proceedings of scientific and theoretical conference “Z. Akhmetov’s scientific research and theoretical problems of modern literary studies”. – Astana, 2013. – PP. 74–86.*}
- Тюркское словесное искусство. – Казань, 2014. – 60 с. {*Turkic verbal art. – Kazan, 2014. – 60 p.*}
- Этапы развития тюрко-татарской, античной и русской литератур. – Казань: Ихлас, 2014. – 288 с. {*The evolution stages of Turkic-Tatar, ancient and Russian literatures. – Kazan: Ikhlas, 2014. – 288 p.*}
- Восточная классика и татарская литература. – Казань: Яз, 2014. – 292 с. {*Oriental classics and Tatar literature. – Kazan: Yaz, 2014. – 292 p.*}
- Абай и Тукай // Абай – әлемдік феномен. Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. [Абай – мировой феномен. Материалы международной научно-практической конференции.] – Астана: Назарбаев университеті, 2015. – С. 15–22. {*Abay and Tukay // Abay as a worldwide phenomenon. Proceedings of international scientific and practical conference. – Astana: Nazarbayev University, 2015. – PP. 15–22.*}

О Х.Ю. Миннегулове

- Хатып Миннегулов турында (Хатып Миннегулов turında) = О Хатипе Миннегулове / Төз. [Сост.] *Х. Йосытов*. – Казан: Идел-Пресс, 2009. – 479 б. {*About Khatip Minnegulov / Ed. by Kh. Yosyov. – Kazan: Idel-Press, 2009. – 479 p.*} (In Tatar)

- Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Х.Ю. Миннегулова (13–15 мая 2014 г., КФУ, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева). – Казань, 2014. – 578 с. {Literature and artistic culture of Turkic peoples in the East-West context: proceedings of International scientific and practical conference, dedicated to Kh.Yu. Minnegulov's 75th anniversary (May 13–15, 2014, Kazan Federal University, L.N. Gumilev Eurasian National University)}. – Kazan, 2014. – 578 p.}
- Ергобек Кулбек/Ергөбек Құлбек.* Татардың көрнекті түрктанушысы (Знаменитые личности тюркского мира: Миннегулов Хатип Юсупович) // Түркология (Казакстан). – 2014. – Май. – 143–147 б. {*Yergobek Kulbek.* A prominent Tatar Turkologist (Prominent people of the Turkic world: Minnegulov Khatip Yusupovich) // Turkology (Kazakhstan). – May 2014. – PP. 143–147.} (In Kazakh)
- Бадертдинова Л.Ш.* Хатип Юсупович Миннегулов (к 75-летию ученого) // Российская тюркология. – 2014. – № 1(10). – С. 94–97. {*L.Sh. Badertdinova.* Khatip Yusupovich Minnegulov (on the 75th anniversary of the scholar) // Russian Turkology. – 2014. – No. 1. – PP. 94–97.}
- «Милләткә багышланган гомер...» (Хатып Миннегуловка – 75 яшь) – «Себя отдающий народу...» (Хатипу Миннегулову – 75 лет). – Казань: Ихлас, 2015. – 400 с. {“Giving himself to people...” (Khatip Minnegulov's 75th anniversary). – Kazan: Ikhlas, 2015. – 400 p.} (In Tatar and Russian.)
- Татарстан: иллюстрированная энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2013. – С. 485. {Tatarstan: an illustrated encyclopaedia. – Kazan: Institute of the Tatar Encyclopaedia of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2013. – P. 484.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 190–196. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 821.512.133

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-190-196

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ: 80 ЛЕТ ИЗВЕСТНОЙ УЧЕНОЙ-ФОЛЬКЛОРИСТУ И ЛИТЕРАТУРОВЕДУ, ПИСАТЕЛЮ САРЫГУЛ БАХАДЫРОВОЙ

*Зияда Утеповна Бекбергенова*¹

¹ Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан
(Республики Каракалпакстан), г. Нукус, Узбекистан
доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом каракалпакской
литературы

ORCID: 0000-0002-2999-6548

e-mail: ziyada.bekbergenova@mail.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Бекбергенова З.У., 2024

Для цитирования: Бекбергенова З.У. Жизнь, посвященная науке и литературе: 80 лет известной ученой-фольклористу и литературоведу, писателю Сарыгул Бахадыровой // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 190–196. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-190-196.

**A life dedicated to science and literature:
Famous folklorist and literary scholar,
writer Sarygul Bakhadyrova is 80 years old**

*Ziyada Utepovna Bekbergenova*¹

¹ Karakalpak Research Institute of Humanities, Karakalpak Branch of the Academy
of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Republic of Karakalpakstan),
Nukus, Uzbekistan

Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of Karakalpak Literature

ORCID: 0000-0002-2999-6548

e-mail: ziyada.bekbergenova@mail.ru

© IL RAS, 2024

© Bekbergenova Z.U., 2024

For citation: *Bekbergenova Z.U.* A life dedicated to science and literature: famous folklorist and literary scholar, writer Sarygul Bakhadyrova is 80 years old // *Russian Turkology*. 2024. № 1–2 (42–43). P. 190–196. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-190-196.

Имя доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля Каракалпакстана, лауреата Государственной премии им. Бируни, лауреата Международной премии им. Н.К. Рериха, члена Союза писателей Республики Узбекистан и члена Союза журналистов Республики Узбекистан занимает особое место в ряду ученых Республики Каракалпакстан.

С. Бахадырова в качестве общественного деятеля, наставника, писателя, журналиста посвятила всю свою сознательную жизнь изучению каракалпакской литературы и устного народного творчества.

С. Бахадырова родилась 20 сентября 1944 г. в Караузьякском районе в семье служащих. После окончания в 1961 г. средней школы им. Ю. Гагарина она поступила на историко-филологический факультет Каракалпакского государственного педагогического института, который окончила с красным дипломом и начала трудовую деятельность в должности лаборанта Института языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Республики Узбекистан. В данном институте она проработала в общей сложности 48 лет, пройдя долгий путь начиная с должности лаборанта до директора института (1991–2007).

В 1970 г. под руководством академика М. Нурмухамедова успешно защитила в 26 лет кандидатскую диссертацию «Современный каракалпакский рассказ (1957–1967-е гг.)». В 1970–1974 гг. работала младшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева ККФ АН РУз, в 1974–1976 гг. – заведующей отделением искусствоведения (временно) данного института, в 1984–1990 гг. – научным сотрудником, ведущим научным сотрудником. В 1978 г. удостоилась премии Союза молодежи, в этом же году стала членом Союза писателей, а также членом Всесоюзного фонда писателей.

С. Бахадырова является крупным ученым, хорошо известным научной общественности своими трудами по истории и теории каракалпакского фольклора и литературы, создателем новых перспективных научных направлений в области фольклорно-литературных связей, в определении национальной специфики каракалпакского фольклора в сравнении с общечеловеческими ценностями. Она автор около 450 научных трудов и публикаций, общим объемом более 400 печатных листов.

В монографии «Роман и эпоха: к проблеме национального и интернационального» (Нукус, 1978 г.), а также в ряде своих статей С. Бахадырова впервые

поднимает проблему определения национального своеобразия каракалпакской литературы во взаимосвязи с общечеловеческими чертами, дает научно обоснованную характеристику национального и общечеловеческого принципов и понятий в художественной литературе.

В 1987 г. С. Бахадырова под руководством ученого-тюрколога с мировым именем З.С. Кедриной защитила докторскую диссертацию на тему «Фольклор и каракалпакская советская проза». Монография с одноименным названием на основе докторской диссертации была издана на русском языке в 1984 г.

С. Бахадырова является одним из соавторов книги «История каракалпакской советской литературы» (Ташкент, 1981, объем 30 п. л.), где впервые была воссоздана история каракалпакской литературы советского периода. Научные выводы этого фундаментального исследования выпущены отдельной книгой (Каракалпакская советская литература. Учебное пособие для вузов. Нукус, 1980), которая была удостоена Государственной премии им. Бируни Республики Узбекистан.

С. Бахадырова в своем труде «Фольклор и каракалпакская советская проза» (1984) и многочисленных статьях впервые рассматривает роль фольклора как одной из главных художественных традиций каракалпакского народа, на основе которой формировалась национальная литература. Путем целостного и системного анализа автор рассматривает зарождение каракалпакской письменной литературы с XIX–XX вв. до наших дней, выявляет фольклорно-литературные связи во всех исторических аспектах, определяет генетические, преемственные процессы перерастания народного творчества в письменную литературу.

Научные интересы С. Бахадыровой не ограничиваются исследованием каракалпакского фольклора. Ею написан ряд исследований по истории и теории фольклора и литературы ближнего зарубежья. В монографии «Мысли о “Китаби Дедем Коркут”, “Коблане”, “Едиге” и современной литературе» (1992) впервые анализируется идейно-художественная схожесть средневекового литературного памятника «Книга моего деда Коркута» и каракалпакского варианта дастана «Алпамыс», жанрово-типологические особенности дастанов «Коблан» и «Едиге», впервые проводится научный анализ дастана «Едиге» в сравнительно-типологическом аспекте.

До С. Бахадыровой изучение каракалпакского героического дастана не выходило за рамки фактического материала, т. е. исследование происходило только в виде сравнений схожих мотивов сюжета, и т.д. Сравнительное изучение каракалпакского эпоса ограничивалось сопоставлением версий, обнаруживаемых в национальном варианте. С. Бахадырова выдвигает свою концепцию изучения эпоса при помощи принципиально иной методики. В ее трудах эпические традиции тюркоязычных народов рассматриваются в ракурсе культурно-исторического процесса, определяется общая жанрово-типологическая схожесть.

Она была инициатором создания фольклорного словаря, в котором приводится теоретическая разработка жанровых разновидностей фольклора («Краткие термины по фольклористике», Нукус, 1992, в соавторстве с С. Ахметовым). В книге впервые дается определение специфических особенностей двух систем – фольклора и литературы. В словарь включен справочник, подготовленный С. Бахадыровой, по каракалпакскому дастану, в котором приводится обширная характеристика около 30 дастанов каракалпакского фольклора.

Под научным руководством С. Бахадыровой завершены следующие исследования: «Каракалпакская советская литература 1920–30-х гг.», «История исследования каракалпакской литературы 1950–70-х гг.», «Каракалпакский фольклор», «Взаимосвязи каракалпакского фольклора с фольклором братских народов», «История каракалпакского фольклора. Современной период», «Каракалпакские жрау. XIV–XVIII вв.», «Каракалпакские жрау XIX–XX вв.». Она является инициатором и научным руководителем проекта по подготовке научного издания 100 томов каракалпакского фольклора.

За годы работы в институте С. Бахадырова проявила себя компетентным руководителем научного коллектива, талантливым организатором науки. Она, как руководитель института, большое внимание уделяет решению актуальных задач каракалпакской филологии, отвечающих требованиям современной науки. В этом отношении она внесла большой вклад в организацию научно-исследовательских работ в институте.

С. Бахадырова – основоположник новейшего направления тюркологии по изучению одного из древнейших видов народного искусства – исполнение жрау (певца эпосов), она научно обосновала идею изучения творчества жрау как отдельной отрасли науки. Ее фундаментальные научные исследования, основанные на анализе колоссального количества произведений народного творчества, вылились в концепцию о тесной взаимосвязи фольклорного наследия народов Приаралья, проживающих в региональной и культурной близости. Она также сняла видеофильм о последнем каракалпакском жрау, осуществляла записи на компакт-диск старых исчезнувших народных мелодий каракалпакского народа.

Под ее руководством в институте согласно решению Кабинета Министров Республики Узбекистан в 1997 г. была организована международная конференция. В этих же целях она организовала в г. Нукусе еще три международные конференции, в которых приняли участие ученые из Германии, Японии, Турции, Кипра, Азербайджана, Киргизии, Казахстана, Узбекистана: «Каракалпакский народный эпос “Кырык кыз” (“Сорок девушек”) и вопросы исследования фольклора тюркских народов» (10–12 сентября 1997 г.), «Каракалпакский народный эпос “Едиге” и вопросы его исследования» (5–6 сентября 2001 г.), «Народное искусство в народном творчестве тюркских народов» (10–11 сентября 2003 г.). На этих конференциях был обобщен обширный материал, позволяющий научному миру ознакомиться с богатым искусством, культурой, фольклором и литературой каракалпакского народа.

Следует отметить, что изыскание средств для проведения международных форумов, разработка сценариев, издание книг, проведение мероприятий на высоком организационном уровне – личная заслуга С. Бахадыровой.

Каждая из них превратилась в подлинно народный праздник культуры. Так, в дни проведения конференции, посвященной каракалпакскому народному эпосу «Кырык кыз» («Сорок девушек»), по инициативе С. Бахадыровой на Нукусском ипподроме состоялись торжества, на которых были продемонстрированы такие народные традиции, как скачки, схватки палванов, стрельба в золотую тыкву и т.д. И этот форум, несомненно, поднял дух народа.

Общий для тюркоязычных народов – татар, башкир, ногайцев, казахов, каракалпаков – эпос «Едиге» был репрессирован постановлением Центрального ко-

митета ВКП(б) от 9 августа 1944 г. В 2001 г. С. Бахадырова организовала международную научную конференцию, посвященную этому эпосу. На нем были даны ориентиры для его дальнейшего фундаментального научного исследования.

Научные статьи С. Бахадыровой были опубликованы в Индии, Австрии, Турции, Кипре, России, Украине, Казахстане. Она автор глав «Энциклопедии Шевченко», посвященных каракалпакской литературе. В своих научных публикациях С. Бахадырова ставит целью ознакомить мировое сообщество с устным народным творчеством и письменной литературой каракалпаков. В 1996 г. профессор С. Бахадырова стала членом Союза журналистов Республики Узбекистан, в 1998 г. – членом Союза писателей, с 2004 г. – членом Всемирной ассоциации тюркологов, членом Президиума Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, членом редколлегии журнала «Хабаршы» («Вестник») ККО АНРУз, журнала «Амударья» («Эмиўдэрья»), журнала «Девушки Арала» («Арал кызлары»), международных журналов «Алтаистика и тюркология» и «Тюркология».

В 2005 г. Высшей аттестационной комиссией при Кабинете Министров Республики Узбекистан ей было присвоено ученое звание профессора. В 1991–2007 гг. она была директором Института языка и литературы им. Н. Давкараева (ныне Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук). В эти годы наиболее значимой работой, проведенной под ее непосредственным руководством, стала подготовка к изданию 100-томника «Қарақалпақ фольклору» («Каракалпакский фольклор»).

С. Бахадырова заложила основу нового направления в тюркологии и создала самобытную научную школу. Предложенный ею подход – исследовать на научной основе исполнительское искусство *жрау* при изучении эпосов – позволил доказать, что мелодия *жрау*, способствующая раскрытию содержания дастана, наряду с текстом должна являться равноправным направлением в области исследований эпосоведения. С. Бахадыровой разработана энциклопедия исчезающих мелодий каракалпакских *жрау*, в которой зафиксирована и охарактеризована 151 мелодия. Она выступила на 62 международных конференциях, конгрессах, симпозиумах с докладами, посвященными каракалпакскому эпосу, в которых изложены научные выводы, касающиеся каракалпакских *жрау* и их мелодий: «Едиге» (Уфа, 1997), «Қоблан» (Элиста, 1990), «Родословная каракалпаков» («Қарақалпақ шежиреси», Уфа, 1997), «Жанры каракалпакского фольклора» (Анкара, 1997), «Коркуту ата» («Қорқыт ата», Кунья, 1998), «Қырық кыз» («Сорок девушек», Измир и Кипр, 2000) и мн. др. Таким образом, в качестве автора 420 научных публикаций С. Бахадырова внесла весомый вклад в развитие гуманитарных наук в Республике Каракалпакстан.

В 1988–2007 гг. она стала членом Специализированного совета по присуждению ученой степени по филологическим наукам, на сегодняшний день в качестве члена Научного совета по присуждению ученой степени доктора наук по филологическим наукам при Институте узбекского языка, литературы и фольклора вносит посильный вклад в воспитание научных кадров. Она заботливый, внимательный и вместе с тем требовательный наставник, воспитывающий молодых ученых, способных к научно-исследовательской деятельности. Под научным руководством профессора С. Бахадыровой выросло несколько кандидатов и докторов наук.

Имя С. Бахадыровой входило в список 1000 женщин мира, представленных в 2005 г. к Нобелевской премии.

Ею изданы монографии «Роман и эпоха» («Роман ҳам дәўир», 1978) «Фольклор и каракалпакская советская проза» (1984), «Краткие термины по фольклористике» («Фольклорлық терминлердин қысқаша сөзлиги» в соавторстве с С. Ахметовым, 1992), «Мысли о “Китаби дедем Коркут”, “Коблане”, “Едиге” и современной литературе» («“Китаби дедем Қорқыт”, “Қоблан”, “Едиге” ҳам ҳазирги әдебиат ҳаққинда ойлар», 1992), «Каракалпаки – какой это народ» («Қарақалпақ қандай халық», 2017), «Каракалпакские народные эпосы: “Сорок девушек”, “Алпамыс”, “Коблан”, “Едиге”» («Қарақалпақ халық дәстанлары: “Қырық қыз”, “Алпамыс”, “Едиге”», 2024). Она является одним из соавторов «Истории каракалпакской советской литературы» (1981), «Истории каракалпакской литературы» (1994).

С. Бахадырова получила признание и в качестве писателя. Ее повести и романы, написанные на каракалпакском языке – «Письмо матери», «Женщины», «Человек становится счастливым рядом с человеком», «Ценность человека», «Припозднившийся солдат», «Раушан», «Судьба» (трилогия), «Тумарис и Кир», «Избасар Фазылов», «Сокол с подбитым крылом» – известны широкому кругу читателей. С. Бахадырова своим романом «Судьба» («Тәғдир») стала первой писательницей среди женщин Центральной Азии, написавшей широкомасштабную эпопею.

Заслуги обладательницы многогранного таланта, известной ученой и наставника С. Бахадыровой в области науки и художественной литературы были отмечены в статьях К. Султанова, З. Кедринной, З. Насурлаевой, К. Худайбергенова, К. Жаримбетова, М. Бекбергеновой, Т. Давыдовой, М. Низаматдинова, Ж. Хошаниязова, З. Бекбергеновой и других ученых.

Профессор С. Бахадырова говорит: «Моя цель – доказать с научной точки зрения, что мой народ – один из древних народов, который, несмотря на свою малочисленность, внес определенный вклад в человеческую цивилизацию, при этом во времена исторических потрясений охраняя свою культуру, духовное богатство, оберегая их как зеницу ока, и донес их до нас.

Все мое творчество состоит из демонстрации миру искренних и неподдельных качеств моего народа – талантливого, заботливого, человеколюбивого, готового отдать последний свой хлеб своему другу».

Труды С. Бахадыровой, насыщенные оригинальными авторскими идеями, представляют выдающийся вклад в развитие филологической науки. Признанием вклада С. Бахадыровой в науку является присуждение ей Государственной премии Узбекистана в области науки и техники им. А. Беруни (Бируни) и присвоение почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Каракалпакстан».

Профессор С. Бахадырова, обогащая каракалпакскую фольклористику и литературоведение, а также национальную литературу своим творчеством в области науки и художественной литературы, может и впредь быть примером для подрастающей молодежи.

Мы искренне поздравляем профессора С. Бахадырову с 80-летием и желаем ей крепкого здоровья.

Некоторые опубликованные монографии С. Бахадировой

- Бахадирова/Баҳадирова С.* Роман ҳам дәўир [Роман и эпоха]. – Нукус: Каракалпакстан, 1978. {*S. Bakhadirova/Bahadirova. Novel and era.* – Nukus: Karakalpakstan, 1978.} (In Karakalpak.)
- Бахадирова С. и др.* История каракалпакской советской литературы. – Ташкент: ФАН, 1981. {*S. Bakhadirova et al. History of Karakalpak Soviet literature.* – Tashkent: FAN, 1981.}
- Бахадирова С.* Фольклор и каракалпакская советская проза. – Нукус: Каракалпакстан, 1984. {*S. Bakhadirova. Folklore and Karakalpak Soviet prose.* – Nukus: Karakalpakstan, 1984.}
- Бахадирова/Баҳадирова С.* «Китаби дедем Қорқут», «Қоблан», «Едиге» ҳам ҳэзирги эдебият ҳаққинда ойлар [Мысли о «Китаби Дедем Коркут», «Коблане», «Едиге» и современной литературе]. – Нукус: Қарақалпакстан, 1992. {*S. Bakhadirova/Bahadirova. Thoughts about “Kitabi Dedem Qorqut”, “Qoblan”, “Yedige” and modern literature.* – Nukus: Karakalpakstan, 1992.} (In Karakalpak.)
- Бахадирова/Баҳадирова С., Ахметов С.* Фольклорлық терминлердин қысқаша сөзлиги [Краткий словарь фольклорных терминов]. – Нукус: Билим, 1992. {*S. Bakhadirova/Bahadirova, S. Akhmetov. A concise dictionary of folklore terms.* – Nukus: Bilim, 1992.} (In Karakalpak.)
- Бахадирова С. и др.* История каракалпакской литературы. – Ташкент: ФАН, 1994. {*S. Bakhadirova et al. History of Karakalpak literature.* – Tashkent: FAN, 1994.}
- Баҳадирова С.* Қарақалпақ қандай халық [Каракалпаки – какой это народ]. – Т.: Навруз, 2017. {*S. Bakhadirova/Bahadirova. Karakalpaks – what kind of people are they?* – Tashkent: Navruz, 2017.} (In Karakalpak.)
- Баҳадирова С.* Қарақалпақ халық дәстанлары: «Қырық қыз», «Алпамыс», «Қоблан», «Едиге» [Каракалпакские народные эпосы: «Сорок девушек», «Алпамыс», «Коблан», «Едиге»]. – Т.: Anorbooks, 2024. {*S. Bakhadirova/Bahadirova. Karakalpak folk epics: “Forty Girls”, “Alpamys”, “Qoblan”, “Yedige”.* – Tashkent: Anorbooks, 2024.} (In Karakalpak.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 1–2 (42–43), pp. 197–204. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.142

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-197-204

ЛИНГВИСТ ПО ПРИЗВАНИЮ (К ЮБИЛЕЮ АЛИЯ АХМАТОВИЧА ЧЕЧЕНОВА)

*Анна Владимировна Дыбо*¹, *Зарема Назировна Экба*²

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
ORCID: 0000-0002-6077-7183
e-mail: adybo@iling-ran.ru

² Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук
ORCID: 0000-0002-7300-1392
e-mail: zaremaekba@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Дыбо А.В., Экба З.Н., 2024

Для цитирования: *Дыбо А.В., Экба З.Н.* Лингвист по призванию (к юбилею Алия Ахматовича Чеченова) // *Российская тюркология*. 2024. № 1–2 (42–43). С. 197–204. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-197-204.

Linguist by calling (on Aliy Akhmatovich Chechenov's anniversary)

*Anna Vladimirovna Dybo*¹, *Zarema Nazirovna Ekba*²

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences
ORCID: 0000-0002-6077-7183
e-mail: adybo@iling-ran.ru

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. in Philology
ORCID: 0000-0002-7300-1392
e-mail: zaremaekba@iling-ran.ru

© IL RAS, 2024

© Dybo A.V., Ekba Z.N., 2024

For citation: *Dybo A.V., Ekba Z.N.* Linguist by calling (on Aliy Akhmatovich Chechenov's anniversary) // *Russian Turkology*. 2024. № 1–2 (42–43). P. 197–204. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-197-204.

Не так давно исполнилось 70 лет со дня рождения нашего коллеги Алия Ахматовича Чеченова.

Он родился 25 мая 1952 г. в с. Дон-Арих Чуйского района Киргизии, где находились многие балкарцы с 1944 по 1953 гг. в связи с политическими репрессиями и незаконной депортацией. После 1957 г., в связи с восстановлением государственности балкарцев и карачаевцев и возвращением прежнего названия республики – Кабардино-Балкарская АССР, семья вернулась на историческую родину.

В 1975 г. А.А. Чеченов окончил историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета по специальности «Филолог, преподаватель балкарского языка и литературы и русского языка и литературы». Еще в студенческие годы А.А. Чеченов близко к сердцу воспринял слова выдающегося ученого-тюрколога А.К. Боровкова, который, изучая карачаево-балкарский язык, написал в 1932 г. в своей работе, посвященной ему: «карачаево-балкарский язык – “мал золотник, да дорог”. (...) Балкаро-карачаевский язык “древнее”, с точки зрения типологии, древнеписьменных мертвых языков турецкой (тюркской) системы, о которых сохранились памятники письма; изучение карачаево-балкарского языка явится во многих случаях ключом для исследования древнеписьменных памятников». Поэтому в том же году он поступает в аспирантуру Института языкознания РАН, где приступает к написанию кандидатской диссертации в Отделе тюркских и монгольских языков на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Тема кандидатской диссертации «Язык “Codex Cumanicus” и его отношение к современным западнокыпчакским языкам» выбрана была неслучайно, и, как оказалось впоследствии, сама работа стала большим вкладом не только в карачаево-балкарское языкознание, но и в тюркологию в целом, в частности, в изучение одного из самых выдающихся письменных тюркоязычных памятников XIII–XIV вв.

Codex Cumanicus. До Алия Ахматовича никто из носителей карачаево-балкарского языка, приближенного к языку «немецкой» части памятника, не занимался столь глубоко изучением Codex Cumanicus и его связи с кыпчакскими языками, в частности с карачаево-балкарским языком. Исследователи в основном только констатировали значительную близость «языка Codex Cumanicus» к карачаево-балкарскому языку. Между тем этот памятник содержит ценнейшие данные по кыпчакским языкам, если говорить именно о «немецкой части» памятника, хотя и «итальянская» часть Codex Cumanicus, которая больше тяготеет к огузским языкам, также важна для изучения кыпчакских языков, их контактов и взаимодействия с огузскими языками. Поэтому успешная защита диссертации в ведущем филологическом научном центре страны по этому памятнику стала событием в тюркологии, и особенно в карачаево-балкарском языкознании.

После окончания аспирантуры с 1978 г. Алий Ахматович долгие годы работает в Отделе урало-алтайских языков Института языкознания РАН. Исследования Алия Ахматовича, изложенные в его кандидатской диссертации, расширенные и дополненные, были опубликованы в виде отдельной монографии «Язык памятника *Codex Cumanicus* (XIV в.) в ареальном освещении (методологические материалы)» (М., 1978).

Работая в институте, А.А. Чеченов продолжает свои исследования кыпчакских языков и в 1997 г. защищает в Институте языкознания РАН докторскую диссертацию на тему «Историческая фонетика карачаево-балкарского языка». Эта работа стала одним из самых значимых вкладов в карачаево-балкарское языкознание и в изучение кыпчакских языков. И этот вклад ученого был оценен по достоинству. В 1998 г. ему присвоили ученую степень доктора филологических наук, а в 1999 г. – звание профессора.

Сегодня А.А. Чеченов является признанным специалистом в области исторической фонетики, грамматики и лексикологии тюркских языков, истории духовной культуры тюркских народов, средневековой истории Северного Кавказа. Дело в том, что Алий Ахматович относится к тем ученым-лингвистам, которые работают на стыке наук, хорошо знают фольклор изучаемых регионов, диалектные материалы, данные археологии и письменных источников. Им опубликовано более 150 научных трудов, в том числе и ряд монографических исследований. Карачаево-балкарский язык является для Алия Ахматовича родным, что дало ему возможность проследить все тонкости исторического развития не только карачаево-балкарского языка, но и ряда других кыпчакских языков (караимского, кумыкского и др.) и собственно их связи с половецким (куманским) языком.

В 1996 г. была опубликована его монография «Историческая фонетика карачаево-балкарского языка», в которой А.А. Чеченов стремился показать воздействие различных языковых факторов на историческое развитие фонетической системы карачаево-балкарского языка после его выделения из пракыпчакского языка, то есть проследить отражение в карачаево-балкарском языке и его диалектах фонетических явлений, унаследованных от исходного прототюркского и кумано-кыпчакского языка-основы, и путем сравнения с близкородственными тюркскими языками выявить основные тенденции развития этих явлений в современном карачаево-балкарском языке. Автор в своей работе весьма аргументировано развивает ранее выдвинутое им положение о том, что фонетическая система кара-

чаево-балкарского языка мало чем отличается от фонетической системы ближайшего к нему кумано-кыпчакского языка, унаследовавшего соответствующую систему фонем от общекыпчакского языка, а через его посредство и от пратюркского языка-основы. По его мнению, система вокализма современного карачаево-балкарского языка последовательно отражает систему вокализма и кумано-кыпчакского, и пратюркского состояний.

В результате проведенного комплексного исследования автор приходит к выводам о том, что абсолютным временем распада кумано-кыпчакского языка-основы на карачаево-балкарский, кумыкский, караимский и крымскотатарский следует признать период крушения Золотой Орды. Формирование собственно карачаево-балкарского народно-разговорного языка и его диалектной системы происходило уже в постзолотоордынский период в предгорьях и горах Центрального Кавказа под непосредственным влиянием нетюркских, в частности кавказских языков и аланского субстрата. Сегодня эти идеи А.А. Чеченова подтверждаются новейшими данными других наук, в частности палеогенетики и археологии, которые доказали участие в этногенезе карачаевцев и балкарцев не только средневековых тюркоязычных племен, но и древних кавказских племен, восходящих к Кобанской археологической культуре IX–III вв. до н. э., а также скифских и аланских племен. И кавказский этнический субстрат, как оказывается, в составе карачаевцев и балкарцев является весьма существенным.

В монографии «Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев» (М., 1996) освещаются вопросы становления и развития карачаево-балкарского общенационального языка и его диалектной системы в тесной связи с ходом формирования и дальнейшего исторического развития карачаево-балкарского народа. В работе широко используются историко-лингвистические данные древнебулгарских, средневековых печенежско-огузских, кыпчакско-половецких и кыпчакско-огузских памятников языка и в их соотношении, и в сравнении с диалектными данными карачаево-балкарского литературного и разговорного языка. Также уделяется внимание сопоставлению фонетических данных близкородственных кумано-кыпчакских языков – кумыкского, караимского, крымскотатарского, и канглыско-кыпчакских языков – казахского, каракалпакского, ногайского, а также урало-поволжских кыпчакских языков – татарского и башкирского.

Рассматривая этногенез карачаевцев и балкарцев, А.А. Чеченов отмечает, что лингвистические истоки современного языка через общекыпчакское состояние восходят к прототюркской архаике, однако обособление собственно карачаевцев и балкарцев от западнокыпчакского (кумано-половецкого) массива произошло только в позднем средневековье. Эти выводы А.А. Чеченова подверглись необоснованной критике рядом специалистов по истории карачаевцев и балкарцев (И.М. Мизиев и др.), выступавших за основную роль древнебулгарского компонента в этногенезе карачаевцев и балкарцев.

Однако, на самом деле, выводы А.А. Чеченова, как крупного лингвиста и специалиста по кыпчакским языкам, не противоречат концепции существенной этнической роли древних булгар в этногенезе карачаевцев и балкарцев, а, наоборот, отчасти подтверждают заметную роль кавказских булгар в этом сложном историческом процессе. А.А. Чеченов, говоря об отсутствии преемственности меж-

ду булгарами и современными карачаевцами и балкарцами, прежде всего, проецирует это свое мнение на историческое развитие карачаево-балкарского языка. При этом он не исключает и наличие определенного древнебулгарского субстрата и в современном карачаево-балкарском языке, который, по специфическим болгаро-чувашиским фонетическим признакам, достаточно легко выявляется на уровне лексики. Более того, это становится очевидным при сравнительном изучении самой лексики чувашского и карачаево-балкарского языков.

Всесторонне проанализированный в работах А.А. Чеченова разнородный фактический материал по карачаево-балкарскому языку и его диалектам позволил автору осветить кардинальные аспекты генезиса, ареально-территориального и диалектного членения, а также диахронических контактов карачаево-балкарского языка. В коллективном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология» (М., 1988) А.А. Чеченовым написан раздел «Словообразование имен существительных», в котором рассмотрены основные наиболее продуктивные общетюркские словообразовательные аффиксы. В другом томе сравнительно-исторической грамматики – «Региональные реконструкции» (М., 2002) – в разделе о кыпчакской группе тюркских языков А.А. Чеченовым написана глава о реконструкции вокализма. При написании этого раздела автором была проделана большая работа по исследованию материалов современных кыпчакских языков с их диалектами (кумыкского, карачаево-балкарского, караимского, крымскотатарского, ногайского, каракалпакского, казахского, татарского, башкирского и барабинского, киргизского, алтайского языка, мамлюкско-кыпчакского и армяно-кыпчакского языков), а также включены материалы куманско-половецкого языка (Codex Cumanicus).

Труды А.А. Чеченова по истории карачаево-балкарского языка заложили фундамент для дальнейших монографических исследований по всем уровням этого языка на основе компаративистских методов. Разработанная ученым периодизация истории карачаево-балкарского языка, а также стратификация содержащихся в нем иноязычных субстратных, суперстратных и других явлений и фактов стала основой для дальнейших сравнительно-исторических исследований.

Кыпчакская проблема была и остается одной из важнейших в исследованиях этноязыкового прошлого многих тюркоязычных народов, а также юга Древней Руси. Значение исследований в области кыпчакского языкознания весьма актуальны и сегодня, особенно в свете сохранения этнического и языкового разнообразия в нашей стране, изучения языков коренных народов России. И здесь нельзя не сказать о том, что многие тюркоязычные народы бывшего СССР говорят на языках кыпчакской группы (наряду с языками огузской и других групп), что также определяет важность исследований А.А. Чеченова.

Работы ученого, опирающиеся на достижения современной тюркской компаративистики, вносят существенный вклад и в решение указанных этнолингвистических проблем, и в освещение истории не только упомянутых выше народов, а также других коренных тюркоязычных народов России (чувашей, якутов и др.).

Научную работу А.А. Чеченов много лет совмещает с активной научно-организационной деятельностью. В течение многих лет он работал ученым секретарем диссертационного совета по языкам народов Российской Федерации при Институте языкознания РАН. Большое внимание он уделял деятельности Россий-

Заседание Российского комитета тюркологов. Москва, ИЯз РАН, 2 февраля 2011 г.

ского комитета тюркологов при Отделении истории и филологии РАН, укреплению внутривосточных и международных научных связей тюркологов. Свидетельством признания научных и организационных заслуг А.А. Чеченова является присуждение ему Союзом турецких писателей почетного звания «Человек года» (1992), Премии Абдель Азиза Сауди ал-Бабтина (Кувейт, 1997) и звания «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (2002).

Сотрудники Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН знают Алия Ахматовича как отзывчивого, доброго, всегда готового прийти на помощь человека с настоящим кавказским чувством юмора, прекрасного коллегу и друга и желают ему многих плодотворных творческих лет! Редакция журнала «Российская тюркология» присоединяется к поздравлениям Алия Ахматовича с прошедшим юбилеем и выражает искреннюю благодарность за помощь и поддержку в издании печатных номеров нашего журнала!

Основные работы А.А. Чеченова

- Язык «Codex Cumanicus» и его отношение к современным западнокипчакским языкам: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – М., 1978. – 178 с. {The language of “Codex Cumanicus” and its relation to modern Western Kipchak languages: Ph.D. thesis: 10.02.06. – Moscow, 1978. – 178 p.}
- Язык «Codex Cumanicus» и его отношение к современным западнокипчакским языкам: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 19 с. {The language of “Codex Cumanicus” and its relation to modern Western Kipchak languages: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1979. – 19 p.}

А.А. Чеченов и К.М. Мусаев в перерыве между заседаниями

- Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев: [монография]. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – 173, [1] с. {Problems of formation and development of the language of Karachay and Balkar people. – Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1996. – 173, [1] p.}
- Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – 394 с. {Historical phonetics of the Karachay-Balkar language. – Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1996. – 394 p.}
- Историческая фонетика карачаево-балкарского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.06 / Ин-т языкознания. – М.: ИЯ РАН, 1997. – 68 с. {Historical phonetics of the Karachay-Balkar language: Dr. Habil. diss. abstract: 10.02.06 / Institute of Linguistics. – Moscow: Institute of Linguistics of the Academy of Sciences, 1997. – 68 p.}
- Историческая фонетика карачаево-балкарского языка: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.06. – М., 1997. – 447 с. {Historical phonetics of the Karachay-Balkar language: Dr. Habil. thesis: 10.02.06. – Moscow, 1997. – 447 p.}
- Половецкий язык // Языки мира: Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 110–116. {The Polovtsian language // Languages of the World: Turkic Languages. – Moscow: Indrik, 1997. – PP. 110–116.}
- Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка (спецкурс) / М.З. Улаков, А.А. Чеченов. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2001. – 52 с. {Written documents of the Turkic languages as a source of history of the modern Karachay-Balkar language (special course) / M.Z. Ulakov, A.A. Chechenov. – Nalchik: Institute for Humanities of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2001. – 52 p.}
- Актуальные проблемы исследования языков Центральной Азии: туранский языковой союз / Ж.К. Туймебаев, Н.И. Егоров, А.А. Чеченов; М-во образования и науки, Междунар. центр алтаистики и тюркологии. – Астана: Кокшетауский гос. ун-т им. Ш.Ш. Уалиханова, 2009. – 107 с.: ил.

{Topical issues of study of Central Asian languages: the Turan language union / Zh.K. Tuymebayev, N.I. Yegorov, A.A. Chechenov; Ministry of Education and Science, International Center of Altaistics and Turkology. – Astana: Sh.Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, 2009. – 107 p.: with illustrations.}

Опыт историко-генетической интерпретации феномена параллельного функционирования джюкающих и йюкающих идиомов в среднем Поволжье (по материалам языков эпитафических памятников XIII–XIV веков с территории Булгарского улуса Золотой Орды). – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. {An attempt at historical and genetic interpretation of a parallel existence of the *j̄*- and *j*- (*y*-) languages (idioms) in the Middle Volga region (based on data of epigraphic monuments of the 13th–14th centuries from the Bulghar Ulus territory of the Golden Horde). – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2012.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2024. № 1–2 (42–43), pp. 205–213. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.145

DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-205-213

НАСИПОВ ИЛШАТ САХИЯТУЛЛОВИЧ: ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

*Ханиса Чавдатовна Алишина¹, Радиф Рифкатович Замалетдинов²,
Ким Мугаллимович Миннуллин³*

¹ Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
доктор филологических наук, профессор, директор Центра тюркологии, почетный
член АН РТ
e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии
и межкультурной коммуникации
e-mail: director.ifmk@gmail.com

³ Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ
e-mail: iyali.anrt@mail.ru

© ИЯз РАН, 2024

© Алишина Х.Ч., Замалетдинов Р.Р., Миннуллин К.М., 2024

Для цитирования: *Алишина Х.Ч., Замалетдинов Р.Р., Миннуллин К.М.* Насипов Илшат Сахиятуллович: жизнь и научно-педагогическая деятельность // *Российская тюркология*. 2024. № 1–2 (42–43). С. 205–213. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-205-213.

Ilshat Sakhiyatulloviich Nasipov: life, scientific and pedagogical activity

*Khanisa Chavdatovna Alishina¹, Radif Rifkatovich Zamaletdinov²,
Kim Mugallimovich Minnullin³*

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Director of the Center of Turkology, Honorary Member of
the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

² Kazan (Volga Region) State University, Kazan, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Director of the Institute of Philology and Intercultural
Communication
e-mail: director.ifmk@gmail.com

³ Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Corresponding Member
e-mail: iyali.anrt@mail.ru

© IL RAS, 2024

© Alishina Kh.Ch., Zamaletdinov R.R., Minnullin K.M., 2024

For citation: *Alishina Kh.Ch., Zamaletdinov R.R., Minnullin K.M. Ilshat Sakhiyatullovich Nasipov: life, scientific and pedagogical activity // Russian Turkology. 2024. № 1–2 (42–43). P. 205–213. DOI 10.37892/2712-8121-2024-42-43-205-213.*

Насипов Илшат Сахиятуллович – доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Руководитель Образовательно-культурного центра им. Каюма Насыри Казанского (Приволжского) федерального университета при Акмуллинском университете. Заслуженный работник образования Республики Башкортостан, Заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Член-корреспондент Российской академии естествознания, член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук Российской академии наук, действительный член Чувашской народной академии наук и искусств.

И.С. Насипов родился 16 марта 1964 г. д. Старокуктово Илишевского района Башкирской АССР. Среднее образование получил в Старокуктовской средней школе. В 1981 г. поступил учиться на татарско-русское отделение филологического факультета Башкирского государственного университета по специальности «татарский язык и литература, русский язык и литература».

И.С. Насипов, успешно окончив Башкирский государственный университет и получив диплом по специальности «Филолог. Преподаватель татарского языка и литературы, русского языка и литературы», 15 августа 1987 г. начал педагогическую деятельность учителем татарского языка и литературы Тукаевской средней школы Аургазинского района. Был заместителем директора школы по учебно-воспитательной работе.

2 сентября 1989 г. И.С. Насипов начал работать ассистентом кафедры преподавания русского языка и литературы в национальной школе Стерлитамакского государственного педагогического института (вуз в последующем стал Академией им. Зайнаб Бишевой, Стерлитамакским филиалом Башкирского государственного университета, а ныне – Стерлитамакским филиалом Уфимского университета науки и технологий). Здесь он прошел трудовой путь ассистента, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой, проректора по учебной работе и связям с общественностью. Одновременно в г. Казани учился в аспирантуре Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Защитил кандидатскую (1994) и докторскую (2010) диссертации.

Его талант руководителя полностью раскрылся на должности заведующего кафедрой. Он основал кафедру татарской и чувашской филологии, на которой курировал учебно-воспитательный процесс и научно-методическую деятельность на татарском и чувашском отделениях филологического факультета. За короткое время сумел организовать молодой, сплоченный коллектив единомышленников. Кафедра добилась больших успехов в учебно-воспитательной и научно-методической деятельности. В 2006 г. на Всероссийском конкурсе в г. Казани татарское отделение СГПА им. Зайнаб Бишевой было признано «Лучшим татарским отделением вузов Российской Федерации». В 2012 г. кафедра была награждена Золотой медалью РАН и удостоена звания «Золотая кафедра России», Европейская научно-промышленная палата наградила кафедру дипломом, а ее заведующего – золотой медалью.

Одновременно И.С. Насипов вел большую общественную деятельность в г. Стерлитамаке Республики Башкортостан. Принимал участие в создании и возглавлял татарские общественные организации: Стерлитамакский татарский общественный центр «Мирас» (1987–1997), Стерлитамакское городское отделение Конгресса татар Башкортостана (1997–2012), а также был членом исполкома Конгресса татар Башкортостана.

В 2012 г. И.С. Насипов переехал в г. Уфу, избран по конкурсу и возглавил кафедру татарского языка и литературы Института филологического образования и межкультурной коммуникации Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Сегодня кафедра татарского языка и литературы Акмуллинского университета является образовательным, научно-методическим и национально-культурным центром в Республике Башкортостан. Илшат Сахиятуллович, будучи заведующим кафедрой, уделял большое внимание укреплению связей с вузами, научными учреждениями Российской Федерации, общественными организациями и государственными органами Республики Башкортостан и Республики Татарстан.

При кафедре с 2012 по 2023 гг. работала научная лаборатория «Функционирование и развитие татарского языка, литературы и культуры в полилингвальной среде Республики Башкортостан». В 2014 г. был создан Мемориальный кабинет «Габдулла Тукай в Уфе», посвященный 100-летию приезда поэта в Башкортостан, а в 2016 г. открыт Образовательно-культурный центр Института им. Каюма Насыри Казанского (Приволжского) федерального университета. Традиционными стали ежегодный Всероссийский студенческий конкурс профессионального мас-

терства «Ана теле» среди студентов татарских отделений вузов РФ, Республиканский конкурс выразительного чтения «Тукаевские напевы», Фестиваль-конкурс преемственности педагогических традиций «Буыннар сабагы» / «Уроки поколений». С 2016 г. организованы бесплатные курсы по изучению татарского языка.

Кафедра уделяет большое внимание участию студентов татарского отделения БГПУ им. М. Акмуллы в Международной онлайн-школе «Ана теле», Международной и Региональной олимпиадах по татарскому языку и литературе, Всероссийском конкурсе «Национальное достояние» в г. Казани. Преподаватели, магистранты и студенты принимают активное участие в научных конференциях, организованных кафедрами Института филологии и межкультурной коммуникации и Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, в научных форумах и Международной молодежной научной школе ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, а также в ежегодных семинарах-совещаниях с кураторами национального образования, руководителями образовательных организаций с татарским языком обучения и с изучением татарского языка, учителями татарского языка и литературы регионов РФ и др. Кафедра сама организует многочисленные научные мероприятия различного уровня. Только за последние пять лет было проведено около 20 научно-методических семинаров, круглых столов и научно-практических конференций.

И.С. Насипов уделяет особое внимание укреплению международного сотрудничества, что проявляется в тесном взаимодействии кафедры с такими высшими учебными заведениями Казахстана, как Карагандинская академия «Болашак», Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Актюбинский университет им. С. Баишева, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.

С марта 2020 г. в течение года И.С. Насипов по совместительству исполнял обязанности проректора по научной работе Российского исламского университета ЦДУМ России.

И.С. Насипов является руководителем творческой группы министерства образования и науки РБ по подготовке учебных пособий по татарскому языку для школ Башкортостана. В 2018–2019 гг. опубликованы «Алифба», учебные пособия по татарскому языку для 1–9 классов, методические пособия для учителя по татарскому языку для 1–9 классов, примерные программы по татарскому языку для 1–4 и 5–9 классов для школ Башкортостана. В 2019 г. под его руководством были подготовлены и опубликованы учебные пособия и примерные учебные программы по татарскому языку для 1–4 и 5–9 классов школ Башкортостана, ведущих обучение на русском языке.

Стаж педагогической и научно-методической деятельности профессора И.С. Насипова составляет 37 лет. Он автор более 330 опубликованных научных работ, из них 20 учебно-методических пособий и учебных программ, 4 научных монографии. Он принимал участие в составлении 4 коллективных научных монографий, 7 учебников и учебных пособий для школ. Основные темы научных исследований: «Языковые контакты народов Урало-Поволжья», «Заимствования в татарском языке», «Татарские народные говоры Южного Приуралья», «Лингвистическая карта тюркских народов». Является руководителем студенческой научно-проблемной группы «Духовная и материальная культура народов Поволжья

г.Стерлитамак, 2012 год, СГПА им. З. Бишевой, Международная научная конференция, посвященная 125-летию Галимджана Ибрагимова

и Приуралья». Он подготовил троих кандидатов наук (Мукимова Н.А., Сидешова З.Г., Мухтарова С.С.).

В кандидатской диссертации на тему «Древнетюркский пласт диалектной лексики мензелинского говора татарского языка» (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань, 1994) И.С. Насипов впервые в татарской диалектологии выделил древнетюркский пласт терминологической и нетерминологической диалектной лексики одного из самых больших как по числу говорящих, так и по территориальному распространению говоров татарского языка – мензелинского говора среднего диалекта.

В докторской диссертации на тему «Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия» (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань, 2010), защищенной по двум специальностям 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык) и 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, он исследовал заимствованные лексические единицы из марийского, мордовских (эрзя и мокша) и удмуртского языков в татарском языке и в его народных говорах среднего (казанско-татарского) и западного (мишарско-татарского) диалектов. Также в диссертации исследованы общие проблемы тюркских и финно-угорских языковых контактов в Волго-Камье. В ней определяются виды и типы тюрко-татарских и финно-угорских языковых контактов, проводится историко-этимологический анализ восточно-финно-угорских лексических заимствований в татарском языке и выделяются особенности марийско-татарских, мордовско-татарских и удмуртско-татарских языковых контактов. На основе большого ил-

люстративного материала было установлено, что сегодня в татарском языке можно выделить более 200 марийских, более 150 удмуртских и более 100 мордовских заимствований. Возможно, таких заимствований в татарском языке ранее было намного больше, но в силу разных лингвистических и экстралингвистических факторов с течением времени они были вытеснены заимствованиями из арабского и персидского языков, а в более позднее время – из русского языка. Было также определено, что финно-угорские заимствования в качественном и количественном отношении отличаются представленностью в диалектах татарского языка. Так, если марийские и удмуртские заимствования больше зафиксированы в говорах среднего диалекта, то мордовские – в говорах мишарского диалекта. Справедливо отмечено, что говоры восточного (сибирско-татарского) диалекта существенно отличаются как составом контактных финно-угорских языков, так и качественным и количественным соотношением заимствованных лексических единиц от двух других диалектов татарского языка. Необходимо подчеркнуть, что автор диссертационного исследования верно заявил, что особенности тюрко-татарского и финно-угорского лингвистического взаимовлияния невозможно рассматривать без учета более позднего, но сильного влияния славянско-русского этнолингвистического компонента.

В пяти авторских и трех коллективных монографиях ученого были доступно изложены материалы диссертационных исследований и основные итоги сравнительно-исторического и этимологического анализа финно-угорских заимствований (из марийского, мордовских и удмуртского языков) в современном татарском языке и в его народных говорах. В них также отмечается, что следы взаимовлияния прослеживаются не только в языковом материале, но и в музыке, одежде, украшениях и др., в материальной и духовной культуре. Причем тюркское влияние на финно-угорский мир было сильнее, чем финно-угорское влияние на тюркский.

В публикациях, подготовленных профессором И.С. Насиповым, рассматриваются основные положения и проблематика лингвистической контактологии как самостоятельной отрасли языкознания, изучающей взаимовлияния языков на примере взаимодействия тюркских и финно-угорских языков на территории Урало-Поволжья. Выделены типы языковых контактов: прямые, т. е. проксимальные; устойчивые, т. е. перманентные; частично внешние, т. е. маргинальные; неродственные; двусторонние; междиалектные; разнопрестижные. Проанализированы основные особенности формирования волго-камского языкового союза, который определен как союз тюркских и финно-угорских языков в Волго-Камье.

В трудах ученого раскрыты основные проблемы волго-камского языкового союза, связанные с определением состава общности и временем формирования союза. Отмечено, что в волго-камский языковой союз входят из тюркских языков башкирский, татарский и чувашский языки, из финно-угорских языков – марийский, мордовские (мокша и эрзя) и удмуртский языки. Коми языки определены как языки, находящиеся на периферии языкового союза и имеющие к общности отношение лишь исторически. Наиболее сложным и до сих пор не решенным является вопрос о временных параметрах языкового союза. Имеются два противоположных мнения: одни считают, что союз возник еще в глубокой древности, а другие, наоборот, отрицают тезис о ранних контактах этих языков и о ранней тюркизации финно-угорского населения данного региона.

г.Стерлитамак, 2008 год, СГПА им.З.Бишевой, Международная научная конференция, посвященная 80-летию академика М.З.Закиева и 10-летию кафедры татарской и чувашской филологии СГПА им. З. Бишевой

Вопросы субстрата, суперстрата и адстрата также непосредственно связаны с проблемами языковых контактов. Эти типы языковых контактов отличаются по степени влияния носителей одного языка на другой. В материалах ученого в наиболее доступной форме раскрыты содержания этих понятий, указывается, что одним из результатов языковых контактов являются заимствования, приводятся наиболее характерные виды заимствований.

И.С. Насипов выполняет большую общественную работу. Систематически участвует в мероприятиях Министерств образования и науки Башкортостана и Татарстана, является председателем и членом жюри республиканского конкурса «Лучший учитель татарского языка и литературы», республиканских олимпиад школьников по татарскому языку и литературе. Он был членом учебно-методической комиссии по татарскому языку и литературе учебно-методического объединения Министерства образования и науки Российской Федерации (г. Казань, ИФиМК КФУ), Координационной комиссии по диалектологии и лексикологии при Научном совете Отделения гуманитарных наук АН РТ по лингвистике (г. Казань, ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова), членом Научного совета АН РБ по языкознанию, прикладной лингвистике и информационным технологиям. Илшат Сахиятуллович также работал членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций Д.212.013.06 при БашГУ, в настоящее время является членом диссертационного совета КФУ.058.2 при Казанском (Приволжском) федеральном университете и диссертационного совета 24.2.479.08 при Уфимском университете науки и технологий.

Он входит в состав редколлегии научных журналов «Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки» (Уфа, БГПУ им. М. Акмуллы), «Фэнни Татарстан» («Научный Татарстан», Казань, АН РТ), «Вестник Карагандинского университета. Серия филология» (Караганда, КарГУ им. Академика Е.А. Букетова), «Актуальные проблемы современности» (Караганда, Академия «Болашак»), «Вестник филологических наук» (Уфа, УУНиТ), является членом редколлегии журналов ВАК «Гуманитарные науки и образование» (Саранск, МГПУ им. М.Е. Евсевьева), «Modern humanities success» / «Успехи гуманитарных наук» и «Современный ученый» / «Modern scientist» (Белгород, ИП Ключева М.М.).

И.С. Насипов является членом экспертного совета ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по филологии и искусствоведению (Пр. 404 от 29.04.2022 г.) и экспертом РГНФ/РФФИ/РНФ (с 2013 г.). Он был экспертом Фонда содействия гражданскому обществу Республики Башкортостан / Фонда грантов Главы Республики Башкортостан (до 2021 г.) и Федерального института цифровой трансформации в сфере образования (ФГАНУ «ФИЦТО») Министерства просвещения Российской Федерации (2021–2022), экспертом конкурса Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России) на соискание Всероссийской общественной премии за сохранение языкового многообразия «Ключевое слово» (до 2022 г.), входит в состав Учебно-методического совета при Министерстве образования и науки Республики Башкортостан (с 2020 г.).

Он также состоит в Ученом совете ИФОМК БГПУ им. М. Акмуллы, является членом исполкома и заместителем председателя Региональной национально-культурной автономии татар Республики Башкортостан. Избирался делегатом I, III, V, VI и VIII съездов Всемирного конгресса татар, I и II Съезда татар Башкортостана, Всероссийских съездов учителей татарского языка. Член НКО «Ассоциация учителей родного (татарского) языка и литературы» (г. Казань).

И.С. Насипов имеет государственные награды и ведомственные знаки отличия Российской Федерации, Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Чувашской Республики, награды и медали, поощрения и благодарности вузов, образовательных, научных и общественных организаций.

Коллеги и ученики поздравляют Илшата Сахиятулловича со знаменательным юбилеем и желают ему многих лет творческого вдохновения!

К поздравлениям и теплым пожеланиям присоединяются и члены Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН.

Основные монографические труды И.С. Насипова

Насипов И.С. Сравнительно-историческое исследование системы лексико-тематических групп татарского языка: Монография / Ф.Ф. Гаффарова, И.С. Насипов, Д.Б. Рамазанова. – Уфа: Гилем, 2007. – 296 с. {*I.S. Nasipov. A comparative historical research of lexical-thematic group system of the Tatar language: A Monograph / F.F. Gaffarova, I.S. Nasipov, D.B. Ramazanov. – Ufa: Ghilem, 2007. – 296 p.*}

Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке: Монография. – Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2010. – 228 с. {*I.S. Nasipov. Language contacts in the Volga-Kama region. Mari borrowings in the Tatar language: A Monograph. – Sterlitamak: Zaynab Biisheva Sterlitamak State Pedagogical Academy, 2010. – 228 p.*}

- Насипов И.С.* Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке: Монография. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2009. – 236 с. {*I.S. Nasipov.* An attempt at systematization of Finno-Ugric borrowings in the Tatar language: A Monograph. – Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Academy of Sciences of Tatarstan, 2009. – 236 p.}
- Насипов И.С.* Языковые контакты в Волго-Камье. Мордовские заимствования в татарском языке: Монография. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2013. – 155 с. {*I.S. Nasipov.* Language contacts in the Volga-Kama region. Mordvinic borrowings in the Tatar language: A Monograph. – Tobolsk: D.I. Mendeleyev Tobolsk State Social and Pedagogical Academy, 2013. – 155 p.}
- Насипов И.С.* Языковые контакты в Волго-Камье. Удмуртские заимствования в татарском языке: Монография. – Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2013. – 173 с. {*I.S. Nasipov.* Language contacts in the Volga-Kama region. Udmurt borrowings in the Tatar language: A Monograph. – Ufa: M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, 2013. – 173 p.}
- Насипов И.С.* О соотношении заимствований в татарских диалектах и в литературном языке // Актуальные вопросы татарской диалектологии: Сб. научных трудов / И.С. Насипов, К.С. Садыков, Ф.С. Сайфуллина, Г.Ч. Файзуллина, М.С. Хасанова, И.С. Карабулатова и др. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2013. – С. 3–33. {*I.S. Nasipov.* On the correlation of borrowings in Tatar dialects and in the literary language // Topical issues of Tatar dialectology: A compendium of scientific works / I.S. Nasipov, K.S. Sadykov, F.S. Sayfullina, G.Ch. Fayzullina, M.S. Khasanova, I.S. Karabulatova *et al.* – Tobolsk: D.I. Mendeleyev Tobolsk State Social and Pedagogical Academy, 2013. – PP. 3–33.}
- Насипов И.С.* Татар телендә фин-угор алымалары / Финно-угорские заимствования в татарском языке (§§ 5, 6, 7) // Лексикология татарского языка: В 3-х т. / Рук. проекта М.З. Закиев, редактор Г.Р. Галиуллина. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2016. – Т. 2. – С. 48–69. (на тат. яз.) {*I.S. Nasipov.* Tatar telendä fin-ugor alımları / Finno-Ugric borrowings in the Tatar language (§§ 5, 6, 7) // Lexicology of the Tatar language: In 3 vols. / Project supervisor M.Z. Zakiyev, editor G.R. Galiullina. – Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, 2016. – Vol. 2. – PP. 48–69.} (In Tatar.)
- Насипов И.С.* Гл. 1.2. Изел-Уралда төрки һәм фин-угыр халыктарының тел бәйләнештәре мәсьәләһе / Проблемы языковых контактов тюркских и финно-угорских народов в Урало-Поволжье // Современные научные парадигмы в башкирской и казахской лингвистиках: Коллективная монография / И.С. Насипов, Г.О. Сыздыкова, Л.М. Хусаинова, Г.Н. Ягафарова и др. – Воронеж: «Арт-Принт», 2022. – С. 21–41. (на рус., башкир. и казах. яз.) {*I.S. Nasipov.* Chapter 1.2. İzel-Uralda törki häm fin-ugır xalıqtarının tel bāyläneštäre mäs’älähe / Problems of linguistic contacts of Turkic and Finno-Ugric languages in the Ural-Volga region // Modern scientific paradigms in Bashkir and Kazakh linguistics: A collective monograph / I.S. Nasipov, G.O. Syzdykova, L.M. Khusayinova, G.N. Yagafarova *et al.* – Voronezh: “Art-Print”, 2022. – PP. 21–41.} (In Russian, Bashkir and Kazakh.)
- Насипов И.С.* Финно-угорские заимствования в татарском языке (§§ 5, 6, 7) // Лексикология татарского языка: В 3-х т. / Редкол.: М.З. Закиев, А.К. Булатова, К.М. Миннуллин, О.Р. Хисамов; науч. редактор Г.Р. Галиуллина. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2022. – Т. II. – С. 43–71. {*I.S. Nasipov.* Finno-Ugric borrowings in the Tatar language (§§ 5, 6, 7) // Lexicology of the Tatar language: In 3 vols. / Editorial board: M.Z. Zakiyev, A.K. Bulatova, K.M. Minnullin, O.R. Khisamov; scientific editor G.R. Galiullina. – Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, 2022. – Vol. 2. – PP. 43–71.}

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- З.К. Алжанбекова* (Москва) Фонетические особенности кайтакского диалекта кумыкского языка (экспериментальные данные) 5
- Л.А. Бускунбаева* (Уфа). Вербальные хезитативы в спонтанной речи башкир (на материале диалектных дискурсов) 30
- А.Ш. Ишмухаметова* (Уфа). Наименования лекарственных деревьев в башкирском языке (на материале диалектных дискурсов) 42
- Л.С. Кара-оол* (Кызыл). Лексика традиционных свадебных игр в тувинском языке 56
- А.Н. Майзина* (Горно-Алтайск). Разновидности названий снега в алтайском языке 75
- О.А. Мудрак* (Москва). Терминология тюркских рунических памятников и монгольская лексика 94

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

- Галиуллин А.З.* (Уфа). Художественные особенности изображения образа юродивого в романе-эпопее «Буренушка» Тансулпан Гариповой 104
- Джемилева А.А.* (Симферополь). Изображение этнокультурных обычаев и традиций в рассказе Бекира Чобан-заде «Огъурлы джоллар» («Счастливого пути») 112

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

- Шаропова Н.Б.* (Навои, Узбекистан). История художественного перевода узбекской детской прозы XX века на русский язык 124

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

- Сиразитдинов З.А.* (Уфа). Абдуали Туганбаевич Кайдаров (к 100-летию со дня рождения) 137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кикбаева А.Т., Бурибаева М.А., Шаймерденова М.Д.* (Алматы-Кызылорда, Казахстан). А.С. Аманжолов в зеркале личных имен научного форума «Аманжоловские чтения – 2024» 146

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

- А.В. Дыбо, З.Н. Экба* (Москва). Рецензия на словарь М.Р. Валиевой «Кухонная утварь (названия и значения бытовой посуды на материале диалектов): башкирско-русско-английский словарь» 159

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

<i>А.В. Савельев</i> (Москва). <i>И. В. Кормушин</i> и его вклад в тюркскую рунологию (к 85-летию ученого).....	164
<i>Х.Ч. Алишина</i> (Тюмень). О больших заслугах профессора <i>Хатипа Миннегулова</i> перед тюменской тюркологией (к 85-летию юбилею)	180
<i>З.У. Бекбергенова</i> (Нукус, Узбекистан). Жизнь, посвященная науке и литературе: известной ученой-фольклористу и литературоведу, писателю <i>Сарыгул Бахадыровой</i> 80 лет	190
<i>А.В. Дыбо, З.Н. Эмба</i> (Москва). Лингвист по призванию (к юбилею <i>Алия Ахматовича Чеченова</i>)	197
<i>Х.Ч. Алишина, Р.Р. Замалетдинов, К.М. Миннуллин</i> (Тюмень-Казань). <i>Насипов Илшат Сахиятуллович: жизнь и научно-педагогическая</i> <i>деятельность</i>	205

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>Z.K. Alzhanbekova</i> (Moscow). Phonetic features of the Kaitag dialect of the Kumyk language (preliminary experimental data).....	5
<i>L.A. Buskunbaeva</i> (Ufa). Verbal hesitatives in spontaneous Bashkir speech (based on dialect discourses).....	30
<i>A.Sh. Ishmukhametova</i> (Ufa). Names of medicinal trees in Bashkir language (based on the data of dialect discourses).....	42
<i>L.S. Kara-ool</i> (Kyzyl). Vocabulary of traditional wedding games in the Tuvan language.....	56
<i>A.N. Mayzina</i> (Gorno-Altai). Varieties of snow names in the Altai language.....	75
<i>O.A. Mudrak</i> (Moscow). Turkic runic terminology and Mongolian lexis.....	94

LITERARY AND FOLKLORE STUDIES

<i>A.Kh. Galiullin</i> (Ufa). Artistic features of the image of the holy fool in the epic novel “Burenushka” by Tansulpan Garipova.....	104
<i>A.A. Dzhemileva</i> (Simferopol). Depiction of ethnocultural customs and traditions in Bekir Choban-zade’s novel “Oğurli collar” (“Have a Good Journey!”).....	112

HISTORY OF SCIENCE, DOCUMENTS

<i>N.B. Sharopova</i> (Navoi, Uzbekistan). History of literary translation of Uzbek children’s prose into Russian in the 20 th century.....	124
--	-----

IN MEMORIAM

<i>Z.A. Sirazitdinov</i> (Ufa). Abduali Tuganbaevich Kaydarov (to the 100 th anniversary).....	137
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>A.T. Kikbayeva, M.A. Buribayeva, M.Dzh. Shaymerdenova</i> (Almaty-Kyzylorda, Kazakhstan). A.S. Amanzholov in the mirror of personal names of the scientific forum “Amanzholov readings – 2024”.....	146
--	-----

REVIEWS AND ANNOTATIONS

<i>A.V. Dybo, Z.N. Ekba</i> (Moscow). Review of the dictionary: Valiyeva M.R. Kitchenware (names and meanings of household utensils based on dialect data): Bashkir-Russian-English dictionary.....	159
---	-----

ANNIVERSARIES

- A.V. Savelyev* (Moscow). I.V. Kormushin and his contribution to Turkic runology
(on the occasion of his 85th anniversary)..... 164
- Kh.Ch. Alishina* (Tyumen). About professor Khatip Minnegulov's great contributions
to Tyumen turkology (on the occasion of his 85th anniversary) 180
- Z.U. Bekbergenova* (Nukus, Uzbekistan). A life dedicated to science and literature:
famous folklorist and literary scholar, writer Sarygul Bakhadyrova is 80 years old..... 190
- A.V. Dybo, Z.N. Ekba* (Moscow). Linguist by calling
and philanthropist at heart (on Aliy Akhmatovich Chechenov's anniversary)..... 197
- Kh.Ch. Alishina, R.R. Zamaletdinov, K.M. Minnullin* (Tyumen-Kazan).
Ilshat Sakhiyatulloviich Nasipov: life and scientific and pedagogical activity 205

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Российская тюркология» (РТ) просит авторов присылать свои статьи для публикации на электронный адрес журнала: rosturcology@yandex.ru – с безличным обращением: Уважаемая редакция! При этом просим руководствоваться следующими правилами оформления представляемых в журнал статей; статьи, оформленные без соблюдения этих правил, будут возвращаться без рассмотрения.

Общие положения

Научный журнал «Российская тюркология» печатается 2 раза в год сдвоенными номерами, объемом 10–12 а. л. каждый, т. е. фактически 4 номера в год. С 2020 г. журнал выходит только в электронной версии. Номера журнала доступны на сайте: <http://rosturcology.ru/>. Журнал индексируется в РИНЦ и находится в открытом доступе.

В журнале публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, литературы, фольклора, истории и этнографии тюркских народов. Помимо научных статей, в журнале печатаются рецензии на научные издания, опубликованные за последние 5 лет и относящиеся к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на *русском, английском и турецком* языках. Статьи должны содержать – под личную гарантию авторов – неопубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются.

Текст статьи должен быть тщательно вычитан и проверен носителем русского языка. Статьи, содержащие грубые грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Передавая рукопись в редакцию, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст статьи на интернет-ресурсах до тех пор, пока не будет принято решение о ее публикации в журнале «Российская тюркология».

РТ публикует материалы по следующим рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации

- ◆ Научная жизнь
- ◆ Хроника
- ◆ Памяти ученого
- ◆ Персоналии

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности;
- ◆ проблемности;
- ◆ научной новизны;
- ◆ доказательности;
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материала для публикации.

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят двойное слепое рецензирование, а также проверку на уникальность. Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Небольшие исправления стилистического или формального характера вносятся в текст статьи без согласования с автором; статьи, требующие серьезных исправлений, возвращаются авторам на доработку вместе с замечаниями рецензентов и членов редколлегии.

Возвращение рукописи автору на доработку **не означает**, что статья не принята к печати. Автор должен доработать статью, отметив исправленные части текста желтым цветом и добавив индекс 2 к заголовку, а затем в 10-дневный срок переслать ее обратно в редакцию. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Статьи утверждаются к печати по решению редколлегии, в порядке общей очереди.

Требования к оформлению статьи

Авторский оригинал статьи может быть представлен для публикации в РТ на одном из трех языков – русском, английском или турецком в двух форматах – doc/docx или PDF (для контроля правильности отображения особых знаков).

Статья должна содержать следующие данные:

Код **УДК**, соответствующий тематике статьи или рецензии (указывается автором).

DOI (присваивается редакцией).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру. Он должен кратко и точно отражать содержание статьи или рецензии.

Благодарность или признательность (при необходимости) размещается в виде постраничной сноски к названию статьи и отмечается символом *. Здесь также можно указать информацию о финансовой поддержке исследования. Если статья является публикацией по подготавливаемой кандидатской или докторской диссертации, необходимо указать этот факт, назвать утвержденную тему диссертации, а также фамилию и ученое звание руководителя / консультанта (оформляется в виде сноски к заголовку статьи).

Сведения об авторах содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, их ученые степени и ученые звания, а также должности с указанием места работы. Обязательно указать город и страну. Указывается контактный адрес (e-mail – индивидуальный или рабочий), телефон (для связи с редакцией, в журнале не публикуется). Сведения об авторе (авторах) следует также продублировать на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения. Каждый из авторов должен указать Scopus ID и ORCID (при наличии).

Аннотация (Abstract) на русском и английском языках (не менее 200 слов) должна отражать новизну, цели и задачи, основные методы, а также главные результаты работы. Она не должна содержать ссылки на разделы, цитаты, рисунки или номера цитируемой литературы.

Ключевые слова (Key words) на русском и английском языках (от 5 до 10 слов) используются для поиска читателем статьи в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тематику, объект и предмет исследования.

Текст

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – Times New Roman (12 пт), межстрочный интервал – 1,5 строки, интервал до и после абзаца – 0, абзацный отступ – 0,75 см.

Примеры на национальных языках, а также на русском языке необходимо давать *курсивом*. Если пример оформлен оригинальным шрифтом, этот шрифт должен быть прислан в редакцию вместе со статьей по электронной почте.

Все примеры на национальных языках должны в **обязательном порядке** сопровождаться переводом на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы приводятся прямым шрифтом в марровских кавычках (‘’).

Заголовок набирается прописными буквами с выравниванием по центру, на следующей строке идет фамилия автора (инициалы стоят впереди).

Специальные символы набираются шрифтами, поддерживающими Unicode.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках (напр., [Малов 1951: 430]); в случае необходимости постраничные *сноски* должны вводиться верхним индексом и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу.

Ориентировочный объем статьи – от 0,7 до 1 а. л. (28–40 тыс. знаков с пробелами), включая список литературы, аннотацию и постраничные сноски. Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «Иванов И.И. Статья для РТ».

Иллюстрации

Число рисунков не должно превышать 5.

Они должны быть выполнены на компьютере или черной тушью на белой бумаге с обозначением всех необходимых букв и символов и обязательно упомянуты в тексте.

Размеры рисунков не должны превышать размеры текстового поля.

Рисунки в компьютерном исполнении должны быть внедрены в текст в режиме «Вставка – Объект – Рисунок». Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman (9 пт) и вставляются в режиме «Вставка».

Рисунки, выполненные на бумаге, должны иметь подрисуночные подписи. На обороте каждого рисунка необходимо написать карандашом ФИО автора и № рисунка. Надписи не должны повреждать лицевую часть, при необходимости указать верх рисунка.

Таблицы

Выполняются в режиме «Таблица» редактора Word с заголовками или без них шрифтом 10 пт.

Таблицы должны быть обязательно упомянуты в тексте.

Список литературы

Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные; все набирается шрифтом Arial (9 пт).

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц.

Для отдельных статей в периодических изданиях или сборниках – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии // название журнала (или сборника), место издания, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения.

С 2019 г. введены дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям:

– литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках {} ; также необходимо перевести на английский язык данные о месте и годе издания;

– далее следует литература на национальных языках; она должна содержать перевод на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки, а также указание на язык издания (в круглых скобках);

– литература на иностранных языках (за исключением изданий на английском, немецком и французском языках) дается в списке после литературы на русском и национальных языках и должна быть переведена на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки и также содержать указание на язык издания (в круглых скобках).

В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

Примеры оформления

Благова 1982 – *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М.: Наука, 1982. {*G.F. Blagova. Turkic declension in the light of areal and historical data. – Moscow: Nauka, 1982.*}

Валеев, Тугужекова 2011 – *Валеев Р.М., Тугужекова В.Н.* Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1. – С. 14. {*R.M. Valeyev, V.N. Tuguzhekova. Professor N.F. Katanov and his contribution to ethnography and folk-*

lore studies related to the Turkic peoples of Central Asia // New Tuva Researches. – 2011. – No. 1. – P. 14.}

Əlizadə 1993 – *Əlizadə S.* Əski Azərbaycan yazısı. [*Ализаде С.* Старая азербайджанская письменность.] – Bakı: Bakı Universiteti, 1993. – 142 s. {*S. Alizadeh.* Old Azerbaijani script. – Baku: Baku University, 1993. – 142 p.} (In Azerbaijani.)

Dilçiler 2019 – Türkiye dışındaki türk dünyası türkologları. Dilçiler. [Тюркологи тюркского мира за пределами Турции. Языковеды.] – Ankara: Akçağ, 2019. {The Turkologists of Turkic World (outside Turkey/Türkiye). The Linguists. – Ankara: Akçağ, 2019}. (In Turkish.)

Schönig 1992 – *Schönig Claus.* Analogie als sprachbildende Kraft in den Türksprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. [Аналогия как языкообразующая сила в тюркских языках // История фонетики и лексики тюркских языков. – Wiesbaden, 1995]. (In German.)

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Экба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*